

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ,

изданный под редакціей заслуженнаго профессора А. А. Кочубинскаго.

ОДЕССА.

Типографія Штаба Округа. Тираспольская, № 14.

1898.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ,

изданный подъ редакціей заслуженнаго профессора А. А. Кочубинскаго.

ОДЕССА.

Типографія Штаба Округа. Тираспольская, № 14.

1898.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго
Университета. Ректоръ *О. Н. Шведовъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Часть официальная.

- Репяховъ В. М.**, орд. проф. и. н. у.—Отзывъ въ физико-математическій факультетъ Императорскаго Новороссійскаго университета 1—8
- Казанскій П. Е.**, и. д. эк.-орд. проф. и. н. у. — Отзывъ въ юридическій факультетъ Императорскаго Новороссійскаго университета 9—16
- Каменскій Ф. М.**, эк.-орд. проф. и. н. у.—«Index seminum in Horto Botanico Universitatis Caesariae Novae Rossiae anno 1897 collectorum» 1—10

II. Часть ученая.

- Мандесъ М. И.**, пр.-доц. и. н. у.—«Мессенскія войны и возстановленіе Мессеніи». Исторія и традиція 1—252
- Федоровъ А. Ф.**, орд. проф. и. н. у.—«Прошлое векселя», историко-юридическое изслѣдованіе профес. Императорскаго Новороссійскаго университета И. Табашникова. Одесса, 1891. 253—266
- Тиктинъ Н. И.**, студентъ и. н. у.—«Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 г. и новоуказныхъ статей». Историко-сравнительное изслѣдованіе. 267—486
-

II. ЧАСТЬ УЧЕНАЯ.

Сканирование и обработка

Bewerr

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣлая книга о Мессенскихъ войнахъ—не слишкомъ ли это много?

Признаюсь, я и самъ испугался, видя, какъ разрастается мое изслѣдованіе, задуманное сначала, какъ часть болѣе обширнаго труда. Мнѣ кажется, что вина лежитъ въ самомъ характерѣ метода, которымъ я руководился. Альфа и омега его—филологическій анализъ преданія. Всякій знаетъ, что такой анализъ есть цѣлое море, въ которомъ очень трудно не утонуть. Но онъ есть единственный путь, которымъ можно достигнуть хоть сколько-нибудь опредѣленныхъ результатовъ.

Что дѣлать, я не съумѣлъ сдѣлать своего труда короче. Могу честно сказать, что употребилъ для этого всѣ усилія. Я выбросилъ цѣлыя главы, которыхъ не считалъ безусловно нужными.

Рядомъ съ этимъ кажутся странными приведенныя мною *in extenso* цитаты. Но *μέγα βιβλίον*—не та книга, въ которой много печатныхъ страницъ, а та, прочтеніе которой требуетъ много времени. Съ этой точки зрѣнія цитированіе *in extenso* только сокращаетъ книгу.

Меня, пожалуй, съ удивленіемъ спросятъ, почему въ трудѣ, посвященномъ Мессенскимъ войнамъ, нѣтъ главы объ ихъ хронологіи. Но я не могъ сказать о ней ничего новаго, а повторять то, что уже столько разъ и такъ хорошо сказано, и повторять это только для того, чтобы лишній разъ сказать, что мы ничего не знаемъ и знать не можемъ, —мнѣ показалось излишнимъ.

II

Мнѣ остается еще одна неприятная и одна приятная обязанность: извиниться и поблагодарить. Извиниться въ большомъ количествѣ опечатокъ особенно въ первыхъ четырехъ листахъ, за корректурой которыхъ не слѣдилъ зоркій глазъ Э. Р. фонъ-Штерна, и поблагодарить того же Э. Р. фонъ-Штерна, помогавшаго мнѣ съ начала моего труда и до послѣдней его страницы совѣтомъ и указаніемъ.

Мих. Мандесъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>	<i>Стран.:</i>	<i>Строка:</i>
Mard	Mord	3	1 снизу
perfectum	perfectum	5	17 „
Полифонтomъ	Телефонтомъ	8	12 сверху
Paully	Pauly	8	9 снизу
второй	которой	11	11 „
συμβουλεύειαι	συμβουλεύειαι	18	14 сверху
Thatsacheen	Thatsachen	22	11 снизу
ἀλλὰ	ἀλλὰ	31	6 сверху
G. D. A.	Geschichte des Alter- thums	33	1 и 2 снизу
ἔσων	ἔσων	48	18 снизу
см. экскурсѣ I	см. экскурсѣ	51	1 „
его Павсаній	и Діодоръ и Павсаній	52	6 „
συνάχων	συνάχων	53	7 „
дрались	дрались	58	14 сверху
Моссеняне	Мессеняне	64	8 снизу
слѣдующіиъ	слѣдующимъ	74	9 сверху
томъ	толкъ	78	12 „
оставившихся	оставшихся	82	9 „
Коринѣянъ	Коринѣянъ	103	9 снизу
на	но	108	21 „
Μήδω	Μήδω?	125	4 „
Павзанія	Павсанія	131	4 „
Кекрифалеѣ	Кекрифалеѣ	137	14 сверху
ἀποπέμπουσιν	ἀποπέμπουσιν	145	21 снизу
взглядъ	взглядъ	154	9 „
διέφθειραν	διέφθειραν	155	9 „
practischen	practischen	166	6 сверху
sa	so	172	13 „
года	году	184	15 „
острокизмомъ	остракизмомъ	185	11 „
unmittelber	unmittelbar	186	14 снизу
полагать	полагаетъ	189	21 „

II

des selbstständigkeit	der selbstständigkeit	195	5 сверху
нѣкогда	некогда	201	13 снизу
Ἀσινάτων	*Ἀσινάτων	209	10 сверху
элеутералаконовъ	элеутеролаконовъ	213	19 »
другія	другіе	214	8 »
αὐτε	ὄβτε	216	12 снизу
Лакедемонянь.	Лакедемонянь?	225	1 сверху
φυλακτῆριον.	φυλακτῆριον,	230	11 »
отношенія	отношеній	241	13 »
Милесь	Милеть	246	9 снизу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Глава I. Возвращеніе Кресфонтидовъ	1
Глава II. Преданія о причинахъ войны.	28
Глава III. Сага о первой Мессенской войнѣ.	58
Глава IV. Вторая Мессенская война	85
Глава V. Третья Мессенская война	117
Экскурсъ о числѣ Мессенскихъ войнъ	193
Глава VI. Возстановленіе Мессенскаго государства	196
Экскурсъ. Генеалогія Мессенскихъ царей до Гераклидовъ.	244

Мессенскія войны и возстановленіе Мессеніи.

Исторія и традиція.

Исслѣдованіе *М. Мандеса*.

Г Л А В А I.

Сага о возвращеніи Кресфонтидовъ.

Въ исторіи Мессенско-Лаконской традиціи красной нитью проходитъ одна основная черта, раскрытіе которой составляетъ одну изъ задачъ настоящаго изслѣдованія; эта черта — оправданіе съ одной стороны притязаній Лакедемонянъ на Мессенію, съ другой стороны опроверженіе разсужденій Спартанцевъ со стороны Мессенянъ. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи разсказъ о возвращеніи сына Кресфонта, такъ какъ въ немъ мы можемъ прослѣдить постепенное проникновеніе этихъ тенденцій въ данныя первоначальной саги.

Первымъ, у котораго мы могли бы найти изложеніе интересующаго насъ преданія, былъ бы Эврипидъ, если бы его трагедія «Кресфонтъ» сохранилась. Къ счастью, благодаря довольно значительному количеству отрывковъ ¹⁾ и изложенію Гигина (*fabb.* 137, 184) ²⁾, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о содержаніи этой очень любимой въ древности драмы.

Гигинъ: *Polyphontes Messeniae rex Cresphontem Aristomachi filium cum interfecisset, ejus imperium et Meropem uxorem possedit . . .*

¹⁾ Nauck *Fragmenta tragicorum graecorum*, pag. 497 слл. Welcker *D. Griech. Tragödie* 829 слл.

²⁾ Со времени Шмидта оба разсказа обыкновенно соединяють въ одинъ; что это не вполне вѣрно, будетъ ясно изъ дальнѣйшаго анализа. Мы имѣемъ 2 варианта.

Polyphontes occiso Cresphonte regnum occupavit, filium autem ejus infantem Merope mater quem ex Cresphonte habebat absconse ad hospitem in Aetoliam mandavit. Hunc Polyphontes maxima cum industria quaerebat aurumque pollicebatur si quis eum necasset. Qui postquam ad puberem aetatem venit capit consilium, ut exequatur patris et fratrum mortem.

Остановлюсь, чтобы отмѣтить странное недоразумѣніе. Въ изложеніи обстоятельствъ, предшествующихъ трагедіи, не сказано объ убійствѣ братьевъ мстителя — и вдругъ онъ за нихъ мститъ. Мнѣ представляется, что это служитъ доказательствомъ тому, что мы имѣемъ дѣло не съ короткой *ὑπόθεσις*, а съ изложеніемъ трагедіи въ ея послѣдовательномъ ходѣ. Предшествовавшія обстоятельства изложены по памяти въ общихъ чертахъ (или по суммарному началу пролога? сомнительно); плачъ мщенія начиналъ трагедію, и изложенъ по ней. Въ противность Велькеру я думаю, что прологъ говорить сынъ-мститель, а не тѣнь покойнаго отца.

Itaque venit ad regem Polyphontem aurum petitem, dicens se Cresphontis interfecisse filium et Meropes Telephontem ³⁾ Interim rex eum jussit in hospicio manere, ut amplius de eo perquireret.

Меропа узнаетъ объ этомъ — естественно будетъ предположить здѣсь горячую сцену спора между ней и Полифонтомъ. Сюда я отнесъ бы отрывки, въ которыхъ Меропа обвиняетъ Полифонта въ убійствѣ мужа (и, вѣроятно, дѣтей). Приблизительно такъ: Меропа: «Ты, жестокий, мало тебѣ того, что ты убилъ моего мужа, ты моего послѣдняго сына убилъ». Полифонть: «Но Кресфонть меня самъ убить хотѣлъ». Меропа — frg. 451. На упреки въ убійствѣ сына Полифонть отвѣчаетъ frg. 452. Меропа: frg. 459. Frg. 450 говоритъ Полифонть.

³⁾ Что упоминаніе здѣсь имени сына неумѣстно, кажется ясно. Въдѣ Полифонть же его знаетъ, не знаетъ только читатель; зачѣмъ указаніе et Meropes?—не имѣетъ смысла напирать на это. Ужъ не глоссо-ли это? Дѣло въ томъ, что самое имя невѣрно. Къ словамъ Аристотеля Eth. Nicom. 3, 2 pg. 1111 а 11. *οὐθιστη δ'ἄν τις καὶ τὸν οὖν πολέμιον εἶναι ὡσπερ ἢ Μερῶπῃ* схолиастъ прибавляетъ: *ἔστι παρ'Ἐδριπίδῃ ἐν τῷ Κρεσφόντῃ ἐπιβουλεύουσα Κρεσφόντῃ τῷ υἱῷ δι' ἄγνοϊαν*. Если бы сынъ не былъ Кресфонть, то почему бы такъ называли трагедію? Гипотеза Велькера — есть только гипотеза и недвѣрять, на ея основаніи, свидѣтельству схолиаста мы не имѣемъ никакого права. Объясняется глосса тѣмъ, что имя въ свое время не указано. Откуда взято ложное, не знаю.

Но какъ Полифонтъ, такъ и Меропа, не вполне еще увѣрены въ томъ, что сынъ дѣйствительно убитъ. Въ этомъ ее убѣждаетъ вѣстникъ. Гигинъ продолжаетъ: Qui (сынъ) cum ob lassitudinem obdormisset, senex qui inter matrem et filium internuncius erat flens ad Meropem venit negans eum apud hospitem esse neque comparere. Merope credens eum esse filii sui interfectorem, qui dormiebat, in chalcidicum cum securi venit inscia, ut filium suum interficeret, quem senex cognovit et matrem a scelere retraxit. Сюда относится fgm. 456, на который намекаетъ Аристотель ⁴⁾ Ἐν τῷ Κρησφόντῃ Μερόπῃ μέλλει τὸν υἱὸν ἀποκτείνειν, ἀποκτείνει δ' οὐδ', ἀλλ' ἀνεγνώρισεν. Самое дѣйствіе изображалось на сценѣ. Видѣли Меропу, подымавшую надъ сыномъ топоръ (Plut. Moral. 998 E.). Сюда, вѣроятно, относится frg 457 (Welcker l. l. 835).

Merope postquam vidit occasionem sibi datam esse ab inimico se ulciscendi, redit cum Polyphonte in gratiam. Значитъ, она съ нимъ раньше ссорилась — это даетъ намъ подтвержденіе нашего расположенія фрагментовъ. Теперь она, притворно, конечно, мирится съ Полифонтомъ — и, конечно, съ судьбой. По тону очень сходны съ сценой притворной резигнаціи Аякса въ трагедіи Софокла (645—692) слова Меропы frg. 454, 5, 8. (По Плутарху (Moral. 90 A. 110 D.), однако, можно, кажется, заключить, что она произноситъ ихъ искренно). Frg. 449, кажется, относится къ плачу Меропы, когда она узнаетъ о смерти сына. Хоръ ее утѣшаетъ; на общій характеръ указываетъ ἡμᾶς (Welcker l. l. 832).

Rex laetus cum rem divinam faceret, hospes falso simulavit se hostiam percussisse eumque interfecit patriumque regnum adeptus est.

Итакъ, все разыгрывается гладко. Между тѣмъ фрагментъ 453 возбуждаетъ сильныя недоразумѣнія. Въ немъ говорится объ εἰρήνῃ — въ смыслѣ возлюбленной тишины Ломоносова, — которой Эврипидъ противопоставляетъ τὰν ἐχθρὰν στάσιν τὰν μαυνομέναυ τ' ἔριν θηκτῶ τερομέναυ σιδάρῳ); хоръ боится, что опять будетъ нарушенъ миръ — Εἰρήνα βαδύπλουτος καὶ | καλ-

⁴⁾ Poet. 14 p. 1454 a 5. Хорошо объясняетъ Велькеръ l. l. Merope hielt vermuthlich an den Jüngling ehe sie den tödtlichen streich führte eine etwas längere Anrede, wovon die angeführten Worte die auf seinen feig niedrigen Mard übergingen, den schluss machten.

λίστα μακάρων θεῶν, | ζήλος μοι σέθεν ὡς χρονίζεις | δέδοικα δὲ μὴ
 πρὶν πόνοις | ὑπερβάλῃ με γῆρας πρὶν σὰν χαρίεσσαν ὦραν προσιδεῖν |
 καὶ καλλιχόρους αἰοιδᾶς | φιλοστεφάνους τε κόμους | ἴθι μοι πότνα
 πόλιν | τὰν δ' ἔχθραν στάσιν εἰργ' ἀπόσικων. Я не умѣю приурочить
 этого фрагмента. Въ нашей трагедіи ему мѣсто есть только въ
 видѣ общаго разсужденія. Велькеръ (l. l. 837) предполагаетъ
 вмѣшательство Аркадскаго царя Кипсела, но это вмѣшательство
 во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ политикой⁵⁾.
 Въ псевдо-Цицероновской реторикѣ ad Herennium (II 24) при-
 водятся стихи изъ какой то неизвѣстной трагедіи, гдѣ она —
 неизвѣстная — упрекаетъ его — неизвѣстнаго — (Ribbek fr. III).

Injuria abs te adficior indigna pater ;
 Nam si improbum esse Cresphontem existimaueras,
 Cur me huic locabas nuptiis ? sin est probus
 Cur talem invitam invitum cogis linquere ?

И затѣмъ дается отвѣтъ. Отвѣтъ, очевидно, примѣрный —
 и мы вовсе не имѣемъ права полагать, что онъ взятъ изъ тра-
 гедіи⁶⁾. Можно отвѣтить такъ то, а можно и такъ то, говорить
 авторъ. Вопросъ все таки есть цитата. Но это между прочимъ, а
 важно то, что слова эти никакъ не могутъ относиться къ воз-
 вращенію Кресфонта II — да и вообще это не можетъ относиться
 къ нашей трагедіи. Мужъ говорящей — несомнѣнно Кресфонтъ,
 а не Полифонтъ, далѣе она любитъ его — *invitam linquere*.
 Наконецъ, не можетъ же старикъ желать разлучить дочь теперь,
 чрезъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ. Стихи должны быть изъ дру-
 гой трагедіи, а можетъ быть и придуманы авторомъ — авторъ
 цитаты не указанъ⁷⁾ (Ribbek l. l.).

⁵⁾ εἰρήνη — противопологается στάσις и μαίνομéνα ἔρις. Хоръ просить,
 чтобы боги ее εἰργασίαι ἀπόσικων; στάσις — въ царскомъ домѣ между Полифонтомъ
 и Меропой, другъ друга ненавидящими. Работой Wecklein'a Festschrift
 für L. Ulrichs. Würzburg 1880 я не могъ пользоваться. Что стихи имѣютъ
 отношеніе къ современной возникновенію пьесы жизни Аѳинъ, несомнѣнно.
 cfr. Wilamovitz Hermes XI 302; Anall. Euripid. 175.

⁶⁾ Ribbeck Römische Tragödie 188.

⁷⁾ Очень страннымъ является слѣдующее: Гигинъ въ нашемъ мѣстѣ
 не говоритъ, что Мерона вышла замужъ за Полифонта. Правда, онъ раз-
 сказываетъ это во другомъ фрагментѣ (fab. 137), но тамъ вѣдь и источ-
 никъ можетъ быть другой. Между тѣмъ считать Меропу вдовой заставляють
 насъ фрагменты. ср. 454. τεθνῶσαι παῖδες οὐκ ἐμοὶ μόνῃ βροτῶν — οὐδ' ἀνδρὸς ἑστερῆ
 — μεθ' ἄλλὰ μυσταί, τὸν αὐτὸν ἐξήντησαν ὡς ἐγὼ βίον. Здѣсь весь смыслъ рѣчи

Анализъ пьесы, на которомъ я слишкомъ долго останавливался, проводитъ къ одному весьма для насъ важному результату: Дѣло мести за убійство Кресфонта I есть дѣло чисто личное, семейное; ни какой политической окраски Эврипидъ ему не даетъ. Нѣтъ участія ни Лакедемонянъ ни Аркадянъ: Аркадія позднѣйшихъ версій замѣнена Этоліей. Такъ какъ не могло быть причины окончательно устранять этотъ элементъ, такъ какъ съ самой сущью разсказа несомнѣнно вооруженное вмѣшательство, то мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что существовала версія, совершенно свободная отъ всякой связи съ Лаконіей или Аркадіей — и эта версія древнѣйшая, которую мы знаемъ⁸⁾. Всѣ позднѣйшія свидѣтельства приводятъ возвращеніе въ эту связь.

Въ миоическую связь съ Аркадіей, которая здѣсь замѣняетъ Этолію Эврипида, ставитъ дѣло Николай Дамаскскій (frg. 39 Müller F. N. G. III. 377).

“Ὅτι Κρεσφόντης πάντων ἐβασίλευσεν τῶν στρατιωτῶν, ὃς ἐπειδὴ διένευε τὴν γῆν εἰς ἑ μέρη, μετεμέλησε δ’ αὐτῷ ἐξ ἴσου διελόντι . . . εἰς ὃ συνετέλουν οἱ λοιποὶ. Ταῦτα δὲ μεταβουλεύσάμενος κινεῖν τὰ πράγματα ἐπειράτο, ἐκ μὲν τοῦ εὐπρεποῦς⁹⁾ λέγων ὅπερ καὶ οἱ ἐν Λακεδαίμονι ὅτι οὐ δίκαιον εἶη τῶν ἴσων μετέχειν τοὺς ἐγχωρίους τοῖς Δωριεῦσι. Συνέβη δ’ αὐτῷ πρὸς τ’ ἐκείνους διαβεβλήσθαι καὶ πρὸς τοὺς Δωριέας οἱ καὶ τότε αὐτοῦ ἤχθοντο τῇ βίᾳ οὐκ ἀνεχομένου¹⁰⁾ τὸ ἰσόμοιρον καὶ πάλαι δ’ αὐτῷ προσκερούκεσαν ἄνευ σφῶν συμβαίνοντι τοῖς ἐγχωρίους

указываетъ на вдову; на тоже объясненіе наталкиваетъ perfectum ἐστέρημεθα. Можетъ ли женщина, обращаясь къ своему мужу, говорить: εἰ γὰρ σ’ ἐμελλέν κτείνειν πόσις. Геллій (N. A. VI, 3, 28), какъ указываетъ употребленное имъ выраженіе fratris uxor, едва ли могъ считать Меропу женой Полифонта. Если, такимъ образомъ, Эврипидъ не говоритъ о второмъ бракѣ Меропы, то мы должны предполагать существованіе другого варианта, изъ котораго и заимствовалъ Гигинъ fab. 137.

⁸⁾ Niese (Hermes XXVI 11) предполагаетъ, что преданіе составлено по аналогіи съ мифомъ о мести Ореста. Здѣсь Niese безъ всякаго основанія расширять волюнъ правильное наблюденіе о вліяніи одного преданія на другое (ср. Robert. Bild und Lied 179 п. 28).

⁹⁾ Очевидно, что здѣсь что-то выпущено. Ужъ не говоря о томъ, что мѣн остается безъ отвѣчающаго ему дѣ, самый смыслъ выраженія ἐκ μὲν εὐπρεποῦς требуетъ по крайней мѣрѣ подразумѣваемаго: на самомъ же дѣлѣ и т. д. Отрывокъ крайне испорченъ и эсцериторомъ и переписчиками.

¹⁰⁾ Не ἀνεχόμενοι ли?

καὶ μετὰ ταῦτα τῶν ἴσων αὐτοῖς μεταδιδόντι. Πάντων δὲ μάλιστα ὑφεωρῶντο τὴν μετακόσμησιν τῶν τότε κατεστῶτων πρὸς ἧς ἄμεινον ἠγήσαντο εἶναι ἀνελδόντες αὐτὸν κατὰ χώραν ἀτρεμεῖν. Καὶ ἐποίησαν ταῦτα καὶ Κρεσφόντην μὲν δι' ἐπιβουλῆς ἀπέκτειναν, ταχὺ δὲ καὶ τοὺς υἱεῖς ἤθελον οὓς τότε ὁ μητροπάτωρ ἅμα τῇ θυγατρὶ κυούσῃ θῦειν μέλλων Διὶ ἀκράϊφ ἐς Τραπεζοῦντα μετεπέμψατο. καὶ παρ' αὐτῷ ἔτεκεν ἡ θυγάτηρ Αἴπυτον τὸν τρίτον. Ἐτεχνάσαντο οὖν οἱ φονεῖς ἀφικόμενοι παρὰ Κύφελον ὡς ἂν παραλαβόντες τοὺς Κρεσφόντου παῖδας ἀνέλοιεν, λέγοντες ὅτι ὁ πατὴρ αὐτοὺς εἰς Μεσσήνην μέτεισιν ἱερὰ θῦειν μέλλων εὐκταῖα. Ὁ δὲ Κύφελος τοὺς μὲν δύο ἐξέπεμψεν σὺν αὐτοῖς ἕξαπατηθεῖς, οὓς ἐκεῖνοι κατὰ τὴν ὁδὸν ἀπέκτειναν, τὸν δὲ τρίτον ἄτε νεογενῆ οὐκ ἔδωκε φήσας ἐν σπαργάνοις εἶναι, καὶ οὗτος μὲν παρὰ τῷ μητροπάτορι ἐτρέφετο. . . .

Ὅτι Αἴπυτος ὁ υἱὸς Κρεσφόντου ἐπεβουλεύθη παρὰ τῶν ἐμπρησάντων τὴν αὐτοῦ οἰκίαν καὶ τῆς ἐπιβουλῆς ἀνώτερος γέγονεν. Αὐθις δὲ πάλιν ἐπεβουλεύετο ὑπὸ τοῦ δήμου καὶ αὐτὸς καὶ οἱ ἀπόγονοί καὶ οὐ διελίπον ἀλλήλλοις διαστασιάζοντες ἄχρις ὅτου ὑπὸ Λακεδαιμονίων ἠνδραποδίσθησαν.

Отрывокъ, къ сожалѣнію, не даетъ намъ основанія судить о полномъ разсказѣ Николая. Всѣ наши источники касаются, главнымъ образомъ, возвращенія Кресфонта II—у Николая ничего объ немъ не говорится. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ утверждать, что Николай объ немъ не говорилъ; эксерпторъ имъ не интересовался.

Кто убилъ царя? Казалось бы ясно, что Доряне. На самомъ дѣлѣ, Müller'у это не ясно; онъ взваливаетъ вину на туземцевъ и вставляетъ предъ ὑφεωρῶντο — οἱ ἐγχώριοι. Что вставлять это слово нѣтъ необходимости, ясно само собой — мнѣ думается, что дѣлать этого нельзя. Туземцамъ нѣтъ никакого резона ὑφορᾶσθαι—относиться подозрительно къ перемѣнѣ существующаго порядка: царь прямо заявляетъ, что дѣйствуетъ въ пользу Дорянъ. Подозрѣвать могли только Доряне, за εὐπρεπές общаній видѣть ἀπρεπές намѣреній, и только въ виду этихъ то своихъ подозрѣній они и предпочитаютъ κατὰ χώραν ἀτρεμεῖν — для туземцевъ это было бы вполне естественно, они несомнѣнно остаются въ болѣе выгодномъ положеніи. Въ иномъ случаѣ и говорить о Дорійцахъ Николаю не зачѣмъ было. Вся соль разсказа заключается въ томъ, что царь, желая угодить Дорійцамъ, имъ не угодилъ, что Дорійцы, которымъ предлага-

ють преимущества, боятся Danaos et dona ferentes и предпочитаютъ остаться въ прежнемъ, хоть и худшемъ положеніи, чѣмъ рѣшиться на переменны, которыя обѣщаетъ царь. Риторъ не могъ не быть чувствительнымъ къ этому пикантному сопоставленію. Коньектура Müller'a только затемняетъ смыслъ, — а коньектуры Müller'a очень опасны.

Миллеръ (ad. l.), а за нимъ и другіе смѣло указываютъ на Эфора, какъ на источникъ Николая. Справедливо ли это?

Страбонъ (VIII. 361) рассказываетъ: Ἐφορος δὲ τὸν Κρεσφόντην, ἐπειδὴ εἶλε Μεσσήνην διελεῖν φησιν εἰς πέντε πόλεις αὐτὴν, ὥστε Στενούκλαρον μὲν ἐν τῇ μέσῃ τῆς χ[ώρας ταύτης] κειμένην ἀποδείξει βασιλεῖον αὐτῇ [εἰς δὲ τὰς ἄλλας] βασιλέας πέμψαι, Πύλον καὶ Ῥίον καὶ Μεσόλαν καὶ Ὑαμεῖτιν, ποιήσαντα ἰσονόμους πάντας τοῖς Δωριεῦσι τοὺς Μεσσηνίους. ἀγανακτούντων δὲ τῶν Δωριέων μεταγόντα μόνον τὸν Στενούκλαρον νομίσει πόλιν, εἰς τοῦτον δὲ καὶ τοὺς Δωριέας συναγαγεῖν πάντας.

Опять таки и здѣсь текстъ сильно испорченъ, но основной смыслъ ясенъ. Кресфонтъ раздѣлилъ Мессенію на 5 частей. Стеникларомъ онъ управлялъ лично, въ другіе города послалъ царей. Суть введеннаго имъ устройства очевидно заключается въ томъ, что въ указанныхъ городахъ находились въ одинаковомъ положеніи и Доряне и Мессениане. Переворотъ заключается въ томъ, что всѣ Доряне собраны въ Стеникларъ—и Стеникларъ становится единственнымъ городомъ (въ древнемъ смыслѣ слова), въ остальныхъ городахъ остаются Мессениане и они не имѣютъ правъ города. Такимъ образомъ, здѣсь не столько выигрываютъ Доряне, сколько теряютъ туземцы. Едва ли тотъ же смыслъ и дѣленія страны и переворота у Николая. Но если это сомнительно, то несомнѣнно одно крупное отличіе между обоими разбираемыми свидѣтельствами. Какъ бы мы ни понимали мѣсто Николая, очевидно, что Кресфонтъ не совершилъ своего переворота, и что именно для того, чтобы не пришлось мѣнять мѣсть (κατὰ χώραν ἀτρεμεῖν), его и убили. У Эфора столь же очевидно Кресфонтъ совершилъ свой переворотъ. Мнѣ кажется, что одного этого отличія совершенно достаточно, чтобы не допускать непосредственной зависимости Николая отъ Эфора. Какъ рассказывалъ Эфоръ дальнѣйшую судьбу Кресфонта, да и рассказывалъ ли онъ ее вообще, неизвѣстно.

Δατѣ мы имѣемъ разсказъ о судьбѣ Кресфонта у Аполлодора (Bibliotheca II, 5, 8) Κρεσφόντης οὐ πολὺν Μεσσήνης βασιλεύσας χρόνον μετὰ δύο παίδων φονευθεὶς ἀπέθανε. Πολυφόντης δὲ ἐβασίλευσεν, αὐτῶν τῶν Ἡρακλειδῶν ὑπάρχων, καὶ τὴν τοῦ φονευθέντος γυναῖκα ἄκουσαν Μερόπην ἔλαβεν. ἀνηρέθη δὲ καὶ οὗτος. τρίτον γὰρ ἔχουσα παῖδα Μερόπην καλούμενον Αἴπυτον ἔδωκε τῷ ἑαυτῆς πατρὶ τρέφειν. οὗτος ἀνδρωθεὶς καὶ κρῦφα κατελθὼν ἔκτεινε Πολυφόντην καὶ τὴν πατρίαν βασιλείαν ἀπέλαβεν.

Очевидно, во первыхъ, что источникомъ служить не та версия, которая обработана у Эврипида ¹¹⁾: 1) нѣтъ близкаго родства Полифонта съ Кресфонтомъ, 2) сынъ убитаго называется не Полифонтомъ (какъ у Эврипида, по рукописямъ Гигина) и не Кресфонтомъ (какъ я предположилъ, по свидѣтельствѣ схоластика Аристотеля), а Эпитомъ, 3) Мeroпа жена Полифонта, что, какъ мы видѣли, едва ли можетъ относиться къ Эврипидовской Меропѣ ¹²⁾.

О связи съ источникомъ Николай мы судить не можемъ: событіе у Аполлодора не поставлено и едва ли можетъ быть поставлено въ какое бы то ни было отношеніе къ исторіи внутренней политики Кресфонта. Мы имѣемъ, какъ и у Эврипида, чисто личную драму, свободную отъ всякой политической тенденціи; возвращеніе Эпита не поставлено въ зависимость отъ вооруженной силы кого бы то ни было — онъ возвращается κρῦφα. Нѣтъ даже той прищѣпки, которая была у Николая, указавшаго на аркадское происхожденіе Мeroпы.

Если дѣйствительно, какъ я старался доказать, Аполлодоръ независимъ отъ Эврипида, то мы получаемъ явное доказательство того, что преданіе о возвращеніи Кресфонтида существовало внѣ связи съ разсказомъ о помощи сосѣднихъ народовъ и что Эврипидъ не разорвалъ этой связи.

¹¹⁾ Какъ это утверждаетъ Wentzel у Pauly—Wissowa I, 1046.

¹²⁾ Мы уже установили другую версию того-же преданія у Гигина fab. 137. Конечно, мы слишкомъ мало знаемъ о ней, но то, что мы знаемъ, не представляетъ тѣхъ противорѣчій, которые мы находимъ, сравнивая Аполлодора съ Эврипидомъ. И въ fab. 137 Мeroпа замужемъ за Полифонтомъ, и тамъ не сказано, чтобы Полифонтъ былъ братомъ Кресфонта.—Скорѣе можно заключить противъ этого. Polyphontes... Cresphontem Aristomachi filium cum interfecisset... Въ этой связи было бы конечно сказано такъ или иначе, что они братья.

Въ такоѣ именно связи мы находимъ преданіе у Павсанія (IV. 3, 6) ¹³⁾.

Μεσσηνίων τῶν ἀρχαίων οὐκ ἐγένετο ὑπὸ τῶν Δωριέων ὁ δῆμος ἀνάστατος ἀλλὰ βασιλευσθαί τε συγχωροῦσιν ὑπὸ Κρεσφόντου καὶ ἀναδάσασθαι πρὸς τοὺς Δωριέας τὴν γῆν. ταῦτα δὲ σφίσιν εἶκειν παρίστατο ὑποψία πρὸς τοὺς βασιλεύοντας, ὅτι ἦσαν ἐξ Ἴωλκοῦ τὸ ἀνέκαθεν Μινύαι ¹⁴⁾. γυναῖκα δὲ ἔσχε Κρεσφόντης Μερόπην τὴν Κυψέλου, βασιλεύοντος τότε Ἀρκάδων, ἀφ' ἧς ἄλλοι τε δὴ παῖδες ἐγένοντο αὐτῷ καὶ Αἴπυτος. τὰ δὲ βασιλεία, ἔνθα αὐτὸς καὶ οἱ παῖδες ἐμελλον οἰκῆσειν, φηκοδομήσατο ἐν Στεφυκλήρῳ. τὸ μὲν γὰρ ἀρχαῖον οἱ βασιλεῖς οἱ τε ἄλλοι καὶ ὁ Περιήρησ φηκουν ἐν Ἀνδανία, κτίσαντος δὲ τοῦ Ἀφαρέως Ἀρήνην αὐτῆς Ἀφαρεὺς καὶ οἱ παῖδες ἐνταῦθα φηκησαν· ἐπὶ δὲ Νέστορος καὶ τῶν ἀπογόνων ἐν Πύλῳ τὰ βασιλεία ἦν· Κρεσφόντης δὲ ἐν Στεφυκλήρῳ τὸν βασιλέα οἰκεῖν κατεστήσατο. Διοικούμενον δὲ αὐτὸν τὰ πολλὰ εἰς χάριν τοῦ δήμου μᾶλλον οἱ τὰ χρήματα ἔχοντες αὐτὸν τε Κρεσφόντην ἐπαναστάντες καὶ τοὺς υἱοὺς ἀποκτείνουσι τοὺς λοιποὺς, ὁ δὲ Αἴπυτος, παῖδα γὰρ ἔτι ὄντα ἔτρεφεν αὐτὸν ὁ Κύψελος, περιγίνεται μόνος τοῦ οἴκου, καὶ ὡς ἀνὴρ ἐγένετο, οἱ Ἀρκάδες κατάγουσι αὐτὸν ἐς Μεσσήνην· συγκατήγαγον δὲ καὶ οἱ λοιποὶ βασιλεῖς, οἱ τε Ἀριστοδήμου παῖδες καὶ Ἰσθμῖος ὁ Τημένου. Αἴπυτος δὲ ὡς ἐβασίλευσεν, ἐτιμωρήσατο μὲν τοῦ πατρὸς τοὺς φονέας, ἐτιμωρήσατο δὲ καὶ ὅσοι τοῦ φόνου παραίτιοι καθεστήμεσαν· προσαγόμενος δὲ τοὺς μὲν ἐν τέλει Μεσσηνίων θεραπείαις, ὅσοι δὲ ἦσαν τοῦ δήμου δωρεαῖς, ἐς τοσοῦτο προέβη τιμῆς ὡς καὶ τοὺς ἀπογόνους Αἰπυτιδῶν ἀντὶ Ἡρακλειδῶν κληθῆναι ¹⁵⁾.

¹³⁾ VIII 5, 7 по нашему мѣсту.

¹⁴⁾ Эта форма преданія несомнѣнно въ противорѣчїи со всѣми остальными версіями—и у Павсанія она заимствована изъ особаго источника. Въ 5-й точкѣ той-же главы говорится—ἡ κἀφοδος τῶν Ἡρακλειδῶν... ἐξέβαλε τοὺς Νηλέως ἀπογόνους ἐκ τῆς Μεσσηνίας—и ссылка на прежнее изложение вопроса (II. 18, 8). Ἐκβάλλουσι ἐκ μὲν Λακεδαιμόνος καὶ Ἀργούς Τισαμενόν, ἐκ δὲ τῆς Μεσσηνίας τοὺς Νέστορος ἀπογόνους — слѣдуетъ перечисленіе. Значить царей изгнали Гераклиды, а не Мессеняне. Новый источникъ объясняетъ по версіи IV. 36, 1. (Нелей завоеватель), а не IV, 2, 3. (Нелей—другъ Періара).

¹⁵⁾ Эпить убиваетъ и убійцѣ отца и тоὺς τοῦ φόνου παραίτους. Убилъ отца οἱ τὰ χρήματα ἔχοντες—значить онъ убилъ и хъ всѣхъ. Конечно, Павсаній не желалъ этого сказать—да тогда были бы не понятны οἱ ἐν τέλει, противопологаемые дему. Дѣло объясняется риторическимъ ха-

Приведенное мѣсто становится понятнымъ только при сравненіи его съ приведеннымъ выше разказомъ Николая Дамаскаго и Эфора. Обѣ версіи противоположаютъ 2 элемента — дорійскій и туземный — изъ борьбы этихъ 2-хъ элементовъ и вытекаетъ катастрофа. Убійцами царя, какъ я показалъ, были Доряне. Это и естественно при тенденціозности разказа. Своимъ преступленіемъ Доряне потеряли права на страну — туземцы ихъ никогда не имѣли ¹⁶⁾.

Но рядомъ съ этимъ представленіемъ стоитъ другое: съ самаго начала отношенія между Дорянами и туземцами устанавливаются на началахъ равноправности: эта традиція должна быть выставлена Мессенянами; она объясняется особенностями ихъ исторической жизни; они стоятъ между Дорянами и Аркадянами—въ связи съ Аргосомъ и Аркадіей; имъ нельзя особенно выставлять своего доризма.

Именно изъ этого представленія вытекаетъ разказъ Павсанія. Между Мессенянами ¹⁷⁾ и Дорянами происходитъ соглашеніе. Царемъ становится Кресфонтъ, Доряне получаютъ землю — и съ этой минуты нѣтъ болѣе рѣчи о старо-Мессенянахъ и Дорянахъ; есть одинъ Мессенскій народъ. Факты разказываются тѣже, но въ совершенно новой окраскѣ — очевидно постоянно сохраняя отношеніе къ версіи Николая-Эфора.

Не Доряне недовольны царемъ и не Мессеняне, а *οἱ τῶν χρημάτων ἔχοντες* — т. е. аристократическая партія, и недовольны они имъ за то, что онъ слишкомъ расположенъ къ «народу». Они его и убиваютъ. Это дѣло обыкновенное, какихъ мы знаемъ въ греческой исторіи сотни. Тутъ вовсе не народъ Мессенскій виноватъ, а одна партія, которая и понесла наказаніе — значитъ на Мессеніи не лежитъ преступленія и она правъ на свою свободу не теряла.

ракторомъ изложенія Павсанія, который намъ придется отмѣтить еще не разъ. *Ἐτι μωρήσατο μὲν τοῦ πατρὸς τοὺς φονεῖας ἐτι μωρήσατο δὲ καὶ ὅσοι τοῦ φόνου παρῆντι καθεστήμεσαν. Προσαγοόμενος δὲ τοὺς μὲν ἐν τέλει τῶν Μεσσηνίων θαραπείαις ὄσοι δὲ ἦσαν τοῦ δήμου θωρεαίς.*

¹⁶⁾ Я вовсе не хочу сказать, что разказъ имѣлъ первоначально такое значеніе, мнѣ достаточно доказать, что имъ могли воспользоваться съ такой тенденціей—и что Павсаній съ такой тенденціозной версіей имѣлъ дѣло.

¹⁷⁾ Самое названіе *ἀρχαῖοι Μεσσηνιοὶ* высоко характерно.

Кресфонтъ не совершалъ никакихъ переворотовъ. Версія Эфора говорить о перенесеніи столицы въ Стеникларъ и о сконцентрированіи въ немъ Дорянъ. Это разомъ ставитъ границу между побѣдителями и побѣжденными. Ничуть не бывало, говорятъ Павсаній. Перенесеніе столицы — дѣло въ Мессенской исторіи самое обыкновенное: Періаръ жилъ въ Андани, Афарей перенесъ столицу въ Арену, Несторъ жилъ въ Пилосѣ, а Кресфонтъ основалъ свою столицу въ Стеникларѣ—вотъ и все.

Эпитъ вернулся. Другія версіи рассказываютъ о борьбѣ и смутахъ, послѣдовавшихъ за его возвращеніемъ. Павсаній ничего объ этомъ не знаетъ¹⁸⁾. Наоборотъ, онъ доказываетъ, что Эпитъ восстановилъ полный порядокъ, полное согласіе между партіями. Онъ наказалъ убійцъ отца, примирилъ съ собой τὸς ἐν τέλει—Павсаній противопоставляетъ ихъ τοῖς τοῦ δῆμου, какъ раньше τὸς τὰ χρήματα ἔχοντας, и приобрѣлъ любовь народа. Онъ настоящій основатель Мессенскаго государственнаго порядка, по его имени династія Мессенскихъ царей называется династіей Эпитидовъ¹⁹⁾.

Наконецъ, лаконизирующая версія, какъ мы это сейчасъ же увидимъ, настаиваетъ на томъ, что Лакедемоняне возвратили Эпита на его родной престолъ. Мы сейчасъ же увидимъ, какія разсужденія основываются на этомъ: «Мы привели вамъ вашего законнаго царя, мы унаслѣдовали его власть». На это Павсаній даетъ весьма простой отвѣтъ: «Правда, вы привели Эпита — большое вамъ спасибо за это, но никакихъ правъ вамъ это не даетъ. Мы и сами были рады его возвращенію, а, главное, вы только помогали другимъ привести его въ Мессенію; если вы имѣете права на нашу страну, то такія же имѣютъ

¹⁸⁾ Борьба Антіоха и Андрокла, о второй я въ свое время буду имѣть случай говорить, ровно никакого отношенія сюда не имѣетъ.

¹⁹⁾ Очевидно, здѣсь играетъ роль аналогія Спарты, гдѣ династіи также носятъ названіе не Проклидовъ и Эвристиидовъ, а Агіадовъ и Эврипontiдовъ по имени сыновей основателей. Но по аналогіи должна-бы быть объяснена замѣна именемъ Эпитидовъ имени Кресфонтидаи. У Павсанія Αἰπιτιδαί ἀντὶ Πρακλειδῶν. Едва-ли и это не основано на той-же тенденціи, которая воодушевляетъ весь разсказъ. Гераклиды — это символъ доризма, символъ побѣдителей — это имя несогласно съ равноправіемъ Мессенянъ.

Аргивяне, гораздо большія Аркадяне. Аркадяне привели Эпита—*κατήγαγον*. Аргивяне и Лакедемоняне его только *συγκατήγαγον*.

Очевидно, тенденція Павсаніевскаго отрывка — полемика противъ желанія Спартанцевъ обосновать свои притязанія на Мессенію ссылкой на ея древнѣйшую исторію.

Нигдѣ такъ рѣзко не проявилась это законская тенденція, какъ въ Архидамѣ Исократы. (VI 17 sqq.).

Дѣти Геракла поселились въ Доридѣ. Третьему поколѣнію оракулъ Дельфійскій привазалъ ἐπὶ τὴν πατρῶαν ἰέναι χώραν. σκοπούμενοι δὲ τὴν μαντείαν εὕρισκον Ἄργος μὲν κατ'ἀγχιστείαν αὐτῶν γιγνόμενον, . . . Λακεδαίμονα δὲ κατὰ δόσιν. . . . Μεσσηνίην δὲ δοριάλωτον ληφθείσαν. (Дѣло въ томъ, что Гераклъ убилъ Нелея и его сыновей, а землю его Νέστορι παρακατατίθεται). Ὑπολαβόντες δ'οὕτως ἔχειν τὴν μαντείαν καὶ τοὺς προγόνους τοὺς ὑμετέρους²⁰⁾ παραλαβόντες καὶ στρατόπεδον συστησάμενοι τὴν μὲν ἰδίαν χώραν εἰς τὸ κοινὸν τοῖς συνακολουθοῦσιν ἔδοσαν, τὴν δὲ βασιλείαν²¹⁾ ἐξαιρέτον αὐτοῖς παρ'ἐκείνων ἔλαβον· ἐπὶ δὲ τούτοις πίστει ἀλλήλοισι δόντες ἐποιούντο τὴν στρατείαν²²⁾. . . . πολέμῳ δὲ κρατήσαντες. . . . τριχῆ διείλοντο τὰς βασιλείας. ὑμεῖς²³⁾ μὲν μέχρι ταυτησὶ τῆς ἡμέρας ἐμμένετε ταῖς συνθήκαις καὶ τοῖς ἔρκοις, οὓς ἐποίησασθε πρὸς τοὺς προγόνους τοὺς ὑμετέρους. . . . Μεσσηνίῳ δ'εἰς τοῦτ'ἀσεβείας ἦλθον, ὥστ'ἐπιβουλεύσαντες ἀπέκτειναν Κρεσφόντην τὸν οἰκιστὴν μὲν τῆς πόλεως, κύριον δὲ τῆς χώρας, ἔχγονον δ'Ἡρακλέους, αὐτῶν δ'ἡγεμόνα γεγεννημένον· διαφυγόντες δ'οἱ παῖδες αὐτοῦ τοὺς κινδύνους ἰκέται κατέστησαν ταυτησὶ τῆς πόλεως, ἀξιοῦντες βοηθεῖν τῷ τεθνεῶτι, καὶ τὴν χώραν διδόντες ἡμῖν. ἐπερόμενοι δὲ τὸν θεὸν ἀγκείνου προστάξαντος δέχεσθαι ταῦτα καὶ τιμωρεῖν τοῖς ἡδικημένοις, ἐκπολιορκήσαντες Μεσσηνίους οὕτως ἐκτήσασθε τὴν χώραν. . . . οἶμαι πᾶσι φανερόν εἶναι διότι τὴν ὁμολογουμένην ἡμετέραν εἶναι χώραν οὐδὲν διαφερόντως τυγχάνομεν κερτημένοι ἢ τὴν ἀμφισβητουμένην. ταύτην τε γὰρ οἰκοῦμεν δόντων μὲν Ἡρακλειδῶν,

²⁰⁾ Вашихъ, какъ представителей дорянъ; неясность не безъ пѣли.

²¹⁾ Само собой понятно χώραν.

²²⁾ Считаю нужнымъ подчеркнуть, что договоръ происходитъ до похода. ἔδοσαν и ἔλαβον — значитъ обѣщали дать и получили обѣщаніе получить.

²³⁾ Недоразумѣнія благодаря прежнему ὑμέτερον быть не можетъ; отъ него ὑμεῖς защищено противоположеніемъ Μεσσηνίῳ δὲ и предшествующимъ τριχῆ κτλ.

ἀνελόντος δὲ τοῦ θεοῦ, πολέμῳ δὲ κρατήσαντες τοὺς ἔχοντας, ἐκείνην τ' ἐλάβομεν παρὰ τῶν αὐτῶν καὶ τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ ταῖς μαντεῖαις χρησάμενοι ταῖς αὐταῖς. . . . εἰ μῆδεις ἂν ὑμῶν ἀξιώσει ζῆν ἀποστερούμενος τῆς πατρίδος, προσήκει καὶ περὶ ἐκείνης τὴν αὐτὴν ὑμᾶς γνώμην ἔχειν. τὰ γὰρ αὐτὰ δικαίωματα καὶ τοὺς αὐτοὺς λόγους περὶ ἀμφοτέρων αὐτῶν ἔχομεν εἰπεῖν.

Основной элементъ той версии, которую мы имѣемъ у Исократъ, есть клятва, которою обѣнялись Гераклиды и Дорие. Сущность ея вполне ясна. Цари обѣщаютъ дать τὴν ἰδίαν χώραν народу, народъ обѣщаетъ предоставить царямъ τὴν βασιλείαν. Это (ἐπὶ δὲ τούτοις) подтверждается клятвой. Лакедемоняне сдержали свою клятву — т. е. не отняли у царей ихъ землю, Мессеняне, — изъ противоположенія должно вытекать — нарушили свою клятву и, значить, отняли у царей землю. Но сказано совершенно не то. Мессеняне дошли до того, что убили цари. Это конечно большая ἀσέβεια, но вовсе не клятвопреступленіе ²⁴⁾, ибо они не клялись въ вѣрности царямъ. Это первое противорѣчіе можно бы, пожалуй, до извѣстной степени затушевать, сдѣлавъ особое удареніе на ἀπέχτειναν и понимая: Мессеняне дошли до того, что не то, чтобы землю отняли, а убили Кресфонта.

Но это не исправить дѣла. Исократу нужно оправдать права Лаконянъ на Мессенскую землю. Для этого онъ указываетъ на то, что они получили ее отъ Эпита; такое указаніе было бы конечно резонно въ томъ случаѣ, если бы Эпитъ самъ на нее имѣлъ права. Исократъ это и утверждаетъ: Кресфонтъ, отецъ Эпита былъ κύριος τῆς χώρας. Но дѣло то въ томъ, что въ силу клятвы онъ именно не былъ κύριος всей земли, а только (бывшей) царской, и, значить, Эпитъ, въ лучшемъ случаѣ, могъ уступить Лакедемонянамъ право на эту часть земли.

Исократу нужно было указать на вѣроломство Мессенянъ — для этого ему, понятно, нужна была клятва. Такъ какъ указанное имъ клятвопреступленіе не является нарушеніемъ той клятвы, которую онъ приводитъ, такъ какъ послѣдняя не обосновываетъ тѣхъ положеній, которыя онъ желаетъ ею обос-

²⁴⁾ Или, выражаясь точнѣе, клятвопреступленіе то, пожалуй, есть, но важно для насъ то, что преступлена не та клятва, о которой у насъ идетъ рѣчь.

новать, то, несомнѣнно, она не придумана имъ, а дана ему въ традиціи именно въ томъ видѣ, въ какомъ она имъ передана ²⁵).

Наоборотъ, рѣшительно ничего традиціоннаго нѣтъ въ рассказѣ о томъ, что, услышавъ предложеніе Эпита, Спартанцы отправились спросить совѣта у бога. Это очевидно, введено для того, чтобы 1) выставить въ особенно выгодномъ свѣтѣ εὐσεβεία Спартанцевъ въ противоположность безбожнымъ Мессенянамъ 2) выиграть новое звено въ цѣпи параллелизацій, выставленныхъ ораторомъ ²⁶).

Искать историческихъ источниковъ Исократу было бы совершенно напрасно. Какъ и всѣ аттическіе ораторы, онъ человѣкъ «въ историческомъ отношеніи совершенно беззаботный». Лучшей характеристикой исторической небрежности Исократу можетъ послужить слѣдующій примѣръ, указанный Блассомъ ²⁷).

Исократъ смѣшиваетъ завоеваніе Мессеніи, послѣдовавшее по приглашенію Эпита, съ окончательнымъ ея завоеваніемъ, относимымъ всѣмъ преданіемъ единогласно къ гораздо болѣе позднему времени. Такимъ образомъ, по его взгляду, завоеваніе Мессеніи относится къ времени, на одно поколѣніе отстоящему отъ возвращенія Гераклидовъ. И вотъ Исократъ въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи (VII. 12) говоритъ о 700-лѣтнемъ существованіи Спартанско-дорійскаго государства, а двумя страничками дальше (I. I. 27) говоритъ о томъ, что Мессенія уже больше 400 лѣтъ принадлежитъ Спартанцамъ—и онъ вовсе не думаетъ прятаться за свое «больше», такъ какъ 2 строчками ниже говоритъ прямо о 400-лѣтнемъ владѣніи Мессеніей.

Итакъ, мы, конечно, не будемъ искать исторической основы рассказа Исократу. Онъ рассказываетъ факты по воспомина-

²⁵) Клятва самостоятельна отъ остальнаго рассказа, она не только для него не обязательна, но съ нимъ даже несогласна; безъ клятвы царь дѣйствительно являлся-бы *κέρως* всей страны, какъ доставшейся ему въ качествѣ Гераклида; онъ ее далъ, онъ ее и взялъ.

²⁶) Насильственность этой третьей параллели становится ясной уже изъ ея неудачности. Гераклидамъ Богъ приказываетъ ἐπι τῆν πατρίαν ἵεναι χόραν — и вся суть въ томъ, что она πατρία, а здѣсь онъ позволяетъ пойти въ чужую землю и завоевать ее. Впрочемъ и остальные параллели мнѣ кажутся не совсѣмъ ясными.

²⁷) Attische Beredsamkeit Abth. II 268.

нію, не особенно отчетливому ²⁸⁾, какъ всякій изъ насъ (не въ специальномъ, конечно, трудѣ) цитуетъ факты исторіи, самъ не будучи въ состояніи указать источника, изъ котораго онъ ихъ заимствовалъ. Есть извѣстная сумма фактовъ, находящихся въ распоряженіи каждаго образованнаго человѣка и прочно лежащихъ въ его сознаніи, какъ результатъ всего, что ему приходится читать, чему ему приходится учиться.

Вмѣсто этого безусловно необходимо выяснитъ себѣ тенденцію разсказа, а для этого прежде всего освоимся съ ситуаціей лица, которое заставляетъ говорить ораторъ, а также съ историческими обстоятельствами эпохи.

Въ 366 году въ исторіи участія Аѳинъ въ Фиванско-Лаконской распрѣ происходитъ переломъ. Аѳиняне потеряли Оропъ, крайне для нихъ необходимый приморскій пунктъ — и справедливо могли негодовать на безучастіе своихъ Пелопонесскихъ союзниковъ ²⁹⁾. Не мало было и раньше въ Аѳинахъ элементовъ, которые желали расторгенія союза съ Лакедемонянами; теперь они подняли голову. Но рядомъ съ ними была партія, упорно стоявшая за Спарту. Когда въ Аѳины явились послы отъ враждебныхъ Спартѣ Аркадянъ съ просьбой о союзѣ, союзъ этотъ былъ охотно принятъ, но были и такіе, которыхъ совѣтъ говорила противъ союза съ врагами союзнаго государства, и чувство ихъ приходилось менажировать. τὸ μὲν πρῶτον ἔδυσχέρανόν τις τῶν Ἀθηναίων τὸ Λακεδαιμονίοις ὄντας φίλους γενέσθαι τοῖς ἐναντίοις αὐτῶν συμμαχοῦς. (Xenoph. Hell. VII. 4. 2). Но цепетильность этихъ господъ была успокоена; имъ показали, — не то, что Аѳиняне вправѣ итти противъ Лакедемонянъ — какъ очевидно думала антилаконская партія — а что союзъ съ Аркадянами въ интересахъ самихъ Лакедемонянъ: ἐπειδὴ δὲ λογίζομενοι ἠῆρισχον οὐδὲν μείον Λακεδαιμονίοις ἢ σφισιν ἀγαθὸν τὸ Ἀρχάδας μὴ προσδεῖσθαι Θηβαίων, οὕτω δὲ προσεδέχοντο τὴν τῶν Ἀρχάδων συμμαχίαν. (I. I.).

Вслѣдъ затѣмъ возникаетъ вопросъ относительно Коринѳа. Мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что именно имѣли въ

²⁸⁾ Этой неотчетливостью я объяснилъ-бы дѣтей Кресфонта: все преданіе говорить о томъ, что спася только одинъ Эптъ.

²⁹⁾ См. E. v. Stern Geschichte der Spartanischen und Thebanischen Hegemonie vom Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea. Dorpat 1884. pg. 213 и passim. Xenophon. Hellenica VII. 4.

виду Аеиняне, но нужно установить, что съ одной стороны, Аеиняне поступаютъ самымъ осторожнымъ образомъ, не объявляя войны Коринѳу, съ другой, и Коринѳяне официально не считаютъ дѣйствій Аеинянъ враждебными.

Εἰπόντος δὲ Δημοσίωνος ἐν τῷ δήμῳ τῶν Ἀθηναίων ὡς ἡ μὲν πρὸς τοὺς Ἀρκάδας φιλία καλῶς αὐτῷ δοκοίη πράττεσθαι, τοῖς μένοι στρατηγοῖς προστάξαι ἔφη χρῆναι ὅπως καὶ Κόρινθος σφῶς εἴη τῷ δήμῳ τῶν Ἀθηναίων³⁰). ἀκούσαντες δὲ ταῦτα οἱ Κορίνθιοι, ταχῶς³¹) πέμψαντες ἱκανοὺς φρουροὺς ἑαυτῶν πάντοσε, ὅπου Ἀθηναῖοι ἐφφούρου, εἶπον αὐτοῖς ἀπίεσαι, ὡς οὐδὲν ἔτι δεόμενοι φρουρῶν. οἱ δ' ἐπέθαντο. ὡς δὲ συνῆλθον οἱ ἐκ τῶν φρουρῶν Ἀθηναῖοι εἰς τὴν πόλιν, ἐκήρυξαν οἱ Κορίνθιοι, εἴ τις ἀδικοῖτο Ἀθηναίων, ἀπογράφεσθαι, ὡς ληφομένων τὰ δίκαια³²). οὕτω δὲ τούτων ἐχόρων Χάρης ἀφικνεῖται

³⁰) Сопоставленіе порученія относительно Коринѳа съ похвалой союзу съ Аркадіей показываетъ, что обѣ мѣры понимаются какъ дѣйствія одного характера, направленные къ одной цѣли. Такъ какъ союзъ заключенъ, конечно, по настоянію анти-лаконской партіи, то ясно, что отъ нея исходить и предложеніе Демотіона. Впрочемъ, это ясно будетъ и изъ страха, который оно внушаетъ Коринѳянамъ. Самая формулировка предложенія крайне двусмысленна, пожалуй, прямо іезуитская. Вѣроятно, она автентична — формула взята изъ самой псефизмы. Стратегамъ даны неясныя полномочія. Мы находимся въ порѣ анти-ѳиванскихъ разговоровъ. Оронская обида очень свѣжа. Когда говорить о томъ, чтобы городъ, находящійся во враждѣ съ ѳиванцами былъ сфῶς — хотя-бы и τῷ δήμῳ, то конечно желаютъ, что-бы тѣ, кому вѣдать не надлежитъ, понимали обезпеченіе отъ ѳиванцевъ. А вѣдать не надлежитъ спартански настроеннымъ Аеинянамъ и Коринѳянамъ. Если тѣ поняли въ чемъ дѣло, то, очевидно, не столько потому, что было сказано, сколько потому, *къ*мъ оно было сказано. Двусмысленность была выгодна еще въ одномъ отношеніи. Если-бы попытка захватить Коринѳ (если она имѣлось въ виду) удалась, это fait accompli, во первыхъ, во вторыхъ, если это вызоветъ недовольство, можно вину свалить на стратеговъ, въ третьихъ, возможно удерживать городъ подъ видомъ охраны отъ ѳиванцевъ; въ случаѣ неудачи можно всегда говорить, что захватъ и не имѣлся въ виду.

³¹) Ταχῶς — для того, чтобы гарнизоны не узнали о рѣшеніи, или чтобы посѣять раньше прихода стратеговъ. Очевидно, у Коринѳянъ есть въ Аеинахъ друзья, которые имъ сейчасъ же сообщаютъ все, что ихъ касается.

³²) Тутъ дѣло, очевидно, тонкой политики. Нужно установить, что расстаются полными друзьями, что Аеиняне не прогнаны, а ушли, повѣривъ Коринѳянамъ, которые также къ нимъ не питаютъ никакихъ дурныхъ чувствъ.

μετὰ ναυτικοῦ πρὸς Κεγχρείας³³). ἐπεὶ δ' ἔγνω τὰ πεπραγμένα, ἔλεξεν ὅτι ἀκούσας ἐπιβουλεύεσθαι τῇ πόλει βοηθῶν παρείη. οἱ δ' ἑπαινήσαντες αὐτὸν οὐδέν τι μᾶλλον ἐδέχοντο τὰς ναῦς εἰς τὸν λιμένα, ἀλλ' ἀποπλεῖν ἐκέλευον³⁴).

Итакъ, обѣ стороны старательно соблюдаютъ всѣ вышнія приличія — миръ да и только. Коринѳяне не хотятъ пригласить (не пустить, вѣдь Харесъ этого не требовалъ, а именно пригласить) Аѳинянъ къ себѣ въ гавань — и не надо. Харесъ уѣзжаетъ. Это, конечно, не говорить о томъ, что сдѣлали бы Аѳиняне, если бы они проникли въ городъ, но ясно одно: пуще всего избѣгаютъ насилія.

Очевидно, въ Аѳинахъ есть люди, которые требуютъ, настоятельно требуютъ, чтобы не забывали одного: мы въ наилучшихъ отношеніяхъ со Спартой. Но Коринѳяне отлично (можетъ быть, даже слишкомъ хорошо) знаютъ, въ чемъ дѣло. Въ Аѳинахъ есть сильная партія, враждебно противъ нихъ настроенная. Лакедемоняне слишкомъ слабы, а подозрительная помощь Аѳинянъ, которыхъ они теперь только что отослали, для нихъ недоступна. Имъ приходится вести войну съ Фиванцами своими собственными силами, а силъ для этого у нихъ нѣтъ. Имъ нуженъ, нуженъ во что бы то ни стало, миръ. И вотъ ради этого мира они отправляются въ Спарту, (предварительно снесясь съ Фиванцами). «Господа», говорятъ они, «одно изъ трехъ: или помогите намъ, и дайте намъ возможность продолжать войну, или заключите отъ имени союза миръ съ Фиванцами, или, наконецъ, позвольте намъ заключить съ ними отдѣльный миръ. Намъ самимъ продолжать войну не въ моготу. Посмотримъ, какъ долженъ былъ отнестись къ такому заявленію лаконски

³³) И опять таки не сказано, что онъ пришелъ во исполненіе псефизмы Демотіона. Пожалуй, не лишено основанія предположеніе Лахмана Geschichte Griechenlands vom Ende des Peloponnesischen Kriegs bis zum Regierungsantritt Alexanders des Grossen. Leipzig 1854. I. 403 о томъ, что Харесъ выѣхалъ только съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать роспуску Аѳинскихъ гарнизоновъ, и что только ведавѣріе, которое вообще питали къ политикѣ Аѳинъ, а не специальное ψήφισμα или преднамѣренное насиліе послужили причиной описываемыхъ событій — предположеніе, противъ котораго возстаютъ Штернь (I. I 211).

³⁴) Страненъ отвѣтъ Хареса: «я пришелъ, потому что слышалъ, что противъ васъ умышляютъ зло». На это отвѣтъ ясный: «На насъ не умышляютъ, а потому не трудитесь здѣсь оставаться; съ Богомъ!»

настроенный Аэинянинъ. Допустимъ, что Лаконяне заключать миръ. Это, во первыхъ, полное поражение Лакедемонянъ— въ немъ заговорятъ его лакедемонскія симпатіи. Во вторыхъ, это полное торжество Θиванцевъ. Аэиняне останутся одни, безъ союзниковъ — и прощай мечты о союзѣ, прощай Оропъ! Понятно, что нашъ Аэинянинъ долженъ высказаться противъ мира — въ немъ заговорить его аэинскій патріотизмъ.

Перенесемъ въ Спарту. Вопросъ о мирѣ есть вопросъ о Мессеніи. Спартянцы прямо заявляютъ, что цѣной пожертвованія Мессеніей они мира не примутъ. (Hell. VII. 4, 9).—*ἔφασαν πολεροῦντες πράξειν ἔτι ἂν τῷ θεῷ φίλον ἦ, ὑφίσεσθαι δὲ οὐδέποτε, ἦν παρὰ τῶν πατέρων παρέλαβον Μεσσήνην, ταύτης στερηθῆναι.* Союзники, очевидно, должны были умалить значеніе Мессеніи — (Isocr. VI. 11) *λίαν προθύμως οἱ σύμμαχοι συμβεβουλεύκασιν ὑμῖν ὡς χρὴ Μεσσήνην ἀφέντας ποιήσασθαι τὴν εἰρήνην.*

Аэинскій лаконофилъ въ борьбѣ противъ идеи мира, конечно, долженъ былъ настаивать именно на этомъ кардинальномъ пунктѣ, настаивать на необходимости сохранить Мессенію.

И въ Спартѣ должны были раздаваться голоса, указывавшіе на то, что и безъ Мессеніи можно существовать—слишкомъ сильно было желаніе мира. Но въ той же Спартѣ есть партія, которая утверждаетъ, что безъ Мессеніи не стоитъ, не должно существовать, что потеря Мессеніи есть потеря національнаго достоинства (ibid. 12): *τὴν γὰρ δόξαν, ἣν ἡμῖν οἱ πρόγονοι μετὰ πολλῶν κινδύνων ἐν ἑπτακασίαις ἔτεσι κτησάμενοι κατέλιπον, ταύτην ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ πείθουσι (οἱ σύμμαχοι) ὑμᾶς ἀποβαλεῖν, ἥς οὐτ' ἀπρεπεστέρα τῇ Λακεδαιμονίᾳ συμφορὰν οὔτε δεινότεραν οὐδέποτε ἂν εὐρεῖν ἠδυνήθησαν.* Эта партія и дала благородный отвѣтъ, переданный Ксенофонтомъ. Отъ лица представителя этой партіи— молодого царя Архидама—говоритъ Исократъ—нашъ лаконофильствующій Аэинянинъ. Понятно, что онъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы показать, что Мессенія столько же Спартянская земля, сколько сама Лаконія—*εἰ μηδεὶς ἂν ὑμῶν ἀξιώσκει ζῆν ἀποστερούμενος τῆς πατρίδος, προσήκει καὶ περὶ ἐκείνης τὴν αὐτὴν ὑμᾶς γνώμην ἔχειν.* Нужно было показать древность, святость, нерушимость правъ Спартянцевъ на Мессенію. По складу греческаго ума здѣсь наибольшее вліяніе должны были имѣть историко-миѳологическія доказательства. Эта именно эпоха, подъ вліяніемъ именно этихъ обстоятельствъ должна была

вызвать ту версію мѣа о Кресфонтѣ, разборъ которой занялъ у насъ столько мѣста ³⁵).

Итакъ, тенденція Исократовской версіи преданія для насъ ясна. Нужно доказать, что Спартацы вправдѣ были завоевать Мессенію. Вернемся къ изученію Павсаніевской версіи, которая, какъ мы видѣли, имѣетъ полемическій характеръ, и которой главная отличительная особенность заключается въ томъ выдающемся значеніи, которое она приписываетъ Аркадянамъ.

Связь между Мессеніей и Аркадіей тѣсная и исходная — мы будемъ не разъ въ теченіи нашего изслѣдованія считаться съ этимъ фактомъ. Но связь эта высказывается особенно ярко въ тотъ періодъ, о которомъ мы говорили только что — въ періодъ возвышенія Эивъ, когда Аркадянамъ, преодолевъ значительныя затрудненія, удалось образовать единое государство. По приглашенію Аркадянъ Эпаминондъ вторгается въ Пелопоннесъ. Происходитъ извѣстная осада Спарты, отступление Эиванцевъ и основаніе Мессены. По свидѣтельству Павсанія (IV 26. 5) Эиванцы сейчасъ же послѣ битвы при Левктрахъ (371а. Ch. п.) приглашаютъ Мессенянъ вернуться на родину. Тогда дѣло не стояло бы ни въ какой связи съ началомъ Аркадскаго движенія. Но разсужденія Штерна (I. I. 168. 168) съ достаточной ясностью показали, что дѣло было не такъ.

Какъ бы то ни было, Эпаминондъ основываетъ новый городъ Мессену, и основаніе возлагается на Аркадянъ, Аргивянъ — вообще на Пелопоннесскихъ союзниковъ Эивъ. Дѣло поставлено на строгорелигіозную почву. Масса оракуловъ, сновъ — однимъ словомъ пущенъ въ ходъ весь арсеналъ греческой религіи. Эпаминондъ ставитъ дѣло именно такъ, что основателями являются

³⁵) Интересный, но едва ли разрѣшимый вопросъ представляетъ литературная сторона дѣла. Мы имѣемъ извѣстія о томъ, что извѣстный соперникъ Исократа, Алкидамъ написалъ *Μεσσηνιακός*, который обсуждалъ вопросъ съ противоположной точки зрѣнія. Какая изъ этихъ двухъ рѣчей послужила причиной, вызвавшей появленіе другой, нельзя сказать. (Но, такъ какъ изъ предъидущаго анализа ясно до извѣстной степени, что рѣчь Исократа написана по свѣжимъ слѣдамъ факта, то нужно, кажется, предположить, что она раньше). Алкидамъ также придерживается фикціи рѣчи, обращенной къ Спартацамъ (къмъ?) и убѣждаетъ освободить Мессенянъ — *ἐλευθέρους ἀφ᾽ ἧκε πάντας θεός. οὐδένα δοῦλον ἢ φύσις πεποίηκε* ср. Blass. I. I. 322. Keil Anall. Isocrat. 6.

союзники, а не одинъ онъ (очевидно за тѣмъ, чтобы на всѣхъ возложить нравственную отвѣтственность за дальнѣйшую судьбу предпріятія). Аркадяне доставляютъ жертвенныхъ животныхъ и приносятъ жертвы мѣстнымъ богамъ ³⁶⁾.

Аркадяне были для Мессенянъ всего важнѣй, съ ними ихъ связывали давнія воспоминанія. Въ это-то время, когда Аркадяне были въ числѣ приведенныхъ Мессенянъ на родину, должна была и сложиться версія о преимущественномъ ихъ участіи въ возвращеніи Эпита. Событіе современной исторіи проектировано было въ древность. Участіе Лакедемонянъ объясняется полемикой противъ Лаконской версіи, несомнѣнно предшествующей версіи Павсанія. Можно въ одномъ слабомъ слѣдѣ видѣть еще, что Лакедемоняне первоначально чужды версіи; видны еще слѣды соединенія двухъ версій. Павсаній говоритъ, что сы на Кресфонта вернули Истмій, сы нъ Темена, и дѣти Аристодема. Мы много разъ будемъ видѣть, какъ считаютъ генеалоги по поколѣніямъ. Если бы версія была цѣльная, то были бы не дѣти, а внуки Аристодема, такъ какъ они составляютъ второе поколѣніе въ Спартѣ. Аристодемъ, по преданію, умеръ до завоеванія.

Подведемъ итоги. Существуетъ преданіе о томъ, что царь Кресфонтъ убитъ, и что сынъ его отмстилъ за его смерть. Правда, это преданіе очень похоже на преданіе о мести Ореста, но это нисколько не говоритъ противъ его самостоятельности. Какъ бы мы ни понимали процессъ образованія мифовъ, всякая теорія приведетъ насъ къ необходимости предполагать, что каждый мифъ долженъ существовать въ массѣ вариантовъ—противъ этой необходимости не будетъ возражать и теорія Низе, отрицающая вообще мифъ.

Въ мифѣ нашемъ нѣтъ ни слѣда вмѣшательства какого нибудь посторонняго народа въ дѣла Мессеніи — что, пожалуй, и ясно, такъ какъ самый мифъ первоначально вѣтъ связи съ Мессеніей. Въ такомъ видѣ намъ его сообщаютъ два независимые другъ отъ друга разсказа — Эврипида и Аполлодора. Но есть и третья версія, которая связываетъ Кресфонтиду съ Аркадіей. Эта связь служитъ толчкомъ дальнѣйшему развитію преданія. Образуется Лаконская версія, которая и самой исторіей убійства

³⁶⁾ Подробное выясненіе этого вопроса см. въ главѣ «Возстановленіе Мессеніи».

Кресфонта и вмѣшательствомъ Лаконянъ — версія Исократъ — старается объяснить права Лаконянъ на Мессенію. Эта версія либо образовалась, либо, во всякомъ случаѣ, развилась во время Оиванской гегемоніи. Существуетъ другая версія, которая, основываясь на мифической связи Мессеніи и Аркадіи, на участіи царя Трапезунтскаго Кинсела въ мифѣ о возвращеніи Кресфонта, на существованіи Эпитидовъ въ Аркадіи и т. п., приписываетъ возвращеніе Кресфонта Аркадянамъ; она составила нѣсколько позже первой. Была ли она съ самого начала направлена противъ притязаній Спартянцевъ — что всего вѣроятнѣй, — или политическій характеръ получила позже — вѣрно, что въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ преданіе у Павсанія, она имѣетъ цѣлью полемику противъ Спарты ³⁷). Она вытекаетъ изъ политической литературы времени Исократъ, времени политическихъ памфлетовъ и рѣчей. Мы слишкомъ мало знаемъ о буряхъ, которые волновали политическую и литературную жизнь тогдашней Греціи, чтобы указать ближе источникъ. Что борьба была, мы знаемъ хорошо. Алкидамъ только иллюстрація. Подобнаго рода источникомъ объясняется реторика Павсанія ³⁸).

Въ отрицательной своей части выводы моей работы сходятся съ выводами Niese, *Die älteste geschichte Messeniens*

³⁷) Версія Павсанія имѣетъ и другую сторону. Существуетъ Спартянская попытка объяснить паденіе Мессеніи виной населявшихъ ее Дорянъ—она сохранилась у Николая. Версія Павсанія и показываетъ, что въ убійствѣ Кресфонта нѣтъ вины народа, и что она не даетъ Лакедемонянамъ правъ на Мессенію. Клятва Исократъ — по составу чужда нашему преданію, она ему предшествуетъ. Ея возникновеніе слѣдуетъ объяснить въ общей связи преданія о возвращеніи Гераклидовъ.

³⁸) Понятно, что я долженъ рѣшительно отказаться отъ возможности слѣдовать Гиллеру въ его разсужденіяхъ. (*Die Zeitverhältnisse Pheidons*, *Philologus* XXIV 251 sqq.). Его выводы совершенно извращаютъ ходъ традиціи: Wenn es nun heisst, dass Kresphontes und seine Söhne bis auf den Knaben Aepyros von den Messeniern erschlagen und der letztere erst später von den Argivischen und Spartanischen Doriern in Verein mit den Arkadiern zurückgeführt wurde, so erkennen wir darin weiter nichts, als eine sagenhafte Umgestaltung der Thatsache, dass lange nach Kresphontes Zeit die Aipytiden d. i. der dorische Adel von Stenylaros durch die altheimische achäische Parthei besiegt oder verjagt und von den Spartanern und vielleicht den Argivern (der Arkaderkönig kann als Grossvater des Aepyros hinzugefügt sein) wieder aus Ruder des Staats gebracht wurden.

(Hermes XXVI 1 сл.), писавшаго о томъ же предметѣ. Но въ виду разницы объясненія основныхъ фактовъ, а также исторіи развитія традиціи, я считаю необходимымъ выяснять отношеніе моей работы къ изслѣдованію Нисе, и указать, почему я не могу признать его положеній вѣрными³⁹⁾. Основное положеніе, изъ котораго исходитъ Нисе заключается въ договорѣ дорійскихъ князей и народовъ. Платонъ (De legg. III. 684 a): βασιλεία τρεῖς βασιλευμέναις πόλεσι τριταῖς ὁμοσαν ἀλλήλαις ἑκάτεραι κατὰ νόμους οὓς ἔθεντο τοῦ τε ἄρχειν καὶ ἄρχεσθαι κοινούς, οἱ μὲν μὴ βιαιοτέραν τὴν ἀρχὴν ποιήσεσθαι προϊόντος τοῦ χρόνου καὶ γένους, οἱ δὲ ταῦτα ἐμπεδοῦντων τῶν ἀρχόντων μήτε αὐτοὶ τὰς βασιλείας ποτε καταλύσειν μηδ'ἐπιτρέψειν ἐπιχειροῦσιν ἑτέροις, βοηθήσειν δὲ βασιλῆς βασιλευσιν ἀδικουμένοις καὶ δήμοις καὶ δήμοις δῆμοις καὶ βασιλευσὶ ἀδικουμένοις. Далѣ Платонъ ставитъ вопросъ, почему изъ 3 οἰκῆσεις 2 погибли, и осталась только 1, и отвѣчаетъ (ibid. 691 a): δῆλον, ὡς τοῦτο πρῶτον οἱ τότε βασιλῆς ἔσχον τὸ πλεονεκτεῖν τῶν τεθέντων νόμων, καὶ ὁ λόγῳ τε καὶ ὄρκῳ ἐπήνεσαν, οὐ ξυνεφώνησαν αὐτοῖς, ἀλλὰ ἡ διαφωνία, οὐσα ἀμαθία μεγίστη δοκοῦσα δὲ σοφία, πάντ'ἐκείνα διὰ πλημμέλειαν καὶ ἀμουσίαν τὴν πικρὰν δέφθειρεν. Niese (l. l. 4). Es kam daher, dasz die Könige von Argos und Messene übermüthig die beschworenen Gesetze nicht achteten, tyrannisch regierten, dadurch ihren nächsten Freunden verhasst wurden, während in Sparta durch die Zweitheilung der Königswürde, durch die einschreitende Wirkung der Gerusia und des Ephorats das Königthum von Ausschreitungen bewahrt und dadurch erhalten wurde. Plato drückt sich nicht ganz bestimmt aus, er erzählt nicht eigentlich, sondern setzt die Thatsacheen als bekannt voraus, auch hat er sicherlich die ihm vorliegende Ueberlieferung nach seinen Absichten geändert, gedeutet oder ergänzt, aber es ist wohl nicht zu bezweifeln, dasz er bei seinen Ausführungen das gewaltsame Ende des Kresphontes im Auge hat und dieses wegen seiner tyrannischen Regierung herbeigeführt denkt. Er weicht darin von Isocrates ab, bei dem das Unrecht auf seiten der Messenier, nicht des Kresphontes ist. Aber andrerseits steht er ihm wieder

³⁹⁾ Вполнѣ согласенъ я съ Нисе въ объясненіи свидѣтельствъ Николая Дамаскаго, поскольку они касаются реформъ Кресфонта; въ виду этого я и счелъ возможнымъ не распространяться о нихъ подробнѣй.

sehr nahe, denn bei seiner Auffassung kann nicht minder, als bei Isocrates, der Untergang Messeniens als die Folge einer Schuld angesehen werden, die das Land durch den Bruch der Eide auf sich zog. Namentlich kann das von Isocrates berichtete Eingreifen der Spartaner, eben der erste Messenische Krieg (?), durch den von Plato gegebenen Eid, der die beiden anderen Völker verpflichtete dem bedrängten Könige oder Volke zur Hilfe zu kommen, sehr wohl gerechtfertigt werden.

У Платона сообщены 2 клятвы: 1) Каждый народъ обѣщаетъ своему царю и получаетъ отъ него обѣщаніе не нарушать установленнаго государственнаго порядка. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что эта клятва построена Платономъ (вѣдь весь историческій очеркъ сильно фантастиченъ) на основаніи извѣстной клятвы, которой обмѣнивались въ Лакедемонѣ. (Xenoph. L. Pol. 15). Καὶ ὄρκους ἀλλήλοις κατὰ μῆνα ποιοῦντας, ἔφορος μὲν ὑπὲρ τῆς πόλεως, βασιλεὺς δὲ ὑπὲρ ἑαυτοῦ. Ὁ δὲ ὄρκος ἐστὶ τῷ μὲν βασιλεῖ κατὰ τοὺς τῆς πόλεως κεκμένους νόμους βασιλεύσειν, τῇ δὲ πόλει ἐμπειδοροῦντος ἐκείνου ἀστυφέλικτον τὴν βασιλείαν παρέξειν⁴⁰). Клятва, которая приводится у Исократы, совершенно другого характера. Она касается не вообще законовъ страны и ихъ сохраненія, а одного отношенія—владѣнія землей, да и не можетъ она касаться того же, что и Платоновская, такъ какъ дана въ совершенно другихъ обстоятельствахъ. Платоновская клятва дается послѣ завоеванія Пелопоннеса и основанія государствъ; она опредѣляетъ порядокъ отношеній между правящими и управляемыми. Исократовская клятва дается до похода, какъ я это выше указывалъ. Она опредѣляетъ порядокъ отношеній между полководцемъ и его войскомъ и касается раздѣла ими завоеванной земли. Мы уже видѣли, по крайней мѣрѣ я старался это доказать, что клятва именно въ томъ видѣ, въ какомъ она дана у Исократы, имъ не придумана, а взята изъ традиціи, какой, мы, конечно, не знаемъ.

⁴⁰) Я даже предположилъ бы здѣсь литературную связь. У Платона придана клятвѣ квази—строго-юридическая форма, сводящаяся къ излюбленному имъ *μὴ τ'ἀδικεῖν μὴ τ'ἀδικεῖσθαι*. Въ остальномъ текстъ почти дословно сходенъ. Такъ какъ, по Платону, государственное устройство во всѣхъ трехъ государствахъ одно, то естественно было распространить клятву на всѣхъ.

Такимъ образомъ, первая часть Платоновской клятвы ни по значенію, ни по происхожденію, не соотвѣтствуетъ клятвѣ Исократа.

2) Князья и народы обмѣниваются между собой клятвой помогать въ случаѣ обиды, нанесенной какою угодно стороною другой, — сторонѣ обиженной. Понятно, что и это не имѣетъ ничего общаго съ клятвой Исократа. Это договоръ международный. Откуда взялъ его Платонъ, не знаю. Вѣрнѣе всего, ни откуда.

Посмотримъ теперь, вытекаетъ ли изъ разсказа Платона то объясненіе традиціи, которое развиваетъ Низе.

Договоръ требуетъ вотъ чего: Аргосскій царь долженъ править по законамъ, аргосскій народъ долженъ соблюдать законы и исполнять свои обязанности по отношенію къ царю; если какая-нибудь сторона будетъ обижена, то Лаконскіе и Мессенскіе царь и народы должны помочь.

Соблюденіе этой клятвы есть у Платона одно изъ условій, которыя должны бы были поддерживать — государство? въ томъ то и дѣло, что не государство, а установленный государственный порядокъ. Причина паденія этого порядка — т. е., спеціально, монархическаго образа правленія ищется, — ищется зло, вслѣдствіе котораго *τριῶν γενομένων τῶν οἰκίσεων τὰ δύο αὐτῶν μέρη ταχὺ τῆν τε πολιτείαν καὶ τοὺς νόμους διέφθειρε, τὸ δὲ ἔν μόνον ἔμενε* (l. l. 685 a)

Оно и понятно: говорится и объ Аргосѣ, который вѣдь не погибъ же, да и Мессенія не считается погибшей. Спарта *πρὸς τὰ δύο μέρη πολεμοῦν οὐ πώποτε πέπαυται μέχρι τὰ νῦν* (ibidem 686). Если говорится о томъ, какъ пали цари, то, естественно, о нарушеніи законовъ со стороны царей и идетъ рѣчь. Клятва не приводится, какъ обстоятельство, объясняющее паденіе царской власти, а, на оборотъ, такое обстоятельство, которое должно было бы поддерживать царей, а потому затрудняющее объясненіе; ни въ какой связи съ обстоятельствами дѣла она не стоитъ.

Въ чемъ сущность Исократовской клятвы? Нарушеніе ея вовсе не даетъ Лакедомонянамъ права напасть на Мессенію и завоевать ее, не говоря уже о томъ, чтобы она хоть сколько нибудь обязывала ихъ сдѣлать это. Лакедомоняне начинаютъ дѣйствовать только тогда, когда ихъ объ этомъ проситъ Крес-

фонтидъ. Онъ даритъ Лакедемонянамъ свою землю. Лакедемоняне спрашиваютъ бога—и только тогда, когда тотъ имъ это позволяетъ, идутъ на Мессену. Очевидно, что Исократъ не имѣлъ и представленія о второй половинѣ Платоновскаго договора. Исократу договоръ нуженъ только для того, чтобы Мессеняне его нарушили (онъ и не нашелъ его въ томъ преданіи, которое сообщаетъ, а взялъ его извнѣ, какъ я это старался въ свое время доказать) и, вслѣдствіе этого, съ одной стороны, потеряли въ глазахъ слушателя всякія права на симпатіи (по данному нами объясненію — въ глазахъ антилаконской партіи Аевинъ) и съ другой, подняли въ глазахъ слушателя благочестіе вѣрныхъ въ клятвѣ Лакедемонянъ, которые этой вѣрностью заслужили благоволеніе Бога.

Къ чему ведетъ договоръ Платона? Допустимъ, что въ какомъ-нибудь государствѣ — возьмемъ такое, гдѣ оно дѣйствительно случилось — въ Мессеніи, народъ убилъ царя. Что должно изъ этого слѣдовать? Вооруженное вмѣшательство сосѣдей? Конечно такъ: они должны помочь обиженной сторонѣ, посадить на тронъ сына Кресфонта и уйти; именно въ силу договора они не имѣютъ права на захватъ сосѣдней страны.

Итакъ, договоръ имѣетъ свою цѣль объяснить вовсе не то, чего желаетъ Низе, и не можетъ этого объяснить. Договоръ побочное обстоятельство, изъ котораго традиція не объясняется.

Далѣе Низе объясняетъ свидѣтельство Николая Дамаскаго, которое онъ сводитъ къ Эфору. Я уже старался доказать въ своемъ мѣстѣ, что это приуроченіе рѣшительно не вѣрно. Если мы не знаемъ, кому принадлежитъ показаніе, то въ значительной мѣрѣ ослабляется вѣроятность сближенія съ Исократомъ. Низе (l. l.) говоритъ: Die spätere Geschichte flieszt aus derselben Quelle wie die Isocrateische; ja, sie scheint, wenn nicht alles täuscht, von ihr abhängig zu sein. Значитъ, цѣль—защита Мессены; нужно обвинить Кресфонта. Но къ чему тогда идетъ рѣчь объ отношеніяхъ *of êuxôrhoi* и Дорянъ. Наоборотъ, Кресфонтъ, очевидно, старается сдѣлать все хорошо. Низе говоритъ (l. l.): Es sind also die wichtigsten Voraussetzungen des Isocrates, der Eidschwur bei der Besetzung des Landes, der Tod des Kresphontes, die Entthronung seines Geschlechts von Ephoros übernommen, gerade die Stücke, die zur Begründung der Spartanischen Ansprüche auf Messenien dienten.

Но зачѣмъ же Эфору, защищающему Мессенинъ, пользоваться именно тѣми частями разсказа, которыя направлены противъ Мессенинъ. Но, скажемъ, что онъ принималъ разсказъ на вѣру и только старался объяснить его иначе.

Въ томъ то, однако, и дѣло, что въ разсказѣ Николая изъ всѣхъ Voraussetzungen, о которыхъ говоритъ Низе, только и есть, что убійство Кресфонта — да вѣдь безъ него и всей исторіи быть не можетъ. Говорится объ Entthronung des Geschlechtes — да гдѣ же это говорится? Вѣдь не другого же какого Николая читаетъ Низе, а того самого, что помѣщенъ у Müller'a въ третьемъ томѣ Fragmenta historicorum graecorum pag. 377. Wie bei Isocrates, продолжаетъ Низе, die Söhne des Kresphontes ihr Königthum verlieren, so haben allem Anschein nach auch bei Ephoros die Nachkommen (разница то!) des Kresphontes in Folge innerer (именно innerer) Zwietracht schon vor dem Ausbruche des Krieges (?) gegen Sparta ihre Herrschaft eingebüsst, und wie bei jenem der Tod des Kresphontes gleich zum ersten Messenischen Kriege hinüberleitet, so ist es auch bei Ephoros der Fall, nur (то то, что nur) dasz hier die Unruhen noch etwas (откуда взято это etwas?) weiter auf die Nachkommen ausgedehut erscheinen. А у Николая вотъ что сказано: Ὅτι Αἴπυτος ὁ υἱὸς Κρεσφόντου (значить, царь, значить не enthroned) ἐπεβουλεύθη παρὰ τῶν ἐμπρησάντων τὴν αὐτοῦ οἰκίαν (а это тоже изъ Исократы?) καὶ τῆς ἐπιβουλῆς ἀνώτερος γέγονε. Αὐθις δὲ πάλιν ἐπεβουλεύετο ὑπὸ τοῦ δήμου καὶ αὐτὸς καὶ οἱ ἀπόγονοι αὐτοῦ, καὶ οὐ διέλιπον ἀλλήλοις διαστασιάζοντες (значить дѣмос и ἀπόγονοι Эпипта, значить не enthroned), ἄχρις οὗτου (до той самой минуты) ὑπὸ τῶν Λακεδαιμονίων ἠνδραποδίσθησαν.

Одного сопоставленія достаточно для того, чтобы показать, что Николай говоритъ вовсе не то, что приписываетъ ему Низе. Этотъ послѣдній ссылается еще на Діодора, т. е. тутъ Эфора, который пишетъ (XV. 66) ὕστερον δὲ τῶν ἀπὸ Κρεσφόντου τὴν βασιλείαν ἀποβαλόντων Λακεδαιμόνιοι κύριοι κατέστησαν αὐτῆς. Это будто бы показываетъ, что Кресфонтиды раньше потеряли (вѣдь, конечно по томъ же) свою власть, чѣмъ завладѣли страной Лакедемоняне. Ну, а какъ думаетъ Низе? Если бы Діодоръ хотѣлъ сказать: «Сейчасъ же, какъ потеряли свою власть Кресфонтиды, Лакедемоняне и т. д.», онъ не могъ бы выразиться точно также?

Перейдемъ къ самому важному, что, по мнѣнію Низе, Эфоромъ взято у Исократъ и Платона—den Eidschwur bei der Besetzung des Landes. Само собою понятно, что у Николая ничего объ этомъ нѣтъ, но Низе этимъ не смущается. Es ist wahr, dasz der Eid, von dem Isocratès und Plato sprechen aus Ephoros nicht erhalten ist, aber ohne Zweifel hat er bei ihm nicht gefehlt, da er der älteren Ueberlieferung angehört und schon bei Herodot bekannt gewesen sein muss. Допустимъ, что клятва, дѣйствительно, принадлежитъ къ древнѣйшему преданію—я это допускаю съ величайшей охотой, но во первыхъ, какая же клятва? Мы видѣли, что Исократъ и Платонъ сообщаютъ далеко не одно и то же; во вторыхъ, если преданіе и древнее, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что оно должно быть извѣстно Эфору; въ третьихъ, если оно и извѣстно Эфору, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ пожелалъ имъ воспользоваться, а тѣмъ болѣе поставить его въ основаніе своей реляціи.

Словомъ, изъ трехъ принциповъ, которые, по мнѣнію Низе, заимствованы Эфоромъ у Исократъ, не оказывается заимствованнымъ ни одинъ; общее между разказами только одно: убійство Кресфонта.

Наконецъ, что самое важное: Низе не объясняетъ не только первенствующей роли Аркадянъ, но и самого ихъ участія.

Такимъ образомъ, я считаю себя въ правѣ и послѣ гипотезы Низе поддерживать то объясненіе традиціи, какое мною представлено выше.

ГЛАВА II.

Преданія о причинахъ войны.

Въ основѣ всѣхъ извѣстныхъ намъ версій преданія о причинахъ возникновенія войны, лежатъ 2 преданія. Во первыхъ, преданіе о томъ, что царь Лакедемонянь Телекль былъ убитъ Мессенянами во время какихъ то священнодѣйствій, во вторыхъ, что при подобныхъ же условіяхъ были изнасилованы Лакедемонскія дѣвушки. Въ разныхъ версіяхъ эти преданія являются то отдѣльно одно отъ другого, то скомбинированными.

И тутъ, на первыхъ же шагахъ нашего изслѣдованія мы натываемся на такую пух и сгущ, разрѣшеніе которой едва ли возможно при нашихъ данныхъ.

Страбонъ (VI 279) дѣлаетъ выписку изъ Эфора, изъ которой оказывается, что Эфоръ сообщалъ, что ἐπολέμουν Λακεδαιμόνιοι Μεσσηνίοις ἀποκτείναντι τὸν βασιλέα Τήλεκλον ἐς Μεσσηνίαν ἀφιχόμενον ἐπὶ θυσίαν — т. е. Эфоръ сообщаетъ только первый изъ двухъ отмѣченныхъ нами элементовъ преданія.

Но, какъ мы въ свое время докажемъ, Эфору — посредственно или непосредственно, но во всякомъ случаѣ очень близко слѣдуетъ Юстинъ, а у него мы читаемъ, (III 4. 1) что Лакедемоняне, cum Messeniis propter stupratas virgines suas in sollemni Messeniogum sacrificio bellum intulissent, поклялись и т. д. Значитъ и Эфоръ рассказывалъ объ изнасилованіи дѣвушекъ, и Страбонъ эту черту выпустилъ, Юстинъ выпустилъ другую. Почему, я объяснить не берусь, тѣмъ болѣе, что есть фактъ, рѣзко говорящій противъ моего предположенія.

Диодоръ (XVI. 55) въ своей рекапитуляціи главныхъ событий исторіи Спартанско-Мессенскихъ отношеній списываетъ Эфора — и списываетъ не его рекапитуляцію, а самый его рассказъ — одного взгляда на текстъ достаточно, чтобы убѣдиться

въ этомъ (я объ этомъ еще буду говорить) — и у него тоже ни слова о дѣвушкахъ. *Τηλέκλου τοῦ βασιλέως τῶν Λακεδαιμονίων ἀποθανόντος ἐν ἀγῶνι κατεπολεμήθησαν ὑπὸ Λακεδαιμονίων αἱ Μεσσηῖοι.*

Правда — мы это увидимъ въ свое время — Страбонъ сильно сокращалъ свой источникъ — и, могъ бы, пожалуй, почему бы то ни было выпустить рассказъ объ изнасилованіи дѣвушекъ, правда, Діодоръ могъ сдѣлать это еще скорѣе — онъ еще болѣе сокращалъ свой источникъ, но объяснить себѣ, что они оба независимо выпустили одинъ и тотъ же фактъ, да еще такой интересный, я рѣшительно не могу. Тутъ случая быть не можетъ. Съ другой стороны, какъ же объяснить бы себѣ, что Юстинъ выпустилъ изъ Эфора, которому онъ такъ точно слѣдуетъ, его объясненіе возникновенія войны и безъ всякой нужды вставилъ другое, сохранивши при сообщенномъ имъ фактѣ обстановку сообщеннаго Эфоромъ факта. У Страбона Телеклъ убитъ *ἀφικόμενος ἐπὶ θυσίαν* — при крайней сжатости рассказа эта прибавка имѣетъ свое значеніе. И не меньшее значеніе имѣетъ то, что у Юстина дѣвушки пострадали *in sollemni Messeniogum sacrificio* (*Messeniogum* — повторено не случайно; безъ него и обойтись можно бы было: оно передаетъ *ἀφικόμενον* Страбона — Эфора).

Мнѣ кажется, что мы слишкомъ увѣрены въ томъ, что Страбонъ имѣлъ подъ руками, когда писалъ данное мѣсто, непосредственно Эфора. (Я настаиваю на выраженіи «когда писалъ данное мѣсто»: мнѣ, конечно, не приходится и въ голову возражать противъ полнаго знакомства Страбона съ этимъ писателемъ). Что, если онъ пользовался какой нибудь мѣстной исторіей, какой нибудь *κτίσις*, экцерпировавшей Эфора и въ какой нибудь инстанціи послужившей источникомъ Діодора? Тогда выпускъ занимающаго насъ факта будетъ сдѣланъ всего разъ, и трудность рѣшенія вопроса уменьшится.

Во всякомъ случаѣ вопросъ есть, во всякомъ случаѣ слишкомъ рѣшительно говорить, что у Эфора не было интересующей насъ черты, какъ это дѣлаетъ Бузольтъ ¹⁾ и указанные имъ, не объясняя свидѣтельства Юстина, которое, и по Бузольту, (l. I. I 407 пр. I), основано на Эфорѣ. Но допуская даже, что Эфоръ не сообщалъ преданія, мы вовсе

¹⁾ Griechische. gesch. I^o 396 пр. 2.

этимъ не докажемъ, что онъ его не зналъ, — что для насъ, въ сущности, совершенно не имѣетъ значенія, а главное, не докажемъ, что этого преданія и не существовало въ его время. Въдъ, разсуждая такъ, мы должны были бы, не знай мы никакихъ другихъ источниковъ, кромѣ Юстина, думать, что во время Юстина не было преданія о смерти Телекла ²⁾.

На почвѣ этихъ фактовъ преданія разростается цѣлый рядъ разъясненій и прибавленій.

Страбонъ (VI. 257): *Κτίσμα δ' ἐστὶ τὸ Ῥήγιον Χαλκιδέων, οὗς κατὰ χρησμὸν δεκατευθέντας τῷ Ἀπόλλωνι δι' ἀφορίαν ὕστερον ἐκ Δελφῶν ἀποικῆσαι δευρό φασι παραλαβόντας καὶ ἄλλους τῶν οἰκοθεν ὡς δ' Ἀντιόχος φησι, Ζαγκλαῖοι μετεπέμφαντο τοὺς Χαλκιδέας καὶ οἰκιστὴν Ἀντίμνηστον συνέστησαν ἐκείνων. ἦσαν δὲ τῆς ἀποικίας Μεσσηνίων φυγάδες τῶν ἐν Πελοποννήσῳ καταστασιασθέντες ὑπὸ τῶν μὴ βουλομένων δοῦναι δίκας ὑπὲρ τῆς φθοράς τῶν παρθένων τῆς ἐν Λίμναις γενομένης τοῖς Λακεδαιμονίοις, ἃς καὶ αὐτὰς ἐβιάσαντο πεμφθεῖσας*

²⁾ Считаю нужнымъ указать еще на одно затрудненіе, представляемое текстомъ Діодора. Онъ сообщаетъ, что царь Телеклъ былъ убитъ ἐν ἀγῶνι. Переводчикъ Didot'овскаго изданія Діодора переводитъ ἐν ἀγῶνι in acie. Переводъ не вполне соотвѣтствуетъ смыслу греческаго слова; если бы онъ былъ вѣренъ, онъ разрѣшалъ бы столь затрудняющій насъ вопросъ. Какимъ образомъ могла бы быть битва? Какая могла быть acies? Если слово взято изъ Эфора, то тамъ оно должно было быть объяснено, и объяснено выгоднымъ для Спартанцевъ образомъ. Спартанцы начинаютъ противъ Мессенянъ ожесточеннѣйшую войну за то, что тѣ убили ихъ царя, пришедшаго на Мессенскій праздникъ — это вѣтъ всякаго сомнѣнія изъ Эфора — значитъ, пришли съ миромъ. Если же царь убитъ in acie, значитъ онъ былъ на битву вызванъ, значитъ предшествуетъ опредѣленный враждебный поступокъ Мессенянъ. Такимъ образомъ, текстъ Діодора велъ бы къ тому, чтобы у Эфора предполагать рассказъ о какомъ то неблагоприятномъ поступкѣ Мессенянъ, предшествовавшемъ убійству Телекла. Не очевидно ли, что этимъ поступкомъ и должно быть то, что рассказано у Юстина. Но какъ ни соблазнительно это объясненіе, я не рѣшаюсь принять его. Въ данной связи Діодоръ, какъ бы онъ ни былъ безперемоненъ, не могъ бы требовать отъ читателя, чтобы онъ прибѣгалъ къ сложнымъ догадкамъ, подобнымъ предъидущей. Каждый читатель долженъ былъ бы сказать: «ты желаешь объяснить возникновеніе войны — и въ самомъ объясненіи говоришь намъ о битвѣ. Да откуда бы битвѣ быть, если и войны то еще не было?»

Мнѣ кажется, что если текстъ только здѣсь не испорченъ, ἀγῶνι есть та же φασια, о которой говоритъ Страбонъ, ἐορτή, о которой мы будемъ читать у другихъ.

ἐπὶ τὴν ἱερουργίαν, καὶ τοὺς ἐπιβοηθοῦντας ἀπέκτειναν. παραχωρήσαντες οὖν εἰς Μάκιστον οἱ φυγάδες πέμπουσι εἰς θεοῦ, μεμφόμενοι τὸν Ἀπόλλω καὶ τὴν Ἄρτεμιν, εἰ τοιούτων τυγχάνοιεν ἀνδ' ὧν ἐτιμώρουσιν αὐτοῖς, καὶ πυνθανόμενοι πῶς ἂν σωθεῖεν ἀπολωλότες. ὁ δ' Ἀπόλλων ἐκέλευσε στέλλεσθαι μετὰ Χαλκιδέων εἰς τὸ Ῥήγιον καὶ τῇ ἀδελφῇ αὐτοῦ χάριν ἔχειν· οὐ γὰρ ἀπολωλέναι αὐτοὺς ἀλλὰ σεσῶσθαι μέλλοντάς γε δὴ μὴ συναφανισθῆσεσθαι τῇ πατρίδι ἀλωσομένη μικρὸν ὕστερον ὑπὸ Σπαρτιατῶν. οἱ δ' ὑπήκουσαν. διόπερ οἱ τῶν Ῥηγίων ἡγεμόνες μέχρι Ἀναξίλλα τοῦ Μεσσηνίων γένους ἀεὶ καθίσταντο. Ἀντίοχος δέ. . . .

Мы здѣсь имѣемъ версію, составившуюся подъ вліяніемъ мѣстныхъ Регинскихъ условій. Это ясно изъ χάρις, которою, по словамъ извѣстія, Регинскіе Мессеняне обязаны Артемидѣ.

Вопросъ шель о томъ, наказать ли тѣхъ, которые осквернили храмъ Артемиды въ Лимнахъ, опозоривши Лакедемонскихъ дѣвушекъ. Есть 2 партіи. Одна вступаетъ за честь богини и требуетъ наказанія святотатцевъ. Эта партія изгнана изъ родины восторжествовавшими противниками; обиженные посылаютъ въ Дельфы, упрекая Аполлона и Артемиду въ томъ, что тѣ не вступилпсь за нихъ, между тѣмъ какъ они за нихъ вѣдь страдаютъ. Аполлонъ могъ бы, конечно, очень резонно заявить, что онъ тутъ не причемъ, что за него они не вступались, и ему не зачѣмъ было защищать ихъ, но онъ ограничивается тѣмъ, что приказываетъ благодарить Артемиду, только ее — о себѣ ни слова, ни слова объ упрекѣ, посланномъ и ему — благодарить за то, что благодаря изгнанію, благодаря ея незаступничеству, они не погибнуть. Очевидно, что поводъ для благодарности не подходящий. А если бы они никакихъ заслугъ не оказали богинѣ, развѣ она имѣла бы основаніе вмѣшиваться въ дѣла, развѣ результатъ не былъ бы тотъ же? Гибель Мессеніи именно преступленіемъ и объясняется. Если бы изгнанная партія восторжествовала, Лакедемоняне не пошли бы войной, Мессенія бы не погибла, изгнанники могли бы спокойно оставаться на родинѣ. Благодарить то особенно не за что. Кажется, мы вправѣ предполагать, что объясненіе дано post factum. Χάρις Артемидѣ (и Аполлону?) существовала, нужно было обосновать ее — ее и попытались связать съ тѣмъ фактомъ, въ которомъ Регинскіе Мессеняне видѣли начало своего переселенія въ Регію. Что связъ вышла не особенно удачная, въ этомъ вина связавшаго.

Мы имѣемъ основаніе предполагать, что въ Регіи особенно чтились оба божества. На поклоненіе Аполлону указываетъ уже выписанное нами мѣсто Страбона, по которому Регіи основанъ Халкидианами, которые δεκατευθέντες τῷ Ἀπόλλωνι δι' ἀφορίαν были высланы ἐκ Λελεῶν. Діонисій Младшій далъ Регію имя Φοιβία (Str. VI 256). Связано ли это съ Артемидой Регинской, или съ Артемидой, имѣвшей культъ въ Сиракузахъ (Diod. V. 3. 4), или пожалуй, съ Аполлономъ, не могу сказать. Въ Регіи чтилась Ἄρτεμις Φακελίτις³⁾. Хотя поздно, но мы все таки на монетахъ Регіи имѣемъ Аполлона и Артемиду. За городомъ было святилище Артемиды (Thuc. VI. 44. 3).

Какъ бы то ни было, мы имѣемъ рассказъ объ изнасилованіи дѣвушекъ въ связи съ Регинскими преданіями. Здѣсь же упоминается Анаксилай.

Въ той же связи говоритъ о нашемъ преданіи Гераклидъ Понтикъ, значить Арнетотель (frg. 25 Müll. F. H. G. II. 219). Ῥήγιον ἦκισαν Χαλκιδεῖς οἱ ἀπ' Εὐρίπου διὰ λοιμὸν ἀναστάντες· παρέλαβον δὲ καὶ ἐκ Πελοποννήσου τοὺς Μεσσηνίους τοὺς ἐν Μακίστῳ τοχόντας διὰ τὴν ἕβριν τῶν Σπαρτιατίδων παρθένων. . . . ἐτυράνησε δ' αὐτῶν Ἀναξίλας Μεσσηνίος· καὶ νικήσας Ὀλύμπια ἡμιόνοις, εἰστίασε τοὺς Ἕλληνας· καὶ τις αὐτοῦ ἐπέσκηψεν εἰπὼν οὗτος τι ἂν ἐποίει νικήσας ἵπποις; ἐποίησε δὲ καὶ ἐπινίκιον Σιμωνίδης

Χαίρετ' ἀελλοπόδων θύγατρεις ἵππων.

Анаксилай личность известная, хронологически строго опредѣлимая. Въ 476 году а. С. Н. онъ умеръ, бывши тираномъ 18 лѣтъ, значить съ 494 г. (Diod. XI. 48). Главное, что объ немъ известно, это то, что онъ завоевалъ Занглу. Καὶ τὴν πόλιν αὐτὸς ξυμμίκτων ἀνθρώπων οἰκίσας Μεσσηνίην ἀπὸ τῆς ἑαυτοῦ τὸ ἀρχαῖον πατρίδος ἀντωνόμασε (Thuc. VI. 4. 6).

Павсаній (IV. 23. 5. sqq) рассказываетъ, что онъ завоевалъ ее при помощи Мессенянъ, призванныхъ имъ изъ родины, но его показаніе находится въ рѣзкомъ противорѣчии со всей нашей хронологіей. Кончилась вторая Мессенская война. Собрались Мессеняне въ Киллену и думаютъ думу: куда бы имъ пе-

³⁾ Идолъ Φακελίτις имѣлъ тотъ же видъ, что и идолъ Ἄρτεμις Ὀρβία Λυγόδεσρος въ Αἰθναί Спарты. Это, конечно, могло подать поводъ связать оба божества. Артемидѣ Лимнагидѣ вѣдь и помогали изгнанники. Preller-Robert G. M. I. 309 и пр.

реселиться. Ἐν τούτῳ δὲ Ἀναξίλας παρὰ τοὺς Μεσσηνίους ἀπέστειλεν εἰς Ἰταλίαν καλῶν. Мессениане послушались. Подвиги Горга и Мантикла. Ихъ великодушiе. Занкла взята и имя ея измѣнено. Ταῦτα δὲ ἐπὶ τῆς Ὀλυμπιάδος ἐπράχθη τῆς ἐνάτης καὶ εἰκοστῆς, ἦν Χίονος Λάκων τὸ δεύτερον ἐνὶκα Μιλτιάδου παρ' Ἀθηναίους ἄρχοντος. Дата также точна, какъ и невѣрна. Какъ объяснить себѣ путаницу? Дункеръ ⁴⁾ желаетъ ее объяснить смѣшенiемъ Аристодема и Аристомена въ генеалогiи, данной Павсанiемъ. Дѣйствительно, приблизительно къ четвертому поколѣнiю послѣ предполагаемой Павсанiемъ даты паденiя Иры можетъ и долженъ быть отнесенъ Анаксилай. Но это и все, что объясняетъ собой гипотеза Дункера. Если выселенiе Алкиламида изъ Мессенiи отнести ко времени паденiя Итомы, то Анаксилай не придется на время паденiя Иры, такъ какъ между этими событiями не лежитъ четыре поколѣнiя, а по схемѣ Павсанiя тахіμυθ 3.

Какъ объяснить себѣ пріуроченiе взятiя Занклы къ концу второй Мессенской войны? Вѣдь тутъ не простой синхронизмъ, а цѣлый развитой рассказъ. Изложенiе Дункера не отличается ясностью. Нельзя уяснить себѣ, какъ онъ собственно понимаетъ возникновенiе рассказа.

Лучше всего, кажется мнѣ, пойти по тому пути, который указалъ Э. Мейеръ ⁵⁾.

Извѣстно, что Ριανός ἐποίησεν ἐν τοῖς ἔπεσι Λεωτιχίδην βασιλέα ἐπὶ τοῦδε εἶναι τοῦ πολέμου (Paus IV. 15. 2) — говорится о второй Мессенской войнѣ. Я не думаю, чтобы Ριανъ дѣйствительно относилъ время войны къ періоду греко-персидскихъ войнъ, когда царствовалъ Леотихидъ, скорѣе ошибся онъ просто въ имени царя — но это вопросъ особый.

Но разъ онъ по тому или другому считалъ того или другого Леотихида современнымъ второй Мессенской войнѣ, то естественно было ему, гдѣ-нибудь, хотя бы въ эпиникии Симонида — Ριανъ былъ ученый грамматикъ — нашедши упоминанiе Леотихида и Анаксилая вмѣстѣ — они были современники и даже умерли въ одинъ и тотъ же годъ, — и послѣдняго отнести туда же. Онъ описывалъ судьбу побѣжденныхъ Мессенианъ, и основанiе города Мессены было для него весьма желательнымъ фак-

⁴⁾ G. D. A. VI, 662.

⁵⁾ G. D. A. 542.

томъ. Съ эпической подробностью описаль онъ взятіе Занклы, воспѣвъ Мессенскихъ героевъ. Въ поэмѣ его долженъ былъ быть означенъ и періодъ времени, въ теченіе котораго блуждали Горгъ и Мантиклъ — періодъ побольше, какъ оно и прилично эпическому герою. Если Павсаній воспользовался этимъ предполагаемымъ мѣстомъ поэмы Ріана, то оно именно такой видъ и должно было принять, какой имѣеть его разсказъ. Павсаній отвергъ мнѣніе Ріана объ участіи царя Леотихида въ войнѣ — онъ имѣлъ другую хронологическую систему и на нее переводилъ данныя Ріана. вмѣстѣ съ другими фактами права на отдаленную древность получилъ и Анаксилай. Для него паденіе Иры — событіе 28 Олимпіады: взятіе Занклы онъ долженъ былъ отнести къ тому году, который бы соотвѣтствовалъ промежутку, указанному Ріаномъ. Только поэтическимъ преувеличеніемъ долговременности путешествія — «странствованій» — и осады я могу объяснить, что между приглашеніемъ Анаксилая и паденіемъ Занклы проходитъ около 3-хъ лѣтъ ⁶⁾.

Такъ какъ я не увѣренъ въ томъ, что Ріанъ относилъ войну къ 490 году, то и не буду касаться вопроса о томъ, какихъ Мессенянь и когда призвалъ Анаксилай. И безъ предположенія о бывшей тогда войнѣ съ Мессеніей можно объяснить себѣ призваніе ихъ, какъ это и дѣлаетъ Дункеръ (I. I.). Но призывалъ ли онъ ихъ дѣйствительно? Овидидъ ничего подобнаго не знаетъ: онъ утверждаетъ, что въ Занклѣ были поселены *σφρμικτοὶ ἄνδρες*. Если Ріанъ зналъ, что Анаксилай назвалъ Занклу Мессеной, этого для него было бы достаточно, чтобы предположить переселеніе туда Мессенянь — остальное понятно. Я не понимаю, почему Мейеръ (I. I.) такъ стоитъ на неясномъ и во всякомъ случаѣ непослѣдовательномъ показаніи Павсанія, что ради него отвергаетъ Страбона — (Тимея? — вопросительный знакъ Мейера). Конечно исторія переселенія Мессенянь — мнѣ, но фактъ лежащій въ основѣ ея, тотъ фактъ, что въ составѣ Регинскаго населенія были Мессеняне, рѣшительно несомнѣненъ.

Такимъ образомъ, изъ свидѣтельства Павсанія намъ остае-

⁶⁾ Между паденіемъ Иры и Занклы проходитъ цѣлая Олимпіада. Приглашеніе Анаксилая приходится на первую весну послѣ паденія Иры (IV. 2. 35) ср. Bentley Opp. pag. 83 sqq.

тся тотъ фактъ, что Анаксилай приписывалъ себѣ Мессенское происхожденіе и имѣлъ Мессенскую генеалогію. Мы увидимъ въ свое время, что Аристодемъ и Аристоменъ не то, чтобы смѣшивались, а что не только хронологическаго приуроченія каждаго изъ нихъ, а даже относительной хронологіи ихъ не было. Аристомена относили точно также къ первой, какъ и второй войнѣ. Поэтому нельзя строить никакихъ хронологическихъ соображеній на основаніи этой генеалогіи.

Но генеалогія эта для насъ важна въ другомъ отношеніи: она говоритъ о специально-Мессенскихъ симпатіяхъ Анаксилая. Я не могу понять, на какомъ основаніи Мейеръ сомнѣвается въ Мессенскомъ происхожденіи тирана—Фукидидъ въ немъ не сомнѣвается. Но генеалогія показываетъ не только то, что Анаксилай былъ Мессенининъ, а и то, что онъ хотѣлъ имъ считаться. Предполатъ, что генеалогія основана на фактѣ переименованія Занклы — фактѣ несомнѣнно рѣзко демонстративномъ, — нѣтъ никакого основанія. Но если бы даже это и предположить, то вопросъ былъ бы только передвинуть. Да почему же въ самомъ дѣлѣ онъ такъ ее назвалъ? Если мы здѣсь имѣемъ конъектуру древнихъ ученыхъ, то конъектура эта несомнѣнно вѣрная. Анаксилай демонстративный мессенофилъ. Только этотъ фактъ мнѣ пока и важенъ. Анаксилай парадируетъ своимъ *ethnicon* Μεσσηνίους — подъ нимъ онъ и извѣстенъ.

Я позволю себѣ предложить въ объясненіе этого факта гипотезу, не скрывая ни отъ себя, ни отъ читателя ея смѣлости.

Съ возвышеніемъ Анаксилая въ исторіи Регія происходитъ переворотъ. До него господствовала олигархія 1000 человекъ, выбираемыхъ ἀπὸ τριμύχτων. Эту олигархію свергнулъ Анаксилай, захватившій въ свои руки власть ⁷⁾—переворотъ, какими полна исторія Сицилійскихъ городовъ того времени. Но, по свидѣтельству Страбона въ выписанномъ нами мѣстѣ, это было не только политической, но и національной, въ извѣстной степени, революціей; получила перевѣсъ одна изъ народностей, составлявшихъ населеніе города. Жители его всегда назывались прямо Халкидянами. (Thuc. VI. 44. 3; 79. 1). Халкидяне, такъ или иначе, но были основателями города; его экисть Халкидянинъ — естественнѣй всего предположить, что и Халкидскій элементъ

⁷⁾ Dion. Exc. c. 19. 4. Arist. Polit. 1316 a.

господствовалъ въ странѣ. У Страбона дѣло однако обстоитъ не такъ. Разсмотримъ мѣсто Страбона: Регій основанъ Халкидянами; ἦσαν δὲ τῆς ἀποικίας οἱ Μεσσηνίων φυγάδες. Отступленіе, объясняющее, какъ и почему они присоединились къ колоніи. διότι οἱ τῶν Ρηγίνων ἡγεμόνες μέχρι Ἀναξίλα τοῦ Μεσσηνίων γένους αἰεὶ καθίσταντο; это «поэтому» рѣшительно непонятно. Изъ предъидущаго оно, несомнѣнно, не слѣдуетъ. Изъ связи, наоборотъ, слѣдовало бы, что выбираются ἡγεμόνες изъ Халкидянъ. Вѣроятнѣй всего здѣсь небольшой пропускъ, сдѣланный эксцерпировавшимъ источникъ Страбономъ. Каковъ его характеръ, мы сможемъ опредѣлить, выяснивши смыслъ слѣдующихъ словъ. Всѣ ἡγεμόνες вплоть до Анаксилая выбирались изъ Мессенянъ. Но въ томъ то и дѣло, что Анаксилай и самъ Мессенянинъ. Фраза будетъ имѣть смыслъ только тогда, если мы будемъ читать вмѣсто Μεσσηνίων Χαλκιδέω. Пропускъ заключался въ 2—3 словахъ, которыми авторъ возвращался къ мѣсту, отъ котораго начиналось отступленіе: «Итакъ, городъ основали Халкидяне, διότι и т. д.». Эксцерпторъ выпустилъ ее, какъ повторявшую то, что уже было сказано. Переписчикъ теперь прямо отъ рассказа объ участи Мессенянъ въ заселеніи Регіи переходилъ къ замѣчанію объ образѣ правленія и, естественно, могъ замѣтить Χαλκιδέω-Μεσσηνίων. Именно Мессеняне, а не Халкидяне, получили благодаря перевороту перевѣсъ. Анаксилай въ своей борьбѣ противъ господствовавшей олигархіи опирался на недовольные элементы; такихъ недовольныхъ онъ особенно легко могъ найти между Мессенянами своего города. Понятно тогда, почему онъ такъ напиралъ на свое Мессенское происхожденіе: онъ игралъ на національныхъ чувствахъ своей партіи ⁸⁾.

Но могъ быть случай, когда эта игра въ мессенофильство могла стать не особенно удобной. Такой случай насталъ.

Кромѣ завоеванія Занклы мы знаемъ за Анаксилаемъ еще одно: это его побѣда въ Олимпіи. Засвидѣтельствованъ этотъ фактъ наилучшимъ способомъ: 1) Симонидомъ, какъ это указываетъ приведенное мѣсто Гераклида Понтика 2) монетами Регинцевъ, на которыхъ, по свидѣтельству Аристотеля были изображены ἀπύγη и λαχός (Poll. V. 75 frg. 527). Къ сожалѣнію мы ничего не знаемъ объ эпиникии Симонида; только приведен-

⁸⁾ Ср. Busolt. I² 398.

ный у Гераклида Понтика стихъ и сохранился. Вокругъ побѣды и пѣсни сложился цѣлый рядъ анекдотовъ. Одинъ изъ нихъ мы уже читали въ изложеніи Гераклида. Кромѣ того мы читаемъ (Arist. Rhet. III. 2. 1405. b), что Симонида упрекали въ томъ, что, когда Анаксилай далъ ему мало денегъ, онъ отказался воспѣть его побѣду, говоря, что не прилично воспѣвать ему мурловъ; когда же побѣдитель далъ больше, онъ ему и сочинилъ эпиникий. Анекдотъ этотъ, несомнѣнно, такъ или иначе связанъ съ самой одой; на это указываетъ прибавка послѣ известной уже намъ цитаты изъ нея — *χαίρετ' ἄελλοπόδων θύγατρεις Ἴππων* — замѣчанія: *καίτοι καὶ τῶν ὄνων θύγατέρες ἦσαν*. Не указываютъ ли эти анекдоты на то, что многіе были не особенно довольны побѣдой богатаго Регинскаго *patroni*?

А нѣкоторые должны были быть недовольны. Мессенофильская политика Анаксилая должна была прежде всего показаться не особенно пріятной фактическимъ хозяевамъ, фактическимъ распорядителямъ Олимпійскаго праздника — Лакедемонянамъ, тѣмъ болѣе, что Анаксилай выступилъ демонстративно какъ Мессенянинъ. Едва ли тутъ не должно было возникнуть нѣкоторое столкновение интересовъ. Съ одной стороны Анаксилай защитникъ гонимыхъ Мессенянь, съ другой онъ участвуетъ въ праздникѣ, гдѣ главную роль играютъ Лакедемоняне.

Мы почти ничего не знаемъ о регламентѣ, которымъ руководились устроители Олимпійскаго праздника, но намъ известно, что цѣлый рядъ лицъ не допускался къ участию въ состязаніяхъ, не допускался по многимъ соображеніямъ, главнымъ образомъ, конечно, религіознаго характера; устраняли людей *ἐναγείς*, *ἄσβεῖς* и т. д.; практически устранялись, конечно, всѣ тѣ, которые по той или другой причинѣ оказывались неудобными гелландикамъ. — Гелландики выбирались изъ гражданъ Элиды, но извѣстно, какое на нихъ громадное давленіе оказывали Спартанцы — стоитъ только прочесть исторію Лихаса, какъ она рассказана у Фукидида (V. 49. 50), стоитъ вспомнить, какъ боялись тогда всѣ вооруженнаго нападенія со стороны Лакедемонянь, вполне справедливо устраненныхъ отъ участія въ празднествѣ.

Понятно, какъ должны были относиться гелландики ко всякому Мессенянину. Тутъ оказывается фактъ, поразившій Павсанія (VI. 2. 10).

Θαύμα δὲ εἶπερ ἄλλο τι καὶ τότε ἐποίησάμην. Μεσσηνίους γὰρ

ἐκ Πελοποννήσου φεύγοντας ἐπέλιπεν ἡ περὶ τὸν ἀγῶνα τύχη τὸν Ὀλυμπικόν. ὅτι γὰρ μὴ Λεοντίσκος καὶ Σύμμαχος τῶν ἐπὶ τῷ Πορθμῷ Μεσσηνίων, ἄλλος γε οὐδεὶς Μεσσήμιος, οὔτε Σικελιώτης οὔτε ἐκ Ναυπάκτου, δῆλός ἐστιν Ὀλυμπιάσιον ἀνηρημένος νίκην εἶναι δὲ οἱ Σικελιώται καὶ τούτους τῶν ἀρχαίων Ζαγκλαίων καὶ οὐ Μεσσηνίους φασί. συγκατῆλθε μέντοι Μεσσηνίους ἐς Πελοπόννησον καὶ ἡ περὶ τὸν ἀγῶνα τύχη τὸν Ὀλυμπικόν — слѣдуетъ имя побѣдителя, побѣдившаго ἐνιαυτῷ ὕστερον τοῦ οἰκισμού τοῦ Μεσσήνης.

Это дѣйствительно было бы очень странно; такъ, какъ это сообщаетъ Павсаній, оно, пожалуй, и дѣйствительно походило бы на чудо.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что фактъ подмѣченъ не самимъ Павсаніемъ — это ясно уже изъ возраженія Сицилійцевъ, которое, предшествуя книгѣ Павсанія, показываетъ, что утверженіе, которымъ оно вызвано, также ей предшествуетъ. Первоисточникомъ служить какой нибудь списокъ Олимпійскихъ побѣдителей, по поводу отсутствія въ которомъ Мессенянъ возникли споры и препирательства. Но такъ какъ чудесъ не бываетъ, то можно позволить себѣ допустить, что мы имѣемъ дѣло не съ случайностью, а съ возможно систематическимъ устраненіемъ Мессенянъ ⁹⁾.

Отчасти, впрочемъ, дѣло объясняется просто. Въ спискахъ, конечно, обозначалось официальное имя побѣдителя, обозначалось официальное названіе города, котораго гражданиномъ онъ былъ. Официальное имя «Мессенянъ» принадлежало только жителямъ Мессены Сицилійской, которой граждане и есть въ спискѣ, — хотя фактически они выдаются за Занклейцевъ. Поэтому въ официальныхъ Олимпійскихъ документахъ имя Мессенянъ могло встрѣчаться только крайне рѣдко. Этимъ я и объясняю то, что перечислявшіе побѣдителей Мессенянъ забыли Анаксилая. Въ списки онъ былъ занесенъ, какъ «Анаксилей Регинскій»; о Мессенскомъ его происхожденіи не могло быть ничего сказано, а изслѣдователь могъ о немъ не знать или забыть.

⁹⁾ Думаю, что слова Павсанія объ отсутствіи удачи у Мессенянъ не говорятъ противъ моего предположенія. Списковъ побѣжденных не было. Павсаній — его источникъ — умозаключаетъ: такъ какъ нѣтъ побѣдителей, то значить Мессенянамъ не везло, забывая о другой не менѣе вѣроятной возможности: Мессенянамъ не могло и везти, потому что они и не участвовали или очень рѣдко участвовали въ состязаніи.

Но это не объяснить всего. Исследователи не довольствовались одним обозначением списковъ, они доискивались и до смысла официального обозначения — искали и въ Навпактѣ и въ Сициліи.

Если, вслѣдствіе своей зависимости отъ Спарты, Элидяне старались устранить Мессенянъ, то имъ нужно было имѣть предлогъ. «Вы», говорили они приходившему Мессенянину, «ἀσεβεῖς и ἐυχεῖς, вы осквернили праздникъ Артемиды Лимнейской, простите, но мы васъ допустить не можемъ».

Что же дѣлать, когда чести участія въ играхъ добивается богатый и могущественный тиранъ Регія? Желаетъ онъ востязаться мулами, родъ состязанія очень еще недавно введенный, гдѣ кандидатовъ едва ли могло быть много. Какъ не допустить его? Но, какъ на бѣду, онъ прокламируетъ свое Мессенство. Конечно, и ему дѣлаются тѣ же заявленія, что и другимъ Мессенянамъ. И вотъ тогда-то онъ долженъ былъ отвѣчать: «Не спорю, Мессеняне въ древности осквернили храмъ, но я не отъ святотатцевъ происхожу. И тогда была партія, которая не только не совершила ничего неблагочестиваго, но, наоборотъ, заступилась за честь боговъ, и за то, благодаря богамъ, избѣжала общей участи своихъ соотечественниковъ. Посмотрите, не даромъ у насъ такъ чтутъ Артемиду». — Такимъ образомъ могъ бы быть созданъ компромиссъ между Мессенскими симпатіями Анаксилая и необходимостью менажировать чувства Лакедемонянъ. Конечно, гелландики не стали бы особенно тщательно анализировать основаній тирана.

Такимъ представляется мнѣ происхождение того разсказа о происхожденіи Мессенянъ Регія, который, очевидно, въ ихъ интересахъ отдѣляетъ ихъ отъ остальныхъ соотечественниковъ.

Само собою понятно, что мы можемъ говорить о преданіи только въ самыхъ общихъ его чертахъ. Источникъ Страбона могъ расширить Анаксилаевскую версію.

Очень соблазнительно было бы отнести первое литературное появленіе преданія — а, значить, и первый источникъ всѣхъ нашихъ версій — къ Симониду. Воспѣвая олимпіоника Анаксилая, поэтъ долженъ былъ коснуться и его благочестія, и его благочестивыхъ предковъ и, по этому поводу, говорить о Лимнейскомъ

праздникъ и оскорбленіи дѣвицы ¹⁰⁾. Вокругъ эпиникія сгруппировались анекдоты.

Для насъ важнѣй всего слѣдующій выводъ, непосредственно вытекающій изъ нашей гипотезы. Преданіе о дѣвушкахъ, потерпѣвшихъ на праздникъ Артемиды Лимнейской, древнѣ Анаксилая, древнѣ Персидскихъ войнъ. Уже въ эту эпоху вина приписывается Мессенянамъ. Другое дѣло — вопросъ о томъ, выставлялась ли тогда эта исторія, какъ причина войны. Самая несомнѣнная черта преданія — это связь съ Артемидой Лимнейской.

На почвѣ этого признаннаго въ существенныхъ чертахъ преданія развиваются 2 версіи, изложенныя у Павсанія, и поставленныя имъ въ связь съ началомъ Мессенско-Лаконской вражды

1) Версія Лакедемонская: Рассказавши о томъ, что есть *ἐπὶ τοῖς ὄροις τῆς Μεσσηνίας* святилище *Ἀρτέμιδος καλουμένης Λιμνάτιδος*, метейхон δὲ αὐτοῦ *μόνοι Δωριέων οἱ τε Μεσσηῖοι καὶ οἱ Λακεδαιμόνιοι*, Павсаній продолжаетъ (IV. 4 2): *Λακεδαιμόνιοι μὲν δὴ φασι ὡς παρθένους αὐτῶν παραγενομένης ἐς τὴν ἑορτὴν αὐτὰς τε βιάσαιντο ἄνδρες τῶν Μεσσηνίων, καὶ τὸν βασιλέα σφῶν ἀποκτείνειν πειρώμενον κωλύειν, Τήλεκλον Ἀρχελάου τοῦ Δορύσσου τοῦ Λαβότα τοῦ Ἐχεστράτου τοῦ Ἄγιδος.*

На вариантъ Лакедемонянъ основанъ Мессенскій. Въ Лаконскомъ преданіи 2 факта: убитъ царь Телеклъ, погибли дѣвушки. И то и другое совершилось на праздникъ Артемиды Лимнейской. Мессеняне ¹¹⁾ (IV. 4. 3) ничего этого не отрицаютъ, они желаютъ только показать, что вины то въ этомъ за ними нѣтъ никакой. Убитъ то мы убили, но какъ? — *Μεσσηῖοι δὲ τοῖς ἐλθούσι σφῶν εἰς τὸ ἱερόν πρωτεύουσιν ἐν Μεσσηνίᾳ κατὰ ἀξίωμα, τούτοις φασι ἐπιβουλεύσαι Τήλεκλον, αἴτιον δὲ εἶναι τῆς Μεσσηνίας τὴν ἀρετὴν, ἐπιβουλεύοντα δὲ ἐπιλέξαι Σπαρτιατῶν ὅποσοι πω γένεια οὐκ εἶχον, τούτους δὲ ἐσθῆτι καὶ κόσμῳ τῇ λοιπῇ σκευάσαντα ὡς*

¹⁰⁾ Пребываніе Мессенянъ въ Макистѣ, городѣ Трифиліи, не есть ли комплиментъ Элиדיнамъ?

¹¹⁾ Я говорю «Мессеняне», «Лакедемоняне» вовсе не потому, что считаю разбираемыя преданія народными или официальными. Это и будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Употребляю это обозначеніе потому, что оно коротко и удобно.

παρθένους ἀναπαυομένους τοῖς Μεσσηνίοις ἐπεισαγαγεῖν, δόντα ἐγχειρίδια. καὶ τοὺς Μεσσηνίους ἀμυνομένους τοὺς τε ἀγενεῖους νεανίσκους καὶ αὐτὸν ἀποκτεῖναι Τηλέκλον. Λακεδαιμονίους δὲ, οὐ γὰρ ἄνευ τοῦ κοινοῦ ταῦτα βουλευσαί σφῶν τὸν βασιλέα, συνειδόμενος ὡς ἄρξαιεν ἀδικίας, τοῦ φόνου σφᾶς τοῦ Τηλέκλου δίκας οὐκ ἀπατήσαι.

Разсказъ отвѣчаетъ на обвиненія Лакедемонянъ и безъ нихъ невозможенъ. Характерно, какъ вмѣстѣ и сохранена связь съ Артемидой и разорвана. Событіе дѣйствительно произошло во время праздника, но ни въ какомъ къ нему отношеніи не стоитъ. Этотъ фактъ особенно ярко показываетъ, что Артемида въ преданіи дана.

Версія удивительно напоминаетъ разсказъ о томъ, какъ Фиванскіе патріоты подъ предводительствомъ Пелопида убили тиранновъ — разсказъ строго историческій и вполне послѣдовательный. Тиранны — ограниченный небольшимъ количествомъ кругъ лицъ — собираются на ужинъ въ одинъ домъ; убить ихъ вмѣстѣ можно. Ихъ убійство заставитъ подняться недовольныхъ гражданъ и отдастъ въ руки заговорщиковъ власть. Переодѣтые заговорщики проникаютъ въ залъ, гдѣ пируютъ тиранны, въ качествѣ танцовщицъ — ясно, почему они введены. Иное дѣло въ нашемъ разсказѣ. Вмѣсто тиранновъ говорится объ *οἱ πρωτεύοντες ἐν Μεσσήνῃ κατὰ ἀξίωμα*. Какимъ образомъ собраны они вмѣстѣ? Что выиграютъ Спартіаты, если убьютъ ихъ? Подъ какимъ предлогомъ введены дѣвушки? Очевидно въ этомъ заключается весь планъ Телекла. Обстоятельство очень щекотливое. Не есть ли это нѣчто вродѣ скрытаго признанія въ томъ, что преданіе знаетъ кое-что о чемъ то недалеко отъ изнасилованія? Результатъ хитрости тутъ однако не такой, какъ въ Фивахъ. Мессеняне защищаются и убиваютъ нападающихъ и съ ними Телекла. А Телеклъ то въ качествѣ чего проникъ въ зданіе? У него то борода, можно надѣяться, была. И въ чемъ обчелся Телеклъ? Почему могли защищаться Лакедемоняне?

Само собою понятно, что я вовсе не желаю доказывать, что мы имѣемъ дѣло вовсе не съ историческимъ событіемъ: это и само собою понятно. Всѣ указанныя недоразумѣнія и неясности имѣютъ цѣлью показать, что предъ нами не сага, а произвольная тенденціозная обработка даннаго преданія. Въ образецъ взять историческій фактъ, но у составителя не хватило фан-

тази для того, что бы приноровить его къ даннымъ ему премиссамъ ¹²⁾).

Мы имѣемъ дѣло съ аргументаціей Мессенянъ. Требуется доказать, что Мессеняне невинны — а, такъ какъ кто нибудь да виновать же, то виновны сами Спартанцы. Спартанцы знаютъ за собой вину—*ἄτε συνειδότες ὡς ἀρχαίην ἀδικίαν*—это выводъ изъ аргументаціи Мессенянъ. Факты, на которыхъ этотъ выводъ основанъ, не должны итти въ разрѣзъ съ данными преданія. «Вы не требовали удовлетворенія, значить и т. д.» говорятъ Мессеняне. Очевидно, въ преданіи нѣтъ ничего объ удовлетвореніи—иными словами: преданіе не связываетъ исторіи убійства Телекла съ Мессенско-Лаконскими отношеніями, съ Мессенско-Лаконской войной.

Тоже самое ясно изъ того, что слѣдующій поводъ къ войнѣ относится къ слѣдующему поколѣнію. Правда, такъ какъ Телеклъ былъ убитъ, слѣдующее поколѣніе наступило сейчасъ же, но эта смѣна поколѣній проводится вполне послѣдовательно: смѣняется и царь изъ второй линіи царей Лакедемонскихъ, смѣняются и цари въ Мессеніи, т. е. въ источникѣ событія рассказано по поколѣніямъ царей (конечно, Лакедемонскихъ, ибо смерть Лаконскаго царя заставляетъ замѣнить всѣ имена).

Такимъ образомъ между Телекловымъ казусомъ и исторіей Полихара, которой мы сейчасъ займемся, устанавливается нѣкоторый промежутокъ, и смерть Полихара выставляется затѣмъ, какъ одинъ изъ поводовъ, въ концѣ концовъ поведшихъ къ объявленію войны, наравнѣ съ исторіею Кресфонта. *Λακεδαιμόνιοι δὴ Πολυχάρου τε ἔνεκα οὐκ ἐκδοθέντος σφίσι καὶ διὰ τὸν Τηλέκλου φόνον καὶ πρότερον ἔτι ὑπόπτως ἔχοντες διὰ τὸ Κρεσφόντου κακοῦργημα ἐς τὸν κληρὸν πολεμῆσαι λέγουσι* (Paus IV. 51). Выводъ самъ собой понятенъ. Исторія убійства Телекла, равно какъ и рассказъ о гибели дѣвушекъ, находятся внѣ связи съ Мессенской войной; они существуютъ сами по себѣ, основываясь на культѣ Артемиды Лимнатиды.

Низе въ много разъ указанной статьѣ своей старался показать, что на Артемиду храма, бывшаго на Мессенско-Лакон-

¹²⁾ Xenoph. Hell V, 4, 1—10 v. Stern O. l. 44 sqq. Едва ли можно сомнѣваться, что вліяніе на нашъ рассказъ оказали и рассказы о томъ, какъ Солонъ (Plut. Sol. V) обманулъ Мегарянъ, одѣвъ въ платье Афинскихъ женщинъ безбородыхъ юношей.

ской границѣ, перенесены многія черты Ἄρτεμις Ὀρθία Λυγέ-δεσμος, имѣвшей культъ въ Спартанскомъ кварталѣ Λίμνηι¹³⁾. Не вдаваясь въ рѣшеніе этого вопроса вообще, можно, однако, съ увѣренностью предположить, что разбираемое нами преданіе, какъ преданіе чисто Спартанскаго происхожденія, именно съ чисто Спартанскимъ храмомъ и связано. И дѣйствительно, въ особенностяхъ культа Ἄρτεμις Ὀρθία есть черты, дающія возможность развить наше преданіе. Объясняя извѣстный обрядъ сѣченія мальчиковъ предъ алтаремъ богини, говорили (Paus. III. 16. 9), что онъ замѣняетъ человѣческія жертвы, а эти послѣднія были введены для умилостивленія разгнѣванной богини. А разгнѣвалась она потому, что отдѣльныя части Спарты во взаимной борьбѣ дошли до убійствъ и трупами осквернили жертвенникъ богини. Это преданіе объ убійствахъ, совершенныхъ у алтаря богини, о борьбѣ, въ которой погибли Спартанцы, будучи перенесено на храмъ Артемиды Λιμνάτις, должно было превратиться въ борьбу съ Мессенянами. Несчастіе съ дѣвушками, можетъ быть и не связанное съ предъидущимъ, могло корениться въ какомъ нибудь δρῶμενον, подобномъ тому, которое мы благодаря Плутарховой біографіи Солона знаемъ на Саламинѣ. Мы знаемъ, что въ культѣ Артемиды Ὀρθία участвовали и хоры дѣвушекъ (Plut. Thes. 31). Богиня дѣвственница, покровительница дѣвственницъ, могла въ культѣ быть связанной съ исторіей покушенія на дѣвственность ея спутницъ.

Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаетъ особое значеніе странное замѣчаніе Павсанія (IV. 4. 2): ἔστιν ἐπὶ τοῖς ἔροισι τῆς Μεσσηνίας ἱερὸν Ἀρτέμιδος καλουμένης Λιμνάτιδος, μετεῖχον δὲ αὐτοῦ μόνοι Δωριέων οἱ τε Μεσσηνιοὶ καὶ οἱ Λακεδαιμόνιοι. Здѣсь, конечно, вполне понятно, что указаны Мессеняне и Лакедемоняне, но почему Павсаній настаиваетъ на томъ, что только тѣ и другіе участвуютъ въ культѣ? Такъ какъ вся традиція въ основѣ Лакедемонская, то на счетъ Лакедемонянъ слѣдуетъ отнести и это μόνοι. Извѣстно, что совершено преступленіе — первоначально Спартанцами же. Но теперь дѣло пріурочено къ Мессенско-Лаконскому святилищу. Кто же его совершилъ? «Не мы», говорятъ Спартанцы: «нашъ же царь убить. Значитъ это

¹³⁾ Cp. Preller — Robert G. M. I. 308.

совершили вы, Мессеняне, ибо только мы да вы и имѣли доступъ къ священнодѣйствіямъ».

Такимъ образомъ, сущность извѣстія ясна. Въ основѣ лежитъ Спартакское преданіе, основанное на храмовой легендѣ и первоначально стоящее внѣ всякой связи съ Мессенской войной, вѣроятно не имѣющее ровно ничего общаго и съ Мессенянами. Мессенская версія есть не что иное, какъ опроверженіе Лаконской, составленное на основаніи событій исторіи Пелопида и Фиванскихъ тиранновъ и, слѣдовательно, слѣдующее по времени за эпохой Фиванской гегемоніи и, вѣроятно, возстановленія Мессены.

Рядомъ съ этой причиной войны Спартакцы указывали и на другую, непосредственно предшествующую началу ея. Вотъ какъ рассказываетъ объ ней Павсаній (IV. 4. 4 sqq.).

Полихаръ, побѣдившій на стадіи въ 4-й Олимпіадѣ, имѣлъ много скота, но мало земли, а потому и поручилъ пасти свое стадо Лаконянину Эвайфону. Эвайфонъ же — ἦν δ' ἄρα τοιόςδε τις Εὔαιφνος, κέρδη τε ἄδικα ἐπίπροσθεν ἢ πιστὸς εἶναι ποιούμενος καὶ ἄλλως αἰμίβλος—продалъ стадо и пастуховъ чужеземнымъ купцамъ, а Полихару сказалъ, что его ограбили. Но въ то время, какъ онъ это рассказывалъ, одинъ изъ пастуховъ, проданныхъ имъ купцамъ, убѣжалъ, явился къ Полихару и уличилъ Эвайфона въ обманѣ.

Обманщикъ ἀλισκόμενος καὶ οὐκ ἔχων ἀπαρνήσασθαι, πολλὰ μὲν αὐτὸν Πολυχάρην, πολλὰ δὲ καὶ τοῦ Πολυχάρους τὸν παῖδα ἐκέλευε νεῖμαί οἱ συγγνώμην· ἐν γὰρ τῇ ἀνθρωπίνῃ φύσει καὶ ἄλλων ἐνόητων ἐφ' οἷς βιαζόμεθα ἄδικοι γίνεσθαι, τὰ κέρδη μεγίστην ἀνάγκην ἔχειν.

Полихаръ его прощаетъ и посылаетъ съ нимъ сына за деньгами, которыя тотъ выручилъ за быковъ. Эвайфонъ убиваетъ юношу. Полихаръ требуетъ законнымъ путемъ, — жалуюсь и царямъ и эфорамъ — удовлетворенія. Ему отказываютъ—ἐνταῦθα παρετράπη τε ὁ Πολυχάρης ἐκ νοῦ καὶ τῷ θυμῷ χρώμενος ἅτε ἔχων ἀφειδῶς ἤδη καὶ αὐτοῦ, πάντα τινὰ ὄν λάβοι Λακεδαιμονίων ἐτόλμα φρονεῖν.

Спартакцы требуютъ его выдачи. Въ Мессеніи 2 партіи: царь Андроклъ и его приверженцы за выдачу, царь Антиохъ противъ нея. Борьба партій кончается убійствомъ Андрокла. Антиохъ предлагаетъ Спартакцамъ предложить вопросъ на рѣшеніе тре-

тейскаго суда. Лакедемоняне и не отвѣчаютъ на это предложеніе. Λακεδαιμόνιοι οὔτε κήρυκα ἀποστέλλουσι προερούντα Μεσσηνίους πόλεμον, οὔτε προαπειπάμενοι τὴν φιλίαν, κρύφα δὲ καὶ μάλιστα ὡς ἐδύναντο ἐν ἀπορρήτῳ παρασκευασάμενοι, προομνύουσι ὄρκον μῆτε τοῦ πολέμου μήκος, ἢν μὴ δι' ὀλίγου κριθῆ, μῆτε τὰς συμφορὰς, εἰ μεγάλαι πολεμοῦσι γένοιτο, ἀποτρέφειν σφᾶς πρὶν ἢ κτήσαιντο τὴν χώραν τὴν Μεσσηνίων δοριάλωτον. Ταῦτα προομύσαντες ἔξοδον νυκτὸς ἐποίησαντο ἐπὶ Ἄμφειαν. . . . καὶ τό τε πόλισμα αἰρούσι πύλων ἀνεφγμένων καὶ φυλακῆς οὐκ ἐνούσης καὶ τῶν Μεσσηνίων τοὺς ἐγκαταληφθέντας φονεύουσι, τοὺς μὲν ἔτι ἐν ταῖς εὐναῖς, τοὺς δὲ ὡς ἤσθοντο πρὸς ἱερὰ θεῶν καὶ βωμοὺς καθημένους ἰκέτας· ὀλίγοι δὲ καὶ οἱ διαφυγόντες ἐγένοντο. Ταύτην Λακεδαιμόνιοι πρῶτην ἐπὶ Μεσσηνίους ἔξοδον ἐποίησαντο ¹⁴⁾.

¹⁴⁾ Бузольтъ Zu den Quellen der Messeniaka des Pausanias, Neue Jahrbücher für Philologie 1883 pg. 816, весьма остроумно сравниваетъ приведенное описаніе съ описаніемъ ночнаго нападенія Θиванцевъ на Платеи, которое мы читаемъ у Θυкидида. Die Lakedaimonier ziehen nachts und überfallen Amphieia ohne den Krieg angekündigt zu haben. Ebenso beginnt der Peloponnesische Krieg mit dem nächtlichen Ueberfalle Plataias. Die Thebaner dringen ein φυλακῆς οὐ προκαθεστηκυίας und die mit ihnen im Einvernehmen handelnden Plataier ἀνέφξαν τὰς πόλας. Die Lakedaimonier τὸ πόλισμα αἰρούσι πύλων ἀνεφγμένων καὶ φυλακῆς οὐκ ἐνούσης (здѣсь Бузольтъ нѣсколько увлекся своимъ сравненіемъ. У Θυкидида черта индивидуальная. Θиванцамъ отворили врата. У Павсанія врата отворены, и каждый непредубѣжденный читатель пойметъ, что они отворены случайно; фактъ долженъ характеризовать состояніе глубокаго покоя и полной увѣренности въ мирѣ жителей Амфеи — и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркивать вѣроломство Спартанцевъ. У Θυкидида мы имѣемъ дѣло съ чертой исторической, у Павсанія реторической). Die Lakedaimonier treffen die Bewohner theilweise ἐν ταῖς εὐναῖς. Der Ueberfall Plataias geschah περὶ τὸν πρῶτον ὕπνον. — Мнѣ еще придется указывать на то вліяніе, которое оказалъ Θυкидидъ и другіе писатели на источникъ Μεσσηνιακά Павсанія, но, кажется, здѣсь сходство можетъ быть объяснено и безъ прямого заимствованія — простымъ примѣненіемъ общихъ мѣстъ. Случилось то, что всегда случается при внезапномъ захватѣ города — думалъ риторъ и расписываетъ событіе тѣми красками, которыя есть на палитрѣ любого ратора, готовые для всякаго случая (сfr. ex. gr. Thuc III. 81). — Но если даже вся обстановочная часть и заимствована, то это вовсе не даетъ намъ права вмѣстѣ съ Бузольтомъ отрицать и самый фактъ нападенія на Амфею. Наоборотъ, кажется, слѣдуетъ предполагать наличность факта, который далъ возможность ратору пустить въ ходъ свою реторику. Но только предполагать. Рѣшеніе вопроса объ историчности или неисторичности факта зависитъ отъ другихъ соображеній.

Очевидно, въ основѣ лежитъ разсказъ о томъ, что Полихаръ убивалъ какихъ то или кого то изъ Спартанцевъ, что Спартанцы требовали удовлетворенія—выдачи Полихара—и что онъ не былъ выданъ имъ. Спартанцы и говорятъ, что начали по этой причинѣ войну.

На это отвѣтъ. 1) Правда Полихаръ убивалъ Спартанцевъ, когда и сколько могъ. Но почему? Онъ былъ глубоко обиженъ, онъ, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ получить въ Спартѣ законнаго удовлетворенія, онъ помѣшался отъ горя. 2) Мессеняне считаютъ выдачу Полихара дѣломъ несправедливымъ; если Лакедемоняне съ ними не согласны, пусть обратятся къ третейскому суду ¹⁵⁾. 3) Исторія Полихара есть только предлогъ. Если бы вы не были и безъ того враждебны къ намъ, дѣло было бы улажено. Вы и всегда отличались жадностью, съ начала вашей исторіи и до самихъ позднихъ временъ. 4) Допустимъ, наконецъ, что мы дѣйствительно были виноваты. Но развѣ порядочные люди такъ начинаютъ войну? Вы самимъ способомъ ея начала лишили себя права на симпатіи всѣхъ честныхъ людей. Мы видимъ, что все, что мы читаемъ у Павсанія, направлено къ одной цѣли, что все это есть послѣдовательное опроверженіе, по пунктамъ, положеній Спартанцевъ: Мы начали войну потому то и потому то. — Само собой понятно, что мы имѣемъ дѣло не съ преданіемъ. Преданіе не бываетъ такъ послѣдовательно и логично. Предъ нами произведеніе теоретическое, предъ нами реторическое упражненіе — политическаго, или, гораздо вѣроятнѣй, моральнаго характера, вродѣ *Μεσσηνιακός* Алкидама, или, вѣроятнѣй, тѣхъ упражненій Элія Аристида, въ которыхъ онъ обсуждалъ вопросъ, слѣдуетъ ли объявлять войну Лакедемонянамъ. Реторическій оттѣнокъ такъ ясенъ, что совершенно лишнимъ было бы останавливаться на частностяхъ. Уже того ряда историческихъ указаній, которыми иллюстрируется жадность Лакедемонянъ, достаточно для того, чтобы его себѣ выяснитъ. *Terminus post quem* опредѣляется Аполлодоромъ, бывшимъ тираномъ въ Кассандрѣ (около 276 г. а. С. Н.).

¹⁵⁾ м. п. суду Ареопага, — которому по самому его характеру нечего здѣсь дѣлать. Ужъ одной этой вставки достаточно, чтобы доказать очень позднее происхожденіе версіи. Оратору неясны функціи и значеніе Аѳинскаго судилища.

Разсужденія Мессенианъ, лучше сказать, защищающаго ихъ дѣло ритора — очень остроумны, но — *audiatur et altera pars!*

То же преданіе о Полихарѣ передаетъ и одинъ экскерптъ изъ Діодора (VIII. 7). Въ общемъ оба разсказа сходны, но есть и отличія, очень, какъ мы увидимъ, существенныя.

Павсаній говорятъ, что Полихаръ былъ *τά τε ἄλλα οὐκ ἀφανής καὶ νίκην Ὀλυμπιάσιν ἀνηρημένος*. У Діодора именно эти *ἄλλα* и указаны — *πλοῦτος καὶ γένος*. Имѣлъ ли Павсаній дѣйствительно что нибудь въ виду своимъ *ἄλλα* или это пустой риторическій приѣмъ (ср. IV. 5. 6. *Ἀντίοχος δὲ ἄλλα τε ἀντέλεγε καὶ τὸ ἀπάντων οἴκτιστον; ἄλλα* только рельефнѣй отгвѣняетъ вторую часть разчлененнаго предложенія), нельзя рѣшить, а потому это различіе ничего не доказываетъ; но то, что Діодоръ не говоритъ объ Олимпійской побѣдѣ, заставляетъ задуматься. Почему бы Діодоръ сталъ выпускать этотъ фактъ, если бы нашелъ упоминаніе его въ своемъ источникѣ? Еще большее значеніе имѣетъ слѣдующее отличіе. По Павсанію Эвайфонъ продаетъ все стадо, у Діодора онъ продаетъ часть его; а изъ этого отличія вытекаютъ дальнѣйшія. У Павсанія Эвайфонъ самъ приходитъ къ Полихару и разсказываетъ, какъ его ограбили. У Діодора онъ остается дома — понятно почему: онъ остается со стадомъ. Поэтому и способы раскрытія обмана разные. У Павсанія одинъ изъ пастуховъ неизвѣстно какимъ образомъ убѣжалъ Діодоръ знаетъ, кто были купцы, куда они плыли, благодаря какой случайности убѣжали пастухи. У Павсанія убѣжавшій пастухъ застаётъ Эвайфона у Полихара и тутъ же уличаетъ его въ обманъ. У Діодора Полихаръ вызываетъ къ себѣ Эвайфона, и, когда тотъ разсказываетъ о судьбѣ пастуховъ, онъ ихъ ему показываетъ. Эвайфонъ уличенъ, обращается къ просьбамъ, обѣщаетъ возратить быковъ. Полихаръ прощаетъ его и посылаетъ съ нимъ сына за быками. Эвайфонъ убиваетъ юношу.

Не можетъ быть и рѣчи о томъ, что эти необходимыя отличія разсказа были случайны; несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ различными литературными обработками преданія. Но здѣсь отличія совершенно невинны; къ такимъ отличіямъ насъ приучили трагики: одна версія кажется писателю почему либо литературно болѣе удобной, чѣмъ другая.

Далеко не такъ невинно дѣло дальше. *Πολυχάρη ὡς ἐπὶ τηλικούτοις ἀνομήμασι ἀγανακτεῖν καὶ τὸν αἴτιον ἐξαίτεῖν*. τούς δὲ Λα-

κεδαμονίους τούτω μὴ προσέχειν, τὸν δὲ υἷὸν Ἐθαίφνου μετ'ἐπιστολῆς εἰς Μεσσήνην ἀποστείλαι δηλοῦντα, διότι Πολυχάρης εἰς Σπάρτην κατηγορεῖτω περὶ ὧν ἔπαθεν ἐπὶ τε τῶν ἐφόρων καὶ τῶν βασιλέων. τὸν δὲ Πολυχάρη τυχόντα τῶν ἴσων τὸν τε νεανίσκον ἀνελεῖν καὶ τὴν πόλιν ῥυσιάζειν.

Тутъ тенденція очевидно не та, что у Павсанія. У послѣд-
няго Полихаръ, возмущенный преступленіями Эвайфона, φοιτῶν εἰς
Λακεδαίμονα τοῖς βασιλεῦσι ἦν καὶ τοῖς ἐφόροις δι' ὄχλου
— и требовалъ у нихъ удовлетворенія; версія Діодора это прямо
отрицаетъ. Полихаръ направляетъ свои требованія изъ Мес-
сеніи — Спартянцы только того и требуютъ, чтобы онъ пришелъ
въ Спарту и законнымъ путемъ предъ царями и эфорами искалъ
правды. Очевидно Спартянцы дѣйствуютъ вполне справедливо:
они не отказываютъ Полихару въ его правѣ, самъ Полихаръ
не хочетъ его добиваться. Спартянцы въ полномъ довѣрїи къ
своему праву посылаютъ въ Мессенію сына Эвайфона — именно
то лицо, которое они меньше всего отдали бы въ руки Поли-
хара, если бы хотѣли его обидѣть. Полихаръ не желаетъ закон-
наго пути, онъ прибѣгаетъ къ собственному суду. Вмѣсто того,
чтобы пойти въ Спарту, онъ убиваетъ сына Эвайфона. Теперь
то ему, очевидно, не на что жаловаться: онъ получилъ свое: его
сына убилъ Эвайфонъ, онъ убилъ сына Эвайфона, онъ τῶν ἴσων
ἔτυχεν (вѣроятно это хотѣлъ выразить своей темной фразой эк-
сцерпторъ; напрасно Reiske вставляетъ между ἴσων и τυχόντα μὴ).
Если ктонибудь можетъ обижаться, то конечно Спартянцы. Какъ
ни какъ, а молодой человекъ ихъ посолъ.

Къ сожалѣнію, послѣднія слова — καὶ τὴν πόλιν ῥυσιάζειν —
совершенно не понятны — коньектуры Vogel'я ἔπαυλιν или ποιωνῆν
мало помогаютъ. — Я предположилъ бы, что за ῥυσιάζειν скры-
вается глаголъ, означающій наносить ущербъ или что нибудь
подобное: Полихаръ и юношу убилъ, и городу Спартянцевъ вре-
дилъ — т. е. предположилъ бы то же, что разсказывается у Пав-
санія, что никакимъ образомъ не объясняется Мессенской тен-
денціей Павсаніевскаго разсказа, а, идя съ ней въ разрѣзъ,
очевидно ему предшествуетъ

Такъ какъ мы видѣли, что самая важная черта преданія —
это требованіе выдачи Полихара Спартянцами, то я считаю
себя въ полномъ правѣ предположить, что у Діодора она тоже
была, а эксцерпторомъ выброшено за ненужностью. Понятно,

что въ этой связи требованіе выдачи получаетъ совершенно другой смыслъ, становится совершенно основательнымъ. Какъ бы то ни было, если даже не прибѣгать къ тѣмъ — кажется, вполне естественнымъ — предположеніямъ, которыя я себѣ позволилъ, станетъ до очевидности ясно, что 1) обѣ версіи — Павсаниевская и Діодоровская находятся во взаимной связи. 2) версія Діодора окрашена Спартанской тенденціей. 3) оба извѣстія не восходятъ къ одному источнику, не произошли отъ одной литературной обработки преданія.

Есть ли въ исторіи Полихара черты, принадлежащія какому нибудь дѣйствительному преданію, я не берусь рѣшать, но если они есть, то, конечно, состоятъ только въ томъ, что убитъ Мессенянами Спартанецъ или нѣсколько Спартанцевъ, лучше сказать, что, какъ мы видѣли изъ анализа преданія о смерти Телекла, убійство одного или многихъ Спартанцевъ, засвидѣтельствованное преданіемъ, приписывается Мессенянамъ. Затѣмъ на этой почвѣ строится объясненіе войны въ духѣ спартанофильскомъ: рассказывается о томъ, что Спартанцы требуютъ выдачи обидчика, котораго Мессеняне не хотятъ выдать — *inde ius*; т. е., *summa summaum*: преданіе о Полихарѣ есть не что иное, какъ другая версія преданія о Телеклѣ, но, оборвавши связь съ легендой храма Артемиды Лимнатиды, она разрастается влѣдствіе произвольнаго соединенія съ другими сагами или *quasi*-сагами, не стоящими первоначально съ нею ни въ какой связи.

Сходство обоихъ преданій идетъ еще дальше.

Въ исторіи Телекла было рассказано, что были въ Мессеніи 2 партіи; одна требовала *δοῦναι δίκην ὑπὲρ τῆς φθορᾶς τῶν παρθένων τῆς ἐν Λίμναις γενομένης τοῖς Λακεδαιμονίοις*, другая была противъ этого. Очевидно здѣсь мы имѣемъ версію, утверждавшую, что Лакедемоняне требовали удовлетворенія (мы видѣли у Павсанія версію, которая не имѣла этой послѣдней черты). Вторая партія была побѣждена, и должна была бѣжать.

Въ исторіи Полихара мы имѣемъ точь въ точь то же самое, съ той незначительной и плохо мотивированной разницей, что глава одной изъ партій убитъ.

Насколько оправдывается убійство Андрокла? Партіи спорятъ. Андроклѣ за выдачу. Антиохъ говоритъ патетическую рѣчь противъ мнѣнія Андрокла. Ожесточеніе между противными партіями до-

ходить до того, что они берутся за оружіе. Въ свалкѣ Андроклѣ убитъ. Теперь у Антиоха руки развязаны: ему остается только отказать Спартанцамъ, но онъ посылаетъ къ нимъ съ предложениемъ прибѣгнуть къ третейскому суду. Спартанцы — то могли отказать отъ него, но незахѣмъ было Андроклу и его партіи возставать противъ этого очень мирнаго предложенія — право же не были никакого резона изъ за этого рѣзаться. Мотивировка очень слаба. Въ этомъ мѣстѣ, въ этой связи рассказъ совершенно неумѣстенъ, а это показываетъ, что онъ не въ органической связи съ остальнымъ рассказомъ; онъ есть не что иное, какъ диттографія. Въ исторіи Телекла рассказывается о томъ, что была партія, которая спасла бы Мессенію, если бы не ослѣпление противниковъ — и здѣсь та же добродѣтельная партія и то же ослѣпление противниковъ.

Въ диттографіи этой до извѣстной степени была нужда. Дѣло въ томъ, что Андроклѣ, какъ эпонимный герой, и родъ, котораго онъ былъ эпонимомъ, — величина извѣстная, съ которой приходилось считаться. Андроклиды извѣстный жреческій родъ въ Аѳинахъ, имъ принадлежала власть въ Эвесѣ ¹⁶⁾ — къ роду Андроклидовъ принадлежалъ м. п. философъ Гераклитъ. Выводя свой родъ изъ Мессеніи, они, естественно, должны были считать, или, покрайней мѣрѣ, нѣкоторые могли считать, что выселеніе ихъ въ связи съ войною. Нужно, значить, было эту связь возстановить. Но главное не въ этомъ, — а въ томъ, что послѣ первой Мессенской войны Лакедемоняне τῆς γῆς τῆς Μεσσηνιακῆς Ἀσιναιοὶ μὲν ἀνεστηκόσιν ὑπὸ Ἀργείων διδόντων ἐπὶ θαλάσῃ ταύτην ἦν καὶ νῦν ἔτι οἱ Ἀσιναιοὶ νέμονται, τοῖς δὲ Ἀνδροκλέους ἀπογόνους, ἦν γὰρ δὴ καὶ θυγάτηρ Ἀνδροκλεί καὶ παῖδες τῆς θυγατρὸς, φεύγοντες δὲ ὑπὸ τὴν τελευταίην τοῦ Ἀνδροκλέους ᾤχοντο εἰς Σπάρτην, τοῦτοις τὴν Ἰαμεῖτιν καλουμένην ἀπονέμουσι (IV. 15. 7). Эти потомки Андрокла не идентичны съ тѣми, которые принимаютъ столь энергичное участіе во второй Мессенской войнѣ, хотя, несомнѣнно, Павсаний ихъ путаетъ. Но, оставляя даже это отличіе въ сторонѣ, одно отсюда слѣдуетъ: Преданіе знаетъ, что въ Гіамеѣ живетъ или жилъ родъ Андроклидовъ, что онъ въ Мессеніи, среди поработеннаго населенія, пользуется, или пользо-

¹⁶⁾ Töpfer griech. Genealogie. 244. Ср. Pauly — Wissowa I. 2145.

вался особыми привилегіями. Этотъ родъ связанъ съ Аѳинскими и Эфесскими родичами, а чрезъ нихъ и съ Мессенской войной. Естественно было, поэтому, въ Мессенской войнѣ искать объясненія ихъ особому въ Мессеніи положенію — остальное вполнѣ понятно. Требовалось отыскать только противника Андроклу. Эту неблагодарную роль взялъ на себя Антиохъ, который рѣшительно самъ по себѣ не нуженъ. Онъ только всего и дѣлаетъ, что спорить съ Андрокломъ, посылаетъ въ Спарту посла, и затѣмъ умираетъ. Андрокла и придуманнаго вмѣстѣ съ нимъ Антиоха нужно было помѣстить въ схему. Ничего и не было легче. Спартанская генеалогія у Павсанія слѣдующая — параллельно привожу Мессенскую.

Спартанская генеалогія.

Мессенская генеалогія.

Αριστόδημος

а) Προκλής	а) Εὐρυσθένης	а) Κρεσφόντης
б) Σόος	1) Ἄγις	1) Αἴπυτος
1) Εὐρυπῶν	2) Ἐχέστρατος	2) Γλαῦκος
2) Πρύτανις	3) Λαβῶτας	3) Ἴσθμιος
3) Εὐνομος	4) Δόρυσσος	4) Δωτάδας
4) Πολυδέκτης	5) Ἀγγησίλαος	5) Συβότας
5) Χάριλλος	6) Ἀρχέλαος	6) Φίντας
6) Νικανδρος	7) Τήλεκλος	7) Ἀνδροκλῆς, Ἀντίοχος
7) Θεόπομπος	8) Ἀλκαμένης	8) Εὐφάης.

Мы знаемъ ¹⁷⁾, что Мессенская хронологія составлена по Лаконской, мы знаемъ, что вообще счетъ ведется по поколѣніямъ. Точно также поступили и въ данномъ случаѣ. Въ преданіи дано, что Теопомпу соответствуетъ Эвфаесъ — онъ и поставленъ въ связь съ Теопомпомъ. Спартанскія поколѣнія Павсаній считаетъ только до Εὐρυπῶνα и Ἄγιςα; сообразно съ этимъ мы будемъ считать и Мессенскую не до Кресфонта, а до Эпита, ибо Мессенскіе цари называются Эпитидами. Теопомпу и будутъ соответствовать Андроклѣ и Антиохъ; требуется соединить это съ другимъ извѣстіемъ, по которому ему соответствуетъ Эвфаесъ — вотъ почему и надлежало убить Антиоха. Онъ былъ вставленъ

¹⁷⁾ См. экскурсъ I.

съ строго опредѣленной цѣлью. Удобно это было и потому, что подравнивало Мессенскую генеалогію и съ генеалогіей Агіадовъ.

Я старался доказать, что версія Діодора далеко не идентична съ версіей Павсанія, что оба разсказа заимствованы не изъ одного источника. Если бы, поэтому согласиться съ Immerwahr'омъ¹⁸⁾, что Діодоръ пользовался Мирономъ, то окажется, что Павсаній имъ не пользовался; я думаю, что послѣднее вѣрно, но разсужденія Immerwahr'a рѣшительно недоказательны. Myron wird von Diodor benutzt, denn Diodor ist gerade derjenige, welcher die von Myron herrührende Version einer Theilnahme des Aristomenes am ersten Krieg bringt (vgl. Paus. IV. 6. 4. Diod. VIII. 10. 2)¹⁹⁾. Immerwahr думаетъ, что знаетъ гораздо больше, чѣмъ знаетъ на самомъ дѣлѣ. 1) Если Діодоръ свой разсказъ объ Аристоменѣ дѣйствительно заимствовалъ изъ Мирона, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ оттуда же заимствовалъ и предъидущее. Въздъ изъ мѣста Павсанія, которое я сейчасъ приведу, скорѣй всего слѣдуетъ, что Миронъ этого вовсе не описывалъ. 2) Откуда Immerwahr знаетъ, что Миронъ первый ввелъ Аристомена въ первую Мессенскую войну. Павсаній этого не говоритъ. Плутархъ (Agis 21) разсказываетъ, что во всѣхъ войнахъ Лакедемонянъ до времени Филиппа былъ убитъ только одинъ царь — Клеомбротъ при Левктрахъ — Μεσσηνίων δὲ καὶ Θεόπομπον ὄπ' Ἀριστομένους πεσεῖν λεγόντων οὐ φασι Λακεδαιμόνιοι, πληγῆναι δὲ μόνον. Точно также Аристомену приписываетъ убійство Θεοπομпа и Клеменсъ Александрійскій (27. A. Sylb.) Такимъ образомъ мы имѣемъ и другія свѣдѣнія о томъ приуроченіи, которое сдѣлалъ Миронъ. Откуда же мы можемъ знать, что они всѣ восходятъ къ Мирону? Наконецъ, въ 3) Допустимъ, что Миронъ дѣйствительно первый сдѣлалъ приуроченіе. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Діодоръ свой разсказъ почерпнулъ изъ него? Мы изъ приведенныхъ свидѣтельствъ должны будемъ заключить, что приуроченіе Мирона перешло къ другимъ писателямъ, изъ которыхъ могъ заимствовать его Павсаній.

Итакъ, вопросъ остается открытымъ. Обратимся къ исходному пункту всѣхъ разсужденій о Миронѣ — мѣсту Павсанія

¹⁸⁾ Die Laconica des Pausanias auf ihre Quellen untersucht. Berlin 1889 pg. 140 cfr. Müller Dorier I 143 nr. 6.

¹⁹⁾ Vogel — Dindorf. VIII. 12.

(IV. 6. 1 — 6). Мѣсто это настолько важно, и, къ сожалѣнiю, настолько плохо понятно, что я, не смотря на его значительные размѣры, выпишу его цѣликомъ.

Πριν δὲ ἢ συγγράφειν με τὸν πόλεμον καὶ ὁπόσα πολεμοῦσιν ἐκατέρους ὁ δαίμων παθεῖν ἢ δρᾶσαι παρεσκεύασε, διακρίναι τε καὶ ἡλικίας ἔργα ὑπερ ἠθήλησα ἀνδρὸς Μεσσηνίου· τὸν γὰρ πόλεμον τοῦτον γενόμενον μὲν Λακεδαιμονίων καὶ τῶν σομμάχων πρὸς Μεσσηνίους καὶ τοὺς ἐπικούρους, ὀνομασθέντα δὲ οὐκ ἀπὸ τῶν ἐπιστρατευσάντων, ὥσπερ γε ὁ Μηδικὸς καὶ ὁ Πελοποννησίος, Μεσσήνιον δὲ ἀπὸ τῶν συμφορῶν, καθὰ δὲ καὶ τὸν ἐπὶ Ἰλίῳ κληθῆναι Τρωικὸν καὶ οὐχ Ἑλληνικὸν ἐξενίκησεν, τοῦτον γὰρ τῶν Μεσσηνίων τὸν πόλεμον Ῥιανὸς τε ἐν τοῖς ἔπεσιν ἐποίησεν ὁ Βηναῖος καὶ ὁ Πριηνεὺς Μύρων. λόγοι δὲ περὶ Μύρωνός ἐστι ἡ συγγραφή. συνεχῶς μὲν δὴ τὰ πάντα ἐξ ἀρχῆς ἐς τοῦ πολέμου τὴν τελευταίην οὐδετέρῃ διήνυσται, μέρος δὲ ᾧ ἐκάτερος ἠρέσκετο, ὁ μὲν τῆς τε Ἀμφειᾶς τὴν ἄλωσιν καὶ τὰ ἐφεξῆς συνέθηκεν, οὐ πρόσω τῆς Ἀριστοδήμου τελευταῖης, Ῥιανὸς δὲ τοῦδε μὲν τοῦ πρώτου τῶν πολέμων οὐδὲ ἤφατο ἀρχὴν, ὁπόσα δὲ χρόνῳ συνέβη τοῖς Μεσσηνίοις ἀποσταῖσιν ἀπὸ Λακεδαιμονίων, ὁ δὲ καὶ ταῦτα μὲν οὐ τὰ πάντα ἔγραψε, τῆς μάχης δὲ τὰ ὕστερα, ἣν ἐμαχέσαντο ἐπὶ τῇ τάφῳ τῇ καλουμένῃ μεγάλῃ, ἀνδρα ὅσον οὐ Μεσσήνιον, τούτου γὰρ δὲ ἔνεκα τὸν πάντα ἐποιήσά μιν Ῥιανοῦ καὶ Μύρωνος λόγον, Ἀριστομένην δὲ καὶ πρῶτος καὶ μάλιστα τὸ Μεσσήνης ὄνομα ἐς ἀξίωμα προήγαγε, τοῦτον τὸν ἀνδρα ἐπεισήγαγε μὲν ὁ Πριηνεὺς εἰς συγγραφήν, Ῥιανῷ δὲ ἐν τοῖς ἔπεσι οὐδὲν Ἀριστομένης ἐστὶν ἀφανέστερος ἢ Ἀχιλλεὺς ἐν Ἰλιάδι Ὀμήρῳ. διάφορα οὖν ἐπὶ τοσοῦτον εἰρηκότων, προσέσθαι μὲν τὸν ἕτερόν μοι τῶν λόγων καὶ οὐχ ἅμα ἀμφοτέρους ὑπολείπεται. Ῥιανὸς δὲ μοι ποιῆσαι μᾶλλον ἐφαίνετο εἰκότα εἰς τὴν Ἀριστομένους ἡλικίαν. Μύρωνα δὲ ἐπὶ τε ἄλλοις καταμαθεῖν ἐστὶ οὐ προορώμενον εἰ ψευδῆ τε καὶ οὐ πιθανὰ δόξει λέγειν, καὶ οὐχ ἥμιστα ἐν τῇδε τῇ Μεσσηνίᾳ συγγραφῇ πεποίηκε γὰρ ὡς ἀποκτείνει Θεόπομπον τῶν Λακεδαιμονίων τὸν βασιλέα Ἀριστομένης ὀλίγον πρὸ τῆς Ἀριστοδήμου τελευταῖης. Θεόπομπον δὲ οὐδὲ μάχης γενομένης οὔτε ἄλλως προαποθανόντα ἴσμεν πρὶν ἢ διαπολεμηθῆναι τὸν πόλεμον. οὗτος δὲ ὁ Θεόπομπος ἦν καὶ ὁ πέρας ἐπιθεὶς τῷ πολέμῳ μαρτυρεῖ δέ μοι τὰ ἐλεγεία τῶν Τυρταίου λέγοντα.

ἡμετέρῳ βασιλεῖ θεοῖσι φίλῳ Θεοπόμπῳ,

ὃν διὰ Μεσσήνην εἰλομεν εὐρύχορον,

ὁ τοίνυν Ἀριστομένης δόξῃ γε ἐμῇ γέγονεν ἐπὶ τοῦ πολέμου τοῦ

ὀστέρου, καὶ τὰ ἐς αὐτὸν, ἐπειδὴν ἐς τοῦτο ὁ λόγος ἀρίσθηται, τῆν-
καῦτα ἐπέξειμι.

Мнѣ не разъ еще придется говорить объ этомъ мѣстѣ; остановлюсь пока на томъ, что мнѣ непосредственно теперь важно.

Общій смыслъ очевидно заключается въ послѣднихъ словахъ: «я думаю, что Аристоменъ относится ко «второй» войнѣ; тамъ я объ немъ и говорить буду». Ради вопроса о времени Аристомена Павсаній и огородъ городилъ; онъ и есть тотъ таинственный *ἀνὴρ Μεσσήμιος* о которомъ дважды говорить Павсаній. Изъ этого и слѣдуетъ исходить. Съ самого начала приходится сознаться, что начальныя слова отрывка непонятны, въ чемъ и признается Schubarth, дающій чтеніе рукописей. Нѣсколько лучше текстъ, данный Диндорфомъ: *διακρίναί τε καὶ ἡλικίας πέρι ἠδηγήσα ἀνδρός Μεσσηνίου*. Это ясно, но не можетъ быть вѣрно. Выпущена еще крупнѣйшая ошибка. Какой можетъ имѣть здѣсь смыслъ *ἀνὴρ Μεσσήμιος*? «Раньше, чѣмъ приступить къ изложенію Мессенской войны, я изслѣдую вопросъ о времени Мессенскаго мужа». — И только? Какой это Мессенскій мужъ? Кажется, на эту невозможность достаточно указать, чтобы ее доказать; я позволю себѣ довольно таки смѣлую конъектуру — читать *Ἀριστομένους τοῦ Μεσσηνίου*. Во второмъ мѣстѣ, понятно, слѣдуетъ исправить невозможное чтеніе рукописей *ἄνδρα ὅσον οὐ Μεσσήμιον*, какъ, я не знаю²⁰). Ошибка, очевидно, въ связи съ ошибкой въ началѣ.

Далѣе, настоятельно требуютъ объясненія слова Павсанія, указывающіе, въ чемъ состоитъ противорѣчіе между Мирономъ и Ріаномъ. Самыя слова Павсанія могутъ быть переведены только такъ, какъ сдѣлалъ это переводчикъ Didot'овскаго изданія: *cum verum Myron quidem Pnyenensis inseruit quidem ille historiae*

²⁰) А попытаться все таки не мѣшаетъ; *ὅσον οὐ* я буду понимать какъ *μόνον οὐ* — чуть ли не. Въ примѣрахъ Krüger'a. — *Χρῆ πρός τόν μέλλοντα καὶ ὅσον οὐ παρόντα πόλεμον χωρίον προσλαβεῖν* (Thuc. I. 36. 2); *ἐλέγετο δὲ εἶτι καὶ ὁ ναβαρχος διάδοχος ὅσον οὐ πάρεῖη* (Xen. Anab. VII. 2. 5) мы имѣемъ вовсе не только *Bezug auf die Zeit*. Благодаря сосѣдству съ *Ἀριστομένην* пропало *ἄριστον*; я и читаю: *Ἄνδρα Μεσσήμιον ὅσον οὐκ ἄριστον*. Тогда дальнѣйшія слова: *«ἐς καὶ πρῶτος καὶ μάλιστα прославилъ Мессену»* будутъ объясненіемъ этого *ἄριστον*. Переписчикъ перенесъ это *ἄνδρα* въ начало.

suae, verum Rhiano in suo poemate Aristomenes nihil est obscurior quam Homero in Iliade Achilles — т. е. Миронъ то упомянулъ объ Аристоменѣ, но особенно его выдвинулъ Ріанъ — и вотъ разница между ними — и потому то я долженъ одного изъ этихъ писателей оставить въ сторонѣ. — Это то значѣтъ, если дѣло только въ томъ, что одинъ больше, другой меньше выставилъ значеніе Аристомена? Смыслъ, конечно, не тотъ, и до смысла этого очень легко добраться, хотя какъ исправить несомнѣнно не совершенно правильный текстъ, я не знаю. И Миронъ и Ріанъ оба возславляли Аристомена, но дѣло не въ томъ, что одинъ это сдѣлалъ больше, другой меньше, а въ томъ, что одинъ помѣстилъ его въ свое изложение, значить въ первую войну, второй въ свое, значить во вторую. Эти два свѣдѣнія не согласны — и у Павсанія возникаетъ сомнѣніе относительно того, когда же дѣйствовалъ Аристоменъ: приходилось рѣшиться въ пользу того или другого изъ писателей. Ріана онъ считаетъ лучшимъ, а за Мирономъ и вообще не признаетъ историческихъ достоинствъ, а кромѣ того знаетъ крупныя промахи и въ данномъ сочиненіи. Одинъ онъ указываетъ — и это промахъ хронологическій; Теопомпъ здѣсь упомянуть исключительно для того, чтобы показать, какъ небреженъ Миронъ по части хронологіи. Понятно, что все дѣло въ Аристоменѣ и есть, и Immerwahr (l. l. 143) (если только я его вѣрно понялъ) попалъ пальцемъ въ небо, когда утверждалъ: Die Betheiligung des Aristomenes am ersten Kriege ist dem Pausanias hier offenbar nur Nebensache, Hauptsache ist die Tödtung des Theopompos. Цѣль разсказа — полемика съ Мирономъ вообще. Упоминаніе Аристомена доказываетъ, что наблюденіе сдѣлано по поводу вопроса о времени жизни его. Откуда это наблюденіе заимствовано, другой вопросъ. Здѣсь Immerwahr, пожалуй, правъ.

Итакъ, положеніе вопроса таково: Есть 2 источника 1) Миронъ; онъ утверждаетъ, что Аристоменъ жилъ въ первую Мессенскую войну 2) Ріанъ — по его убѣжденію время дѣятельности Аристомена относится ко второй войнѣ: Павсаній не умѣетъ согласить этихъ версій — и онъ вполне правъ, со своей, конечно, точки зрѣнія. Приходится выбрать одну, отвергнуть другую версію. Павсаній выбираетъ версію Ріана и относитъ Аристомена ко второй войнѣ. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что онъ не слѣдовалъ Мирону тамъ, гдѣ онъ ему могъ слѣдовать — тамъ,

гдѣ Миронъ не вмѣшивалъ Аристомена,—но въ пользу этого никакихъ данныхъ нѣтъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ, я не стану отрицать возможности того, что Павсаній слѣдуетъ писателю, котораго только что обвинилъ въ недостоверности, но въ каждомъ данномъ случаѣ это нужно доказать. Наконецъ, въ третьихъ, у Павсанія сказано, что Миронъ описывалъ войну, начиная съ осады Амфеи. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что онъ не могъ тѣмъ или другимъ образомъ коснуться и предшествующихъ обстоятельствъ, но и это нужно доказать. А пока все это не доказано, мы должны предполагать, что авторъ, котораго версію Павсаній отвергаетъ, къ историческимъ достоинствамъ котораго онъ относится съ большимъ неуваженіемъ, не былъ его источникомъ.

Посмотримъ, что мы знаемъ о Миронѣ ²¹⁾.

Единственное свидѣтельство о Миронѣ, дающее нѣчто реальное — есть разобранное нами мѣсто Павсанія. Отрѣшимся отъ того, что мы невольно заключаемъ на основаніи нашего предположенія о томъ, что часть разсказа Павсанія заимствована изъ него, — дадутъ ли намъ что либо фрагменты? Ихъ всего два; оба взяты изъ Аеенея. (XIV р. 657 С и VI рр. 247. Müller F. H. G. IV. 161).

Одинъ изъ нихъ разсказываетъ о крайне не то, чтобы жестокомъ, а скорѣе презрительномъ отношеніи Спартацевъ къ гелотамъ.

Нельзя отрицать, что краски наложены довольно таки густенько, но восклицаніе Müller'a: *Hinc quoque patet, quoniam Myron in Spartanos animo fuerit* — болѣе патетично, чѣмъ основательно. Я бы полагалъ, что Миронъ никакого *animus* по отношенію къ Спартанцамъ не имѣлъ — откуда бы ему быть у поздняго Александрійскаго ученаго? Въ крайнемъ случаѣ, если у него есть риторическія наклонности — а у какого писателя его времени ихъ нѣтъ,—онъ, встрѣтивъ случай, который даетъ ему возможность сказать нѣсколько патетическихъ словъ, охотно воспользуется имъ, все равно, дадутъ ли ему къ тому поводъ Спар-

²¹⁾ Kohlmann *Quaestiones Messeniacaе*. Bonnae 1866 pag. 4 sqq. Susemihl *Gesch. d. gr. Litt. in d. Alexandrinerzeit* II. 393.

танцы или Мессеняне. Къ тому же, второй изъ извѣстныхъ намъ фрагментовъ сообщаетъ свѣдѣнія скорѣе благопріятныя, чѣмъ враждебныя Спартанцамъ.

Воекн отождествляетъ нашего Мирона съ риторомъ того же имени, упомянутымъ у Рутилія Лупа, — но эта гипотеза ничего не прибавитъ къ тому, что мы знаемъ или, лучше сказать, не знаемъ о характерѣ литературной дѣятельности Мирона.

А поэтому я остаюсь при высказанномъ раньше предположеніи: обстоятельства, предшествовавшія войнѣ, изложены Павсаніемъ по какому нибудь опредѣленно мессенофильскому изложенію, носящему яркую риторическую окраску; очень можетъ быть, по школьной рѣчи.

ГЛАВА III.

Сага о первой Мессенской войнѣ.

Амфея пала. Царь Эвфаесъ собираетъ Мессенянь въ Стеникларь, ободряетъ ихъ — и распускаетъ. Съ этого времени онъ всѣхъ ихъ держитъ вооруженными, но не рѣшается сдѣлать нападенія. Лакедемоняне дѣлаютъ набѣги, но земли не опустошаютъ, такъ какъ считаютъ ее своею, а увозятъ только собранные плоды. Къ городамъ они подступали, но уходили съ урономъ.

Прошло 4 года и царь рѣшился выйти. Вышли на встрѣчу и Лакедемоняне. Оба войска встрѣтились на мѣстѣ, перерѣзанномъ оврагомъ, который не далъ возможности гоплитамъ сразиться. Сражались всадники и легко-вооруженные. Ихъ было мало; они были одинаково дурны у той и другой стороны — и битва оставалась нерѣшенной. Пока они дрались, Эвфаесъ приказалъ рабамъ, которыхъ взялъ съ собою, приказавши имъ принести съ собою все нужное для постройки ограды, загородить лагерь сначала сзади и съ боковъ, а потомъ и спереди. Лакедемоняне не хотѣли осаждать и ушли (Paus IV. 6. 6 — VII. 2).

Таково начало войны. Не трудно показать, что въ немъ никакого реального содержанія нѣтъ — я имѣю въ виду, конечно, не историческое содержаніе, о которомъ въ подобныхъ условіяхъ и говорить нечего, а полное отсутствіе всякаго элемента дѣйствительной саги. Прежде всего, здѣсь совершенно не отражается дѣйствительное отношеніе обѣихъ сторонъ. Разсказчикъ видитъ ихъ въ освѣщеніи позднѣйшаго времени. Для него уже въ эту отдаленную эпоху Спартакцы являются въ блескѣ позднѣе приобрѣтенной ими военной славы, первой военной силой Пелопоннеса, съ которой Мессеняне не смѣютъ вступать въ открытую борьбу. — Лаконяне, заявляетъ онъ, вслѣдствіе давняго упраж-

ненія гораздо опытыѣе въ военномъ дѣлѣ, но за то на сторонѣ Мессенянъ правда.

Царь заставляетъ свой народъ поучиться военному искусству — *τοὺς οὖν εἰδότες ἐπαναγκάζων διδάσκεισθαι τὰ πολεμικά* — черта, конечно, невозможная исторически, но, и помимо того, невозможная ни въ какомъ народномъ преданіи — гдѣ же это есть свободный народъ, который не умѣлъ бы драться? И на этой то чертѣ основано дальнѣйшее изложеніе: ее нельзя назвать случайной. Разскащикъ не можетъ себѣ вообразить положенія инымъ, чѣмъ какое, если и не господствуетъ въ его время, то во всякомъ случаѣ, господствовало въ ту эпоху, которую прежде всего представляетъ себѣ грекъ, когда думаетъ о прошломъ своей родины, — эпоху могущественнаго Лакедемона и порабощенной Мессеніи. Мессенскимъ гелотамъ, дѣйствительно, слѣдовало поучиться военному искусству раньше, чѣмъ рѣшиться драться съ Лакедемонской фалангой. Тѣмъ же взглядомъ объясняется и еще одна черта, конечно, опять таки не соответствующая характеру саги, — это та благоразумная предусмотрительность, съ которой Лакедемоняне шадятъ землю, не рубятъ деревья, не жгутъ домовъ, «такъ какъ считаютъ землю своею». Конечно, и это покоится на дальнѣйшихъ отношеніяхъ Мессеніи къ Спартѣ. Думаю, что не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что здѣсь сыграла свою роль и исторія начала Пелопоннесской войны. Черта благоразумія Лакедемонянъ выросла какъ противоположеніе ихъ поведенію въ Атикѣ. Мнѣ кажется, что именно изъ этой параллели вытекаетъ сообщеніе о томъ, что дѣлали во время набѣговъ Спартанцевъ Мессеняне: *ἐλήστευον δὲ καὶ Μессήνιοι τὰ τε ἐπιθαλάσσια τῆς Λακωνικῆς καὶ ὄσα γειωρῖα περὶ τὸ Ταύγετον ἦσαν*. — грабежъ приморскихъ городовъ Лаконики есть не что иное, какъ копія — очень неумѣстная — съ морскихъ экспедицій Афинянъ.

Какъ бы то ни было, чрезъ 4 года Эвфасъ наконецъ рѣшается выйти. Мессеняне наконецъ подготовлены. Спрашивается, откуда и куда выходятъ Мессеняне. Откуда? Мессеняне очевидно, были въ городахъ, лучше сказать, авторъ не хочетъ дать себѣ и намъ яснаго объ этомъ представленія. Куда? Вѣроятно въ Лаконику—или опять таки и здѣсь то же недомысліе автора. Что они собираются дѣлать? Кто ихъ знаетъ? Оказывается, то же, что они на самомъ дѣлѣ и сдѣлали. Царь велѣлъ рабамъ захва-

тить съ собой колья, для того, чтобы устроить ограду — ограду онъ и построилъ; загородилъ себя царь со всѣхъ сторонъ — и сидитъ, а Лакедемоняне ушли. Для чего же онъ выходилъ? Я написалъ: «сидитъ» — въ томъ то и дѣло, что не сидитъ, а — ушелъ, должно быть, потому что сейчасъ же съ уходомъ Лакедемонянъ объ оградѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Откуда она и зачѣмъ, — взять въ толкъ я не могу.

Дѣло, конечно, не въ томъ, что люди окопались — въ этомъ бы еще ничего удивительнаго не было, — а въ томъ, что здѣсь есть какая то особая заслуга, какая то *πρόβολα* Эфаеса, здѣсь, пожалуй, и не нужная. Ровъ и безъ того былъ такъ великъ, что серьезной битвы быть не могло, — а между тѣмъ разсказъ говоритъ о томъ, что солдаты рвались въ битву. Въ чемъ же это *στράτηγος*? Очевидно, оно взято готовымъ, но авторъ не умѣлъ имъ воспользоваться.

Въ данномъ случаѣ мы можемъ даже указать аналогію — тамъ, гдѣ ея труднѣе всего ожидать.

Эквы окружили войско консула Минуція, построили окопы — и осаждаютъ римскій лагерь. Изъ осажденнаго войска дали знать въ Римъ. Въ Римѣ перетревожились и выбрали диктаторомъ Цинцинната. Послѣдній набираетъ легіонъ и приказываетъ каждому солдату взять съ собой по 12 колебъ. Когда пришли на мѣсто, диктаторъ приказалъ вырыть ровъ и построить ограду вокругъ осаждавшаго войска. Такимъ образомъ Эквы оказались межъ двухъ огней — и Минуцій былъ вырученъ. (Liv. III 28. Dion. X. 24). И здѣсь дѣло въ *πρόβολα* полководца, но дѣло поставлено наоборотъ — колья берутся не за тѣмъ, чтобы оградить себя, а чтобы окружить врага. Конечно, можетъ понадобиться для своей защиты окружить и себя, но не за тѣмъ же выходитъ царь. Анналистъ конечно не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ велъ войну Цинциннатъ. Очевидно, онъ воспользовался какимъ нибудь ходячимъ анекдотомъ; ничто не мѣшаетъ предположить, что онъ почерпалъ его изъ греческаго источника, который тогда будетъ въ какой нибудь инстанціи и источникомъ Павсанія. Но знающій военное дѣло Римлянинъ воспользовался анекдотомъ съ гораздо большимъ пониманіемъ, чѣмъ ученый грекъ — риторъ.

Спартацы, какъ мы видѣли, ушли. Старики упрекали ихъ въ трусости, напоминали имъ объ ихъ обѣтѣ — на слѣдующій

годъ Спартанцы опять идутъ противъ Мессенянъ. (IV. 8. 7). Оба войска встрѣтились. У Лакедемонянъ командуютъ: на правомъ крылѣ Теопомпъ, на лѣвомъ Полидоръ, въ центрѣ Еврилеонъ (его родословная — по той же схемѣ, по какой даны родословныя Спартанскихъ царей). У Мессенянъ командуютъ: на правомъ крылѣ царь Эвфаесъ и Антандръ, на лѣвомъ Питаратъ, въ центрѣ Клеонвиесъ.

Рѣчи Лакедемонянамъ напоминаютъ объ ихъ обѣтѣ, объ ожидающей ихъ славѣ, Мессенянамъ о томъ, что для нихъ вопросъ идетъ объ отчизнѣ, жизни, спасеніи женъ и дѣтей.

Битва. Нападаютъ Мессеняне. Характеръ битвы двойкій: съ одной стороны мужество отчаянія, съ другой спокойное мужество, выдержка, дисциплина. Обѣ стороны не даютъ пардона. Лакедемоняне превосходятъ искусствомъ и количествомъ; имъ помогаютъ Азинейцы и стрѣлки изъ Крита, нанятые ими. Мессеняне сильны своимъ отчаяніемъ, они дерутся съ крайнимъ ожесточеніемъ, — но Лакедемонянъ это не устрашаетъ: «успокоятся, упрутся; мы дѣло лучше знаемъ, наша фаланга лучше». Дерутся простые воины, дерутся цари. Эвфаесъ нападаетъ на Теопомпа. Теопомпъ и съ нимъ правое крыло оттѣснено, но на лѣвомъ крылѣ побѣждены Мессеняне; въ центрѣ битва не рѣшена. Наступаетъ ночь, которая и прекращаетъ битву.

Походъ, рассказъ о которомъ приведенъ мною, названъ вторымъ. Трудно бы и вообще сказать, почему онъ второй, но онъ еще и другое обозначеніе имѣетъ — Лакедемоняне *δευτέρων ἐκ τοῦ προφαινοῦς ἐπὶ Μεσσηνίωνος στρατείαν ἐποιοῦτο*. Что значить *ἐκ τοῦ προφαινοῦς*. Лакедемоняне либо сдѣлали второй походъ явный, либо сдѣлали второй явный походъ, второй изъ явныхъ походовъ. Въ первомъ случаѣ его нужно противопоставлять первому неявному походу — этимъ походомъ былъ тотъ, который имѣлъ цѣлью взятіе Амфеи — но тогда онъ не можетъ быть вторымъ: — между ними рядъ набѣговъ и тотъ походъ, который кончился подвигомъ царя Эвфаеса. Если же считать нашъ походъ вторымъ изъ явныхъ, то получится тоже самое — вѣдь въ предшествующіе 4 года ихъ было сколько. Нельзя и настаивать на томъ, что раньше были *καταδρομαί*, а не *στρατεῖαι*: послѣдній походъ ничѣмъ отъ предшествующихъ не отличается — со стороны, конечно, Спартанцевъ. Очевидно, это обозначеніе нельзя согласить со всѣмъ остальнымъ рассказомъ.

И дѣйствительно, весь отрывокъ имѣетъ одну особенность, рѣзко отличающую его отъ всего остального разсказа: только въ немъ одномъ играетъ роль клятвы Лакедемонянъ — во всемъ остальномъ разсказѣ она не имѣетъ никакого значенія.

Старики упрекаютъ Спартанцевъ въ трусости и въ несоблюденіи клятвы. Почему они не дѣлали этого раньше? И раньше Лакедемоняне отступали отъ городовъ Мессенскихъ и возвращались домой (*Λακεδαιμόνιοι καταδρομάς ἐποιοῦντο ἐς τὴν Μεσσηνίαν* — очевидно изъ Лаконики), — и теперь они отступили отъ лагера и опять таки возвратились. Въ чемъ же разница? Одно изъ трехъ: или они и прежде нарушали клятву, или они ея теперь не нарушали, или нарушеніе клятвы заключается не въ возвращеніи домой. Очевидно, въ нашей связи только послѣдній выходъ и возможенъ — Лакедемоняне отказались совершенно отъ войны: — та формула клятвы, которая дана у Павсанія — *προσφύουσι θεον μήτε τοῦ πολέμου μήκος, ἢν μὴ δι' ὀλίγου χριθῆι μήτε τὰς συμφοράς εἰ μεγάλαι πολεμοῦσι γένοιντο, ἀποτρέψιν σφᾶς πρὶν ἢ κτήσαιντο τὴν Μεσσηνίαν δοριάλωτον* — вовсе не запрещаетъ Лакедемонянамъ возвращаться домой, а только обязываетъ ихъ не прекращать войны до полного завоеванія Мессеніи. Но вѣдь отказъ отъ войны явится совершенно немотивированнымъ. Мессеняне ихъ вовсе не побили, они, въ сущности, и не потерпѣли неудачи: имъ только не удалось добиться битвы.

Словомъ, какъ ни объясни разсказа, онъ въ данной связи не имѣетъ смысла. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ особой версіей, въ основѣ которой лежитъ преданіе о клятвѣ, не имѣющее никакого отношенія къ той формѣ традиціи, которую вообще представляетъ собой разсказъ Павсанія. Но, воспользовавшись имъ, Павсаній обработалъ его въ томъ же духѣ, что и все остальное изложеніе. Вотъ почему нашъ разсказъ, поскольку дѣло не касается клятвы, ничѣмъ существеннымъ отъ остального разсказа не отличается.

Итакъ, произошла битва, — но результатъ ея нуль, нуль, очень старательно обоснованный. Самымъ симметричнымъ образомъ распредѣлены побѣда и пораженіе, такъ что о какомънибудь опредѣленномъ результатѣ не можетъ быть рѣчи. Чтобы устранить результаты побѣды, нужно было устранить преслѣдованіе, которое нарушало бы равновѣсіе — и дѣйствительно ни одна сторона не преслѣдуетъ — объяснено, почему.

Конечно, вполне возможна и безрезультатная битва, но, во первых, это уже вторая, во вторых, торжественность приговлений и жесточенность борьбы заставляет ждать не того результата. Мы можем себя легко объяснить безусловную необходимость такой безрезультатности для автора. Допустим, что побѣдили Спартанцы — тогда, особенно послѣ патетической рѣчи Эвзаеса, придется покончить войну, — война не можетъ быть покончена, ибо извѣстно, что есть еще длинная исторія осады Итомы. Патриотизмъ къ тому же не дозволяетъ заставить пастъ Мессенянъ такъ скоро. Съ другой стороны нельзя дать побѣды и Мессенянамъ, ибо послѣ нея нельзя было бы сейчасъ же говорить о дурномъ положеніи Мессенянъ, заставившемъ ихъ отступить на Итому — невозможность была бы ужъ слишкомъ яркой; нужно было бы придумать еще рядъ битвъ. Разскащикъ и избралъ благой удѣлъ: битвы какъ будто и не было — и въ этомъ обѣ стороны торжественно росписываются: *ἐς δὲ τὴν ἐπιούσῃ μάχῃς μὲν οὐδέτεροι διενοοῦντο ἄρχειν οὐδὲ ἰστάναι πρότεροι τρόπαιον, προϊούσης δὲ τῆς ἡμέρας ὑπὲρ ἀνακρίσεως τῶν νεκρῶν ἐπεκρηχέοντο καὶ ἐπειδὴ παρ' ἀμφοτέρων συνεχωρήθη, θάψειν ἔμελλον ἤδη τὸ ἐντεῦθεν (IV. 8. 3)*. Извѣстно, что кто проситъ о позволеніи похоронить своихъ мертвыхъ, — *eo ipso* признаетъ себя побѣжденнымъ — обѣ стороны обѣ этомъ просятъ; ни одна не считаетъ себя побѣдившей, ни одна не ставитъ трофея.

Почему ни одна сторона не думаетъ о возобновленіи битвы? Опять, думается, по соображеніямъ авторскимъ: автору опять пришлось бы сдѣлать ее безрезультатной. Съ его точки зрѣнія Мессеняне, пожалуй, должны были бы ее желать. Для нихъ не быть побѣжденными значитъ побѣдить. И здѣсь, какъ и въ предъидущемъ отрывкѣ, авторъ смотритъ на Мессенянъ, какъ на болѣе слабыхъ. Ужъ не говоря обѣ его прямыхъ словахъ, весь тонъ его разсказа свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ смотритъ на битву, какъ на борьбу отчаянья съ увѣренностью спокойной силы; автору безразлично, что этотъ взглядъ противорѣчитъ его же изложенію, противорѣчитъ ситуаціи. Предъидущее теченіе войны представляетъ рядъ неудачъ Спартанцевъ, предъидущій годъ принесъ Мессенянамъ увѣренность въ томъ, что они могутъ бороться съ Лакедемонянами — послѣдняя битва во всякомъ случаѣ не поражение. Больше — въ этомъ отрывкѣ она скорѣе поражение Спартанцевъ: Спартанцы оказались трусами, Спартанцы

только бранью и упреками стариковъ были побуждены рѣшиться опять пойти на Мессенянь.

Тонъ отрывка тотъ, которымъ окрашено все изложеніе.

На меня рассказъ Павсанія производитъ приблизительно то же впечатлѣніе, какое я выношу изъ чтенія той пѣсни поэмы Лукана, въ которой говорится о борьбѣ Массалиотовъ противъ Цезаря, борьбѣ, гдѣ вы точно также съ самого начала увѣрены, что побѣда останется на сторонѣ Цезаря.

Сходство это характерно и въ другомъ отношеніи; мы и здѣсь и тамъ имѣемъ работу ритора, находящагося подъ сильнымъ вліяніемъ эпическихъ приемовъ. Но только Павсаній строить совершенно «на песцѣ». Вмѣсто фактовъ у него реминисценціи; его фантазія окрылена абсолютнымъ отсутствіемъ исторической перспективы. Онъ представляетъ себѣ дѣло одновременно и борьбой Спартанской фаланги временъ Пелопоннесскихъ войнъ и битвой въ Гомеровскомъ стилѣ съ подвигами отдѣльныхъ героевъ. Спартацны не преслѣдуетъ враговъ, для того чтобы не разорвать своего строя — черта вполне историческая ¹⁾ — и они же снимаютъ оружіе съ павшихъ воиновъ — исторически это дѣлается, конечно только послѣ битвы (ср. Herod. I. 82) Спартанскіе гоплиты закованы такъ, что только нагнувшись обнажаютъ часть своего тѣла; съ видомъ удивленія рассказываетъ о томъ, что *οἱ τε ἱεστὰς οἱ φονεούμενοι καὶ χρημάτων ὑποσχέσασιν ἔχρῳντο, τάχα μὲν ποῦ μὴ πείσειν διὰ τὸ ἔχθος ἀπεργνωχότες, τὸ δὲ πλείστον ἀπαξιοῦντες, ὡς οὐ τὰ πρότερά γε κηλοῦσιν* (IV. 8. 7) — совѣмъ какъ въ Гомеровской битвѣ.

Итакъ, и здѣсь мы не имѣемъ ни исторіи, ни саги.

Павсаній считаетъ битву совершенно безрезультатной. Но въ сущности она имѣетъ результатъ. Вѣдь Спартацны нападаютъ — такъ какъ они не побѣдили, то очевидно Мессеняне въ большомъ выигрышѣ. — На самомъ дѣлѣ, однако, дѣло обстоитъ иначе. Послѣ битвы, вопреки всякимъ ожиданіямъ, дѣло стало портиться. Никакихъ объ этомъ фактовъ авторъ не знаетъ, а потому вынужденъ ограничиваться общими замѣчаніями. Легче всего было бы придумать нѣсколько поражений, но поражений для Мессенянь онъ не допускаетъ.

¹⁾ Ср. мѣста, приведенныя у Ed. Meyer'a § 356.

Дѣла Мессенянъ пошли плохо: *δαπάνη τε γὰρ χρημάτων ἀπειρήκεσαν, ἃ τῶν πόλεων ἀνήλισκον εἰς τὰς φρουράς, καὶ οἱ δοῦλοι παρὰ τοὺς Λακεδαιμονίους ἠὺτομόλουν, τοῖς δὲ καὶ νόσος ἐνέπεσεν καὶ ταραχὰς μὲν παρέσχευ, ὡς οὐσα λοιμώδης, οὐ μὴν ἐς ἀπαντὰς γε ἐχώρησεν. Βουλευομένοις δὲ πρὸς τὰ παρόντα ἐδόκει τὰ μὲν πολλὰ πολιίσματα τὰ ἐς μεσόγαιαν πάντα ἐκλείπειν, ἐς δὲ τὸ ὄρος ἀνοικίεσθαι τὴν Ἰθώμην* (Paus. IV. 9. 1).

Отрывокъ очень характерный. У рассказчика есть тотъ фактъ, что Мессеняне находились въ Итомѣ — нужно объяснить, почему они тамъ. Яснѣе дня, во первыхъ, то, что объясненіе, которое даетъ этому факту рассказчикъ, не могло быть въ сагѣ, да и вообще оно понятно только въ позднѣйшую эпоху: дѣла Мессенянъ пошли скверно, такъ какъ у нихъ денегъ не было, а потратили они свои деньги на содержаніе гарнизоновъ. Во первыхъ, когда же сага заботится о деньгахъ, во вторыхъ, какія же затраты при національной войнѣ? Мѣсто составилось подъ вліяніемъ позднѣйшаго способа веденія войны наемными войсками.

Второе, что еще болѣе яснымъ образомъ слѣдуетъ изъ нашего рассказа, это то, что рассказчикъ не имѣлъ объясненія перехода Мессенянъ на Итому — иначе онъ не сталъ бы его придумывать. Фактъ былъ ему извѣстенъ совершенно отдѣльно, — онъ создаетъ для него антуражъ — я старался показать, что этотъ антуражъ — поздній, лишенный значенія, вымыселъ. Занятіе Итомы — первый фактъ, встрѣченный нами; мы и можемъ догадаться, откуда онъ взятъ: либо изъ устного преданія, либо изъ Тиртея. Но устное преданіе трудно контролировать, а Тиртея мы и сами имѣемъ.

Но факты, данные авторомъ, не только сами по себѣ произвольны; они и какъ объясненіе перехода Мессенянъ на Итому не выдерживаютъ критики. Если Мессеняне въ томъ положеніи, которое имъ приписываетъ нашъ рассказчикъ, то имъ именно и не слѣдуетъ заператься. Этимъ они сразу отдають въ руки непріятеля всю страну, лишаютъ себя всѣхъ ея ресурсовъ. Отступленіе на Итому слѣдуетъ себѣ объяснять, какъ послѣднее средство въ отчаянной борьбѣ. (Въ третьей Мессенской войнѣ роль Итомы сложная и различная въ различныя ея эпохи — объ этомъ въ свое время будетъ подробно сказано). Но не въ томъ дѣло. Самый способъ ухода на Итому — едва ли есть что иное,

какъ копія съ исторіи Аѳинъ въ началѣ Пелопоннееской войны — сходство, которое проявлялось и раньше. Я думаю, что только параллелью между нашей войной и положеніемъ Аѳинъ слѣдуетъ объяснить и упоминаніе о *λοσιώδης νόσος*. Конечно, самъ по себѣ рассказъ о чумѣ могъ бы быть присоединенъ и подругимъ причинамъ, но тогда необъяснимо было бы то, что онъ рѣшительно ни съ чѣмъ другимъ не связанъ. Какъ причина, заставившая Мессенянъ запереться въ крѣпости, чума не имѣетъ никакого смысла; наоборотъ, она должна была бы ихъ заставить не сходитьсь вмѣстѣ. Что сдѣлали бы Аѳиняне, если бы знали о грозящей имъ чумѣ? Дальше о болѣзни ни слова, ея будто и не было. Можно бы подумать, что она является причиной послышки въ Дельфы, но ясно, что ничего общаго съ ней она не имѣетъ. Авторъ заимствовалъ этотъ элементъ, но такъ какъ онъ имъ не могъ воспользоваться тамъ, гдѣ ему было мѣсто, — въ Аѳинахъ чума начинается во время осады, здѣсь она до нея, а осада начинается только много спустя послѣ ухода на Итому — то онъ и не умѣлъ ввести его въ общую связь событій.

Изъ Итомы Мессеняне рѣшили послать въ Дельфы (Paus. IV. 9. 3)—очевидно, съ цѣлью спросить, что имъ дѣлать для того, чтобы спастись. Тизисъ, сынъ Алкида, посланный къ богу — а былъ онъ и вообще человѣкъ хорошей и *μάστις* хорошей, — получилъ отвѣтъ, но, возвращаясь домой, былъ захваченъ Амфейскими Лакедемонянами. Тѣ наносили ему раны, пока не услышали голоса: *χρησιμόφορον μέθες*; онъ добрался домой, передалъ *χρησιμός* и умеръ.

Разскащика вовсе не смущаетъ то, что Тизису не было никакой нужды, возвращаясь изъ Дельфъ, проходить мимо Амфей — не дорога ему тамъ. Оно и понятно: какой въ данную эпоху смыслъ имѣетъ и самое посольство въ Дельфы? оно придумано въ позднѣйшую эпоху, когда исторія Дельфъ была позабыта. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ преданіемъ, но преданіемъ, не имѣющимъ никакого отношенія въ Мессенской войнѣ.

Царь собираетъ народъ и читаетъ ему *χρησιμός* (l. 1.):

*κόρην ἄχραντον νερέτεροισι δαίμοσι,
κλήρῳ λαχοῦσαν Αἰπυτιδῶν ἀφ' αἵματος,
θυηπολεῖτε νικητέροισι ἐν σφαγαῖς.
Ἦν δὲ σφαλήτε, καὶ παρ' ἀλλοίου τότε
θύειν, διδόντος ἐς σφαγὴν ἐκουσίως.*

Повинуясь волѣ боговъ, Мессеняне винули жребій, кому изъ Эпитидовъ пожертвовать своею дочерью. Жребій палъ на дочь Ликиска, но жрецъ Эпоболь доказываетъ, что дѣвушка не дочь Ликиска — мать взяла чужаго ребенка. Въ это самое время Ликискъ убѣждалъ съ дочерью; тогда Аристомемъ предлагаетъ на закланіе свою дочь, но женихъ ея—имя котораго неизвѣстно,—сталъ доказывать, что разъ онъ ее ему обручилъ, она уже не въ его власти, а затѣмъ сталъ увѣрять, что она беременна (требовалась незапятнанная дѣва). Этимъ онъ довелъ отца до такого бѣшенства, что тотъ убилъ дочь и показалъ всѣмъ *οὐκ ἔχουσαν ἐν γαστρὶ*. Жрецъ находилъ, что воля боговъ этимъ не исполнена: *φανεῖσαι γὰρ τὸν πατέρα αὐτῆν, θεοὶς δὲ, οἷς ἡ Πυθία προσέταξεν, οὐ θύσαι*. Народъ кинулся на жениха — и тотъ, конечно, погибъ бы, если бы царь Эвфаесъ не убѣдилъ народъ, что жертва все таки принесена. Эпитиды согласились съ его мнѣніемъ — *ἀπειναί γὰρ σφισι τὸ δέος τὸ ἐπὶ τῇ θυγατρὶ ἕκαστός τις ἔσπευδε* (Paus. IV. 9. 10).

Разсказчикъ полагаетъ, что также охотно согласились другіе — не будемъ къ нему слишкомъ требовательны: и Лакедемоняне думали такъ. Дочь Ликиска умерла въ Спартѣ. Онъ часто ходилъ на ея могилу; всадники Аркадянъ во время одного изъ такихъ посѣщеній изловили его и привели въ Итому. Онъ оправдывался (Paus. IV. 12. 4), *ὡς οὐ προδιδούς τὴν πατρίδα ἀποχωρῆσαι, παιθόμενος δὲ τοῖς ῥηθείσιν ὑπὸ τοῦ μάντεως ἐς τὴν παῖδα ὡς οὖσαν οὐ γυνήσιν*. Это же подтвердила и жрица Геры, а разсказала она это потому, что по законамъ она не имѣла права продолжать свою жреческую службу: въ Мессеніи жрецъ долженъ былъ отказываться отъ своего сана, если у него умирало дитя. На этомъ основаніи Мессеняне *Λικίσκων συγγνωτὰ ἔφασαν εἰργάσθαι*.

Внѣшнимъ образомъ разсказъ представляетъ собой нѣкоторую невность. Какъ представляетъ себѣ дѣло разсказчикъ? Начинается разсказъ тѣмъ, что *τοὺς Μεσσηνίους ἀνδρούσας ὁ Εὐφάης ἐπέδεικνυ τὸν χρησμὸν*, кончается та часть его, которая повѣствуетъ объ убійствѣ дочери Аристомена, (конецъ исторіи Ликиска у Павсанія разсказанъ позже) словами *καὶ οἱ μὲν* (Эпитиды) *τοῦ βασιλέως τῇ παρανέσει παιθόμενοι τὴν ἐκκλησίαν διαλύουσι*. Значитъ, Павсаній представляетъ себѣ, что все, что онъ разсказалъ, произошло во время одного народнаго собранія.

Какъ же могъ за это время убѣжать Ликискъ (*ἀπαύβενος ἄμα καὶ τὴν παρθένον*; это *ἄμα* мнѣ очень напоминаетъ известную Гейневскую острогу: я упалъ изъ окна и сломалъ себѣ bei dieser Gelegenheit ногу), какъ могли объ этомъ узнать Мессеняне? По ходу рассказа нужно себѣ представить, что дѣвушки были здѣсь же, на площади — тогда бѣгство совершенно невозможно. Это показываетъ намъ, что Павсаній соединяетъ вмѣстѣ слишкомъ много, пожалуй, такого, чему вмѣстѣ быть и не полагается.

Цѣль всего рассказа въ томъ, конечно, чтобы показать, какъ оказалось бесплоднымъ жертвоприношеніе, какъ, исполнивши внѣшнимъ образомъ волю боговъ, Мессеняне, въ сущности, ея не исполнили. Исторія Ликиска могла бы и одна удовлетворить этимъ требованіямъ. Дочь Ликиска по жребію должна была бы быть убита. Но она не убита, потому что Ликискъ бѣжалъ. Мы уже видѣли, что, по условіямъ рассказа, онъ убѣжать не могъ, — но это, можетъ быть, неумѣлость рассказчика. Другое дѣло мотивировка бѣгства. Если она неудачна, то, очевидно, что преданіе ея не знаетъ, — а она очень не удачна. Эпоболъ вступается за дѣвушку. Въ это время Ликискъ бѣжитъ — въ Спарту, къ врагамъ. Почему же онъ знаетъ, что Эпоболу не повѣритъ? Почему онъ такъ волнуется, если дѣвушка не его дочь. Именно, если она не его дочь, если жрецъ доказываетъ, что она не должна быть убита, ему незачѣмъ бѣжать.

Эпоболу не вѣрятъ — такъ явствуетъ изъ рассказа Павсанія, хотя онъ прямо этого и не говоритъ, — почему не повѣрили, неизвѣстно. Въ концѣ концовъ дѣвушка все таки умираетъ. Если бы Ликискъ не бѣжалъ, то, такъ какъ заявленія Эпобола не повели ни къ какимъ результатамъ, она бы тоже умерла: ее бы принесли въ жертву. Вся исторія имѣла бы такой видъ. Нужно было убить дѣвушку изъ рода Эпита, убили дѣвушку, считавшуюся дочерью Ликиска; потомъ выяснилось, что она ею не была — понятно, жертва не имѣла бы значенія. Рассказъ достигъ бы такимъ образомъ цѣли. Если бѣгство Ликиска, такъ плохо мотивированное, не составная часть преданія, то преданіе имѣло именно этотъ предполагаемый видъ. Но въ связи съ исторіей Аристодема оно въ точно такой формѣ существовать не можетъ.

Исторія Аристодема въ основѣ заключается въ томъ же.

Нужно принести въ жертву дѣвушку—теперь, данную по доброй волѣ. Великодушно жертвующій для блага родины своей дочерью Аристодемъ въ порывѣ бѣшенства убиваетъ дочь. Опять является Эпеполь. Онъ вполне резонно заявляетъ, что это не жертва, а убійство. Мы знаемъ, какихъ сложныхъ обрядовъ требуетъ жертвоприношеніе. Какимъ образомъ будутъ подземные боги знать, что жертва принесена имъ? Но слова жреца ни къ чему не ведутъ, потому что виѣшался царь Эвфаэсъ и потому что Эпитидамъ хочется вѣрить, что жертва принесена. Ну, а другіе? И какіе же резоны приводятъ противъ неопровержимаго показанія жреца? И почему Спартанцы, знавшіе, по разсказу Павсанія, ходъ дѣла, такъ же мало, какъ и Мессениане, обращаютъ вниманіе на тѣнь, выброшенную на значеніе жертвы?

Эпеполь является уже во второй разъ, но его слова не приводятъ ни къ какому результату. Мы увидимъ, что онъ и въ третій разъ выступить въ той же незавидной роли Кассандры. Его, очевидно, нѣтъ въ преданіи. Итакъ, въ преданіи остается: Аристодемъ убилъ дочь — это убійство считается жертвой подземнымъ богамъ, но эта жертва по той или другой причинѣ (не заключаетъ ли обвиненіе жениха такой причины? Что это за безымянный герой саги?) недѣйствительна. Исторія жениха и убійство — объясненіе этой ея недѣйствительности.

Оба выдѣленные нами разсказа, очевидно, тождественны. Это двѣ версіи одного и того же преданія, неловко контаминированные.

Въ томъ же соединеніи мы находимъ обѣ версіи у Діодора (VIII. 8). Но—и это окончательно доказываетъ самостоятельность каждой изъ данныхъ версій—мы находимъ первую изъ нихъ совершенно отдѣльно у Евсевія (Praep. Evang. V. 27); у него въ оракулѣ находится только то требованіе, которому удовлетворяетъ первая версія — выберите дѣвушку по жребію, и результатъ приводится тотъ же. Жертва оказалась не *καθαρὸν — ἕθεν ἀτέλειστον Μοσσηναίος εἶναι*.

Самый оракулъ данъ въ другой формѣ, можетъ быть и болѣе древней; по крайней мѣрѣ, она болѣе похожа на традиціонную — у Евсевія гексаметры. У Павсанія странны не только ямбы — которымъ можно бы подыскать и аналогіи — но гораздо болѣе — строго драматическій стиль, заставляющій думать, что оракулъ взятъ изъ трагедіи; страннымъ является и

тотъ фактъ, что не сказано, что же будетъ, если Мессеняне исполнять приказаніе бога, какъ не сказано и почему они спрашиваютъ его. У Діодора въ прозаическомъ изложеніи это есть, и въ формѣ, очевидно заимствованной изъ источника — *καὶ ταῦτα πρᾶξαντες ἔξετε νίκην τοῦ πολέμου καὶ κράτος*, есть и причина, вызвавшая послылку къ оракулу, — *οἱ κύνες ὄρῳοντο*; и въ оракулѣ у Евсевія сказано: *καὶ κεν σώσεαις Ἰθώμην*.

Причина этого опущенія мнѣ неясна. (Неудобство цитаты въ метрическомъ отношеніи?).

Итакъ, элементъ преданія, лежащій въ основаніи разсказа — это человѣческая жертва. Но есть ли это Мессенское преданіе, а не копія съ преданія объ Ифигеніи, о Менойкеѣ, о дочеряхъ Леоса, и т. п., этого я рѣшить не берусь.

Продолжаю разсказъ Павсанія.

Лакедемоняне, услышавъ объ *χρησιμός*, (IV. 10. 1 sqq) боялись нападать, но на шестой годъ послѣ бѣгства Ликиска, значить, послѣ переселенія на Итому — даже нѣсколько больше, — они опять напали. Значить, Лакедемоняне считали условія *χρησιμός* выполненными — и боялись 5 лѣтъ; на шестой они перестали бояться. Спрашивается, почему? — *τὰ γὰρ ἱερὰ ἐγένετ' αὐτοῖς αἴσια*. А развѣ раньше у нихъ они были не *αἴσια*? Это для насъ новость. Причина подѣискана новая — очевидно и первая не засвидѣтельствована. Причины для факта не дано въ преданіи — оно и понятно: самый фактъ совершенно невозможно. Неужели шесть лѣтъ не было военныхъ дѣйствій, и неужели Мессеняне всѣ шесть лѣтъ сидятъ на Итомѣ, и ничего такъ таки и не дѣлаютъ. Мессеняне могли вѣдь вернуться въ оставленные города — да и должны бы были это сдѣлать: вѣдь нужно же было имъ ѣсть. Разъ шесть лѣтъ явная бессмыслица, разъ разсказчикъ не могъ ихъ объяснить, и все таки ихъ вставилъ, ясно, что они были ему тѣмъ или инымъ образомъ навязаны. Дѣло усложняется, до извѣстной степени, еще однимъ обстоятельствомъ, теперь пріобрѣтающимъ особую важность, — это тѣ четыре года, которые царь Эвзаесъ употребилъ на выучку своего народа, Лакедемоняне на осаду отдѣльныхъ городовъ. Я уже показалъ раньше, что и эти четыре года ничѣмъ реальнымъ не заполнены. Откуда они? Очевидно нужно было выполнить опредѣленный промежутокъ времени — и одинъ такой промежутокъ намъ документально засвидѣтельствованъ. Разсказчикъ, сосчитывая годы

войны, получаетъ 20, и радуется тому, что то же подтверждаетъ Тиртей, но дѣло, понятно, стоитъ обратно: 20 лѣтъ Тиртея должны лежать въ основаніи самого счета — ихъ приходится выполнить. Въ одномъ мѣстѣ рассказчикъ очень наивно проговаривается: *μετὰ δὲ ταῦτα ἔδοκει σφίσι, καὶ γὰρ εἰκοστὸν ἔτος ἐπύθει τῷ πολέμῳ, πέμπειν αὖθις εἰς Δελφοὺς ἐρησομένους ὑπὲρ νίκης* (Paus. IV. 2. 5), какъ будто Мессеняне такъ же, какъ и Павсаній, знали, что война должна длиться 20 лѣтъ.

Но этотъ извѣстный намъ промежутокъ не объясняетъ, почему эти бессодержательные 10 лѣтъ (пожалуй, только 9) цѣликомъ отнесены къ первой половинѣ войны, когда гораздо удобнѣе было ихъ хоть частью перенести ко второй половинѣ войны, которая, по словамъ рассказчика, превратилась въ рядъ набѣговъ и грабежей. Очевидно, есть еще одна, впередъ данная, обязательная цифра — это 13 лѣтъ царствованія Эвфаеса или съ чѣмъ-то 6 лѣтъ царствованія Аристодема — вѣриѣе и то и другое. Мы еще столкнемся съ этимъ факторомъ и еще болѣе уяснимъ себѣ необходимость λύσις, объясняющей нашу ἀπορία: рассказъ основывается на спискѣ Мессенскихъ царей, въ которомъ помѣчены годы царствованія всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ.

На 6-ой годъ Лакедемоняне опять вторгаются въ Мессенію. Происходитъ битва. И та и другая сторона имѣютъ союзниковъ, но въ этой битвѣ союзники не участвуютъ. Требуется объяснить, почему у Мессенянъ были союзники и почему они въ битвѣ не участвовали. Первое объясняется тѣмъ, что *δι' ὑποφίας οἱ Σπαρτιάται καὶ ἄλλοις ἤδη Πελοποννησίων καὶ Ἀρκάσιν ἦσαν καὶ Ἀργείους μάλιστα* (IV. 10). Очевидно, картина прямо заимствована изъ позднѣйшаго времени.

Не участвовали союзники Мессенянъ потому, что *τοὺς Μεσσηνίους καὶ ἀνευ συμμάχων κινδυνεῦσαι προήγαγε ἡ δόξα τοῦ χρησμοῦ* — увѣренность ихъ въ немъ, значить, очень ужъ велика — словъ Эпелола какъ не бывало.

Мы встрѣчаемся во второй разъ съ участіемъ Аркадянъ и Аргивянъ въ дѣлѣ Мессенянъ — въ первый разъ они помогли Кресфонтадамъ сѣсть на отцовскій престолъ; мы ихъ увидимъ во второй войнѣ — мы уже говорили, въ чемъ причина этого явленія. Но и помимо того — (мы вѣдь не знаемъ, лежитъ ли въ основѣ рассказываемаго факта традиція) — внесеніе ихъ

легко объяснить чисто авторскими цѣлями. Война большого стиля требуетъ союзниковъ — раскащикъ ихъ и вводитъ. Распредѣляя союзниковъ, онъ руководился общимъ своимъ взглядомъ на дѣла Пелопоннеса, составившимся отчасти подъ вліяніемъ Мессенской традиціи, но, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ распредѣленія политическихъ симпатій въ историческомъ Пелопоннесѣ. Устранивши союзниковъ здѣсь, раскащикъ выгадывалъ дважды: во первыхъ, онъ сберегалъ ихъ себѣ для слѣдующей битвы, во вторыхъ, онъ былъ избавленъ отъ необходимости придумывать для нихъ какую нибудь дѣятельность.

Битва нужна для того, чтобы убить Эвфаеса, которому по таблицамъ царей пора было уже умереть. Битва не имѣетъ никакого другого результата—это уже третья. Раскащикъ объ ней только и знаетъ то, что касается царя. Сама битва ради этого превращается въ рядъ единоборствъ, оканчивающихся борьбой за павшаго въ битвѣ царя — совсѣмъ сцена изъ Илиады. Царя вынесли изъ битвы. Затѣмъ онъ узналъ, что Мессеняне побѣждены и черезъ нѣсколько дней умеръ—конечно, Эпаминондъ.

Εὐφάει δὲ οὐκ ὄντων παίδων, τὸν αἰρεθέντα ὑπὸ τοῦ δήμου κατελίπετο ἔχειν τὴν ἀρχήν, Κλέωνίς τε καὶ Δᾶμις ἐς ἀμφισβήτησιν Ἄριστοδήμῳ προήλθον, τὰ τε ἄλλα καὶ τὰ ἐς πόλεμον διαφέρειν νομίζόμενοι (Paus. IV. 10. 5).

Сюда, предположительно, относится отрывокъ, приписываемый новыми издателями Діодору — (X. 12) *περὶ δύο ἀνδρῶν ἀριστευσάντων ἐν πολέμῳ καὶ ἀγωνιζομένων περὶ πρωτείων*. Многие, однако, спорятъ противъ этого приуроченія. Такъ Jacobs ²⁾ отрицаетъ правильность этого приуроченія, основываясь на томъ, что Діодоръ (XV. 66) относитъ Аристомена къ второй войнѣ, въ нашемъ же отрывкѣ онъ отнесенъ къ первой. Это было бы вѣрно, если бы мы имѣли право утверждать, что Діодоръ на всемъ протяжении своего труда восходитъ къ одному источнику. Едва ли мы имѣемъ, однако, это право, особенно по отношенію къ означенному мѣсту (XV. 66), которое, представляя собой рекапитуляцію, едва-ли взято изъ общаго источника Діодора.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что въ существенномъ Jacobs правъ, и я согласенъ съ Kohlmann'омъ (l. l. 9), что стиль и форма фрагмента не соотвѣтствуетъ Діодору.

²⁾ Verm. Schriften. VIII. 88.

Но вопросъ этотъ для нашей специальной цѣли не важенъ. Если здѣсь мы и имѣемъ отрывокъ изъ Діодора, то онъ чрезъ че нибудь посредство заимствовалъ отрывокъ изъ какого нибудь риторическаго упражненія. Вся цѣль отрывка сводится къ рѣчамъ Клеонниса и Аристомена, состязяющихся за *πρωτεία* войны. Для насъ самыя рѣчи безразличны, а важна только ситуація, въ которую поставлены ораторы.

Между Спартанцами и Мессенянами произошла битва, въ которой тяжело раненъ былъ царь. Изъ за него ведется отчаянная борьба, и Мессенянамъ удастся отбить его. *Μετὰ ταῦθ' ὁ μὲν βασιλεὺς ἀναλαβὼν ἑαυτὸν ἐκ τῶν τραυμάτων προέβηκεν κρίσιν ἀριστείου — κατέβησαν μὲν οὖν ἐπὶ τὸν ἀγῶνα δύο Κλέωννις καὶ Ἀριστομένης.*

Словомъ, ситуація та же, что и у Павсанія. Но съ одной стороны, состязаются не Клеоннисъ и Дамисъ съ Аристомемомъ, а Клеоннисъ съ Аристоменомъ (эта разница не существенна — Аристомемъ долженъ быть вмѣсто Аристомена по основному взгляду Павсанія), съ другой, борьба происходитъ не за царство, а за *ἀριστείου*, потому что и самъ царь живъ. Въ основѣ обоихъ рассказовъ лежитъ, значить, повѣствованіе о состязаніи двухъ героев — лежитъ одно и то же, и, если есть разница, то она зависитъ отъ того, что одному изъ рассказчиковъ нужна была смерть царя, другому она нужна не была, одинъ пользовался списками царей, другой не пользовался. Но я бы и не сталъ останавливаться на этомъ отрывкѣ, если бы изъ него не слѣдовалъ еще и другой выводъ. Правда, основа рассказа у Діодора и Павсанія одна и та же, но литературный источникъ не можетъ быть одинъ тотъ же. Если, поэтому, разбираемый фрагментъ, какъ полагаютъ многіе изслѣдователи, основанъ на Миронѣ, то, само собой понятно, Павсаній имъ не пользовался.

Итакъ выборъ колеблется между Клеоннисомъ и Дамисомъ съ одной стороны, и Аристомемомъ съ другой. Жрецы противъ Аристодема. Эпоболь заявляетъ, что Аристомемъ, запятнанный кровью дочери, не можетъ быть наслѣдникомъ Эпитидовъ. Но народъ проходитъ мимо его заявленія, какъ будто его и не было. Оно и понятно. Вѣдь народъ же считаетъ поступокъ Аристодема не убійствомъ, а жертвоприношеніемъ. Аристомемъ выбранъ. При немъ война ведется *ληστείαις καὶ χαλαδρομαίς*. Аркадяне

помогаютъ Мессенянамъ, Аргивяне боятся — съ этимъ мы уже знакомы.

Наконецъ чрезъ 5 лѣтъ такого веденія войны, она надоѣла и той и другой стороной — τῶ τε γὰρ μήκει τοῦ πολέμου καὶ τοῖς διακνήμασιν ἀπειρήκεσαν (Paus. IV. 11. 1). Противники условились сойтись на определенномъ мѣстѣ и дать другъ другу битву. Спартанцы, при этомъ, выбираютъ для себя самое неудобное мѣсто.

Войска выставляются слѣдующимъ образомъ Мессеняне дѣлятъ свое войско на двѣ части. Гоплиты выстраиваются у подошвы Итомы, имѣя ее, такимъ образомъ, у себя въ тылу, и развиваютъ свой флангъ возможно шире, ὡς μὴ κυκλωθεῖεν ὑπὸ τῶν ἐναντίων (Paus. IV. 11. 2). Построеніе, очевидно, совершенно то же, что при Марафонѣ. Но распредѣленіе войскъ не могло быть взято оттуда пѣликомъ, потому что нужно было помѣстить φίλοι, которые въ Марафонской битвѣ не играютъ роли. Распредѣленіе, поэтому, было предоставлено свободной фантазіи рассказчика. Лакедемоняне становятся на обоихъ крыльяхъ, предоставляя центръ Коринфянамъ, періэкамъ, гелотамъ. Это относительно Спартиатовъ вызвано общими условіями: имъ принадлежитъ почетное мѣсто; но главную роль здѣсь опять таки играетъ параллель съ Марафонской битвой: Лакедемоняне, какъ побѣжденные, играютъ роль Персовъ, но подъ вліяніемъ второй части битвы, они должны оказаться нападающими, и въ этомъ отношеніи на нихъ переходитъ роль Аѳинянъ. У Аѳинянъ слабъ центръ, хотя только количественно. Но это автору, конечно, все равно. Черты Марафонской битвы распредѣлены между обѣими сторонами.

Въ построеніи Мессенскаго войска рассказчикъ былъ свободенъ — и создалъ нелѣпость (I. 1) ὅσοι τῶν Μεσσηνίων ἢ τῶν Ἀρχάδων τὰ μὲν σώματα ἦσαν ἐρωμένοι καὶ ἀγαθοὶ τὰς ψυχὰς, ὅπλα δὲ οὐκ εἶχον ἰσχυρὰ, τούτοις τῶν ὅπλων τὰ χρησιμώτατα ἐπέλεξε, καὶ ὡς τὸ ἔργον ἤπειγεν, ὁμοῦ τοῖς Ἀργείοις καὶ Σικυωνίοις καὶ τούτους ἔτασσεν. Оказывается, значить, — если вообще мѣсто имѣетъ смыслъ, — что, по крайней мѣрѣ, большинство Мессенянъ не гоплиты. Павсаній забылъ, что нѣсколько раньше Мессеняне поголовно ими были. Понятно, здѣсь играютъ роль двойкаго рода воспоминанія: во первыхъ, о роли Мессенянъ-гелотовъ въ Спартанскомъ войскѣ, во вторыхъ, о дѣятельности Навпактянъ.

Главную часть войска составляютъ союзники — Ἀργείων καὶ Σικωνίων λογάδες — волонтеры, какъ ясно изъ предъидущаго. Разскащику приходится противопоставить глубочайшей фалангѣ Спартанцевъ это небольшое войско, растянутое на всю длину Спартанской фаланги — и тѣмъ не менѣе они побѣждаютъ. Павсанию нужно объяснить, какъ это могло произойти — и онъ находитъ объясненіе: Мессеняне ἀριθμῷ μὲν δὴ τῶν ἐναντίων ἀπελείποντο, λογάδες δὲ ὄντες ἐμάχοντο πρὸς δῆμον καὶ οὐχ ὁμοίως πρὸς κρείττους, ἢ καὶ μᾶλλον τῆι τε ἄλλῃ προθυμίᾳ καὶ ταῖς ἐμπειρίαις ἀντεῖχον (Paus. IV. 11. 4).

Очень удобный способъ побѣждать: стоитъ только высылать не все войско, а только отборныхъ людей. Объясненіе взято опять таки прямо изъ Марафонской битвы. Аѳиняне побѣдили, потому что у нихъ было отличное войско, а у Персоевъ всякій сбродъ; теперь Лакедемоняне играютъ роль Персоевъ. Разскащикъ сразу мѣняетъ тонъ. Все то, что прежде онъ говорилъ о боевыхъ достоинствахъ Спартанцевъ, объ ихъ ἐμπειρίᾳ, теперь говорится о Мессенянахъ. Нелѣпость разсказа выступить ясно, если мы сообразимъ, что, если бы Спартанцы хотѣли составить отборный отрядъ изъ своего наличнаго войска, то онъ у нихъ не былъ бы ни хуже, ни меньше.

Честь этой побѣды принадлежитъ скорѣй союзникамъ, чѣмъ Мессенянамъ; для того, чтобы и Мессеняне въ обидѣ не были, нужна побѣда φιλοί. Тутъ пришлось искать другого образца — кажется, имъ скорѣе могъ служить разсказъ Фукидида (III. 87) о пораженіи, нанесенномъ Демосѳену Этолянами, чѣмъ разсказъ Ксенофонта (Xen. Hell. IV. 5. 11. sqq.) о битвѣ при Лехреѣ, на который ссылается Бузольтъ³⁾.

Фукидидъ разсказываетъ: Демосѳенъ ἐχώρει ἐπὶ Αἰγίτιον, καὶ κατὰ κράτος αἰρεῖ ἐπιῶν. ὑπέφυγον γὰρ αἱ ἄνθρωποι καὶ ἐκάθηντο ἐπὶ τῶν λόφων τῶν ὑπὲρ τῆς πόλεως· ἦν γὰρ ἐφ' ὕψηλῶν χωρίων ἀπέχουσα τῆς θαλάσσης ὀγδοήκοντα σταδίους μάλιστα. οἱ δὲ Αἰτωλοὶ (βεβροθηκότες γὰρ ἤδη ἦσαν ἐπὶ τὸ Αἰγίτιον) προσέβαλλον τοῖς Ἀθηναίοις καὶ τοῖς ξυμμάχοις καταθέοντες ἀπὸ τῶν λόφων ἄλλοι ἄλλοθεν καὶ ἐσηκόντιζον, καὶ ὅτε μὲν ἐπίοι τὸ τῶν Ἀθηναίων στρατόπεδον, ὑπεχώρουν, ἀναχωροῦσι δ' ἐπέκειντο· καὶ ἦν ἐπὶ πολὺ τοιαύτη

³⁾ Zu den Quellen der Messeniaca des Pausanias J. J. I. l. 814. G. G. P^o 580 пр. 6.

ἡ μάχη, διώξεις τε καὶ ὑπαγωγαί, ἐν οἷς ἀμροτέροις ἦσσαν ἡσαν οἱ Ἀθηναῖοι.

На заимствованіе рассказчикъ могъ быть наведенъ участіемъ Мессенянъ. Рассказъ его вполне равенъ рассказу Оукидида, только немного размазанъ ⁴⁾. Ситуація та же, результаты тѣ же. Можно также показать, что битва *φίλοι* не изъ того же источника, что битва гоплитовъ. Нарисуемъ себѣ положеніе войскъ. Противъ Спартанскихъ гоплитовъ лицомъ къ лицу стоятъ гоплиты. Понятно, что тогда *φίλοι* могутъ нападать только съ боковъ, а между тѣмъ Спартанцы *ἐπιστροφόμενοι εἰς τοὺς φίλους ἀμύνεσθαι ἐπειρῶντο* (Paus. IV. 11. 5). Какъ это они могли обернуться на *φίλοι*? Вѣдь имъ пришлось бы для этого разбиться на 2 части. Каждый самостоятельный писатель обратилъ бы на это вниманіе. Въ источникѣ объ этомъ не могло быть и рѣчи: тамъ *φίλοι*, конечно, спереди. Но допустимъ, что Спартанцы дѣйствительно повернулись лицомъ къ *φίλοι*. Какъ же быть тогда съ вражескими гоплитами? Если они допустятъ Спартанцевъ перейти въ нападеніе противъ *φίλοι* — что они съ величайшемъ удовольствіемъ сдѣлаютъ, — то они окажутся у нихъ съ боку или, если захотятъ, — а этого они, конечно, захотятъ — въ тылу. Во первыхъ, они тогда не будутъ имѣть возможности сдѣлать то, что имъ приписываетъ Павсаній — *οἱ δὲ δπλίται τῶν Μεσσηνίων καὶ τῶν συμμάχων θρασύτερον ἐν τῷ τοιφδε τοῖς κατὰ στόμα αὐτῶν ἐπέκειντο* (Paus. IV. 11. 7), ибо тогда такихъ именно (находящихся *κατὰ στόμα*) не будетъ — и въ этомъ проявляется вполне наглядно, что Павсаній не умѣлъ соединить версій. Во вторыхъ, оказавшись въ тылу у враговъ, они не дали бы имъ отступить. Очевидно, Павсаній не умѣлъ согласовать двухъ данныхъ ему ситуацій. Въ каждомъ изъ источниковъ враги впереди, а ему пришлось *φίλοι* помѣстить по бокамъ.

Итакъ, наконецъ и рѣшительная битва, принеся резульгаты:

⁴⁾ Конецъ Павсаніевскаго рассказа (IV. 11. 8) *τοὺς δὲ τῶν Λακεδαμονίων διαφθαρέντας ἐν τῇ μάχῃ συλλαβεῖν μὲν οἷά τε ἦν ἀριθμῷ, πείθομαι δὲ εἶναι καὶ αὐτὸς πολλοὺς* = Thuc. V. 74. 3. *ἀπέθανον δὲ Ἀργείων μὲν καὶ Ὀρεατῶν καὶ Κλεωναίων ἐπτακόσιοι. . . αὐτῶν δὲ* (sc. τῶν Λακεδαμονίων) *χαλεπὸν μὲν ἦν ἀλήθειαν πιθεῖσθαι, ἐλέγοντο δὲ περὶ τριακοσίους εἶναι*; отрывокъ взятъ изъ описанія Мантинейской битвы, которая, какъ указалъ Бузольтъ, является оригиналомъ разобранной уже нами битвы при *χάρδρα*. Вѣроятнѣй, однако, предположить, что и здѣсь Павсаній слѣдуетъ Оукидиду.

Но и тутъ результатъ только кажущійся ⁵⁾. Конечно, поражение должно было произвести крупный переворотъ въ Спартанско-Мессенскихъ отношеніяхъ. Что нибудь да должны же были предпринять побѣдоносные Мессеняне и побѣжденные Лакедемоняне. Оказывается, однако, что послѣдствій, въ сущности, битва никакихъ не имѣетъ. Всего на всего то и вышло изъ битвы, что Спартанцы испугались и послали спросить оракула. Пифія отвѣчаетъ

οὐ σε μάχης μόνον ἔργ' ἐφέπειν χερὶ Φοῖβος ἄνωγεν
ἀλλ' ἀπάτην μὲν ἔχει γαῖαν Μεσσηνίδα λαός

ταῖς δ' αὐταῖς τέχναισιν ἀλώσεται ἀσπερ ὑπῆρξεν (Paus. IV. 12. 1)

Богъ приказываетъ прибѣгнуть къ хитрости, и къ хитрости определенной: τέχνη здѣсь = ἀπάται — это ясно изъ дальнѣйшаго: πρὸς ταῦτα τοῖς βασιλεῦσι καὶ τοῖς ἐφόροις τέχνας μὲν προθυμουμένοις οὐκ ἐγίνετο ἀνευρεῖν. . . . Итакъ, нужна хитрость такая же, какую примѣнилъ Кресфонтъ, или подобная. Въ Спартѣ думаютъ гадаютъ — и наконецъ кто-то вспомнилъ о хитрости Одиссея; подражая послѣднему, послали въ Итому 100 человѣкъ подъ видомъ перебѣщиковъ. Но оказалось, что и Мессеняне знали Илиаду. Хитрость не удалась. Оно и понятно: вѣдь она ничего общаго не имѣетъ съ той, при помощи которой Кресфонтъ завладѣлъ Мессеніей.

Лакедемоняне придумываютъ другое—новую хитрость? Нѣтъ. Они стараются отклонить отъ Мессенянъ ихъ союзниковъ. Въ данную минуту, послѣ понесеннаго ими поражения это изъ всѣхъ возможныхъ путей именно тотъ, отъ котораго менѣе всего можно ожидать результатовъ. И дѣйствительно, Аркадяне, къ которымъ прежде всего обратились Спартанцы, имъ отказали. Тогда они

⁵⁾ Битва дана ἐκ προῤῥήσεως. Что означаетъ это условіе, для меня не ясно. Но едва ли имѣется въ виду только обусловленное время и мѣсто: 1) такое условіе не освободитъ отъ тягостей войны. Что, если битва будетъ нерѣшительной? 2) Спартанцы не могутъ согласиться именно на это мѣсто, такъ какъ оно слишкомъ выгодно для Мессенянъ, слишкомъ невыгодно для нихъ, тѣмъ болѣе, что на этомъ мѣстѣ они всегда могутъ ихъ заставить принять битву. Остается предположить, что условіе имѣетъ въ виду результатъ битвы—извѣстный мотивъ саги. Павсаній имъ воспользовался, но не умѣлъ, да и не могъ по условіямъ своего разсказа придать ему его истинное значеніе.

посылають къ Аргивянамъ ⁶⁾. Узнавъ, что дѣлають Спартанцы, Аристодемъ, конечно, отправилъ и съ своей стороны — пословъ къ Аргивянамъ, чтобы убѣдить ихъ остаться вѣрными союзу? Вовсе нѣтъ. Онъ посылаеть спросить оракула. Богъ отвѣтилъ:

Κυδός τοι πολέμοιο διδοῖ θεός· ἀλλ' ἀπάταισι
φράζου μὴ Σπάρτης δόλιος λόχος ἐχθρὸς ἀνέλθῃ
κρείσσω· εἰ γὰρ Ἄρης κείνων εὐήρεα τεύχη,
καὶ τε χορῶν στεφάνωμα πικροῦς οἰκήτορας ἔξει,
τῶν δύο συντυχίας κρυπτὸν λόχον ἐξαναδύοντων.
οὐ πρόσθεν δὲ τέλος τόδ' ἐπόψεται ἱερὸν ἡμῶν,
πρὶν τὰ παραλλάξαντα φύσιν τὸ χρεῶν ἀφίκηται.

Что это значить, они взять въ томъ не могутъ; потому узнають; имъ нечего и торопиться узнать, ибо вліянія на ходъ дѣла *χρησμός* не имѣеть. За нимъ другой *χρησμός*, котораго Мессеняне просятъ, потому что наступилъ 20-й годъ войны. Но разсказано это не непосредственно сейчасъ, а между обоими *χρησμοί* вставленъ уже разобранный нами конецъ разсказа о Ликискѣ. Цѣль вставки двойная: съ одной стороны слишкомъ не удобно было бы поставить оба *χρησμοί* рядомъ; съ другой стороны, все жъ таки заполняется извѣстный промежутокъ времени.

Второй *χρησμός* все жъ таки что нибудь да говорить, чего о первомъ нельзя сказать.

Τοῖς τρίποδας περὶ βωμῶν Ἰθωμάτα Διὶ πρώτοις
στήσασιν δεκάδων ἀριθμῶν δις πέντε δίδωσι
σὺν κύδει πολέμου γαῖαν Μεσσηνίδα δαίμων.
Ζεὺς γὰρ ἔνευσ' οὕτως· ἀπάτη δὲ σε πρόσθε τίθησιν,
ἣ δ' ὀπίσω τίσις ἐστί, καὶ οὐ θεὸν ἐξαπατήσης.
ἔρδ' ὄππῃ τὸ χρεῶν· ἄτη δ' ἄλλοισι πρὸ ἄλλων (Paus. IV. 12. 7).

Объ этомъ отвѣтѣ бога узнають Спартанцы, и одинъ изъ нихъ, Эбаль, въ одеждѣ крестьянина входитъ на Итому и ставитъ во-кругъ алтаря десять глиняныхъ треножниковъ. Такимъ образомъ, онъ удовлетворилъ тому требованію, которое поставилъ богъ во второмъ своемъ отвѣтѣ, нужно удовлетворить и тому, которое поставилъ богъ въ данномъ Спартанцамъ *χρησμός*; нужно побѣдить

⁶⁾ Къ какому результату привели переговоры, не сказано. Изъ дальнѣйшаго, однако, видно, что ни къ какому. Это отсутствіе результата должно бы быть мотивировано. Я предположилъ бы у Павсанія пропускъ въ текстѣ.

Мессенянъ такой же хитростью, какой они обязаны завладѣнiемъ своей страны. Чтобы примирить оба требованiя, раскащикъ и вводитъ глиняные треножники, равные очевидно глиняному жребiю Кресфонта. Иначе нельзя себѣ объяснить, почему они сдѣланы изъ глины. Само собой понятно, соотвѣтствiе самое вѣднѣе. Если же не признавать его совѣтмъ, то первый оракулъ не будетъ нуженъ ни къ чему. Выводъ изъ всего этого слѣдующiй: оракулъ существуетъ независимо отъ разсказа — и разсказъ принаровленъ къ оракулу. То же можно сказать и о первомъ изъ данныхъ Мессенянамъ χρησμοί. Очевидно, имѣется въ виду, что ἀπάται приведуть на Итому войско, (что это за ἀπάται, ясно изъ противоположенiя ихъ κῆδος πολέμοιο; ἀπάται суть военныя хитрости, значить не могутъ означать поступка Эбала) и тогда прозрѣеть Офiоней. Послѣ второго оракула Спартанцы не вошли на Итому (Σπάρτης δόλιος λόχος не можетъ же означать треножники). Между тѣмъ именно тогда прозрѣваетъ Офiоней. Съ другой стороны, не имѣютъ смысла слова оракула о томъ, что Офiоней ослѣпнетъ. Вѣдь это само по себѣ не интересно, а важно только потому, что оно что-то предвѣщаетъ. Между тѣмъ этого именно и нѣтъ. Послѣ обмана Эбала онъ прозрѣваетъ, чрезъ нѣкоторое время опять слѣпнетъ — и послѣ этого до гибели Итомы проходитъ еще много времени.

Но это еще не всѣ несообразности таинственнаго χρησμός. Въ силу его со времени чудеснаго ослѣпленiя Офiоней до новой потери имъ зрѣнiя не пройдетъ дня.

οὐ πρόσθεν δὲ τέλος τὸ δ' ἐπόψεται ἱερὸν ἦμαρ

πρὶν τὰ παραλλάξαντα φύσιν τὸ χρεὼν ἀφίκηται.

А между тѣмъ между обманомъ Эбала и слѣпотой Офiоней лежитъ много времени, по крайней мѣрѣ ночь: οἱ κύνες συνιόντες ἐς τὸ αὐτὸ ἀνὰ πᾶσαν νύκτα ὠρύνοντο, τέλος δὲ καὶ ἀπεχώρησαν ἄθροαι πρὸς τὸ τῶν Λακεδαιμονίων στρατόπεδον (откуда здѣсь лагерь?). ταῦτα δὴ τὸν Ἀριστόδημον ἐτάρασσε καὶ δνειράτος ὄψις ἐπιγενομένη (Paus. IV. 13. 1).

Итакъ, толкованiе оракула ему не отвѣчаетъ, оно дано готовому оракулу, къ которому отношенiя не имѣетъ.

Узнавъ о томъ, что Спартанцы поставили раньше ихъ треножники, Мессеняне, конечно, перетревожились, но Аристоклему удалось ихъ успокоить, — какъ, не извѣстно. Слѣдуетъ цѣлый рядъ prodigia, и въ концѣ концовъ Аристоклемъ видитъ вѣщiй

сонъ, приведшій его въ такое отчаяніе, что онъ, не видя нигдѣ спасенія, убиваетъ себя на могилѣ напрасно закланной имъ дочери. Мессеняне послали было къ Лакедемонянамъ просить о мирѣ: такъ поразила ихъ смерть Аристодема (не общее ихъ положеніе и не *χρησιολογία*: вѣдь они повѣрили Аристодему), — но потомъ раздумали и выбрали для дальнѣйшаго веденія войны Дамиса стратегомъ автократоромъ — чисто аѳинская черта, абсолютно не соответствующая эпохѣ. Объясненіе, кажется, должно быть въ томъ, что въ спискѣ царей нѣтъ царя послѣ Аристодема. И въ самомъ дѣлѣ, если мы предположимъ (а мы уже не разъ были приводимы анализомъ нашего преданія къ такому предположенію), что существовалъ списокъ царей Мессенскихъ съ обозначеніемъ лѣтъ царствованія каждаго, подобный тому, который намъ передалъ Сосибій для Спартанскихъ царей,—хотя бы только для Мессенской войны, о которой мы имѣемъ цифры, — то станетъ очевиднымъ, что списокъ этотъ обрывается концомъ Мессенской войны и послѣднимъ царемъ Мессеніи — Аристодемомъ. Но рассказчикъ не можетъ съ этимъ примириться, такъ какъ онъ считаетъ продолжительность войны равной цѣлымъ 20 годамъ (раньше онъ говорилъ о 20-мъ годѣ войны; въ концѣ же рассказа онъ пишетъ: *περὶ δὲ ἐνιαυτὸν λήγοντα ἐξέλιπον τὴν Ἰθάμην*) эту цифру онъ заимствовалъ у Тиртея ⁷⁾, эти 20 лѣтъ онъ долженъ выполнить. Онъ сосчитываетъ годы Эвфоеса и Аристодема, и у него остается еще нѣкоторое время, съ которымъ ему нечего дѣлать. Изъ бывшихъ у него въ запасъ именъ онъ беретъ одно и называетъ его носителя, конечно, не царемъ—это было бы въ противорѣчій съ лежащимъ въ основѣ его рассказа спискомъ, а *στρατηγὸς ἀτοκράτωρ*, какъ часто называли своихъ полководцевъ Аѳиняне.

Вспомнимъ ситуацію. Лакедемоняне потерпѣли поражение. Союзники ихъ ушли домой; то же сдѣлали и они. Съ тѣхъ поръ

⁷⁾ Но едва ли вѣрно ее понялъ. У Тиртея говорится о двадцатомъ годѣ, а не о 20 годахъ; мы видимъ, что весь рассказъ построенъ на ложномъ предположеніи о 20 полныхъ годахъ; значитъ, изъ этого предположенія исходилъ тотъ источникъ Павсанія, которымъ онъ пользовался въ своемъ рассказѣ. Но не тотъ источникъ лежитъ въ основѣ его хронологіи. Начавъ войну во второмъ году 9-ой Олимпіады, онъ кончаетъ ее въ первомъ 13, т. е. очевидно считаетъ только 19 полныхъ лѣтъ, исходя изъ правильного толкованія Тиртея.

и Мессеняне и Спартанцы только и дѣлали, что спрашивали боговъ. Спартанцы, впрочемъ, еще старались склонить на свою сторону союзниковъ Мессенянъ, но имъ это не удалось. И вдругъ положеніе мѣняется совершенно. Дамисъ, выбранный стратегомъ, рѣшается дать сраженіе: ἐπηνάγκαζε γὰρ ἦ τε πολιορκία καὶ οὐχ ἥμισυ δ' λιμὸς καὶ τὸ ἀπ' αὐτοῦ δέος, μὴ καὶ προδιαφθαρῶσιν ὑπὸ ἐνδείας. ἀρετῇ μὲν δὴ καὶ τολμήμασιν οὐδὲ τότε ἀπεδέησε τὰ τῶν Μεσσηνίων (Paus. IV. 13. 5). Переворотъ ничѣмъ не объясненный, ничѣмъ не объяснимый, но за то вполне объяснима его необходимость. Пора окончить войну, а у рассказчика нѣтъ въ запасѣ новыхъ измышлений. Надлежитъ быть битвѣ, но рассказчикъ описывалъ уже четыре битвы, нельзя же отъ него требовать еще болѣе, и вотъ онъ прямо, безъ всякого перехода, не упомянувъ даже о битвѣ ⁷⁾, (Дамисъ только παρεσκευάζετο ὡς συναψων μάχην) продолжаетъ: ἀπέθανον δὲ οἱ τε στρατηγοὶ σφισιν ἅπαντες καὶ τῶν ἄλλων οἱ λόγου μάλιστα ἄξιοι. τὸ δὲ ἀπὸ τούτου μῆνας μὲν πέντε μάλιστα ἀνέτεσχον. Какъ себѣ объяснить эти пять мѣсяцевъ войны безъ полководцевъ, это трудно сказать, но рассказчикъ, очевидно, спѣшитъ къ вождѣльному концу; къ концу года, рассказываетъ онъ, Мессеняне оставили Итому. Подробностей взятія нѣтъ, хотя тутъ то рассказчикъ, конечно, могъ бы дать волю своей фантазіи. Но его дальнѣйшія свѣдѣнія предполагаютъ свободный уходъ Мессенянъ, и ему пришлось бы объяснить, какимъ образомъ это случилось.

Остается указать на результаты войны (Paus. IV 14) — и тутъ мы сразу становимся на болѣе реальную почву. Кто изъ Мессенянъ имѣлъ связи въ Аркадіи, Аргосѣ, Сикіонѣ, тотъ отправился туда, εἰς Ἐλευσίνα δὲ τοῦ γένους τῶν ἱερέων καὶ Θεαῖς ταῖς Μεγάλαις τελοῦντες τὰ ἔργα — Элевсинскіе Андроклиды, о которыхъ я уже говорилъ. Масса разошлась по разнымъ городамъ — извѣстно, что они тамъ были. Затѣмъ, часть Мессенской земли была отдана Асинейцамъ; объ нихъ уже раньше было рассказано, какъ о союзникахъ Спартанцевъ. Ἀσιναῖοι οἱ Δρύοπες γενεᾷ πρότερον ὑπὸ Ἀργείων ἐκ τῆς σφετέρως ἀνεστρηχότες καὶ ἦκοντες ἐς τὴν Λακεδαίμονα ἐκέται κατ' ἀνάγκην συνεστρατεύοντο (Paus. IV. 8. 3). Комбинація ясна. Для рассказчика фактъ существованія Асинейцевъ въ Мессеніи — фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Во

⁷⁾ Я и здѣсь предположилъ бы пропускъ въ текстѣ Павсанія.

время возстановленія Мессеніи, въ ней находились Асинейцы (Paus. IV. 27. 8). Существованіе ихъ здѣсь не могло быть объяснено иначе, какъ переселеніемъ въ древнѣйшую эпоху. Но они находятся въ дружбѣ съ Мессенянами (ср. Paus. IV. 15. 8)— дружбѣ, отразившейся и въ исторіи второй войны — вотъ почему и говорится, что они въ походѣ участвовали *ἀνάγκη*. Точно такой же Rückschluss и въ извѣстїи объ Андроклидахъ, о которомъ уже было говорено.

Далѣе изложена судьба самихъ Мессенянъ, оставившихся дома: 1) они даютъ клятву болѣе не отпадать—не могу рѣшить, есть ли тутъ зерно истинной правды; нѣтъ ли чего нибудь подобнаго въ обычаяхъ Спарты? 2) они платятъ *φόρος* и исполняютъ извѣстныя обязанности — это конечно основано на позднѣйшихъ обычаяхъ, и намъ хорошо извѣстныхъ. Въ видѣ иллюстраціи проводится стихи изъ Тиртея: — Мессеняне

ὄσπερ ὄνοι μεγάλοις ἄχθεσι τερόμενοι,
δεσποσύνοισι φέροντες ἀνάγκαιης ὑπὸ λυγρῆς
ἡμῖσι πάντος ὄσον καρπὸν ἄρουρα φέρει.

Это извѣстіе не согласно съ другими свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ относительно *φόρος* гелотовъ: гелоты давали господамъ не $\frac{1}{2}$ и вообще не долю плодовъ своихъ полей, а разъ на всегда опредѣленное количество — 82 медимна. (Plut. Lyc. VIII) и Павсаній напираетъ на это отлчїе — *φόρον μὲν οὐδένα ἐπέταξαν εἰρημένον, οἱ δὲ τῶν γεωργουμένων τροφῶν σφίσιν ἀπέφερον ἐς Σπάρτην πάντων τὰ ἡμίσεα*. Павсаній, очевидно, относитъ свидѣтельство Тиртея къ древнѣйшему времени, когда порядокъ не равнялся позднѣйшему. Мы имѣемъ только отрывокъ элегіи — Павсаній имѣлъ всю, и могъ, конечно, судить, о чемъ говорить Тиртей⁸⁾.

⁸⁾ Чисто историческія соображенія говорятъ также въ пользу этого мнѣнія. Тотъ порядокъ уплаты подати, о которомъ говоритъ Тиртей, наиболѣе вѣроятенъ. Половинники — явленіе распространенное по всему міру. Вѣроятно было бы и соединеніе обѣихъ версій. Предположимъ, что первоначальная половина и составляла около того количества, которое уплачивалась впоследствии. Тогда, вслѣдствіе извѣстнаго консерватизма Спартанцевъ могла установиться и самая величина взноса, не смотря на измѣнившіяся обстоятельства. Могла она быть и утверждена на избѣжаніе злоупотребленій, когда былъ введенъ законъ, запрещавшій требовать съ гелота больше опредѣленнаго количества (Plut. Inst. Lacon. 41). Во всякомъ случаѣ, если бы свидѣтельство Тиртея не считали относящимся къ давно-прошедшему времени, не могъ бы утвердиться взглядъ объ опредѣленномъ взносѣ гелотовъ.

Въ данномъ случаѣ мы можемъ проконтролировать Павсанія по разсказу Мирона — и въ этомъ единственномъ случаѣ мы убѣждаемся, что Павсаній не всегда, по меньшей мѣрѣ, слѣдовалъ Мирону. Послѣдній не упоминаетъ, (Athen. XIV. 657 с. М. F. H. G. IV. 461) о половинѣ, которую должны были платить гелоты. Спартанцы, говорить онъ, *παράδοντες αὐτοῖς (sc. τοῖς Μεσσηνίοις) τὴν χώραν ἔταξαν μοῖραν, ἣν αὐτοῖς ἀνοίσουσι ἀεὶ*. Я думалъ бы, что здѣсь имѣется въ виду доля въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорить объ ней Плутархъ; тогда Миронъ оказался бы внѣ зависимости отъ Тиртея.

Обратимся къ результатамъ нашего анализа. Къ сожалѣнью, въ обработкѣ Павсанія намъ удалось раскрыть только немного реальныхъ чертъ — и эти реальные черты не историчны.

Прежде всего такой реальной—для нашего разсказчика—чертой слѣдуетъ считать имена царей Эвфаеса и Аристодема. Но объ Эвфаесѣ, въ сущности, ничего не разсказано—очевидно, ничего не извѣстно: онъ существуетъ только въ спискѣ, но не въ сагѣ. Что разсказывается объ Аристодемѣ, носятъ нѣсколько иной характеръ. Мы видѣли, что всѣ разсказы о томъ, какъ при немъ велась война, основаны на комбинаціи. Остается разсказъ объ его жертвѣ и объ его смерти. Никакого вліянія на ходъ войны его жертва не оказываетъ. Его вмѣшательства въ войну и вообще не видно. Тѣмъ не мѣнѣе, разсказъ весь вращается около его имени и около принесенной имъ жертвы, заканчиваясь моралью *ἐπεκατέσφαξεν ἑαυτὸν τῆς παιδὸς τῇ τάφῳ, τὰ μὲν ἐς ἀνθρώπου λογισμὸν ἦκοντα Μεσσηνίους σώσας, τῆς τύχης δὲ ἐς τὸ μῆδὲν ἀγαγούσης τὰ τε ἔργα αὐτοῦ καὶ τὰ βουλευόμενα* (Paus. IV. 13. 4).

Очевидно, есть преданіе объ Аристодемѣ внѣ зависимости отъ Мессенской войны. Комбинація могла быть такая. Аристодемъ покончилъ съ собою на могилѣ дочери, имъ принесенной въ жертву (нѣтъ ли въ основаніи этого мѣстнаго культа какойнибудь могилы?). Аристодемъ — послѣдній царь Мессенскій. Очевидно, онъ заклалъ ее ради спасенія родины. Но такъ какъ Мессеняне не были имъ спасены, и такъ какъ Аристодемъ убилъ себя на могилѣ дочери, значить, чувствуя за собой вину, то, очевидно, жертва была напрасна. Объясненіе напрасности этой жертвы дано на основаніи аналогіи съ другими мѣрами. Сага о закланіи дочери связана съ другимъ варіантомъ той же саги — преданіемъ о Ликискѣ и его дочери.

Характеръ разсказа тотъ же, который мы опредѣлили раньше — ультрамессенскій. Вся вина войны сваливается на Спартанцевъ; они изображены жадными волками, Мессеняне невинными и беззащитными агнцами. Побѣда приписывается хитрости Спартанцевъ, хотя здѣсь разсказчикъ находится подъ вліяніемъ разсказа о хитрости Кресфонта. Причина этому въ томъ, что кромѣ тенденцій патріотически — мессенскихъ, на составъ традиціи сильно вліяли элементы раньше данные въ сагѣ или псевдо-сагѣ, (что теперь для насъ безразлично), теченія риторическія, и главнымъ образомъ, характеръ матеріала. Именно свѣдѣнія объ обманѣ Месенянь навязаны матеріаломъ. Я старался въ своемъ мѣстѣ доказать, что оракулы внѣ связи съ остальнымъ разсказомъ. Вѣроятно они внесены изъ какого нибудь сборника оракуловъ, въ составъ котораго могли войти и спартански-окрашенные *χρησιμ.*

ГЛАВА IV.

Вторая Мессенская война.

Для Павсаниевской истории второй Мессенской войны обыкновенно считают источником Ріана. Что это не что иное, какъ Nothbehelf, какъ выражается Niese ¹⁾, намъ покажетъ анализъ Павсаниевскаго разсказа, но уже съ самаго начала ясно, что источникомъ онъ могъ служить только съ битвы при «великомъ рвѣ» (Paus. IV. 6. 2) — раньше источникъ несомнѣнно тотъ же, что и для первой войны.

Съ другой стороны, несомнѣнно не зависитъ отъ Ріана хронологическая рамка, въ которой излагаются событія — архонты, олимпиады, генеалогія царей. У Ріана былъ названъ одинъ только царь — Леотихидъ—иначе Павсаній несомнѣнно привелъ бы и имя второго царя изъ Ріана. На что рамка разсказа ему самому первоначально чужда, ясно и само по себѣ и давно показано. Изъ двухъ упоминаемыхъ въ ней царей имя одного дальше совершенно не встрѣчается, имя другого встрѣчается во второй части разсказа съ ссылкой на первое упоминаніе (Paus. IV. 22. 6) — по аналогіи съ нимъ Павсаній и могъ подставить въ разсказъ Ріана вмѣсто имени Леотихида имя Анаксандра.

Указаніе промежутка между временемъ паденія Итомы и началомъ войны стоитъ внѣ зависимости отъ Тиртея — разстояніе отъ дѣдовъ до внуковъ не равняется 39 годамъ (Paus. IV. 15. 1). Не могло быть также время это высчитано по царямъ — такъ какъ причинной связи между восшествіемъ на престолъ указанныхъ царей и началомъ войны нѣтъ. На оборотъ, расчетъ царей произведенъ по Тиртею—начинаетъ войну

¹⁾ Sybels Hist. Zeitschr. XI, III. 394 pp.

третьей царь со времени падения Итомы. Въ этомъ смыслѣ и объяснена генеалогія царей на основаніи списка царствовавшихъ (Paus. IV. 15. 3). Вѣроятно цифра 39 стоитъ въ связи съ именемъ Мессенинина Фана (IV. 17. 8) въ спискѣ олимпіониковъ, дававшимъ твердый опорный пунктъ для хронологіи: если былъ побѣдитель Мессенининъ, значитъ Мессенія была свободна.

Положеніе Мессеніи очень мало принято во вниманіе составителемъ разсказа. Мы знаемъ изъ предъидущаго, что разсказчикъ представляетъ себѣ Мессенианъ превращенными въ геатовъ, служащими господамъ,

ὥσπερ ὄνοι μεγάλοι ἀχθεσι τειρόμενοι.

Совершенно въ другомъ свѣтѣ являются они здѣсь. Замышляя возстаніе, они сговариваются съ сосѣдними союзниками. Между ними оказывается человекъ съ весьма широкимъ вліяніемъ—Аристомень, у нихъ есть власти *οἱ ἐν τέλει*. Возрѣніе это, конечно, не историческое; данныхъ для описанія положенія страны быть не могло и не было, какъ это ясно изъ полной блѣдности изложенія Павсаніемъ причинъ войны. (Paus. IV. 14. 6—16. 1 sqq). Это схема, не заключающая въ себѣ ни одной характерной черты, схема, одинаково подходящая ко всякому возстанію.

Возстаніе начинаетъ Аристомень—слѣдуетъ разсказъ о его происхожденіи (Paus. IV. 14. 7. 8). Даются два варианта, хотя Павсаній и не сознаетъ, что даетъ варианты: *Νικετελεῖα γὰρ τῇ μητρὶ αὐτοῦ δαίμονα ἢ θεὸν δράκοντι εἰκασμένον συγγενέσθαι λέγουσι* — тоже говорятъ Македоняне объ Олимпіадѣ, Сикіонцы объ Аристодемѣ, *διάφορα δὲ τασόνδε ἦν Μεσσηνιοὶ γὰρ οὐκ ἐσποιούσιν Ἀριστομένην Ἡρακλεῖ παῖδα ἢ Διὶ, ὥσπερ Ἀλέξανδρον Ἄμμωνι οἱ Μακεδόνες καὶ Ἄρατον Ἀσκληπιῷ Σικυώνιοι. Ἀριστομένει δὲ πατέρα Ἑλλήνων μὲν οἱ πολλοὶ Πύρρον φασὶν εἶναι, Μεσσηνίους δὲ οἶδα αὐτοὺς σπονδαῖς Ἀριστομένην Νικομήδους καλοῦντας.* Мѣсто не особенно ясно, но противорѣчіе, кажется несомнѣнно: Аристомень то сынъ бога, то не сынъ бога — ибо Никомедъ здѣсь конечно человекъ означаетъ. Но Аристомень — культовой герой — ему приносятъ жертвы, какъ сыну Никомеда и Никотелея²⁾. Одно имя съ *Νίκη* должно было бы вызвать сомнѣнія, но два такихъ

²⁾ О культѣ Аристодема на Родосѣ свидѣтельствуеетъ надпись *Inscriptions. m. Aeg. 7. ср. Paus. IV. 24. 2. 3.*

имени—замышляющей побѣду и выполняющая ее—не могутъ быть случайностью. Оба имени взяты изъ мѣта. Существованіе обоихъ версій объясняется тѣмъ, что и самого *Νικολήδης* слѣдуетъ понимать, какъ бога, мѣтнаго Мессенскаго бога, божественность котораго было уже неизвѣстна ко времени составленія преданія. У Павсанія такимъ образомъ должно было явиться противорѣчіе, котораго въ сущности нѣтъ. Мы будемъ тогда имѣть случай аналогичный тому, который изслѣдовалъ по отношенію къ родителямъ Геракла. Какъ Амелтріонъ есть *Ζεὺς Ἀμφιτρύων*, такъ и отецъ Аристомена есть *Ζεὺς Νικολήδης*—въ его качествѣ хтоническаго бога, какъ на это указываетъ драконъ, въ видѣ котораго онъ соединился съ Никотелеей ³⁾. Уже это указываетъ на первоначально-миоеическое значеніе Аристомена — во всякомъ случаѣ на то, что преданіе о немъ подверглось вліянію извѣстныхъ мѣтовъ.

Первая встрѣча Лакедемонянъ съ Мессенянами происходитъ въ Дерахъ (Ραυ. IV. 15. 2), на Мессенской почвѣ—значить нападаютъ Лакедемоняне. Битва не приводитъ ни къ какому результату. Мы уже знаемъ, что это значить: о битвѣ ничего не извѣстно. Это одна изъ тѣхъ многочисленныхъ битвъ, о которыхъ мы знаемъ изъ исторіи первой Мессенской войны. Аристоменъ оказываетъ чудеса храбрости. Его хотять сдѣлать царемъ—онъ Эпитидъ, — онъ отказывается и его дѣлають *στρατηγὸς αὐτοκράτωρ*—причина та же, которую я раньше указывалъ для Дамиса. Но дѣлаеть Аристоменъ нѣчто удивительное: онъ прокрадывается въ Лакедемонъ и приноситъ богинѣ въ *χαλκίαικος* щитъ съ надписью: Аристоменъ богинѣ *ἀπὸ Σπαρτιατῶν*.

Здѣсь первая мѣтаическая черта, которую слѣдуетъ считать невымысленной, такъ какъ она въ такомъ случаѣ не имѣла бы никакого смысла. Фактъ невозможенъ для исполненія, бессмысленъ, если исполненъ. Вождь одной изъ воюющихъ сторонъ прокрадывается въ городъ враговъ для того, чтобы принести въ жертву богинѣ-покровительницѣ этого города щитъ — какой и чей, объ этомъ Павсаній не знаетъ, что очень характерно (*ἀνατίθῃσιν ἄσπιδα*), судя по смыслу надписи, добычу, взятую съ находящихся подъ ея покровительствомъ. Какъ это объяснить?

³⁾ О Зевсѣ въ видѣ змѣи и его хтоническомъ значеніи см. Preller-Robert. I. 131. 4.

Павсаний объясняетъ это, но его объясненіе слишкомъ натянуто, чтобы имѣть какую нибудь цѣну. Самого щита въ Спартѣ, вѣроятно, не было — можно бы, въ противномъ случаѣ ожидать, что Павсаний объ этомъ упомянулъ бы.

Мы можемъ въ данномъ случаѣ контролировать рассказъ Павсанія благодаря тому, что имѣемъ соответствующаго содержания отрывокъ у Полиэна (II. 31. 4), который очень часто заимствуетъ у Эфора; ни что не препятствуетъ намъ предположить и здѣсь заимствованіе у того же Эфора. То, что говорить объ этомъ Melber, не убѣдительно ⁴⁾.

Ἀριστομένης Μεσσήνιος, αἰχμάλωτος ὑπὸ Λακεδαιμονίων καὶ φρουρούμενος, τούτων κοιμωμένων τῇ παρακειμένῃ πυρὶ προσεκύλισεν ἑαυτὸν καὶ τοὺς δεσμοὺς κατακαύσας τοὺς μὲν φύλακας ἀνεῖλε, κρύφα δὲ εἰς τὴν Σπάρτην παρελθὼν, καὶ τὰς ἀσπίδας αὐτῶν προσηλώσας τῇ τεμένει τῆς χαλκιοίκου, ἐπέγραψεν· Ἀριστομένης ἀπὸ Λακεδαιμονίων ἀβλαβῆς ἐσώθη. τοῦτο ποιήσας ἐς Μεσσήνην ἐπανήλθε.

Рассказъ даетъ намъ съ полной несомнѣнностью два вывода: 1) Преданіе не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ исторіи войны. Въ то время, какъ у Павсанія оно приурочено къ битвѣ при Дерахѣ, источникъ Полиэна относитъ его къ другому факту, съ которымъ мы еще встрѣтимся и который Павсаниемъ относится къ срединѣ войны. Преданіе существовало свободно и каждый могъ его связать, какъ хотѣлъ. 2) У Павсанія надпись означаетъ: Аристоменьъ приноситъ богинѣ добычу враговъ. Ἀριστομένης ἀπὸ Σπαρτιατῶν, у Полиэна на надписи стоитъ нѣсколько больше: ἀβλαβῆς ἐσώθη — щиты остаются добычей, но надпись получаетъ совершенно другой смыслъ; у Полиэна, очевидно, дано объясненіе, — но объясненіе это было нужно; преданіе его не давало; было извѣстно о надписи, но связь ея со всей исторіей не сохранилась.

Ясно, что основные элементы разсказа суть: Аристоменьъ въ Спартѣ, щитъ Аристомена, какая-то посвяtitельная надпись. Всѣ эти элементы даны, но остальное — этиологія; всѣ эти элементы часто повторяются, комбинируясь различнымъ образомъ. Цѣлый рядъ преданій говоритъ о томъ, какъ Аристоменьъ былъ въ рукахъ Спартанцевъ — если здѣсь онъ въ Спартѣ не въ ка-

⁴⁾ Ueber die Quellen und den Werth d. Stratagemensammlung d. Polyän J. J. Supp. 4 (1885) pg 564.

чествѣ плѣнника, то это опять таки дѣло случайной комбинаціи. Существовало то, что онъ въ Спартѣ.

Битва при *Κάπρου σήμα* въ Стеникларѣ кончается поражениемъ Спартанцевъ. Союзники распределены такъ же, какъ распредѣлялись они въ первой войнѣ. Начинается битва: на сторонѣ Спартанцевъ отличается царь Анаксандръ, на сторонѣ Мессенянъ потомки Андровла и, конечно, Аристомень. Онъ совершаетъ чудеса храбрости, гонитъ предъ собою враговъ *φοβρώτερος ἢ κατὰ ἀνδρὸς ἐνδὸς μανίαν*—и *πάσαν τῶν Λακεδαιμονίων τὴν τάξιν καὶ αὐτῶν καὶ τῶν συμμάχων συνέχεε*. Такъ гонится онъ за ними до тѣхъ поръ, пока не доходить до какого-то дерева. Дальше этого дерева ему запрещаетъ идти жрецъ, такъ какъ на немъ сидятъ Діоскуры; Аристомень не слушается, и, миновавъ дерево, теряетъ щитъ; *Λακεδαιμονίοις τε τὸ ἀμάρτημα τοῦ Ἀριστομένους παρέσχεν αὐτῶν ἀποσώθῃν αἰτίας ἐκ τῆς φυγῆς· διέτριψε γὰρ τὴν ἀσπίδα ἀνευρεῖν περιώμενος*. (Paus. IV. 16 4. 5) Последніе слова представляютъ собой очевидную бессмыслицу. Только то обстоятельство, что Аристомень старался отыскать свой щитъ, спасло нѣкоторыхъ Спартанцевъ — значить другіе погибли, погибли почти всѣ со всеми союзниками — послѣ этого нечего было бы всего другого рассказывать. Это, конечно, только излишнее усердіе автора, но еще страннѣй его объясненіе. Спартанцы убѣждали, пока Аристомень искалъ своего щита. И еще страннѣй самый фактъ потери щита — въ точномъ смыслѣ слова: Аристомень не знаетъ, гдѣ уронилъ его. Какъ это можетъ быть? Вѣдь щитъ-то не булавка. Я не могу удержаться отъ сравненія. Нельзя же представить себѣ Аристомена въ образѣ Тараса, потерявшаго люльку и остановившагося, чтобы поискать ее. Такъ то люлька — вѣдь не саблю же потерялъ Тарасъ.

Очевидно, здѣсь недоразумѣніе, но оно могло возникнуть только изъ желанія сдѣлать выводъ изъ потери щита, а значить самая потеря щита дана. *Ἀχράς* — конечно граница земли Спартанской — мѣсто, до котораго простирается защита Діоскуровъ. Значить, преданіе говоритъ о томъ, что Аристомень оставилъ свой щитъ во вражеской странѣ. Нельзя оторвать эту версію отъ версіи, только что нами изслѣдованной. Обѣ версіи объясняютъ тотъ фактъ, что въ Спартѣ есть преданіе о находящемся тамъ щитѣ Аристомена,—объясняютъ его почетнымъ для Мессенскаго героя образомъ.

Характерно для описанія битвы присутствіе въ ней жрецовъ — по парѣ группъ для каждой стороны, приведенныхъ въ полное соотвѣтствіе. У Лакедемонянъ *προεδύσατο Έχάς*, потомокъ того, который пришелъ въ Лаконнику съ сыновьями Аристодема; со стороны Мессенянъ Θεοκλῆς, потомокъ того, который пришелъ въ Мессенію съ Кресфонтомъ. За войскомъ стояли, побуждая своихъ къ битвѣ, но не принимая въ ней активнаго участія, — со стороны Мессенянъ пришедшіе изъ Аѳинъ потомки Андрокла *Φίντας καὶ Ἀνδροκλής*⁵⁾ — у автора не хватило фантазіи для того, чтобы придумать пару новыхъ именъ — со стороны Спартанцевъ жрецы τῶν μεγάλων θεῶν и Тиртей, которому здѣсь дѣлать нечего и который только здѣсь и появляется.

Исторія со щитомъ однако не кончается. Аристоменъ отправляется въ Дельфы спросить объ немъ. Боги посылаютъ его въ Лебадею (Paus. IV. 16. 6) *ἀνεσώσατο δὲ καὶ τὴν ἀσπίδα ἐκείνην ἕς τε Δελφούς ἀφικόμενος καὶ ὡς οἱ προσέταξεν ἢ Πυθία, καταβάς ἐς τὸ ἄδυτον ἱερὸν τοῦ Τροφωνίου τὸ ἐν Λεβαδείᾳ. ὕστερον δὲ τὴν ἀσπίδα ἀνέθηκεν ἐς Λεβάδειαν φέρων ἣν δὲ καὶ αὐτὸς εἶδον ἀναχειμένην: ἐπιθήμα δὲ ἐστὶν αὐτῆς ἀετὸς τὰ πτερὰ ἐκατέροθεν ἐκτετακῶς ἐς ἄκραν τῆν ἰσῦν.* Итакъ щитъ находится — очевидно, не въ Лебадѣй — Трофоній только указываетъ, гдѣ его можно найти (дальнѣйшія слова Павсанія *τότε δὲ Ἀριστομένης ὡς ἐπανῆκεν ἐκ Βοιωτίας εὐρών τε παρὰ Τροφωνίῳ καὶ κομισάμενος τὴν ἀσπίδα... κτλ* — только риторическій переходъ, въ которомъ Павсаній не ясно выразилъ — или не ясно понялъ — слова своего источника). — Версія о щитѣ Аристомена въ Лебадѣй связана съ версіей о потерянномъ въ Лаконикѣ щитѣ. Въ Лебадѣй находится щитъ, который чичероне приписываютъ Аристомену; надписи на немъ нѣтъ; иначе Павсаній, видѣвшій щитъ, о ней сказалъ бы; связь между обѣими версіями очевидно тенденціозная: Аристоменъ свой щитъ нашелъ, онъ не остался въ Лаконикѣ.

Это Лебадейская форма преданія. Какъ рассказываетъ Павсаній, самъ гадавшій у Трофонія, каждый, побывавшій тамъ, записывалъ то, что видѣлъ. На подобныя записи могла ссылаться храмовая легенда; показывали ли записи Аристомена, или подлогъ не заходилъ такъ далеко, Лебадейскій источникъ совершенно ясенъ. Изъ него непосредственно могъ бы черпать и самъ Павсаній.

⁵⁾ Объ Андроклидахъ см. Töppfer Attische Genealogie 244.

Щить онъ видѣлъ. Что онъ дѣйствительно принадлежалъ Аристомену, ясно было для древняго по украшавшему его орлу—орель, такъ сказать гербъ Аристомена (Anth. Pal. VII. 161).

Ὅρνι, Διδς Κρονίδαο διάκτορε, τεῦ χάριν ἔστας
 γοργὸς ὑπὲρ μεγάλου τύμβου Ἀριστομένους;
 ἀγγέλλω μερόπεσσι δ'θούνεκεν ἕσπον ἄριστος
 οἰωνῶν γενόμην, τόσπον δδ' ἠιδέων
 δειλαί τοι δειλοῖσι ἐφεδρήσουσι πελαιαί
 ἄμμεν δ' ἀτρέστοις ἀνδράσι τερπόμεθα.

Щить сыгралъ въ послѣдствіи особую роль въ Левктрійскомъ сраженіи: онъ будто бы способствовалъ побѣдѣ Θиванцевъ. Святилище Трофонія предсказало, что Спартянцы будутъ побѣждены, если Θиванцы поставятъ въ качествѣ *τρόπαιου* щить Аристомена (Paus. IV. 32. 5). Это, пожалуй, также мало достовѣрно, какъ и то, что Аристомень лично участвовалъ въ битвѣ, но въ Лебадеѣ объ этомъ рассказывали — рассказывали тенденціозно, — желая и этимъ связать Эпаминонда съ Аристоменомъ, какъ это дѣлается такъ часто. Храмовая легенда жрецовъ Трофонія услужливо приходитъ на помощь мессенофильскимъ стремленіямъ Θиванцевъ — и строить на впередъ данному преданіи.

Пѣсня, которую поютъ «до дней Павсанія» Мессеняне
 ἔς τε μέσσον πεδῖον Στενικλήριον ἔς τ' ἄρος ἄκρον
 εἶπετ' Ἀριστομένης τοῖς Λακεδαιμονίοις

— можетъ быть и пѣлась во времена Павсанія, но о древности ея рѣчи быть не можетъ — да и пѣсня ли это? она скорѣе напоминаетъ собою позднюю эпиграмму. О Діоскурахъ и ихъ роли въ преданіи будетъ сказано нѣсколько позже.

Аристомень бьетъ враговъ при Фарахъ (Paus. IV. 16. 8); онъ раненъ и рана мѣшаетъ ему продолжать преслѣдованіе враговъ — уже во второй разъ онъ прекращаетъ преслѣдованіе. Рана залѣчена, онъ ночью входитъ въ Спарту, но его заставляютъ уйти Елена и Діоскуры — второй разъ Аристомень въ Спартѣ, второй разъ Діоскуры — къ Діоскурамъ мы еще вернемся, а теперь будемъ продолжать анализъ преданія.

Въ Каріяхъ (Paus. IV. 16. 9) дѣвушки празднуютъ Артемиду хороводомъ. Аристомень нападаетъ на нихъ и уводитъ ихъ съ собою. Его люди хотятъ изнасиловать плѣнницъ. Аристомень запрещаетъ имъ это — нѣкоторыхъ даже убиваетъ, а плѣнницъ отсылаетъ за выкупъ *παρθένους, ὥσπερ γε καὶ εἶλεν*. Это есть не

что иное, как повторение истории возникновения войны. И здесь и там — дѣвушки на праздник Артемиды, и здесь и там нападение на них, и здесь и там рѣчь идетъ объ ихъ изнасилованіи, но здесь вступаетъ Аристомень; разсказу данъ другой конецъ—несомнѣнно, не безъ тенденціозныхъ цѣлей.

Но Аристомень продолжаетъ свои набѣги. Въ Айгилѣ (Paus. IV. 17. 1) Мессеняне опять нападаютъ на женщинъ, празднующихъ какой то праздникъ. Но здесь исходъ совершенно другой. Женщины прогоняютъ Мессенянъ ударами жертвенныхъ ножей и вертеловъ, Аристомена онѣ *τύπτουσαι ταῖς δασι ζώντα αἰρόβριον*, но онѣ уходитъ въ ту же ночь, отпущенный жрицей Деметры (очевидно, и праздникъ совершается въ честь ея же), влюбленной въ него уже давно, *προφασίζετο δὲ ὡς Ἀριστομένης διαλαβὼν τὰ δεσπῶν ὄχιτο* ⁶⁾.

И здесь нѣтъ саги; разсказъ скомбинированъ по отдѣльнымъ элементамъ различныхъ преданій 1) нападение на дѣвушекъ — повторение предъидущаго, съ той только разницей, что Артемиды замѣнена Деметрой. 2) Освобождение при помощи влюбленной женщины—будетъ еще разъ повторено въ дальнѣйшемъ. Защита жрицъ введена для того, чтобы соединить оба преданія. Защита эта украшена возможно рѣзкими чертами, но опять-таки не миѳическими: били всѣмъ, чѣмъ могли бить, что есть при жертвоприношеніи и праздникъ—ножами, вертелами и факелами.

И опять таки мы имѣемъ здесь третій вариантъ разсказа о взятыхъ въ плѣнъ Аристоменѣхъ.

Наступаетъ рѣшительный моментъ. На третій годъ войны происходитъ столкновение при такъ называемой *Μεγάλη τάφρος* (Paus. IV. 17, 2 sqq.) Лакедемоняне подкупаютъ союзника Мессенянъ, царя Аристократа—они впервые *ἄνθρωπον κατεστήσαντο εἶναι τὸ κράτος τὸ ἐν τοῖς ἔπλοις* ⁷⁾. Подкупъ приноситъ свои плоды.

⁶⁾ Преданіе объ Аристоменѣ, пережегшемъ свои оковы, существуетъ и самостоятельно, внѣ зависимости отъ эпизода съ жрицей Архимидею. Павзаній скомбинировалъ оба преданія, точно также, какъ Polyaen. II. 21,3 и Plin. hist. nat. XI, 70 комбинируютъ его съ преданіемъ о цитѣ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ новую версію разсказа объ Аристоменѣ въ плѣну у Спартанцевъ.

⁷⁾ Отступленіе (Paus. IV. 17. 3. 4. 5), несомнѣнно того же характера, той же тенденціи, того же происхожденія, что и отступленіе (Paus. IV. 5, 3, 4, 5), — что несогласно съ теоріей различныхъ источниковъ для первой и второй войны.

Аристократъ измѣняетъ своимъ союзникамъ, но до самой битвы онъ не говоритъ ни слова Аркадянамъ. Когда же наступила пора εἰς χεῖρας ἤδη συνέρχεσθαι, онъ ἐξεφώβησεν αὐτοὺς ὡς ἐν δυσχωρίᾳ τέ εἰσιν ἀπειλημμένοι καὶ ἀναχώρησις οὐκ ἔσται αὐτοῖς, ἢ κρατηθῶσιν· τὰ τε ἱερά σφισιν οὐκ ἔφη γεγονέναι κατὰ γνώμην. ἐκέλευεν οὖν πάντα τινὰ, ἐπειδὴν αὐτὸς σημήνην, φυγῇ χρῆσθαι.

Итакъ, Аркадянамъ, если они будутъ побѣждены, будетъ отрѣзано отступление; къ тому же предзнаменованія неблагопріятны. Выводъ: уйти, пока можно. Но Аристократъ призываетъ ждать сигнала. Почему, нельзя, конечно, опредѣлить. Дѣло однако въ томъ, что, если они могутъ убѣжать въ самомъ началѣ битвы, то что же мѣшаетъ имъ сдѣлать это немного погодя, попытавши предварительно счастья? *Дυσχωρία* одинакова и до и послѣ битвы. Можно совѣтовать войску уйти, не принять битвы, въ виду неудобства возможнаго отступления, но только тогда, когда непріятель еще далеко; бѣжать передъ лицомъ непріятельской арміи, да еще въ неудобной мѣстности, значить самому себя зарѣзать. Никто такого совѣта не даетъ. Не будемъ забывать, что Аркадяне объ измѣнѣ не думаютъ, и въ такомъ случаѣ бѣгство въ началѣ битвы должно показаться имъ крайне страннымъ. Оно и само по себѣ есть измѣна.

Начинается битва. Аристократъ уводитъ своихъ (прежде было сказано: ἐκέλευεν πάντα τινὰ φυγῇ χρῆσθαι, т. е. *saive qui peut*) и такимъ образомъ обнажаетъ оба фланга Мессенянъ. Но этого ему еще кажется мало — διὰ γὰρ Μεσσηνίων ἐποίειτο τὴν φυγὴν. Мессеняне забываютъ о томъ, что имъ драться слѣдуетъ. *Λακεδαιμονίων ἐπιφερομένων ἤδη*—опять наново? битва начинается уже въ третій разъ—они просятъ Аркадянъ остаться, бранятъ ихъ, называютъ ихъ измѣнниками. Лакедемоняне даютъ Аркадянамъ свободно уйти, но имъ и теперь въ голову не приходитъ удивляться, что враги не пользуются ихъ бѣгствомъ, чтобы и съ ними посчитаться. Мессеняне остаются одни. Лакедемоняне ихъ окружаютъ и, несмотря на отчаянную оборону Аристомена καὶ τῶν σὺν αὐτῷ (δύλιγων ζυγῶν), наносятъ имъ полное пораженіе. Перебито столько, что у Мессенянъ и надежды на спасеніе не осталось.

Въ описаніи битвы, есть два существенныхъ элемента 1) измѣна Аристократа 2) пораженіе, нанесенное влѣдствіе этого Мессенянамъ. Измѣна Аристократа описана съ такой неясностью, съ такими противорѣчіями, и, главное, съ столь полнымъ отсут-

ствиѣмъ всякой реальной подкладки, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что относительно того, какъ произошла она, никакихъ свѣдѣній нѣтъ. Описаніе пораженія такъ блѣдно—(ясно представить себѣ, какъ дрались Мессеняне, да и дрались ли они вообще, невозможно; что они испугались, сказано, что они просили Аркадянъ не оставлять ихъ, сказано—но дальше является пустое мѣсто; объ Аристоменѣ опять-таки нѣтъ ничего определеннаго), что опять таки нельзя предполагать здѣсь существованія дѣйствительной традиціи.

Я потому особенно настаиваю на этомъ, что совершенно иначе дѣло обстоитъ относительно самихъ фактовъ, если мы только отвлечемся отъ обработки, которая дана имъ Павсаниемъ.

Битва при Μεγάλη τάφοςъ засвидѣтельствована намъ у Тиртея ⁸⁾. Упоминалось ли у Тиртея объ участіи въ борьбѣ Аристократа, какъ это полагаютъ Müller ⁹⁾ и Hiller v. Hartringen ¹⁰⁾, изъ текста Страбона VIII. 362, никоимъ образомъ не слѣдуетъ ¹¹⁾. Объ измѣнѣ Аристократа Тиртей, само собой понятно, не упоминалъ—это шло бы въ разрѣзъ съ пропагандируемой имъ идеей Лакедемонскаго патриотизма.

Но для этой измѣны есть у насъ другія свѣдѣнія, стоящія въ связи съ дальнѣйшей судьбой Аристократа.

Послѣ паденія Иры Аристоменъ задумалъ внезапное нападеніе на Спарту. Аристократъ узналъ объ этомъ замыслѣ. Мессеняне находились уже тогда въ Аркадіи подъ покровительствомъ Аркадянъ—и сообщилъ объ немъ въ Спарту. Когда посланный имъ туда рабъ возвращался, нѣкоторые изъ Аркадянъ, подозрительно относившіеся къ своему царю, подстерегли его и взяли у него письмо изъ Спарты. Въ письмѣ этомъ царь Спартанцевъ Анаксандръ, благодаря Аристократа за новую измѣну, упоминалъ и о старой. Тогда то былъ побитъ камнями Аристократъ и была поставлена стела съ надписью:

Πάντως ὁ χρόνος εὖρε δίκην ἀδίκῃ βασιλεῖ.
εὖρε δὲ Μεσσήνης σὺν Διὶ τὸν προδότην
ῥηιδίως. χαλεπὸν δὲ λαθεῖν θεὸν ἄνδρ' ἐπίσκοπον.
Χαῖρε Ζεῦ βασιλεῦ, καὶ σάω Ἀρκαδίαν.

⁸⁾ Eustr. ad. Arist. Eth. Nicom III 8, 5. Bergk P. L. G. I frg. 9.

⁹⁾ Dorier I 149 nr. 2.

¹⁰⁾ У Pauly - Vissowa II 938.

¹¹⁾ Busolt G. G. 606 nr. 5.

Источникъ, конечно, не непосредственный, намъ извѣстенъ: это — Каллисѳенъ, свидѣтельство котораго намъ передано у Полибія (IV. 33). Онъ, очевидно, видѣлъ надпись, онъ и утверждаетъ, что стела поставлена во время Аристомена и поставлена Мессенянами. Нужно замѣтить, что надпись не заключаетъ въ себѣ имени измѣнника, равно какъ не даетъ никакихъ свѣдѣній относительно того, кѣмъ поставлена стела — по самому тексту естественнѣй было бы предположить, что она поставлена Аркадянами — и это сознаніе ясно и у сообщающаго намъ надпись Полибія: Ἐπεὶ γὰρ τῆς αὐτῶν ἐστερήθησαν (sc. οἱ Μεσσηνιοὶ), οἶονεὶ περὶ δευτέρας πατρίδος, ὡς γ' ἐμοὶ δοκεῖ, τοῖς θεοῖς εὐχόμενοι σώζειν τὴν Ἀρκαδίαν, τοῦτ' ἀνέθησαν τὸ γράμμα ¹²⁾. Тѣмъ не менѣе, въ самомъ фактѣ постановки памятника Мессенянами, Полибію не сомнѣвается; онъ его не доказываетъ, а объясняетъ. Очевидно, существовали свѣдѣнія и помимо надписи — вѣроятно, рассказы мѣстныхъ жителей, связавшихъ преданіе объ измѣнѣ Аристократа съ надписью. Преданіе объ Аристократѣ именно и отличается тѣмъ, что оно показываетъ, какъ настигаетъ чловѣка *ὀστερόποινος ἄτα*. Въ такомъ именно смыслѣ исторія рассказывается у Плутарха (*De sera numinis vindicta* 2) ¹³⁾.

У Павсанія соединены два элемента, двѣ измѣны, изъ которыхъ каждой въ отдѣльности вполнѣ достаточно. Рассказъ ведется такъ, что первая измѣна является совершенно излишней; она открывается случайно, только потому, что Анаксандру вздумалось вспомнить объ ней въ своемъ письмѣ. Но самая насильственность этого упоминанія показываетъ, что суть то именно въ этой первой измѣнѣ; вторая измѣна и письмо понадобились только для того, чтобы раскрыть первую. Только о ней намъ и слѣдуетъ говорить.

Итакъ изъ надписи извѣстна измѣна; извѣстно, что между ней и наказаніемъ лежитъ длинный рядъ лѣтъ. Несомнѣнно, что традиція, возникшая на основаніи надписи, имѣетъ ярко Мессен-

¹²⁾ Это несомнѣнно Полибію говорить отъ себя. Полагать, что Каллисѳенъ былъ и источникомъ Полибія, и вообще нѣтъ основанія. Полибію на него ссылается только какъ на подтверждающаго его мнѣніе: *καθ' ἄλλο καὶ Κалλισθένος φησι*. Для насъ это, впрочемъ не важно — важно только то, что Каллисѳенъ сообщил фактъ.

¹³⁾ 20 лѣтъ Плутарха означаютъ, конечно, только долгое время.

скую окраску ¹⁴⁾. Ища пункта для приуроченія упомянутой въ ней измѣны, источникъ естественно отнесъ ее къ битвѣ при Μεγάλη τάφρος, такъ какъ она была единственнымъ исторически засвидѣтельствованнымъ пунктомъ Мессенской войны, и такъ какъ было, вѣроятно, извѣстно, что она кончилась несчастливо. Самое поражение получаетъ тогда особенно благопріятную окраску. Я склоненъ думать, что исторія измѣны существовала дѣйствительно въ народныхъ преданіяхъ. Народъ всегда склоненъ объяснять свои военные неудачи измѣной. Миѣ приходилось видѣть солдата, героя Севастопольской обороны, георгіевскаго кавалера, который изъ всей Севастопольской эпопеи вынесъ одно воспоминаніе: Меньшиковъ — «измѣнщикъ».

Но почему же измѣна была приурочена именно къ второй Мессенской войнѣ, почему она была приурочена къ имени Аристократа? Тутъ дѣйствовалъ цѣлый рядъ соображеній. 1) Въ преданіяхъ оба Аркадскихъ царяхъ было два Аристократа — дѣдъ и внукъ (Paus. VIII. 5. 12. 13), оба побитыхъ камнями: очевидно дублировать; значить, есть имя, къ которому можно отнести преступленіе. 2) Въ спискахъ царей послѣднее имя есть имя Аристократа. Отсюда слѣдуетъ, что онъ былъ послѣднимъ царемъ, что имъ прекратилась монархія (ср. Hiller v. Gärtringen I. 1.) Нужно это прекращеніе объяснить. Гибель перваго Аристократа была объяснена религіозной причиной, гибель второго — измѣной, преступленіемъ, послѣ котораго Аркадяне не хотѣли имѣть царей. Аристократъ есть Кодръ на изнанку.

Наконецъ въ 3), что пожалуй, важнѣй всего, къ такому же приуроченію велъ самый списокъ царей, по которому Аристократъ является современникомъ Спартанскихъ царей Анаксидама и Анксандра и Мессенинина Аристомена.

Спартанская гене- алогія (Paus. III. 7)	Мессенская гене- алогія	Аркадская генеало- гія (Paus. VIII. 5)
--	----------------------------	---

Эврипонтиды.

1) Προκλήης

1) Κρεσφόντης

1) Κύψελος ¹⁵⁾

2) Σόος

2) Αἴπυτος

2) Ὀλαίας

¹⁴⁾ Или, наоборотъ, надпись возникла на основаніи Мессенофильской окраски преданія. Что надпись возникла около времени возстановленія Мессены, показываетъ Hiller von Gärtringen I. 1.

¹⁵⁾ Онъ является современникомъ Кресфонта, а не отецъ его Эпийъ.

3) Εὐρυπῶν	3) Γλαῦκος	3) Βουκολίων
4) Πρύτανις	4) Ἴσθμιος	4) Φιάλος
5) Εὐνομος	5) Λωτάδας	5) Σίμος
6) Πολυδέκτης	6) Συβότας	6) Πόμπος
7) Χάριλλος	7) Φάντας	7) Αἰγινήτης
8) Νίκανδρος	8) Ἀντίοχος- Ανδρο-
κλῆς	8) Πολυμήτωρ- Αἰχμис
9) Θεόπομπος	9) Εὐφάης	9) Ἀριστοκράτης I
10) Ζευξίδαμος	10) Πατέρες	10) Ἰκέτας
11) Ἀναξίδαμος	11) время Аристомена	11) Ἀριστοκράτης II.

Итакъ при Μεγάλη τάφρος Мессениане потерпѣли поражение. Аристомень собираетъ разбѣжавшихся Мессенианъ, оставляетъ всѣ города и занимаетъ со своими людьми гору Εἶρα (Εἶρα)—словомъ дѣлаетъ то же самое, что было сдѣлано во времена его дѣдовъ, да и разсказано оно почти одними и тѣми же словами — (Paus. IV. 17. 10) Ἀνδανίαν μὲν καὶ εἶ τι ἄλλο ἐν μεσογαίᾳ πόλισμα ἔπεισε [τὰ πολλὰ] ¹⁶⁾ ἐκλείπειν, ἐς τε τὴν Εἶραν τὸ ὄρος ἀνοικίξεσθαι=IV. 9. 1 ἐδόκει τὰ μὲν πολλὰ πόλισματα τὰ ἐς μεσόγαίαν πάντα ἐκλείπειν ἐς τε ὄρος ἀνοικίξεσθαι τὴν Ἰθώμην. И мы еще разъ встрѣтимся съ тѣмъ же фактомъ въ исторіи третьей Мессенской войны. Что это не случай, ясно само собой, ясно также, что въ виду этого я не могу особенно настаивать на реальности описываемой Павсаниемъ Εἶры, хотя самый выборъ новаго имени показываетъ, что здѣсь все таки есть нѣкоторое реальное основаніе. Тѣмъ не менѣе я не могу согласиться съ разсужденіемъ Niese (o. l. 26), которое я, въ виду его важности, привожу цѣликомъ: Die ganze... Erzählung des zweiten Messenischen Krieges ist spätere Erfindung. Dazu gehört vor allem die Erzählung von der letzten Zuflucht der Messenier unter Aristomenes in Eira, und das Ende des langen Kampfes. Diese Feste denkt sich Pausanias (IV. 17. 10; 20. 1. sqq. hier will man noch jetzt die Reste dieser Burg gefunden haben) ¹⁷⁾ in Norden Messeniens nahe bei der Arkadischen Grenze, und richtet darnach seine Erzählung ein (?). Aber es ist kein Zweifel, dass Pausanias'Eira dasselbe ist, wie das Ἰρή Homers (II. IX. 150. 292) und von diesem entlehnt ist. Die Lage dieses Ira ist aber ganz ungewiss: Einige setzen es, wie Strabo be-

¹⁶⁾ Ср. мою замѣтку въ «Филологическомъ Обзорѣніи» VIII. 1 стр. 68

¹⁷⁾ Ср. Busolt G. G. I² 609. и пр. 5.

zeugt, in das Gebirge an der Grenze nach Megalopolis hin, und darauf gründet sich die Erzählung des Pausanias, andere glauben, dasz es die später Mesola genannte Landschaft ist, die nicht weit von der Laconischen Grenze an der Küste lag. Nach Homer selbst lag es nahe am Meere (Strabo VIII 369 aus Apollodor). Was soll man von einer Erzählung sagen, an der ein so wichtiges Stück, wie die Lage des Kampfplatzes ist, von dem ein guter Theil des Erzählungsstoffes abhängt, völlig in der Luft schwebt. Es ist klar, dasz sie auch in ihrem letzten Theile nicht nur keine Geschichte ist, sondern nicht einmal alte Erdichtung. Что собственно значить: Ейра Павсанія = Ирѣ Гомера и отъ нея заимствована? Павсаній (IV. 30. 1) не думаетъ, что она ей равняется, и это признаетъ и отмѣчаетъ Низе. Если выраженіе, употребленное Низе, что нибудь дѣйствительно значить, то только то, что Павсаній придумалъ свою Ейру по Гомеровской Ирѣ, что для этого онъ не имѣлъ основанія ни въ исторіи ни въ сагѣ. Но это *circulus vitiosus*. Низе именно то и хочетъ доказать, что рассказъ объ Ейрѣ не имѣетъ исторической основы; въ основаніе доказательства этого положенія онъ кладетъ утвержденіе, ничего въ себѣ не заключающее, кромѣ этого именно подлежащаго доказательству положенія. Пока онъ не доказалъ неисторичности Павсаніевскаго рассказа, приравненіе Ейры Павсанія къ Ирѣ Гомера не имѣетъ никакого смысла. Павсаній (I. 1.) ясно опредѣляетъ Гомеровскую Иру — она для него не годится, такъ какъ она при морѣ. Отношеніе на самомъ дѣлѣ обратное: не Павсаніевская Ейра создана на основаніи Гомеровской Иры, а одно изъ разнообразныхъ приуроченій Гомеровской Иры основывается на реальной Ейрѣ. Мы въ этомъ можемъ убѣдиться на основаніи анализа того же мѣста Страбона, на которое ссылается Низе.

Страбонъ опредѣляетъ мѣсто нахождения семи городовъ, которые Агамемнонъ предлагаетъ Ахиллесу (II. 1. 1.) Для Иры онъ даетъ два мнѣнія: одно ищетъ ее на морскомъ берегу, другіе же ее *κατὰ τὸ ὄρος δεκνύουσι τὸ κατὰ τὴν Μεγαλόπολιν τῆς Ἀρχαδίας ὡς ἐπὶ τὴν Ἀνδανίαν ἰόντων*.

Итакъ, указывается опредѣленная гора — не городъ, — которой однако Страбонъ не называетъ по имени. Это отсутствіе названія въ связи съ опредѣленностью обозначенія при помощи члена — въ описываемой мѣстности есть не одна гора — не-

вольно наводитъ на мысль, что имя не названо потому, что гора именно это имя и носить. Да и какая могла бы быть причина приуроченія? Не будемъ забывать, что приуроченіе это находится въ прямомъ противорѣчій съ показаніемъ Гомера (П. IX. 150). Города лежатъ

πᾶσαι ἐγγυὸς ἀλλὸς νέεσσι Πύλου ἡμαθόντος.

Если даже такое пониманіе не обязательно, то оно во всякомъ случаѣ возможно — такъ какъ *opus probandi* лежитъ на Низе, то этого для насъ вполне въ настоящемъ случаѣ достаточно.

Но допустимъ даже, что Низе правъ — что онъ этимъ выиграеть? Что подробности разсказа не историчны? Да это и безъ того совершенно ясно. Самый фактъ отъ этого нисколько не пострадаетъ; все таки возможно, что преданіе говорило о томъ, какъ Мессеняне зашли на высокой горѣ Ейръ — вѣдь въ концѣ концовъ мы все таки Ейру, а не Иру имѣемъ — и тамъ отчаянно отбивались отъ враговъ. Какое отношеніе можетъ къ этому имѣть ученый споръ древнихъ филологовъ относительно приуроченія Иры Гомера.

Нѣмцы шутятъ, что Цезарь построилъ свой знаменитый мостъ вездѣ, гдѣ должно появиться *Gymnasial-Programm* — слѣдуетъ ли изъ этого, что Цезарь не строилъ своего моста? Преданіе въ описаніи Ейры нисколько не смѣшиваетъ ее съ Гомеровской Ирой — оно всецѣло имѣетъ въ виду Ейру нагорную, точнѣй, гору Иру, и не городъ того же имени.

Низе совершенно напрасно такъ скептически относится къ сохранившимся на горѣ остаткамъ сооруженій — они показываютъ, что древніе ученые знали, что дѣлаютъ, когда локализовали на ней Гомеровскій городъ. Дѣло, вѣроятно, объясняется слѣдующимъ образомъ:

Извѣстно было имя горы, извѣстно преданіе объ осадѣ, выдержанной Мессенянами на Ейрѣ — конечно неизвѣстны подробности; осада приурочена къ горѣ — правильно или неправильно, кто знаетъ? Извѣстно названіе горы, извѣстно названіе Гомеровской Иры; городъ локализованъ на горѣ — что это неправильно, ясно для всякаго.

Продолжаю разсказъ Павсанія (IV. 17. 10). *συνεληλαμένοις δὲ ἐς τοῦτο τὸ χωρίον προσεκάθηγντο οἱ Λακεδαιμόνιοι πολιορκία σφᾶς αὐτίκα ἐξαίρησειν νομίζοντες. ἀντήρκεσαν δὲ ὅμως οἱ Μεσσήνιοι καὶ*

μετὰ τὴν ἐν τῇ τάφρῳ συμφορὰν ἐνὶ τε καὶ δέκα ἔτεσι ἀμυνόμενοι. τὸν δὲ χρόνον τῆς πολιορκίας γενέσθαι τοσοῦτον δηλοῖ καὶ τάδε ἔπη Ῥιανοῦ πεποημένα ἐς τοὺς Λακεδαμονίους.

οὖρεος ἀργεννοῦ περὶ πτύχας ἐστρατώντο
χείματά τε ποίας τε δύο καὶ εἴκοσι πάσας.

Павсаний ссылается на Ріана въ подтвержденіе своего подсчета лѣтъ осады — на самомъ дѣлѣ, онъ самый счетъ заимствуетъ изъ Ріана. Но именно это обстоятельство доказываетъ, что Павсаний вообще не пользовался Ріаномъ. Ріанъ описываетъ осаду Ейры: одиннадцать лѣтъ стояли Лакедемоняне *περὶ πτύχας ἀργεννοῦ οὖρεος*. И Павсаний въ нашемъ мѣстѣ говоритъ объ осадѣ,—но все его дальнѣйшее изложеніе съ этимъ положеніемъ дѣлѣ не согласно: Мессеняне совершенно свободно уходятъ съ Иры; объ осадѣ рѣчи быть не можетъ. Ясно, что Ріанъ всего того, что рассказываетъ Павсаний, рассказывать не могъ. Къ тому же выводу, по неизвѣстнымъ, впрочемъ, основаніямъ приходитъ и Niese (о. l. 27 пр. 4). «Rhianos kann überhaupt von Pausanias nur gelegentlich herbeigezogen sein, wahrscheinlich nur durch fremde Vermittlung».

Въ общемъ, рассказъ Павсанія, кажется, правдоподобнѣе. Въ положеніи, которое описываетъ Павсаний, осада явилась бы нѣсколько опасной. Въ тылу осаждавшей арміи оказались бы враждебные Аркадяне. Такъ какъ, по рассказу Павсанія, дружественныя отношенія между Аркадіей и Мессеніей не прерваны, то обойти Ейру съ тыла представляется невозможнымъ.

Типъ войны, которую ведутъ Мессеняне, тотъ же, который мы видѣли во время первой, и увидимъ во время третьей Мессенской войны. Съ операціонной базы, находящейся либо въ центрѣ—Итома,—либо на окраинахъ страны—Ира—совершается рядъ набѣговъ, держащихъ въ страхъ всю окрестность. Что дѣлаютъ Лакедемоняне, неизвѣстно. Мессеняне опустошаютъ пограничныя части Лаконики и всю свою страну, считая ее принадлежащей врагамъ. Это, конечно, заимствованіе изъ исторіи третьей Мессенской войны, во время которой вся Мессенія состояла изъ принадлежавшихъ Спартіатамъ гелотскихъ участковъ. Здѣсь эта черта противорѣчитъ реальнымъ условіямъ. Страна находится въ положеніи открытой войны уже много лѣтъ—что тутъ и опустошать? Спартанцы, конечно, не станутъ

засѣвать земли, имъ въ данное время фактически не принадлежащей. Но ситуація эта Павсанію нужна: благодаря ей, онъ можетъ присоединить къ своему разсказу новый элементъ.

Опустошеніе земель поставило Спартанцевъ въ безвыходное положеніе, ὥστε καὶ ἐποίησαντο οἱ Λακεδαιμόνιοι δόγμα, ἅτε τοῖς ἐν τῇ Εἰρᾷ μᾶλλον, ἢ σφίσιν αὐτοῖς γεωργοῦντες, τὴν Μεσσηλίαν καὶ τῆς Λακωνικῆς τὴν προσεχῆ, ἕως ἂν πολεμῶσιν, ἕαν ἄσπορον. Καὶ ἀπὸ τούτου σιτοδεία ἐγένετο τῇ Σπάρτῃ καὶ ἑμοῦ τῇ σιτοδεία στάσις· οὐ γὰρ ἠνείχοντο οἱ αὐτῇ τὰ κτήματα ἔχοντες τὰ σφέτερα ἀργὰ εἶναι, καὶ τούτους μὲν τὰ διάφορα Τυρταῖος διέλυε. (Paus. IV. 18. 2).

Что *δόγμα* должно было быть издано—это ясно: Спартяне работали не для себя. *Σιτοδεία* должна была оказаться и съ *δόγμα* и безъ него. Бунтъ вызванъ не *δόγμα*, а *σιτοδεία*. Цѣлью бунта не могло быть уничтоженіе *δόγμα*, такъ какъ отъ этого никто ничего не выигралъ бы, а отказъ отъ войны: рѣшено было ἕαν ἄσπορον ἕως ἂν πολεμῶσιν.

Вотъ этотъ то бунтъ и усмиряется Тиртеемъ. Въ Спартѣ партія экономическихъ интересовъ должна была стремиться къ миру. Тиртей съумѣлъ такъ повліять на нее, что она примирилась съ необходимостью войны. Въ сущности мы, значить, и здѣсь имѣемъ то, что мы вообще знаемъ о Тиртеѣ: онъ съумѣлъ примирить въ Спартѣ противоположныя теченія, онъ вдохнулъ мужество въ павшихъ духомъ Спартянцевъ. Но само собою понятно, отнесенъ фактъ не туда, гдѣ ему мѣсто. Въ этотъ періодъ войны, когда на Еирѣ заперлись остатки спасшихся послѣ рѣшительнаго пораженія Мессенянъ, ни о какой опасности для побѣдоносной Спарты рѣчи быть не могло.

Какъ бы то ни было, голодъ не могъ прекратиться благодаря дѣятельности Тиртея — тѣмъ не менѣе, онъ далѣе не оказываетъ рѣшительно никакого вліянія на ходъ войны. Съ другой стороны, среди Спартянцевъ долженъ былъ явиться сильный подъемъ духа, или, по крайней мѣрѣ, восстановленное въ Спартѣ согласіе должно было вызвать въ ней приливъ силъ и мужества, — на самомъ дѣлѣ и этотъ фактъ ни къ какимъ результатамъ не ведетъ. Весь эпизодъ, разсказывающій о дѣятельности Тиртея, никакого вліянія на ходъ событій не оказываетъ. Онъ, по существу своему, совершенно чуждъ той формѣ разсказа, изслѣдованіемъ котораго я здѣсь занимаюсь;

онъ привнесенъ въ него извнѣ, въ видахъ большей полноты изложенія ¹⁸⁾.

Къ тому же времени должно бы относиться извѣстiе о взятiи Амиклъ (Paus. IV. 18. 3), если оно только исторично, а не создано по образцу знаменитаго взятiя Платей Фиванцами.

Въ томъ положенiи, въ какомъ находились въ ту пору Мессеняне, свободно совершавшiе свои походы повсюду, едва ли была нужда въ тайномъ нападенiи, какъ его описываетъ Павсаний. Самая возможность его едва ли вѣроятна уже по топографическимъ соображенiямъ.

Аристоменъ и послѣ этого совершалъ нападенiя на Спартанскую землю. Однажды онъ встрѣчается съ большимъ спартанскимъ войскомъ, вступаетъ съ нимъ въ битву, раненъ камнемъ въ голову и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ пятьюдесятью своихъ *λογάδες*. Всѣ остальные погибли, его же боги предназначили для другихъ великихъ дѣлъ; *οἱ δὲ ἀποσεμνόνοντες τὰ κατ' αὐτὸν Ἀριστομένει φασὶν ἐμβληθέντι ἐς τὸν κεάδαν ὄρνιθα τὸν αἰτὸν ὑποπετέσθαι καὶ ἀνέχειν ταῖς πτέρυξι, εἰς δὲ κατήγευκεν αὐτὸν ἐς τὸ πέρας οὔτε πηρωθέντα οὐδὲν τοῦ σώματος οὔτε τραῦμά τι λαβόντα* (Paus IV. 18. 5). Въ оврагѣ онъ лежитъ два дня *ἐφελκυσάμενος τὴν χλαμύδα... ὡς πάντως οἱ ἀποθανεῖν πεπωμένον*. На третiй онъ замѣтилъ, что въ оврагѣ появилась лисица. Догадавшись, что животное должно имѣть какой нибудь выходъ, онъ поймалъ ее, и пошелъ за ней, пока не пришелъ къ небольшому отверстию, черезъ которое онъ и выбрался наружу, *παράδοξον μὲν τῇ τύχῃ καὶ ἐς τὴν ἄλλωσιν χρησάμενος, τὸ γὰρ οἱ φρόνημα ἦν καὶ τὰ τολμήματα μείζονα ἢ ὡς ἐλπῖσαι τινὰ Ἀριστομένην αἰχμάλωτον ἀν γενέσθαι. παραδοξότερα δὲ ἐστὶ καὶ πάντων προδηλότατα οὐκ ἀνευ θεοῦ τινος ἢ ἐκ τοῦ Κεάδα σωτηρία*. (Paus. IV. 18. 7).

Первая часть приведеннаго расчлененнаго предложенiя написана только въ риторическихъ цѣляхъ: въ сущности, взятiе въ плѣнъ вовсе не *παράδοξος*: оно и случилось самымъ обыкновеннымъ образомъ, и ожидать его можно было. Вся суть, конечно во второй его части. Мы опять имѣемъ новую версiю многократно нами отмѣчаемаго преданiя о томъ, какъ Аристоменъ попался въ руки Спартанцевъ и какъ онъ спасся. Наша версiя отличается отъ другихъ только тѣмъ, что въ ней еще сильнѣе

¹⁸⁾ Вопросъ о роли Тиртея будетъ мною рассмотрѣнъ въ особой статьѣ.

проявляется фантастическій, я позволилъ бы себѣ сказать, рокамбольскій характеръ: Аристомень и въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ.

Едва ли однако мы здѣсь имѣемъ только одну версію: для спасенія Аристомена соединились и орелъ и лисица. Едва ли будетъ слишкомъ смѣло предположить, что первоначально каждое изъ этихъ спасеній существовало отдѣльно. Что касается спасенія при помощи орла, то разсказъ объ немъ мы имѣемъ въ другомъ видѣ у Полиэна (II. 31, 2). Здѣсь дѣло объяснено болѣе рационалистически. Спартянцы бросили въ оврагъ всѣхъ другихъ γυμνούς, τὸν δὲ Ἀριστομένην διὰ τὴν δόξαν τῆς ἀρετῆς ἐν τοῖς ὅπλοις. Всѣ другіе, конечно, погибли, τοῦ δὲ Ἀριστομένους ἡ ἀσπίς ἐφέλκομένη τὸν ἀέρα ἐλαφρῶς αὐτὸν ἐπὶ τὴν γῆν κατήνευκεν. Намекомъ на это объясненіе являются, вѣроятно, слова Павсанія объ οἱ ἀποσεμύνοντες τὰ κατ' Ἀριστομένην, объясняющихъ его спасеніе помощью орла. Я думаю, что эти ἀποσεμύνοντες передаютъ дѣйствительно народное преданіе, которое рационализировано версіей Полиэна. Исходной точкой объясненія послужило уже извѣстное намъ преданіе объ изображеніи орла на щитѣ Аристомена. Не дѣйствительный орелъ, а орелъ его щита, т. е. именно щитъ и спасъ Аристомена. Мнѣ думается даже, что это объясненіе дано только послѣ соединенія обоихъ разсказовъ. Въ то время, какъ орелъ отличнѣйшемъ образомъ могъ бы окончательно спасти героя, щитъ могъ его только поддержать и не дать ему разбиться о скалистые края и дно Кеады¹⁹⁾.

Аристомень спасся — Лакедемоняне этому не хотятъ вѣрить, но Аристомень скоро напомнилъ имъ о своемъ существованіи. Коринѣяне посылаютъ Лакедемонянамъ δούραμι ὡς συεξαίρησοντας τὴν Εἵρην Въ это время Лакедемоняне дѣйствительно находятся подъ Ейрой. Ночью нападаетъ на Коранѣянъ Аристомень, убиваетъ большинство ихъ, разграбляетъ палатку полководца и уходитъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣйствительно эпическаго характера отрывокъ — объ этомъ характерѣ говорить уже изобиліе нѣсколькихъ не интересныхъ именъ (τοὺς ἡγεμόνας Ὑπερ-

¹⁹⁾ Намъ извѣстно, что лисица считалась у Мессенянъ священнымъ животнымъ (Apoll. Bibl. II, 3, 5) Послужило ли это обстоятельство поводомъ къ возникновенію нашего преданія, или, наоборотъ, самое почитаніе лисицъ именно нашимъ преданіямъ объясняется, я не могу рѣшить.

μενίδαν καὶ Ἀχλαδαίων καὶ Λυσίστρατον καὶ Σίδεκτον ἀποκτείνουσι. (Paus. IV. 19, 2). На лицо и осада. Это мѣсто, вѣроятно изъ Ріана. Мы можемъ даже указать тотъ образецъ, которымъ руководился въ немъ Ріанъ — это, конечно, Долоней.

Приближаются Гіакинтіи; Спартанцы заключаютъ перемиріе и уходятъ. (Paus. IV. 19. 4). Очевидно, здѣсь предполагается непосредственная осада города, значитъ мы и здѣсь имѣемъ Ріана. Но ни въ какомъ отношеніи къ этому перемирію не находится эпизод новаго плѣненія Аристомена. По Мессенской странѣ продолжаютъ бродить критскіе стрѣлки (съ ними мы уже встрѣчались въ исторіи первой войны); Аристоменъ столкнулся съ ними и попался къ нимъ въ плѣнъ. Что это за перемиріе, когда въ странѣ находятся враги, когда вождя одной стороны беретъ въ плѣнъ отрядъ, принадлежащій другой? Съ этимъ можно было бы еще помириться; важнѣй то, что эпизодъ этотъ не разсматривается, какъ нарушеніе перемирія. Будь этотъ элементъ въ традиціи, Павсаній не преминулъ бы его отмѣтить, не упустилъ бы случая дать волю своимъ риторическимъ наклонностямъ. Ясно, что эпизодъ не стоитъ въ связи съ перемиріемъ, значитъ и не взять изъ Ріана. Мы въ немъ опять имѣемъ версію основного преданія объ Аристоменѣ, находящемся во власти враговъ. Что здѣсь онъ находится не въ Спартѣ, а въ Мессеніи, несущественно; это объясняется тѣмъ, что женщина, спасшая Аристомена, должна быть, въ качествѣ жены сына Аристомена, Мессенянкой. Едва ли въ первоначальномъ преданіи Аристоменъ и не находился въ Спартѣ. Если не предположить порчи текста, то я иначе не могу себѣ объяснить словъ Павсанія, въ которыхъ есть несомнѣнное противорѣчіе. Рассказавши о томъ, что Критяне ἀνὰ τῆν Μεσσηνίαν ἐπλανῶντο, (IV. 19. 4) онъ далѣе, рассказавши о плѣненіи Аристомена, говоритъ: δύο μὲν οὖν ἐς Σπάρτην ἀπ' αὐτῶν ἐλθόντες Δακεδαμονίους Ἀριστομένην εὐηγγελίζοντο ἠλωκέναι. οἱ λοιποὶ δὲ ἀποχωροῦσιν ἐς ἀγρὸν τῶν ἐν τῇ Μεσσηνίᾳ.

Какъ въ исторіи первой, такъ и въ исторіи второй Мессенской войны, рассказчику прежде всего былъ данъ извѣстный конечный фактъ и извѣстное число лѣтъ войны. Теперь этотъ срокъ истекаетъ—нужно какимъ нибудь образомъ закончить рассказъ. Всего труднѣе было объяснить переходъ отъ приближительнаго равновѣсія силъ къ полному пораженію Мессенянъ.

Мы уже видѣли, какъ неудачно объясненъ былъ этотъ переходъ въ исторіи первой Мессенской войны. Точно такъ же неудаченъ онъ и теперь. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ Павсаній ничего не имѣетъ, кромѣ оракуловъ. Къ оракуламъ этимъ мы еще вернемся, а теперь будемъ продолжать слѣдить за рассказомъ Павсанія.

Рѣшительный ударъ былъ нанесенъ благодаря прелюбодѣнію женщины. Перебѣжавшій на Ейру рабъ Спартанца Эперама сошелся съ одной Мессенианкой. Однажды, когда онъ пришелъ къ ней на ночное свиданіе, внезапно пришелъ ее мужъ. Мессенианка спрятала своего любовника. Мужъ рассказалъ ей, что онъ покинулъ свое мѣсто на стѣнахъ, на которыхъ онъ стоялъ часовымъ, изъ за дождя. Тоже сдѣлали и другіе. Дѣло было въ томъ, что Аристоменъ нѣсколько дней тому назадъ былъ раненъ и не могъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы часовые исполняли свои обязанности. Рабъ немедленно сообщилъ обо всемъ имъ услышанномъ своему господину, въ то время начальствовавшему надъ Спартанцами; Спартанцы напали на Ейру. Слѣдуетъ подробное описаніе защиты ея. Аристоменъ оказываетъ чудеса храбрости. (Paus. IV. 20. 5). Что онъ раненъ, объ этомъ дальше нѣтъ ни слова. Рана появилась съ опредѣленной цѣлью; теперь она больше не нужна, и Павсаній объ ней забылъ. А между тѣмъ рассказано объ ней съ обстоятельностью, рѣшительно не нужной. Зачѣмъ эта масса именъ? Тутъ, конечно не виноватъ источникъ, рассказывавшій событія съ эпической обстоятельностью. Павсаній слишкомъ сокращаетъ свой источникъ: у него и должно было выпастъ то, и что объяснило, почему рана не помѣшала Аристомену бороться за спасеніе, если не отечества, то чести.

Я говорю объ эпической обстоятельности — и я имѣю въ виду эпическій источникъ — конечно, Ріана. Основное условіе его рассказа — осада, здѣсь сохранено. Не можетъ быть сомнѣнія, что основной источникъ рассказа — поэтическій. Въ той или другой инстанціи, но Ріанъ тутъ сыгралъ опредѣленную роль.

Но если это и вѣрно, то не слѣдуетъ забывать, что Павсаній долженъ былъ сильно видоизмѣнять и сокращать свой источникъ: чтобы показать послѣднее, я остановился на эпизодѣ объ ранѣ Аристомена. Всѣ попытки дать характеристику Ріана на основаніи тѣхъ или другихъ словъ Павсанія не научны. Укажу примѣръ.

Павсаній (IV. 20. 7) говоритъ не «шелъ дождь», а ἔτοχε ὑεῖν τὸν θεόν — и это не случайность. Нѣсколько дальше (IV. 21. 4) онъ говоритъ τὰς τε δαῖδας ἢ εἴ τινα λαμπτήρα ἀλλοῖον ἀψαιτό τις, ὕων ἂν ἐσβέννουεν ὁ θεός, и затѣмъ опять (IV. 21. 7) ὁ θεός τὸ ὕδωρ ἐπήγαγεν. Но заимствовалъ ли эту формулу Павсаній у Ріана, еще этимъ не доказано, и если даже заимствовалъ, то это ничего не будетъ доказывать для характеристики Ріана. Couat²⁰⁾ пускается на основаніи этого выраженія въ очень красивыя, но далеко не основательныя разсужденія: Вмѣсто боговъ Олимпа, съ жадностью слѣдящихъ за ходомъ Троянскихъ битвъ и лично принимающихъ въ нихъ участіе, мы у Ріана встрѣаемся съ une divinité abstraite, faisant connaitre aux hommes par des songes et des oracles ces arrêts immuables. Rhianos l'appelle partout le Dieu (ὁ θεός); nullepart il ne lui prete une forme, une physionomie (изъ того, что въ трехъ страничкахъ Павсанія говорится ὁ θεός Couat заключаетъ, что Ріанъ во всей своей поэмѣ не называлъ опредѣленнаго бога!) C'est presque le Dieu de la philosophie plutôt que celui de l'eropée.

И все это по поводу θεός ὑεῖ — это вѣдь просто на просто формула; ὁ θεός ὑεῖ значить не что иное, какъ Ζεὺς ὑεῖ, что мы такъ часто встрѣаемъ²¹⁾. Если даже Ріанъ виновенъ въ ὁ θεός Павсанія, то это характерно только для его стиля, а вовсе не для его способа изложенія и образа мыслей.

Kohlmann²²⁾ по Jacobs'у, и вслѣдъ за нимъ Couat (o. l. 348) указываютъ на то, что изъ словъ Павсанія очень легко составить стихи. Такъ напримѣръ, изъ словъ Павсанія (IV. 21. 10) Jacobs составилъ слѣдующія три стиха

ἀλλ'οὐ τοὶ τὸν πάντα χρόνον χαίροντες ἔσεσθε
ἔργα τὰ Μεσσήνης καρπούμενοι· ὦδε βοήσας.
τοῖσι ἐναντιβίοισι ἐπέσσυτο, δαίμονι ἴσος.

Слова Павсанія (IV. 24, 3) Jacobs переложилъ слѣдующимъ образомъ.

Οὐ γὰρ ἔδει νέον ἄλλο κακὸν Λακεδαιμονίοισιν
Ἐξ αὐτοῦ τελέθειν

²⁰⁾ La Poesie Alexandrine sous les trois premiers Ptolomées. 343.

²¹⁾ Ср. ex. gr. Herod. II, 13, 3. Hom. II. XII, 25. Od. XIV, 457.

²²⁾ Quaestiones Messeniacaе 20.

Нужно сознаться, что разница между этими стихами и текстом Павсанія очень не велика, но никто не будетъ возражать и противъ того, что и достоинство и самая эпичность этихъ стиховъ очень сомнительны. Но оставляя это даже въ сторонѣ, что доказали бы стихи Jacobs'a? — только высокую степень его версификаторской техники.

Ира падаетъ; гибель ея описана дѣйствительно патетически; (Paus. IV. 21) не забыта ни одна черта, могущая усилить впечатлѣніе; заключительныя сцены дѣйствительно производятъ впечатлѣніе какой то «Иліады побѣжденныхъ», какъ очень удачно выразился Couat.

Аристомень добивается почетнаго отступленія. Мессеняне уходятъ вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми. Необходимость такого именно финала обуславливается двумя соображеніями. Во первыхъ, преданія знаютъ еще о другихъ подвигахъ Аристомена, и о судьбахъ многихъ Мессенскихъ колоній, во вторыхъ тутъ играетъ значительную роль аналогія третьей Мессенской войны. Павсаній объясняетъ уступчивость Спартанцевъ тѣмъ, что они не хотѣли доводить до отчаянія λυσσῶντας ἀνθρώπους — καὶ ἄμα σφᾶς οὕτω ποιεῖν "Εκας ὁ μάντις ἐκέλευεν. (Paus. IV. 21. 12). Мессеняне, выйдя изъ Ейры, отправились къ своимъ друзьямъ Аркадянамъ, а оттуда разсѣялись по всему греческому миру. Многие, конечно, остались и дома. Слѣдить за судьбой Мессенянъ въ ихъ διασπορά не входитъ въ задачу моего изслѣдованія.

Война кончилась полнымъ порабоженіемъ Мессеніи, — но тутъ же, въ минуту, когда отечеству грозитъ полная гибель, Аристомень съумѣлъ спасти залогъ ея спасенія.

Когда Эпаминондъ намѣревался основать городъ Мессену, была найдена мѣдная гидрія, въ которой нашли κασιότερον ἔληλασμένον ἐς τὸ λεπτότατον ἐπελίχτο δὲ ὥσπερ τὰ βιβλία. ἐνταῦθα τῶν μεγάλων θεῶν ἐγέγραπτο ἡ τελετὴ καὶ τοῦτο ἦν ἡ παρακαταθήκη τοῦ Ἀριστομένους (Paus. IV. 28. 8). Дѣло въ томъ, что Аристомень зналъ по предсказаніямъ, что есть нѣчто, отъ чего зависитъ спасеніе Мессеніи. Это нѣчто составляла глубокую тайну. Было извѣстно жрецамъ, что отъ сохраненія его зависитъ спасеніе страны; если оно погибнетъ, то Мессенія погибнетъ на вѣки. Вотъ это то таинственное нѣчто Аристомень ночью зарылъ на Итомѣ — и только во времена Эпаминонда оно было

найдено; только тогда узнали, что оно есть регламентъ культа *μεγάλοι θεοί*.

Когда Мессена была восстановлена, конечно, старались искать предсказаній этого факта, восходящихъ въ древность, но самое чувство ожиданія этого восстановления не могло не быть живо и до его совершенія — оно могла дать пищу для возникновенія этихъ предсказаній.

Мессеняне никогда не были полными безнадежными рабами. Какъ ни тяжело было дома, за моремъ были свободные родичи; вѣсти о свободной жизни ихъ доходили до метрополи, съ которой они связи не теряли. *Διασπορά* Мессенянъ похожа на *διασπορά* евреевъ въ томъ отношеніи, что и у тѣхъ и у другихъ была духовная родина. Родная страна была въ рукахъ угнетателей, но Зевсъ Итомскій былъ живъ въ сердцахъ Мессенянъ. Легкость Мессенскихъ возстаній, самый страхъ, который они внушали Спартанцамъ лучше всего показываютъ, насколько свѣжи и сильны были вольнолюбивыя стремленія гелотовъ. Въ пятомъ вѣкѣ вспыхиваетъ возстаніе. Возстаніе это подавлено — легче, чѣмъ намъ рассказываетъ объ этомъ преданіе, на все же подавленіе его стоило Спартанцамъ не мало труда. И сейчасъ же слѣдствіемъ его является возникновеніе новой Мессенской колоніи, уже въ самой Греціи — основаніе столь опаснаго для страны Навпакта, которое еще болѣе подымаетъ духъ Мессенянъ. Надежда на спасеніе не умирала — въ этомъ мы можемъ быть убѣждены и безъ всякихъ свидѣтельствъ. Въ Греціи, гдѣ оракулы составляли чуть ли не обыкновенный родъ торговли, едва ли возможно было, чтобы на этотъ счетъ не ходила по рукамъ масса оракуловъ; едва ли возможно, чтобы обширная политическая литература, ратовавшая противъ Спарты, не предсказывала возможности восстановленія Мессеніи. Народъ всегда охотно готовъ вѣрить такимъ оракуламъ; свои надежды на лучшее будущее онъ всегда склоненъ связывать съ своимъ лучшимъ прошедшимъ: въ герояхъ прошлаго онъ видитъ залогъ спасенія въ будущемъ. Такимъ блестящимъ памятникомъ національнаго прошлаго, такимъ великимъ героемъ, о которомъ жило смутное воспоминаніе среди замученныхъ, но не забытыхъ гелотовъ, былъ Аристоменъ. Съ Аристоменомъ связывали они свои надежды на будущее, какъ Фридрихъ Барбаросса служилъ для нѣмцевъ залогомъ будущаго единства и величія Германіи.

Само собой понятно, какимъ удобнымъ орудіемъ должны были служить эти надежды и стремленія въ рукахъ всякаго, кто хотѣлъ поднять Мессенскій народъ. Къ нимъ и примкнулъ Эпаминондъ. При помощи *паракатаθήκη* Аристомена онъ легализировалъ и санкционировалъ свое созданіе — свободную Мессенію.

Такова психологическая сторона преданія о *паракатаθήκη* Аристомена. Мы можемъ опредѣлить и историческое значеніе этого преданія, и его характеръ, и вліяніе, которое оно оказало на традицію Мессенскихъ войнъ. Но прежде, чѣмъ я выясню это, я позволю себѣ сдѣлать короткое отступленіе, чтобы опредѣлить значеніе участія Діоскуровъ во второй Мессенской войнѣ (см. стр. 91).

Въ преданіи о потерѣ Аристоменомъ счита Діоскуры являются защитниками Спартанцевъ, представителями силы враждебной Мессенянамъ—вотъ почему я ихъ въ своемъ мѣстѣ объяснилъ, какъ охранителей границъ Спартанской земли.

Въ связи съ находженіемъ табличекъ Аристомена, возстановленіемъ Мессены и культа въ Анданіи находится и примѣненіе съ Діоскурами. Мужъ, явившійся Эпаминонду во снѣ, сказалъ ему: *Μεσσηνίοις γῆν τε πατρίδα καὶ πόλεις ἀπόδος, ἐπειδὴ καὶ τὸ μῆνιμα ἤδη σφίσι πέπαυται τὸ Διοσκούρων.* (Paus. IV. 26. 6). Требуется объяснить этотъ гнѣвъ Діоскуровъ; оказывается, что тотъ фактъ, что Аристоменъ перешелъ черезъ границы, указанныя Діоскурами, никакого отношенія къ ихъ гнѣву не имѣетъ.

Гнѣвъ Діоскуровъ, рассказываетъ Павсаній (IV. 27. 1. 2. 3), начался еще до битвы при Стеникларѣ, *γενέσθαι δὲ αὐτὸ δι αἰτίας τοιάνδε εἰκόζω.* Когда однажды Лакедемоняне праздновали праздникъ Діоскуровъ, два юноши изъ Анданіи, Панормъ и Гониппъ, *χιτῶνας λευκοὺς καὶ χλαμύδας πορφυράς ἐνδύοντες. ἐπὶ τε ἵππων τῶν καλλίστων ὀχούμενοι καὶ ἐπὶ ταῖς κεφαλαῖς πύλους ἐν δὲ ταῖς χερσὶ δόρατα ἔχοντες, ἐπιφαίνονται Λακεδαιμονίοις.* Лакедемоняне, увидѣвъ юношей, приняли ихъ за Діоскуровъ и встрѣтили ихъ съ подобающими богамъ почестями. Юноши, воспользовавшись неприготовленностью и смущеніемъ спартанцевъ, перебили многихъ изъ нихъ и возвратились въ Анданію, *καθυβρίσαντες τῶν Διοσκούρων τῇ θυσίᾳ. τοῦτὸ ἐμοὶ δοκεῖν προήγαγε τοὺς Διοσκούρους ἐς τὸ ἔχθος τὸ Μεσσηνίων.*

Тотъ же разсказъ мы находимъ у Полиэна (II. 31 4), правда въ всякой связи съ «гнѣвомъ» Діоскуровъ. Въмѣсто Панорма и Гониппа героями являются Аристоменъ и его безымянный другъ—вполнѣ понятное проявленіе общераспространенной тенденціи пріурочивать все извѣстное изъ Мессенской старины къ имени главнаго ея героя. Костюмъ мнимыхъ Діоскуровъ пополненъ еще находящейся на головѣ каждаго изъ нихъ звѣздой.

Какъ отнести къ этой формѣ разсказа, ясно уже изъ описанія Діоскуровъ. Это строго выработанный типъ, какъ его описываетъ Лукіанъ (Dial. Deor. 26) и какъ онъ представленъ на изображенной въ миеологическомъ словарѣ Рошера (1176) монетѣ. Типъ этотъ не выработался раньше третьяго вѣка до Р. X. До тѣхъ поръ Діоскуры не является въ *πλοσ*. Звѣзда, о которой говоритъ Полиэнь, появляется впервые только на римскихъ монетахъ третьяго до Р. X. вѣка²³⁾. Ясно, что наша форма преданія очень поздняя.

Въ чемъ же заключается преступленіе Мессенянь? О *θυσία*, собственно говоря, говорить не слѣдовало. Нападеніе произошло послѣ священнаго акта жертвоприношенія — *ἤδη πρὸς πότον καὶ παιδίας τετραμίσθων*. Тѣмъ не менѣ, вопреки своему собственному изложенію, Павсаній настаиваетъ на томъ, что дерзкіе Мессеняне нарушили священность жертвоприношенія. Въ немъ именно вся суть и заключается.

Античному чувству недоступно то понятіе о профанациі священнаго, которое руководило бы нами при оцѣнкѣ поступка обоихъ юношей. Для насъ профанацией казался бы самый тотъ фактъ, что люди принимаютъ на себя образъ Бога, что они пользуются этимъ образомъ для достиженія своихъ низменныхъ цѣлей. Съ точки зрѣнія древняго грека это само по себѣ вовсе не преступленіе. Геродотъ, разсказывая о томъ, какъ Пизистратъ возвратился въ Аѣны съ помощью Аѣинской женщины, одѣвшейся костюмъ Аѣины, къ самому факту относится совершенно спокойно, и ограничивается тѣмъ, что находитъ средство Пизистрата слишкомъ наивнымъ, если принять во вниманіе высокую степень Аѣинской культуры.

Значитъ важно не то, что юноши одѣлись въ платье Діоскуровъ, а то, что они нарушили святость *θυσία*, а тогда раз-

²³⁾ Furtwängler у Roscher Mytholog. Wörterbuch I. I.

сказъ есть не что иное, какъ новый вариантъ давно намъ извѣстнаго преданія о Мессенянахъ, напавшихъ на приносящихъ жертву Спартанцевъ. Такъ какъ здѣсь имѣется въ виду праздникъ не Артемиды и не Деметры, а Діоскуровъ, то, само собой понятно, не могъ имѣть мѣста и рассказъ объ изнасилованіи дѣвушекъ.

Итакъ, основа преданія ничего общаго съ Діоскурами не имѣетъ, а то, что стоитъ къ нимъ въ отношеніи, поздняго происхождения.

Изъ всего этого, кажется, слѣдуетъ, что о причинахъ вражды, которую питали Діоскуры къ Мессенянамъ, автентичныхъ преданій не существовало, или, по крайней мѣрѣ, что Павсаній такого преданія не зналъ. Но и самый элементъ этой вражды разсказу Павсанію съ сущности чуждъ. Мы нигдѣ не видимъ, чтобы Діоскуры оказывали какое-нибудь вліяніе на ходъ войны. Въ Стеникларской битвѣ Діоскуры только то и сдѣлали, что спасли нѣсколькихъ Спартанцевъ. Но совершенно не методично было бы дѣлать изъ этого выводъ, что въ традиціи и вообще ничего не было о враждѣ Діоскуровъ. Мы уже въ третій разъ видимъ, что сообщается фактъ, который долженъ былъ бы существеннымъ образомъ измѣнить ходъ событій, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ на него никакого вліянія. Во время такъ называемой первой Мессенской войны Спартанцы клянутся не возвращаться домой до тѣхъ поръ, пока не сокрушатъ враговъ. Такъ мы читаемъ у Павсанія, но Спартанцы возвращаются домой, сколько имъ угодно; ничто не измѣняется отъ того, что они дали клятву и отъ того, что они ее нарушили.

Спартанцы въ такъ называемой второй Мессенской войнѣ призываютъ Тиртея—они могли бы его и не призывать: ничто отъ его прихода не измѣнилось. Въ первомъ случаѣ дано было преданіе о Паресеніяхъ²⁴⁾ — для того, чтобы ввести его въ связь своего разсказа, Павсаній и говорилъ о клятвѣ; во второмъ случаѣ въ преданіи данъ былъ Тиртей—пришлось ввести разсказъ о его призваніи.

Что же было дано для преданія о гнѣвѣ Діоскуровъ? Въ нашей традиціи данъ фактъ примиренія Діоскуровъ съ Мессенянами. Исторически это преданіе предполагаетъ, конечно, пре-

²⁴⁾ О Паресеніяхъ я буду имѣть случай говорить въ особой статьѣ.

даніе о враждѣ ихъ, но въ исторіи происхожденія нашего преданія дѣло, вѣроятно, происходило обратнымъ образомъ: наша псевдо-традиція о враждѣ Діоскуровъ возникла на почвѣ фактически даннаго извѣстія о примиреніи ихъ.

Вся наша традиція находится въ зависимости отъ культовой жизни Анданіи. Мы знаемъ, что въ Анданіи чтутъ Діоскуровъ—ихъ, конечно, слѣдуетъ понимать подъ *μεγάλοι θεοί* знаменитой надписи, регламентирующей культовый порядокъ Анданійскихъ мистерій²⁵).

Когда была восстановлена Мессена, были принесены жертвы, кромѣ другихъ боговъ, также и Діоскурамъ — здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ Діоскурами въ культѣ Мессеніи; изъ древнѣйшей ея исторіи мы относительно культа этихъ боговъ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Всѣ свѣдѣнія относятся къ эпохѣ, слѣдующей за восстановленіемъ Мессены²⁶).

Мессенія едва ли могла имѣть самостоятельную культовую жизнь, пока она была подъ властью Спарты. Гелотъ вѣрилъ конечно въ своего бога, приносилъ въ своемъ хуторѣ опредѣленные жертвы — но это было дѣло частное, это были культы мѣстнаго захолустья. Сообща молились богамъ господъ. Восстановленіе Мессеніи было вмѣстѣ съ тѣмъ и реставраціей національныхъ или квази-национальныхъ культовъ. Гелоты успѣли привыкнуть къ Спартанскимъ богамъ. Когда они постарались обзавестись своимъ культомъ, имъ естественно было жедать присвоить себѣ и этихъ господскихъ боговъ, доказывать, что они искони были предметомъ ихъ національнаго культа. Какими, между прочимъ, способами доказывали это относительно Діоскуровъ, мы можемъ видѣть изъ споровъ, вызванныхъ находившимися на островѣ Пезносѣ мѣдными статуями ихъ (Paus. III. 26. 3). Вся исторія примиренія Діоскуровъ есть не что иное, какъ такая же попытка націонализированія ихъ.

²⁵) Sauppe die Mysterieninschrift von Andania стр. 33 ср. Preller-Robert I 749 5. Надпись была много разъ послѣ Sauppe переиздана.

²⁶) Откуда у Рошера *Mythol. Wörterbuch* I, 1165 взято, что *ἀχραΐς*, на которой сидѣли Діоскуры во время битвы при Стеникларѣ, была предметомъ культа, я не знаю. По Павсанію она едва ли могла имѣть быт — иначе онъ зналъ бы, гдѣ она находится: онъ (IV. 16. 5) говоритъ объ *ἀχραΐς πεφροκιά πο ο τοῦ πεδίου*. Древняя Мессенія имѣетъ своихъ Діоскуровъ—Идаса и Линкея, стоящихъ въ антагонизмѣ къ Кастору и Полидевку (Apolloclod. III. 11, 2. Pind. Nem. 10, 60 sq q.).

Культь Диоскуровъ въ Мессенѣ могъ, конечно, возникнуть только послѣ основанія этого города. Но какъ отнести къ ихъ культу въ Анданіи?—и тутъ мы вернемся къ тому пункту, изъ котораго вышли: къ вопросу о значеніи табличекъ Аристомена и культа въ Анданіи.

Когда Поликаонъ вмѣстѣ съ Мессеной завоевали страну, впоследствии называвшуюся Мессеніей, они между другими городами основали и Анданію (Paus. IV. 1. 3. sqq.), а города Мессены не было до того времени, когда Эпаминондъ основалъ городъ этого имени. Это Павсаній доказываетъ Гомеровскимъ изслѣдованіемъ.

Къ царицѣ Мессенѣ τὰ ὄργια κομίζων τῶν Μεγάλων θεῶν Καύκων ἦλθεν ἐξ Ἐλευσίνος ὁ Κελαίνου παῖς τοῦ Φλυοῦ (Paus. IV. 1. 4); много лѣтъ спустя, когда царствовалъ Афарей, явился къ нему — Λύκος ὁ Πανδίωνος . . . καὶ τὰ ὄργια ἐπέδειξε τῶν μεγάλων Θεῶν Ἀφαρεῖ τε καὶ τοῖς παισὶ καὶ τῇ γυναικὶ Ἀρήνῃ. ταῦτα δὲ σφισιν ἐπέδεικνυτο ἀγαγὼν ἐς τὴν Ἀνδανίαν, ὅτι καὶ τὴν Μεσσήνην ὁ Καύκων ἐμύησεν ἐνταῦθα (Paus. IV. 2. 6 ср. IV, 1, 5). При царѣ Сиботѣ празднества τῶν μεγάλων θεῶν существовали въ Анданіи (Paus. IV. 3. 10), хотя значеніе ихъ временно падаетъ.

Послѣ первой Мессенской войны жрецы, отправлявшіе ὄργια τῶν μεγάλων θεῶν, убѣжали въ Элевзинъ. Въ неизвѣстное время, т. е. во время, котораго ближе не опредѣляетъ Павсаній, пришелъ Метапъ; μετακόσμησε γὰρ καὶ Μέταπος τῆς τελετῆς ἔστιν ἄ. ὁ δὲ Μέταπος γένος μὲν ἦν Ἀθηναῖος, τελετῆς δὲ καὶ ὀργίων παντοίων συνδέτης οὗτος καὶ Θηβαίους τῶν Καβείρων τὴν τελετὴν κατεστήσατο. ἀνέθηκε δὲ καὶ ἐς τὸ κλίσιον τὸ Λυκομιδῶν εἰκόνα ἔχουσαν ἐπίγραμμα ἄλλα τε λέγον καὶ ὅσα ἡμῖν ἐς πίστιν συντελεῖ τοῦ λόγου ²⁷⁾

ἦγγισα δ' Ἑρμείῳ δόμους [σεμνῆς] τε κέλευθα

[Δά] ματρος καὶ πρωτογόνου κόουρας, ὅθι φασὶ

Μεσσήνην θεῖναι μεγάλαισι θεαῖσιν ἀγῶνα

Φλυάδεω κλεινοῦ γόνου, Καύκωνος, ἰδρεῖη.

θαύμασα δ' ὡς σύμπαντα Λύκος Πανδίωνιος φῶς,

Ἀττιδὸς ἱερά ἔργα παρ' Ἀνδανίῃ θέτο κεδνή.

тоуто τὸ ἐπίγραμμα δηλοῖ μὲν ὡς παρὰ τὴν Μεσσήνην ἀφίκοιτο ὁ Καύκων ἀπόγονος ὢν Φλυοῦ, δηλοῖ δὲ καὶ ἐς τὸν Λύκον τὰ τε ἄλλα

²⁷⁾ Привожу эпиграмму, какъ ее возстановилъ Sauppe l. 1. 5.

καὶ ὡς ἡ τελετὴ τὸ ἀρχαῖον ἦν ἐν Ἀνδανίᾳ. καὶ μοι καὶ τοῦτο εἰκὸς ἐφαίνεται, τὴν Μεσσήνην μὴ ἐτέρωθι, ἀλλὰ ἐνθα αὐτὴ τε καὶ Πολυκάων ᾔκουον, κασαστήσασθαι τὴν τελετὴν (Paus. IV. 1. 7. 8).

Я не думаю, чтобы эта надпись послужила источникомъ, изъ котораго заимствовалъ свои свѣдѣнія Павсаній, какъ это думаетъ Törpffer (о. 1. 218), превосходное изслѣдованіе котораго въ вопросѣ о Метапѣ имѣетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ безусловное рѣшающее значеніе²⁸⁾. Этому противорѣчить то звено, котораго нѣтъ въ надписи—Κελαῖνος.

Традиція дѣйствительно отчасти аттическая, какъ показала Törpffer; отъ нея идетъ и источникъ Павсанія и надпись. Для насъ важно одно: мы уже видѣли, что Павсаній настаиваетъ на томъ, что прежде всего основана Анданія, а Мессены и не было. Само по себѣ это бы ровно ничего не значило, но мы видимъ, что Павсаній старается доказать, что древнѣйшія мистеріи именно въ Анданіи праздновались, доказать это разнаго рода доводами. Изъ этого слѣдуетъ, что противъ этого возражали, или, по крайней мѣрѣ, могли возражать; значитъ несомнѣнной строго преемственной традиціи не было.

Это доказываетъ, что мистеріи были прерваны, и впоследствии восстановлены. Таблички Аристомена имѣютъ своей цѣлью установить преемственность традиціи. Нужно было показать, что мистеріи праздновались такъ, какъ они праздновались въ глубочайшей древности.

Когда дѣйствовалъ Метапъ, намъ не засвидѣтельствовано. Но разъ мистеріи были прерваны, то только съ восстановленіемъ ихъ и можно связать его дѣятельность. Замѣчательно, однако, что эниграмма Метапа знаетъ только Гермеса, Деметру и Кору, между тѣмъ какъ Анданійская надпись говоритъ еще объ Аполлонѣ Карнейскомъ и Діоскурахъ. Если мы къ этому прибавимъ, что въ Фліѣ, изъ которой былъ Метапъ, чтили Деметру и Кору, но не чтили ни Аполлона ни Діоскуровъ (Paus. I. 31. 4), то станетъ очевиднымъ, что Діоскуры и Аполлонъ были въ Анданіи на особенномъ сравнительно съ другими богами положеніи. Старыя *τελεταί* были посвящены *μεγάλους θεούς*, они были связаны съ Элевзиномъ. Діоскуры и Аполлонъ связаны съ Спартой.

²⁸⁾ О Метапѣ ср. еще O. Kern Hermes XXV. 12.

Такимъ образомъ, не все въ Анданійской традиціи аттическаго происхожденія. Съ одной стороны вся исторія Кавкона, Лика, Метана, исторія элевзинскихъ жрецовъ ведетъ въ Аѳины, какъ это доказалъ Törpffer, съ другой Аполлонъ и Діоскуры ведутъ въ Спарту.

Дѣло объясняется слѣдующимъ образомъ. Существуетъ преданіе о древнемъ культѣ Великихъ богинь, существуютъ, пожалуй, остатки этого культа; естественно, этотъ культъ связывается съ Элевзиномъ. Когда устраиваются наново таинства, сильно Аѳинское вліяніе, при чемъ играетъ опредѣленную роль и образовавшееся другимъ путемъ преданіе о Мессенскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ Аттическихъ жреческихъ родовъ. Для возстановленія этой связи и придумана или, по крайней мѣрѣ, подновлена исторія Кавкова и т. д.

Но близкое общеніе съ Спартой создало и новые культы—и эти новые культы требовали такого же санкціонированія, какъ культы Великихъ боговъ. Для нихъ требовался другой, не аѳинскій источникъ. Эти не аѳинскіе элементы проникли въ традицію изъ совершенно другого канала.

Мы уже говорили неоднократно о табличкахъ Аристомена. Впослѣдствіи они были списаны въ книгу и стали служить руководствомъ для совершенія мистерій. О существованіи ея въ позднѣйшую эпоху говоритъ уже не разъ цитированная нами Анданійская надпись; это, несомнѣнно, тѣ βιβλία, о παράδοσις которыхъ говоритъ надпись (стр. 10), тѣ ἀρχαία ἑγγράφα (стр. 79), которыми руководятся жрецы; вскругъ этихъ ἑγγράφα должна была образоваться легенда. Въ этихъ ἀρχαία ἑγγράφα должна была заключаться часть, которая ихъ, такъ сказать легализировала, должна была быть рассказана часть исторіи Аристомена. Въ самыхъ мистеріяхъ должны были быть элементы, сложившіеся подъ вліяніемъ легенды объ немъ. Обстоятельства такъ сложились, что религіозная и культовая жизнь позднѣйшей Мессеніи въ значительной мѣрѣ сосредоточилась въ Анданіи. Въ связь съ нею и были проведены всѣ мѣстныя легенды. Различныя мѣстныя версіи слились въ ней въ одинъ связанный рассказъ. Анданійская храмовая легенда, составившаяся подъ вліяніемъ приносящаго аттическаго культа и слившаяся съ нимъ элементы мѣстныхъ культовъ Спартанскаго происхожденія, легла въ основу Павсаніева рассказа. Что Павсаній взялъ свой рассказъ

не изъ первыхъ рукъ, ясно и само по себѣ, но здѣсь это можетъ быть и доказано: въ Анданіи *μεγάλοι θεοί*—Диоскуры, Павсаній подъ этимъ именемъ понимаетъ Деметру и Кору.

Искать другихъ каналовъ традиціи второй Мессенской войны нѣтъ необходимости: она слишкомъ бѣдна для этого. Мы видѣли, какъ немного въ ней элементовъ саги. Битвы не имѣютъ никакого реального значенія; преданіе объ осадѣ образовалось подъ вліяніемъ позднѣйшаго историческаго факта и священнаго значенія мѣстностей. Остаются легенды объ Аристоменѣ—но они всѣ имѣютъ одно и тоже содержаніе: герой находится въ Спартанскомъ плѣну, но спасается оттуда; это варьируется на всевозможные лады; мы анализировали отдѣльные рассказы и убѣдились въ ихъ идентичности.

Новаго далъ намъ нашъ рассказъ, м. п. нѣсколько версій преданія объ изнасилованіи дѣвушекъ — я уже указалъ на то, что въ связи съ Аристоменомъ они должны служить къ возвышенію его благородства и связаны съ легендами о его спасеніи. Новая аналогія только подтверждаетъ то предположеніе, которое мы сдѣлали раньше: мы имѣемъ дѣло съ храмовой легендой. Одна изъ этихъ версій получаетъ новый свѣтъ благодаря Анданійской надписи. Преданіе объ изнасилованіи дѣвушекъ и о спасеніи Аристомена женщиной приурочено къ храму Деметры въ Эгилѣ, какъ оно приурочивается и къ многимъ другимъ храмамъ. Это приуроченіе объясняется тѣмъ, что жрица Деметры Эгильской участвуетъ въ Анданійскихъ мистеріяхъ (стр. 33 Анданійской надписи). Трудно сказать, чѣмъ объяснить это ея участіе, но разъ жрица Эгильская дѣйствительно играла опредѣленную роль въ Анданіи, нужно было этотъ фактъ объяснить: оказывалось, что жрица спасла Аристомена. Конечно, преданіе могло самостоятелно существовать въ Эгилѣ, заключаясь въ *δρῶμενα* культа, но въ наш у традицію въ данной формѣ оно проникло по тенденціознымъ мотивамъ.

Итакъ, реального историческаго содержанія преданіе о второй Мессенской войнѣ не имѣетъ. Но мы все-таки здѣсь лучше стоимъ, чѣмъ въ преданіи о первой Мессенской войнѣ; здѣсь мы имѣемъ отзвуки саги, хотя и слабые и тенденціозно обработанные, тамъ—реторическія упражненія, основанные на ученой или неученой комбинаціи.

Г Л А В А V.

Третья Мессенская война.

Событіе, къ изученію котораго мы переходимъ, совершилось въ эпоху, отъ которой мы имѣемъ несомнѣнные свѣдѣнія, въ эпоху, когда у Грековъ былъ уже цѣлый рядъ историческихъ изслѣдованій, хотя не было еще исторіи, когда Геродотъ былъ мужемъ, Фукидидъ юношей. Правда эпоха намъ мало извѣстна, но за то въ ней нѣтъ мифовъ. «Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ». Генеалогическая работа закончилась, историческая новелла совершила свое дѣло, наступаетъ вѣкъ политическихъ памфлетовъ, мемуаровъ, вѣкъ историческаго изслѣдованія. Эпоха не поражаетъ блескомъ отдѣльныхъ событій; она періодъ громаднаго культурно-политическаго развитія, но развитія постепеннаго и потому мало замѣтнаго—и потому она оставила меньшій слѣдъ въ исторической традиціи, чѣмъ періодъ Грекоперсидскихъ войнъ—гдѣ, однако, матеріалъ менѣе автентиченъ — и пелопонесской войны, гдѣ мы имѣемъ рассказъ Фукидида и его преемниковъ.

Третья Мессенская война извѣстна особенно мало—и причина совершенно ясна. Она была, во-первыхъ, слишкомъ близка къ періоду научной исторіи, чтобы дать поводъ къ возникновенію цѣлаго ряда мифически-легендарныхъ рассказовъ, какъ первыя Мессенскія войны, она, во вторыхъ, не на столько важна, чтобы особенно обратить на себя вниманіе историковъ. Она есть мѣстное возстаніе, правда очень опасное для Лакедемонянъ, но не подрывавшее сколько-нибудь значительно власти и вліянія этого государства, тѣмъ болѣе, что и самая важность и опасность разбираемаго событія, какъ мы увидимъ это ниже, несомнѣнно значительно преувеличены древними, а особенно новыми изслѣдователями. Къ тому же нужно вѣдь признаться, что изъ греческой исторіи мы по историкамъ знаемъ и можемъ только

знать исторію Аѳинъ; исторія другихъ государствъ намъ по большей части извѣстна по стольку, по сколько она въ связи съ Аѳинской. Третья Мессенская война намъ также извѣстна именно благодаря внимательству Аѳинъ. Внимательство это преходящее—и свѣдѣнія наши о войнѣ самыя неполныя и ничтожныя.

Но за то это свѣдѣнія современные, и первый, кто намъ объ ней говоритъ связно—Фукидидъ.

Въ то время, какъ совершался послѣдній непосредственно связанный съ третьей Мессенской войной актъ—основаніе Мессенской колоніи въ Навпактѣ — Фукидидъ былъ уже въ такомъ возрастѣ, когда бесѣды старшихъ могли и должны были произвести нѣкоторое впечатлѣніе на его умъ.

Основаніе колоніи было дѣломъ Аѳинской политики—объ немъ въ Аѳинахъ должны были толковать много и горячо. Много доказательствъ въ пользу основанія колоніи (*ante* или *post factum*—все равно) должны были приводить лаконофобы, нареканія слышались изъ устъ лаконофиловъ. Мы, конечно, не знаемъ ровно ничего о взглядахъ, которые господствовали въ семьѣ Олора, но, очевидно, и въ ней говорили объ событіи. Близкія родственныя связи съ Кимономъ, бывшимъ главой лаконофильской партіи въ Аѳинахъ, несомнѣнно заставляли семейство Олора горячо относиться къ вопросу о враждебной Лакедемону мѣрѣ правительства. Не можетъ быть сомнѣнія, что подробно разбиралось все, что относилось къ Мессенско-лаконско-аѳинскимъ отношеніямъ, особенно все, что болѣе или менѣе относилось къ Кимону. Порицали его или бранили, мы знать конечно не можемъ, да это намъ теперь и не нужно,—несомнѣнно къ нему не могли относиться равнодушно.

Мальчикъ все слышалъ и скоро началъ обо всемъ думать. Политическія убѣжденія Фукидида въ своей рѣзкости и твердости должны были въ значительной мѣрѣ быть результатомъ раннихъ вліяній семьи и круга. Результатомъ такихъ вліяній и является рассказъ о третьей Мессенской войнѣ. Онъ и находится въ связи съ Кимономъ. Фукидидъ рассказываетъ о покореніи Фазоса (тоже специальный семейный интересъ) и дѣлъ Кимона и въ связи съ нимъ о Мессенской войнѣ, которая его, очевидно, между прочимъ, интересуеть ради участія въ ней Кимона, но главнымъ образомъ, конечно, ради участія въ ней Аѳинянъ, а вовсе не сама по себѣ.

Итакъ Фукидидъ рассказываетъ: (I, 101. 1. 2) *Θάσιοι δὲ κηθέντες μάχαις καὶ πολιορκούμενοι Λακεδαιμονίους ἐπεκαλοῦντο καὶ ἐπαρῶσαι ἐκέλευον ἐσβαλόντας ἐς τὴν Ἀττικὴν. οἱ δὲ ὑπέσχοντο μὲν κρῖφα τῶν Ἀθηναίων καὶ ἔμελλον...*, но не сдѣлали, почему, приведу ниже.

Фактъ очень поразительный. Если помощь была рѣшена *κρῖφα*, то очевидно замышлялось неожиданное нападеніе, безъ всякаго предупрежденія, вродѣ того, какъ поступили Фиванцы съ Платеями. По греческимъ, да и по всякимъ понятіямъ Лакедемоняне совершили страшное преступленіе. Господствуетъ полный миръ — больше того, союзныя отношенія, дающія право Лакедемонянамъ требовать отъ Аѳинянъ исполненія извѣстныхъ союзныхъ обязанностей—и при такихъ то условіяхъ Лакедемонъ рѣшается на внезапное измѣнительное нападеніе.

Лакедемоняне рѣшаются тайно — т. е. очевидно рѣшаютъ эфоры за себя и отъ себя. Рѣшать дѣло въ народномъ собраніи и тайно—объ этомъ говорить нечего; пожалуй, участвуетъ герузія, но во всякомъ случаѣ не союзное собраніе. Значить, Лакедемонское правительство готово поступить на свой собственный страхъ, не созывая союзниковъ. Лакедемонское правительство отваживается начать долгую и опасную войну, не позаботившись о томъ, помогутъ ли союзники. Для того, чтобы помочь Тазосу, оно не посылаетъ туда помощь, а рѣшается сразу сжечь свои корабли, рѣшается пойти прямо въ страну союзниковъ. Измѣна Спарты не имѣетъ никакого ни основанія ни оправданія въ обстоятельствахъ времени. Мы уже поэтому должны отнестись очень скептически къ извѣстію объ ней.

Но допустимъ вѣрность самого извѣстія. Откуда же и когда могли узнать объ замыслахъ Лакедемонянъ Аѳиняне?

Въ древности не было вѣроломныхъ газетъ, такъ неудобно разглашающихъ намъ тайну правительствъ. Участники дѣла, никогда не приведеннаго въ исполненіе, конечно, молчали.

Былъ одинъ случай, когда Аѳиняне могли узнать тайну—это паденіе Тазоса. Кто-нибудь изъ плѣнныхъ Тазосцевъ, какой-нибудь членъ аѳинофильской партіи павшаго острова—такая, конечно, была и на Тазосѣ, какъ вездѣ — могъ, подслуживаясь Аѳинянамъ, рассказать, что готовили имъ ихъ добрые союзники. Но что же тогда дѣлаютъ Аѳиняне? Когда Лакедемоняне просятъ—собственно требуютъ помощи, они не думаютъ же, что

Аѳиняне знаютъ объ ихъ сосѣдской любезности. И Аѳиняне, конечно, не стали бы помогать Лакедемонянамъ, если бы знали объ ней. Кимонъ, добрый другъ Лакедемонянъ, могъ бы приводить какія ему угодно сравненія — ему бы сейчасъ же заткнули ротъ однимъ напоминаніемъ о планахъ Лакедемонянъ. Очевидно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы Аѳиняне тогда знали о планахъ союзниковъ.

Походъ рѣшенъ Аѳиняне пошли и обратно пришли—и затѣмъ они обижаются, почему ихъ отослали: значить имъ не довѣряютъ. И тогда является союзъ съ Аргосомъ и все, что слѣдуетъ. Если бы Аѳиняне знали, что замышляли Лакедемоняне, то могла ли бы быть рѣчь объ обидѣ, которую нанесли имъ Лакедемоняне своимъ недовѣріемъ? Развѣ Аѳиняне не ссылались бы на измѣну со стороны Лакедемонянъ? Развѣ это не отразилось бы въ рассказѣ Фукидида? Извѣстіе объ измѣнѣ Лакедемонянъ не оказываетъ никакого вліянія на дальнѣйшій рассказъ Фукидида.

Значить, во всякомъ случаѣ, когда фактъ сталъ извѣстенъ, прошло не мало времени. Отношенія къ Спартѣ были крайне враждебны. Спрашивается, насколько строго тогда провѣряли слухи. Нападеніе Спартанцевъ было для Аѳинянъ предметомъ постоянного страха—глубокая рознь чувствовалась,—должно было во всякомъ случаѣ быть имъ съ того момента, какъ разыгралась скандальная исторія постройкн Аѳинскихъ стѣнъ и добраго въ этомъ участія Спарты¹⁾. Стоило кому-нибудь показать это страшное лицо Горгоны—и волненіе было готово.

Такимъ образомъ, мнѣ кажется, можно смѣло утверждать, что о фактѣ ничего не знали, можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что его и не было. Но вѣрно должно быть то, что о немъ говорили. Антилаконская партія должна была подъ рукой распускать слухи о преступленіи Спарты. Въ то время, когда былъ вопросъ о походѣ, они очевидно не имѣли

¹⁾ Если, конечно, и эта исторія не есть мифъ, какъ это старается показать Белохъ (Griech. Geschichte I. 458. 2). Тогда я бы предположилъ ея возникновеніе въ ту же эпоху, что и разбираемой нами. Записана ли она Фукидидомъ до или послѣ Пелопонезской войны, — я не хочу разбирать, но что она возникла тогда, какъ это, если я его вѣрно понимаю, полагаетъ Белохъ, это немисливо. Она тогда не могла бы попасть въ исторію Фукидида.

влянія — похоть былъ рѣшенъ. Но эти слухи должны были окрѣпить тогда, когда не было ни возможности, ни желанія провѣрять ихъ, когда антиспартанское движеніе восторжествовало.

Изъ толковъ объ этомъ планѣ и заимствовалъ свое извѣстіе Фукидидъ—замѣчательно, что оно у него сообщена безъ всякой тенденціозной окраски.

Итакъ Спартанцы собирались помочь Тазосу, *διεκωλύθησαν δὲ ὑπὸ τοῦ γενομένου σεισμοῦ, ἐν ᾧ²⁾ καὶ οἱ Ἑλλώτες αὐτοῖς καὶ τῶν περιόικων Θουριάται τε καὶ Αἰθαίης ἐς Ἰθώμην ἀπέστησαν. πλείστοι δὲ τῶν Ἑλλώτων ἐγένοντο οἱ τῶν παλαιῶν Μεσσηνίων τότε δουλωθέντων ἀπόγονοι ἢ καὶ Μεσσηνιοὶ ἐκλήθησαν οἱ πάντες. πρὸς μὲν τοὺς ἐν Ἰθώμῃ πόλεμος καθειστήκει Λακεδαιμονίοις³⁾. Θάσιοι δὲ τρίτῳ ἔτει*

²⁾ Я предполагаю, что на ходъ традиціи не безъ влянія было неверное пониманіе ἐν ᾧ, которое легко и естественно было прямо грамматически подчинить словамъ τῷ σεισμῷ; очевидно здѣсь ἐν ᾧ — временный союзъ.

³⁾ Фукидидъ имѣетъ точныя свѣдѣнія: онъ знаетъ весьма опредѣленно составъ возставшихъ. Возстаніе опредѣляется именно, какъ бунтъ рабовъ—и изъ періковъ указываются только двѣ общины. И интересно, что одна изъ нихъ—Θυρία—находится въ Мессеніи (Strabo VIII. 361 Paus. IV. 31. 1.). Спрашивается, откуда могли итти эти свѣдѣнія. Фукидидъ говоритъ, что в с ѣ х ѣ называли Мессенянами — конечно не гелотовъ вообще, а только возставшихъ (сознаюсь, что текстъ неясенъ. Но если онъ говоритъ не то, что я указалъ, то противорѣчіе со всей традиціей будетъ такъ велико, смыслъ такъ страшенъ—гелотовъ называли Мессенянами, — что слѣдовало бы текстъ измѣнить). Кто говорилъ о возставшихъ, какъ о Мессенянахъ, тотъ, конечно, не могъ противополать Мессенянамъ періковъ, или выдѣлять изъ ихъ числа Θυριάтовъ—ибо и они Мессеняне. (Мессеняне до возстановленія Мессены, само собой понятно, не официальное званіе. Этого бы не долженъ былъ забывать Нисе). Значитъ ихъ противопологалъ, изъ ихъ числа выдѣлялъ ихъ тотъ, кто ихъ не называлъ Мессенянами, кто говорилъ, что возстали гелоты. Настаивать на такомъ названіи могъ только тотъ, кто имѣлъ интересъ ихъ такъ называть — очевидно Спартанцы. Когда Аѳиняне завоевали Навпактъ, они отправили туда сдавшихся подъ Итомой, конечно Мессеняны (Thuc. II. 25. VII. 57. 8. IV. 41. 2)—и, опять таки само собой понятно, не особенно строго разбирали, кто они такіе. Аѳиняне, конечно, говорили, что имѣютъ дѣло не съ исконными Спартанскими рабами. Такимъ образомъ дѣло, кажется, можно объяснить такъ. Фукидидъ свидѣтельствуетъ, что было два способа означенія возставшихъ. Съ одной стороны говорили: возстали гелоты-рабы — и вмѣстѣ съ ними періки такіе то. Очевидно, этотъ способъ выраженія принадлежалъ Спартанцамъ, которыхъ такой взглядъ ставилъ въ положеніе господъ, умиряющихъ невольничій бунтъ. Самое упоминаніе 2 общинъ періковъ

πολιορκούμενοι ὠμολόγησαν Ἀθηναίοις τεῖχος τε καθελόντες καὶ ναῦς παραδόντες, χρήματά τε ὅσα ἔδει ἀποδοῦναι αὐτίκα ταξάμενοι καὶ τὸ λοιπὸν φέρειν, τὴν τε ἡπειρον καὶ τὸ μέταλλον ἀφέντες ⁴⁾).

Λακεδαιμόνιοι δὲ, ὡς αὐτοῖς πρὸς τοὺς ἐν Ἰθώμῃ ἐμῆκύνετο ὁ πόλεμος, ἄλλους τε ἐπεκαλέσαντο *ξυμμαχοὺς* καὶ Ἀθηναίους: οἱ δ' ἤλθον Κίμωνος στρατηγούντος πλήθει οὐκ ὀλίγω. μάλιστα δ' αὐτοὺς ἐπεκαλέσαντο ὅτι *τειχομαχεῖν* ἐδόκουν δυνατοὶ εἶναι, τοῖς δὲ πολιορκίας μακρᾶς καθεστηκυίας τούτου ἐνδεᾶ ἐφαίνετο: βία γὰρ ἂν εἶλον τὸ χωρίον. καὶ διαφορὰ ἐκ ταύτης τῆς στρατείας πρῶτον Λακεδαιμόνιοις καὶ Ἀθηναίοις φανερὰ ἐγένετο. οἱ γὰρ Λακεδαιμόνιοι, ἐπειδὴ τὸ χωρίον βία ⁵⁾ οὐχ ἤλπισετο, δέισαντες τῶν Ἀθηναίων τὸ τολμηρὸν καὶ

едва ли не заключаетъ презрительнаго отгѣнка. Изъ массы (Strabo. VIII. 362 Gilbert G. A. II 38 пр.) періэковъ возстали какихъ-нибудь двѣ общины, да и то еще только одна изъ находившихся въ Лаконіи.—Съ другой стороны говорили, что возстали Мессеняне, (Фукидидъ прибавляетъ, съ какимъ правомъ), конечно, тоже не безъ умысла. Одно это слово придавало дѣлу возставшихъ извѣстный ореолъ: боролся угнетенный и порабощенный народъ противъ чужеземной тиранніи: это былъ тотъ взглядъ, котораго должны были держаться въ Аѳинахъ въ то время, когда поселили Мессенянъ въ Навпактѣ. Фукидидъ соединяетъ оба взгляда, не желая указать на политическое ихъ значеніе, потому что для его цѣлей это безразлично; возможно однако и то, что къ тому времени, когда онъ началъ писать, это различіе, утративъ свою свѣжесть и остроту, перестало ясно сознаваться и Фукидидъ не чувствовалъ его значенія. (Самъ Фукидидъ называетъ возставшихъ οἱ ἐν Ἰθώμῃ. Случайно ли это названіе съ его осторожно уклончивымъ характеромъ? Случайно ли уже цитованное выше названіе οἱ Μессήνιοι νῦν κατοῦμενοι?) (Thuc. VII. 57. 8).

Если мои разсужденія вѣрны, то ясно, что точныя свѣдѣнія идуть отъ Лакедемонянъ. (Не отрицаю нѣкоторой смѣлости въ выводахъ, но не ясны ли выведенныя положенія а priori?).

⁴⁾ Исторія паденія Тазоса, досказанная здѣсь, показываетъ, что и Фукидидъ признаетъ взявшимъ островъ Кимона. Вставка и сдѣлана затѣмъ, чтобы дать возможность Кимону принять участіе въ походѣ противъ Мессенянъ. Самое упоминаніе Тазоса не въ связи ли съ Кимономъ, *μέταλλα*, и вообще семейными дѣлами Фукидида? Связь съ *μέταλλα* ср. Herod. IX. 75.

⁵⁾ Мѣсто несомнѣнно испорчено. Положеніе таково: Лакедемоняне долго находятся въ положеніи осаждающихъ — только этимъ неуклюжимъ способомъ я умѣю перевести перфектъ *καθεστηκυίας*. Они призываютъ Аѳинянъ, потому что тѣ умѣютъ *τειχομαχεῖν*—имъ же это нужно: *βία γὰρ ἂν εἶλον τὸ χωρίον*. Кто? По смыслу конструкціи Спартанцы. Выходитъ такъ, какъ будто между *τειχομαχεῖν* и *βία* есть какая-то противоположность; на самомъ дѣлѣ этого быть не можетъ: оба термина совпадаютъ, какъ это ясно изъ параллельнаго мѣста Фукидида. (VII 79. 2. ср. Herod. IX. 70. 1

τὴν νεωτεροποιίαν, καὶ ἀλλοφύλους ἅμα ἡγησάμενοι ⁶⁾, μὴ τι, ἦν παρ-
 ραμείνωσι, ὑπὸ τῶν ἐν Ἰθώμῃ πεισθέντες νεωτερίσωσι, μόνους τῶν
 ζυμμάχων ἀπέπεμψαν, τὴν μὲν ὑποψίαν οὐ δηλοῦντες εἰπόντες δὲ ὅτι οὐδὲν
 προσδέονται αὐτῶν ἔτι. οἱ δ' Ἀθηναῖοι ἔγνωσαν οὐκ ἐπὶ τῷ βελτίονι
 λόγῳ ἀποπεμπόμενοι, ἀλλὰ τινος ὑπόπτου γενομένου, καὶ δεινὸν ποιη-
 σάμενοι καὶ οὐκ ἀξιώσαντες ⁷⁾ ὑπὸ Λακεδαιμονίων τοῦτο παθεῖν, εὐθύς
 ἐπειδὴ ἀνεχώρησαν, ἀφέντες τὴν γενομένην ἐπὶ τῷ Μῆδῳ ζυμμαχίαν
 πρὸς αὐτοὺς Ἀργεῖοις τοῖς ἐκείνων πολεμίοις ζυμμαχοὶ ἐγένοντο, καὶ

Plut. Arist. 19 и Krüger къ нашему мѣсту) καὶ προσβαλόντες οἱ Ἀθηναῖοι
 ἐτεῖχομαχοῦν καὶ βαλλόμενοι ὑπὸ πολλῶν καὶ οὐ δυνάμενοι βιά-
 σασθαι ἀπεχώρουν Итакъ Аѳинянь приглашаютъ взять городъ штур-
 момъ—ибо штурмомъ бы его Спартанцы взяли — очевидная безсмыслица.
 Если бы τεῖχομαχεῖν и значило не тоже самое, что означается терминомъ
 βιά, то получится тоже самое. Почему же Спартанцы не берутъ Итомы
 штурмомъ, если бы «штурмомъ они бы ее взяли». Остается, хотя это грам-
 матически и неудобно, предположить, что подлежащимъ служить Ἀθηναῖοι,
 но тогда невозможна такъ называемая ирреальная форма условнаго пери-
 ода. Вѣроятно такъ понималъ Badham, когда предлагалъ писать ἐλεῖν
 вмѣсто εἶλον, развивая его конечно въ εἶλοισιν ἂν — можетъ быть они возъ-
 мутъ штурмомъ. Мнѣ кажется, что это и есть наиболее удачное исправле-
 ние мѣста (βιά на первомъ мѣстѣ?). Я сначала думалъ описать βιά γάρ
 (οὐκ) ἦν ἐλεῖν (sc. τοῖς Λακεδαιμονίοις). Профессоръ Бернскаго университета
 Гагенъ, съ которымъ я имѣлъ честь бесѣдовать объ этомъ мѣстѣ, предложилъ
 въ высшей степени остроумное объясненіе. (Die Lakedaimonier) riefen die Bun-
 desgenossen, vor allem die im Sturmangriff erfahrenen Athener herbei: denn
 nach dieser militärischen Methode, d. h. βιά hätten sie am Ende die Fes-
 tung einnehmen können, und daher brauchten sie fremde Hilfe, da sie
 selbst das τεῖχομαχεῖν nicht verstanden... Der betreffende Satz hat deshalb
 die Form eines unwirklichen Bedingungssatzes erhalten, um die Nothwen-
 digkeit eines Herbeizugs fremder Hilfe gehörig zu motiviren, da ohne die
 Anwesenheit der im τεῖχομαχεῖν geübten Athener für die Lakedaimonier
 die τεῖχομαχία erfolglos geblieben wäre (изъ письма пр. Hagen'a). Какъ бы
 то ни было, смыслъ ясенъ: τεῖχομαχεῖν и значить брать крѣпость βιά. Для
 штурма приглашаютъ Лакедемоняне Аѳинянь, такъ какъ война затя-
 нулась. Штурмъ неудается и Аѳинянамъ, а потому и т. д.; повтореніе
 βιά не только не лишнее, но наоборотъ очень характерное и Krüger а. I.
 напрасно удаляетъ второе βιά.

⁶⁾ καὶ—ἡγησάμενοι Badham удаляетъ. Вставлено здѣсь Фукидидомъ,
 чтобы устранить совпаденіе νεωτεροποιίαν и μὴ νεωτερίσωσι.

⁷⁾ Обиженный тонъ Аѳинянь очень хорошо передается словами οὐκ
 ἀξιώσαντες — этого мы ужъ конечно не заслужили. Badham, поэтому не-
 правъ, атетируя эти слова, хотя грамматически безъ нихъ можно, конечно,
 отлично обойтись.

πρὸς Θεσσαλοὺς ἀπὸ ἀμφοτέρων οἱ αὐτοὶ ἔρκοι καὶ ξυμμαχία κατέστη.
(Thuc. I, 101. 102).

Какъ представляетъ себѣ Фукидидъ положеніе дѣла, какое представленіе о немъ желаетъ онъ вызвать въ насъ? Очевидно, прежде всего, что Фукидидъ вовсе не смотритъ на землетрясеніе, какъ на особенно великое несчастіе, которое бы очень уже истощило силы Спартанцевъ—о томъ, насколько это вѣрно, мы еще будемъ говорить впоследствии. Съ другой стороны ему вовсе не представляется, чтобы возстаніе являлось чѣмъ то изъ ряду вонъ выходящимъ, чѣмъ то такимъ, что заставило бы государство поколебаться въ своихъ основаніяхъ. (Wenn Sparta nicht vom Rande des Abgrunds in die Tiefe gestossen wurde и т. д., какъ патетически говоритъ Дункеръ⁸⁾.) Спартанцы настолько спокойно относятся къ дѣлу, что даже не созываютъ союзниковъ. Для нихъ вопросъ въ томъ, чтобы взять осадою Итому—стоитъ ли волноваться.

Война затягивается—и тогда Спартанцы обращаются между другими союзниками и къ Аѳинянамъ—къ послѣднимъ по чисто техническимъ соображеніямъ (такъ, по крайней мѣрѣ, они говорятъ). Ни о какой борьбѣ партій Фукидидъ не знаетъ. Непосредственно за призывомъ слѣдуетъ въ его изложеніи и отвѣтъ. Не можетъ быть, поэтому, въ данномъ случаѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что по Фукидиду Лакедемоняне обращались къ Аѳинянамъ, какъ къ союзникамъ, и что послѣдніе отвѣчали на ихъ просьбу тоже, какъ таковыя. Ужъ это одно говоритъ въ подтвержденіе общераспространеннаго мнѣнія, выдающаго въ поступкѣ Аѳинянъ исполненіе союзнаго долга, и противъ мнѣнія Müller-Strübing'a⁹⁾, который отрицаетъ само существованіе этого долга. Во всякомъ случаѣ соображенія Müller-Strübing'a здѣсь, какъ и всегда, заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Остроумный критикъ основывается на томъ, что союзъ былъ заключенъ съ специальною цѣлью борьбы противъ Персовъ и ничто виѣ предѣловъ этого круга дѣйствій имъ не обуславливалось. Это по его мнѣнію доказывается нѣсколькими мѣстами древнихъ писателей. Фукидидъ въ нашемъ мѣстѣ говоритъ объ ἡ ἐπὶ τῷ Μήδῳ

⁸⁾ Geschichte d. Alterthums VIII 240.

⁹⁾ Aristophanes und die historische Kritik. 280.

γενομένην συμμαχία. Плутархъ (Aristides 21) сообщаетъ: ἐκ τούτου γενομένης ἐκκλησίας ἔγραψε Ἀριστίδης ψήφισμα συνιέναι μὲν ἐς Πλαταιὰς καθ' ἕκαστον ἑνιαυτὸν ἀπὸ τῆς Ἑλλάδος προβούλους καὶ θεωροὺς, ἀγεσθαι δὲ πενταετηρικὸν ἀγῶνα τῶν Ἑλευθερίων, εἶναι δὲ σύνταξιν Ἑλληνικὴν μυρίας μὲν ἀσπίδας χιλίους δὲ ἵππους ναῦς δὲ ἕκατὸν ἐπὶ τὸν πρὸς βαρβάρους πόλεμον. Геродотъ (VII. 148) говоритъ объ οἱ συνωμόται Ἑλλήνων ἐπὶ τῷ Πέρσῃ.

Всѣ эти мѣста доказываютъ однако только то, что цѣлью союза была борьба съ Персами — чего, однако, нѣтъ никакой нужды доказывать,—и въ крайнемъ случаѣ, что онъ назывался «союзомъ противъ Мидянъ». Нужно представить себѣ положеніе. Для Грековъ въ данное время не существовало внѣшняго врага, кромѣ Персовъ, нельзя было и предвидѣть появленія такого врага, чтобы впередъ опредѣлить, какъ должны себя вести въ этомъ случаѣ союзники. Мы слишкомъ мало знаемъ сущность союза для того, чтобы говорить о томъ, что въ немъ было, не говоря уже о томъ, чего въ немъ не было. Трудно предположить, что союзъ не обязывалъ союзниковъ спасти члена, тѣснимаго кѣмъ нибудь, стоящимъ внѣ союза. Лакедемонъ стоитъ въ особомъ положеніи. Кто можетъ напасть на Аргосъ? Спарта, Коринѳъ, Аѣины, но все это члены союза.

Итти войной въ защиту Аргоса значитъ итти противъ Лакедемонянъ, такихъ же союзниковъ. Въ Лакедемонѣ дѣло стоитъ иначе. Кромѣ Аргоса, Коринѳа, Аѣинъ противъ нихъ могутъ пойти ихъ же рабы, которые составляютъ народъ. Ихъ положеніе трудно подводилось подъ международныя рамки. Они не составляютъ особаго государства: они не могутъ быть союзниками, они международно не существуютъ — они и не внѣшній врагъ. Противъ нихъ и можно и должно помочь. Эта то исключительность положенія и объясняетъ клаузулу въ Спартанско-аѣинскомъ договорѣ 421 года, переданномъ намъ Фукидидомъ (V, 23. 3). ἦν δὲ ἡ δουλεία ἐπανιστήται, ἐπικουρεῖν Ἀθηναίους Λακεδαιμονίοις παντὶ σθένει κατὰ τὰ δυνατόν. Что дѣлетъ Müller-Strübing'у право съ такой смѣлостью утверждать, что такой клаузулы не было въ договорѣ ¹⁰⁾ ἐπὶ τῷ Μήδῳ.

¹⁰⁾ Понятно, что при такихъ условіяхъ для Лакедемонянъ была постоянная необходимость упрячь на то, что возстали гелоты. Противъ гелотовъ Аѣиняне если не по закону, то по совѣсти должны были помогать. Мессеняне—это другое дѣло.

Что рѣшаетъ дѣло, это помощь, которую оказали Спартамъ вмѣстѣ съ другими союзниками и Платейцы (Thuc. III. 54. 5). Фукидидъ говоритъ, что Спартанцы позвали ἄλλους τε ξυμμαχοὺς καὶ Ἀθηναίους. Значитъ Платейцы находятся въ числѣ ἄλλοι ξύμμαχοι, а между тѣмъ они члены не спеціальнаго пелопонезскаго союза, а союза ἐπὶ τῷ Μήδῳ, какъ и Аѳиняне. Если бы Спартанцы не желали стоять на почвѣ союзнаго права, то ужъ конечно они не стали бы просить Платейцевъ¹¹⁾ съ ихъ ничтожными силами.

Всѣмъ этимъ я хочу только показать, что Спартанцы требовали помощи на основаніи союза, и что Аѳиняне не отвергли ихъ права на эту помощь, а вовсе не то, что союзъ дѣйствительно обязывалъ Аѳинянъ, что никто противъ этого не возражалъ. Наоборотъ мы будемъ видѣть, что такъ оно и было.

Итакъ, война затянулась. Итому осаждали, но толку не было. Если дѣло такъ, какъ мы его понимаемъ, то нѣтъ никакого повода объяснять, почему зовутъ Аѳинянъ (т. е. объяснять и м ъ)—зовутъ потому же, почему другихъ союзниковъ. Между тѣмъ у Фукидида есть мотивировка. Насколько она соотвѣтствуетъ истинѣ? Вопросъ этотъ очень сложенъ. Допустимъ, что Лакедемоняне мотивировали въ Аѳинахъ свой призывъ. Лакедемонскіе послы приходятъ въ Аѳины и заявляютъ: Мужи Аѳинскіе, борьба съ Итомой затянулась, нужно взять крѣпость штурмомъ, мы этого сдѣлать не можемъ—пожалуйте вы. Это, во-первыхъ, не объясняетъ дѣла: если все дѣло въ томъ, что вы не умѣете брать городовъ штурмомъ, зачѣмъ же вы зовете и всѣхъ остальныхъ союзниковъ, не отличающихся нашими штурмовательскими способностями; это во вторыхъ излишне. Спартанцы — такъ заставляетъ насъ понимать Фукидидъ — имѣли бы полное право сказать: пожалуйте по такому то параграфу; это, наконецъ, неловко: Аѳиняне такіе же союзники, какъ и другіе, ихъ слѣдуетъ звать и безъ спеціальной въ нихъ надобности. Указаніе особой причины призыва находится до извѣстной степени въ противоположности съ его основной мотивировкой: мы настаиваемъ на нашемъ союзномъ правѣ. Лакедемоняне должны были избѣ-

¹¹⁾ Платейцы могли конечно пойти съ Аѳинянами, но и тѣ не стали бы ихъ требовать съ собой, если бы этого не требовалось союзомъ.

гать всего, что могло вызвать на размышленіа объ этомъ союзномъ правѣ.

Но допустимъ, что неловкость сдѣлана. Аѳиняне знаютъ, что ихъ зовутъ для штурма. Они пришли и штурмъ не удается. Тогда Лакедемонянамъ остается только перейти къ правильной осадѣ; Аѳиняне сами поймутъ, что въ нихъ нѣтъ надобности, что можно уйти—и попросить освобожденія. Или они этого не сдѣлаютъ. Тогда Лакедемоняне заявятъ имъ: «Мы перемѣнили методъ войны, вести осаду мы умѣемъ и сами, не утруждая милыхъ союзниковъ». Все это будетъ имѣть видъ самой утонченной любезности, а Спартанцы только того и хотятъ: имъ нѣтъ никакого резона возбуждать противъ себя Аѳинянь. И Аѳиняне должны будутъ признать ихъ правоту. Ясно будетъ, почему другіе союзники остаются: ихъ вѣдь не для штурма приглашали. Правда, дѣло все таки будетъ порядкомъ щекотливо, подъ любезностью Аѳиняне разгадаютъ шпильку. «Покорно благодаримъ за услугу, но...», въ этомъ не будетъ подразумѣваться: «а вѣдь и вы то не умѣете драться, не одни мы». Но изъ-за шпильки не происходятъ политическіе перевороты. Въ крайнемъ случаѣ слѣдствіемъ такого образа дѣйствій Спартанцевъ можетъ явиться взаимное охлажденіе. Аѳиняне будутъ дуться на Спартанцевъ, но разрывъ союза, разрывъ съ освященными грекоперсидской войной традиціями — во всякомъ случаѣ не можетъ быть объясненъ такимъ до смѣшнаго ничтожнымъ поводомъ.

Впрочемъ Фукидидъ говоритъ, что Аѳиняне обидѣлись вовсе не мотивомъ, который выставили для ихъ удаленія — (ἐπι τῷ βέλτιον λόγῳ), а тѣмъ, что ихъ въ чемъ то подозрѣваютъ—это совсѣмъ другое дѣло.

Удаленіе Аѳинянь было, конечно, дѣломъ царя и эфоровъ: они то и подозрѣваютъ; сошлись, потолковали и рѣшили — все это, понятно келейно и тихонько. Откуда же объ этомъ сейчасъ же узнали Аѳиняне. И какое это у нихъ счастье. На протяжении двухъ главъ они уже во второй разъ узнаютъ о дѣйствіяхъ Спартанскаго правительства. Дѣло обстоитъ вѣроятно такъ. Подозрѣнія Спартанцевъ, какъ причина удаленія,—это догадка, ясно, догадка Аѳинянь, признаваемая правильной Фукидидомъ, очень можетъ быть и дѣйствительно правильная, можетъ быть и провѣренная впоследствии Фукидидомъ, но догадка. Почему же однако появились догадки? Мы уже видѣли, что при той мотиви-

ровкѣ призыва Аѳинянъ, которую даетъ Фукидидъ, если только эта мотивировка не его личная, а данная Спартаканцами, удаление Аѳинянъ могло казаться неприятнымъ, грубымъ, оскорбительнымъ, но оно было понятно и естественно. Конечно, даже и при этой естественности удаленія Аѳиняне могли бы подозрѣвать какіе-нибудь тайные мотивы, кромѣ имъ высказанныхъ, но упорность этихъ подозрѣній, ихъ распространеніе, вліяніе, которое они произвели на народъ, всего вѣроятнѣй въ томъ случаѣ, если удаление Аѳинскихъ войскъ не явилось естественнымъ слѣдствіемъ того способа, которымъ они были приглашены, если Спартаканцы не мотивировали своего призыва.

Итакъ, повторяю свой вопросъ: дѣйствительную причину призыва Аѳинянъ сообщаетъ Фукидидъ? Допустимъ, что да.

Въ Спартѣ созвали совѣтъ относительно призыва союзниковъ. Былъ поднятъ вопросъ и о томъ, звать ли также Аѳинянъ. Рѣшили звать — потому то и потому то. Опять-таки является недоумѣніе: откуда объ этомъ узнали Аѳиняне или только Фукидидъ. Одно изъ двухъ: Фукидидъ могъ лично узнать объ этомъ — понятно значительно позже, или Спартаканцы, отпуская Аѳинянъ, могли сказать имъ: «Вы намъ теперь больше не нужны, потому что мы звали васъ для того, чтобы вы намъ взяли Итому βίη и т. д.». Но въ томъ и въ другомъ случаѣ объясненіе дано *post factum*. Оно слишкомъ хорошо соотвѣтствуетъ этому *factum*, слишкомъ хорошо его объясняетъ, чтобы быть дѣйствительно вѣрнымъ обстоятельствамъ дѣла.

Оно очевидно придумано послѣ для того, чтобы оправдать отсылку Аѳинянъ, или (вѣрнѣе и) составлено въ общихъ Спартакански-тенденціозныхъ цѣляхъ. Если все дѣло въ томъ, что Спартаканцы не умѣютъ *τελῆαισχεῖν*, то бѣда еще не особенно велика; если Аѳинянъ звали для того, чтобы они взяли городъ βίη, и они этого не сдѣлали, то заслуги за ними вовсе никакой нѣтъ.

Тенденція Фукидида ясна: Лакедемоняне не подвергались особенно большой опасности, Аѳиняне ихъ не спасли. Тенденція явно лакедемонская. Народное мнѣніе въ Аѳинахъ держалось диаметрально противоположнаго взгляда. Тамъ говорили вотъ какъ.

εἶτ' ὦ Λάκωνες, πρὸς γὰρ ὑμᾶς τρέφομαι
οὐκ' ἴσθ', ὅτ' ἐλθὼν δεῦρο Περικλείδας ποτέ
ὁ Λάκων Ἀθηναίων ἐκέτης καθέζετο
ἐπὶ τοῖσι βωμοῖς ὠχρὸς ἐν φοινικίδι
στρατιᾶν προσαιτῶν; ἡ δὲ Μεσσηνὴ τότε
ὑμῖν ἐπέκειτο χά' θεοῦ σείων ἄμα.
ἐλθὼν δὲ σὺν ὀπλίταισι τετρακισχιλίους
Κίμων ἔλην ἔσωσε τὴν Λακεδαίμονα.
ταυτὶ παθόντες τῶν Ἀθηναίων ὑπὸ
δηρῶτε χώραν ἤς ὑπ' εὐ πεπόνθατε. (Arist. Lysistr.
1137 sqq.).

Итакъ мы оставимъ въ сторонѣ объясненіе, данное фактамъ Фукидидомъ, и для того, чтобы объяснить ихъ себѣ, постараемся установить тѣ неоспоримые факты, которые стараются объяснить Фукидидъ.

Эти факты суть: 1) Итога не могла быть взята штурмомъ. Съ уходомъ Аѳинянъ не прекратилась война. 2) Аѳинянъ отпустили, стараясь не обидѣть ихъ, представивъ возможно уважительныя причины. 3) Немедленно вслѣдъ за тѣмъ расторгается союзъ съ Спартанцами и заключается новый съ открытыми врагами прежнихъ союзниковъ. Разрывъ этотъ—слѣдствіе гнѣва Аѳинянъ на Спартанцевъ.

Для возникновенія этого гнѣва важны: 1) фактическая обида. 2) существующее уже враждебное настроеніе.

Если мы правы были, предполагая, что Аѳинянъ пригласили, какъ и всѣхъ остальныхъ союзниковъ, то обида есть... «Уйдите, потому что мы въ васъ не нуждаемся»—скажите это въ самой вѣжливой формѣ, останется всегда одинъ отвѣтъ: «а почему же вы другихъ союзниковъ не просите уйти? Тутъ дѣло не ладно. Очевидно вы намъ не довѣряете».

Чувство обиды должно было быть тѣмъ больше, что Аѳиняне, зная за собой нѣсколько неудачъ, должны были все-таки чувствовать, что они сослужили службу Спартанцамъ. Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan, der Mohr kann gehn. Эта заслуга Аѳинянъ должна была быть—мы съ этимъ не разъ должны будемъ считаться. Лисистрата—комедія, Лисистрата отдѣлена отъ событій значительнымъ промежуткомъ времени; заслуга Кимона

преувеличена подъ вліяніемъ тенденціи заключающейся въ послѣднихъ двухъ стихахъ — но не прямо же выдуманы данныя ею свѣдѣнія. Мнѣ кажется, что самый фактъ удаленія Аѳинянъ говоритъ въ пользу версіи Аристофана. Если Спартанцы звали союзниковъ, то имъ, очевидно, это было нужно; если они звали Аѳинянъ, то имъ, очевидно, было очень нужно. И вдругъ они удаляютъ ихъ, говоря, что въ нихъ больше не нуждаются. Что же сообщаетъ Фукидидъ? Τὸ χωρίον οὐκ ἤλπιζοτο. Значитъ, дѣло шло не блистательно. Какъ же могли оказаться ненужными такіе опытные люди, какъ Аѳиняне, только что осадой взяшіе Тазосъ? Какъ могли неудачи на столько поднять духъ Спартанцевъ, что они по подозрѣніямъ — фактовъ вѣдь еще не было — рѣшились отослать сильный вспомогательный отрядъ. Очевидно, они это сдѣлали только тогда, когда могли это сдѣлать безъ опасности. Штурмъ не удавался, но дѣла Спартанцевъ значительно поправились.

Мы увидимъ, что къ тому же ведутъ и многія другія соображенія.

Итакъ обида была—и обида сильная. Не мало было и причинъ, которыя должны были нарушать доброе согласіе старыхъ союзниковъ. Какъ бы мы ни оцѣнивали поведеніе Спартанцевъ до Персидскихъ войнъ и послѣ нихъ, мы не можемъ отрицать въ нихъ недостатка сердечности и откровенности. Уже исторія съ постройкой стѣнъ должна была навести Аѳинянъ на размышленія. Эмистоклъ упорно боролся противъ Спарты — и если онъ сталъ для нея такъ опасенъ, что она не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не изгнала его изъ Греціи, то, само собой понятно, не только вслѣдствіе своей исключительной геніальности, а и потому, что нашелъ удобную почву въ настроеніи своего народа. Эмистоклъ палъ, но враждебные Спартѣ элементы только притихли, а далеко не были подавлены. Когда обсуждался вопросъ о томъ, помочь ли Спартѣ, они прямо и горячо ратовали противъ этого, и нуженъ былъ весь авторитетъ Кимона для того, чтобы убѣдить народъ.

Какое же вліяніе на взаимныя чувства должно было оказать совмѣстное пребываніе Аѳинянъ и Спартанцевъ подъ Итомою? Мы только то и знаемъ, что Спартанцы относились къ Аѳинянамъ съ недоверіемъ и подозрительностью—въ этомъ мы, за-

кривъ глаза, можемъ довѣрять Фукидиду, на этомъ фонѣ онъ развиваетъ свое построение, — что Аѳиняне это чувствовали и негодовали, что негодованіе это разразилось полнымъ разрывомъ. Хотя наши свѣдѣнія такъ скудны, мы все таки, думается мнѣ, сообразить все данныя, вытекающія изъ характерныхъ особенностей обѣихъ сторонъ и ихъ отношеній, можемъ съ полной вѣроятностью представить себѣ, какъ сложилась жизнь въ лагерь союзниковъ.

Когда мы говоримъ о морской гегемоніи Аѳинъ, мы въ сущности имѣемъ въ виду фактическое разграниченіе сферъ вліянія между Спартой и Аѳинами. Юридически существуетъ общій союзъ греческихъ городовъ подъ предводительствомъ Спарты. Когда понадобилось вспомогательное войско, Спартанцы, хотя, въ виду необходимости, и могли и должны были менажировать гордость Аѳинянъ, но въ глубинѣ души, несомнѣнно, понимали дѣло такъ, что членъ и глава союза требуетъ во имя союза и своего верховенства извѣстнаго контингента отъ одного изъ подчиненныхъ членовъ союза.

Аѳиняне за долгое время, когда права гегемоніи Спартанцевъ покоились, и забыли, пожалуй, объ юридической основѣ союза: т. е. въ сознаніи средняго Аѳинянина не было и представленія о томъ, что надъ его роднымъ городомъ есть гегемонъ. Гордые успѣхомъ послѣднихъ лѣтъ, пріобрѣтенными въ славныхъ войнахъ богатствами, могуществомъ, вліяніемъ, они въ лучшемъ случаѣ, могли считать Спарту равною себѣ. Въ данномъ случаѣ они представляли себѣ Лакедемонянъ умоляющими о помощи, которую они, Аѳиняне, великодушно имъ оказываютъ: они благодѣтели, они имѣютъ все права на признательность Лакедемонянъ. Такъ они и вести себя должны были.

Съ одной стороны Лакедемоняне считаютъ себя начальниками Аѳинянъ, съ другой Аѳиняне мнятъ себя благодѣтелями Лакедемонянъ.

Мы отлично знакомы съ тактичностью и деликатностью Спартанцевъ. Исторія Павзанія и его пребыванія въ Византіи глубоко поучительна. Приведите же въ соприкосновеніе Спартанцевъ съ ихъ аристократически-солдатски-ограниченной спѣсью, съ ихъ самомиѣніемъ, самодовольствомъ, неподвижностью и жи-

выхъ, горячихъ, гордыхъ Аѳинянъ, которыхъ недавнія побѣды научили не особенно почитательно относиться къ чьимъ бы то ни было притязаніямъ на первенство—столкновенія неизбѣжны. Тутъ должны были имѣть мѣсто стычки главнокомандующаго всѣхъ войскъ—конечно Спартанца, съ Кимономъ, стычки офицеровъ, споры солдатъ. Не разъ, вѣроятно, въ жару спора, Аѳинянинъ говорилъ, что Мессеняне то, пожалуй, и въ полномъ правѣ. Не разъ, пожалуй, Аѳинскій острякъ подшучивалъ надъ Лакедемонскими порядками и Лакедемонянинъ готовъ былъ прибѣгнуть къ *ultima ratio* кулака. Глухое чувство взаимнаго недовольства постоянно росло. Спартанское правительство могло бояться дурнаго вліянія Аѳинянъ на Спартанское войско, могло бояться раздоровъ въ лагерѣ, могло бояться сближенія между Аѳинянами и Мессенянами—словомъ, оно могло себя счесть вынужденнымъ удалить неудобныхъ союзниковъ. Но и Аѳиняне должны были быть недовольны. Грубая команда Спартанскаго офицера, наказаніе непокорнаго по Спартанскимъ понятіямъ солдата, надменное обращеніе Спартанцевъ, настаивавшихъ на своемъ превосходствѣ,—все это должно было вызывать острое раздраженіе. Достаточно было искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ. Спартанское правительство своимъ мудрымъ поступкомъ помѣшало ему развиться въ лагерѣ. Но Аѳиняне унесли чувство ненависти, усиленное обидой, къ себѣ домой—и сейчасъ же эта ненависть принесла плоды. Едва пришли солдаты домой, какъ они перестали быть солдатами, вошли въ народное собраніе. Съ ихъ приходомъ разомъ получила перевѣсъ антилаконская партія. Сейчасъ же слѣдуетъ разрывъ, непосредственно слѣдуетъ союзъ съ Аргосомъ. Непосредственность заключенія союза съ Аргосомъ указываетъ на обстоятельство, нами уже отмѣченное.

Если бывшая партія Фемистокла должна была быть недовольна посылкой вспомогательнаго войска Спартанцамъ, то теперь она торжествовала; на первый планъ выступали ея принципы—принципы ея бывшего главы Фемистокла, который давно уже стоялъ за союзъ съ Аргосомъ.

Мнѣ кажется, что именно въ этихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ искать дѣйствительныхъ причинъ того перелома въ Аѳинской политикѣ, который намъ рисуется Фукидидъ; только такимъ образомъ можно объяснить разрывъ давно упрочившихся отно-

шений, разрывъ, который покажется намъ абсолютно не основательнымъ, если мы будемъ придерживаться только непосредственно засвидѣтельствованныхъ Фукидидомъ фактовъ, не стараясь выяснитъ себѣ ихъ подкладки, не ссылаясь на тѣ теченія и настроенія Аѳинской и Спартанской политической и общественной жизни, о которыхъ мы должны и, къ счастью, можемъ составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе.

Далѣе Фукидидъ (I, 103) рассказываетъ о паденіи Итомы, объ основаніи Навпакта, о союзѣ Аѳинъ съ Мегарой, о помощи, которую оказали Аѳиняне Мегарѣ—факты, о которыхъ мы еще будемъ говорить. *καὶ Κορινθίους μὲν οὐχ ἤμιστα τὰ ἀπὸ τοῦδε τὸ σφοδρὸν μίσος ἤρξατο πρῶτον ἐς Ἀθηναίους γενέσθαι.* Я привелъ послѣдніе слова вовсе не потому, что согласенъ съ выставленной Курциусомъ¹²⁾ на основаніи ихъ теоріей Коринтскаго происхожденія колоніи въ Навпактѣ. Значеніе ихъ совершенно въ другомъ. Они бросаютъ яркій свѣтъ на значеніе всего цитованнаго и проанализованнаго мной отрывка Фукидида, они помогаютъ намъ окончательно установить цѣль его.

Вся первая книга Фукидида должна обосновать изложеніе пелопонесской войны, показать, какія внѣшнія и внутреннія причины повели къ ней. Та же цѣль и разобранныхъ главъ. Они должны показать, какъ возникли первыя проявленія Лакедемонско-Аѳинской вражды (*διαφορὰ ἐκ ταύτης τῆς στρατείας πρῶτον Λακεδαιμονίους καὶ Ἀθηναίους φανερὰ ἐγένετο* Thuc. I, 102. 2), чѣмъ объясняется возникновеніе Коринтско-Аѳинской вражды. Рядъ въ событіяхъ непосредственно вызвавшихъ Пелопонесскую войну главную роль играютъ именно Коринѳяне.

Послѣднимъ выраженіемъ враждебныхъ отношеній Аѳинъ къ Спартѣ, непосредственно вытекшимъ изъ описанныхъ у Фукидида событій, было основаніе Навпакта—и оно же образуетъ мостъ, ведущій отъ Мессенской войны къ Пелопонесской, въ которой такое энергичное участіе принимаютъ Навпактскіе Мессеняне. Пелопонесская война есть опредѣляющій факторъ въ изложеніи всѣхъ ей предшествующихъ событій, и съ точки зрѣнія этого опредѣлителя Мессенская война только тогда приобретаетъ полный смыслъ, когда она доведена до основанія Навпакта, ко-

¹²⁾ Studien zur Geschichte Korinths Hermes X, 233 sqq.

торое должно поэтому въ описаніи непосредственно слѣдовать за нею, когда бы оно ни случилось въ самомъ дѣлѣ ¹³⁾).

Общій результатъ, къ которому привелъ насъ анализъ Фукидидоваго разсказа, выразится въ короткихъ словахъ такъ.

Въ основѣ разсказа лежитъ отраженіе горячаго участія въ описываемыхъ событіяхъ современниковъ ихъ; онъ есть отраженіе жизни, и этимъ объясняется сложность заложенныхъ въ его основаніе мотивовъ. Фукидидъ въ высокой степени сознательнo-бeзтeндeнцiозeнъ—и этимъ объясняются неслглаженные противорѣчія въ тенденціи отдѣльныхъ извѣстій.

Тѣмъ не менѣе общая окраска — рѣшительно лаконофильская, вышедшая изъ тѣхъ круговъ, гдѣ прошло дѣтство и юность Фукидида, изъ его семьи. Въ послѣдней вопросы Лаконско Мессенско-Аѳинскихъ отношеній должны были обсуждаться съ еще большей страстностью, чѣмъ въ Аѳинахъ вообще. Семья склонилась на сторону Лакедемонянъ и Лаконофиловъ; во всякомъ случаѣ ихъ заявленія были хорошо извѣстны и принимались во вниманіе. Въ дебатахъ, конечно, отдѣляли слова одной стороны отъ словъ другой. Но лѣтъ чрезъ двадцать что могло остаться въ памяти отъ этихъ оживленныхъ споровъ? Извѣстный общій результатъ, извѣстная сумма представленій, одинаково покоящаяся на взглядахъ обѣихъ сторонъ, причемъ въ частностяхъ происхождение каждаго мнѣнія забывалось.

Результатъ этой невольной комбинаціи разнородныхъ взглядовъ и представляетъ собой разсказъ Фукидида.

Отчасти на Фукидидѣ, отчасти на другомъ не имѣющемъ историческаго значенія источникѣ основанъ разсказъ Юстина (III, 6), къ которому мы теперь перейдемъ.

Interjecto tempore tertium quoque bellum Messenii reparavere, in cuius auxilium Lacedaemonii inter reliquos socios etiam Athenienses adhibuere quorum fidem cum suspectam haberent, supervacaneos simulantes a bello eosdem dimiserunt.

До сихъ поръ все точно по Фукидиду. Вспомнимъ, что мы имѣемъ извѣстіе по меньшей мѣрѣ изъ 4-хъ рукъ (Фукидидъ—х (не Эфоръ!)—Помпей Трогъ—Юстинъ). Разсказъ сокращенъ до

¹³⁾ Ср. Krüger, *Historisch-philologische Studien*, 156. Arnold Schäfer, *De rerum post bellum Persicum usque ad triennale foedus in Graecia gestarum temporibus*, 19.

нельзя; все не важное выпущено (σεισμός не важенъ только у Оуклида. Во всѣхъ другихъ источникахъ онъ играетъ такую первенствующую роль, что не могъ бы быть выпущенъ). Всѣ основные элементы сокращены. Важно равенство: *inter reliquos socios etiam Athenienses adhibuerunt*—*ἄλλους τε ἐπεκαλέσαντο συμμάχους καὶ Ἀθηναίους*. Но далеко не такъ просто дѣло дальше.

Hanc rem Athenienses graviter ferentes pecuniam, quae erat in stipendium Persici belli ab universa Graecia conlata a Delo Athenas transferunt¹⁴⁾, ne deficientibus a fide societatis Lacedaemoniis praedae ac rapinae esset. Sed nec Lacedaemonii quiescere, qui cum Messeniorum bello occupati essent, Peloponnesios emisere, qui bellum Atheniensibus facerent. Parvae tunc temporis classe in Aegyptum missa vires Atheniensium erant. Itaque navali praelio dimicantes facile superantur. Interjecto deinde tempore post reditum suorum aucti et classe et militum robore proelium reparant. Jam et Lacedaemonii omissis Messeniis adversus Athenienses arma verterant. Diu varia victoria fuit; ad postremum aequo Marte utrimque discessum. Inde revocati Lacedaemonii ad Messeniorum bellum, ne medium tempus otiosum Atheniensibus relinquerent, cum Thebanis paciscuntur, ut Boeotiorum imperium his restituerent, quod temporibus belli Persici amiserant, si illi Atheniensium bella susciperent. Tantus furor Spartanorum erat, ut duobus bellis impliciti suscipere tertium non recusarent, dummodo inimicis suis hostes adquirent¹⁵⁾.

¹⁴⁾ Schäfer l. l. Justinus... non multum recedit a Plutarchi narratione in vita Periclis c. 12, qua Periclem dicit eo nomine quo pecunia tutior esset a barbaris (*δαίσαντα τοὺς βαρβάρους*) sententiam suam commendasse: nam cum Persis simul et Lacedaemoniis bellum inibant!

¹⁵⁾ Очень характерный примѣръ риторическаго духа, въ которомъ составлень рассказъ. Положеніе таково. Спартанцы ведутъ войну съ Аѳинянами. Но внезапно оказывается необходимость очистить Атику и вернуться въ Пелопонесъ. Своимъ отсутствіемъ они развяжутъ руки Аѳинянамъ. Они, во-первыхъ, потеряютъ всѣ преимущества, которыя могли пріобрѣсти во время войны, во-вторыхъ, сами подвергаются серьезной опасности. Они будутъ заняты борьбой съ Мессенянами, а что въ это время будутъ дѣлать Аѳиняне? А что если они придутъ въ Пелопонесъ? Самое мудрое, что можно въ такихъ обстоятельствахъ сдѣлать—это не дать имъ возможности двинуться, выставить противъ нихъ врага, который парализовалъ бы ихъ дѣйствія; ne medium tempus otiosum Atheniensibus relinqueretur окрашено въ угоду dummodo inimicis suis hostes adquirent, но ле-

Igitur Athenienses adversus tantam tempestatem belli duos duces deligunt, Periclem, spectatae virtubis virum, et Sophoclem, scriptorem tragoediarum, qui diviso exercitu et Spartanorum agros vastaverunt et multas Asiae civitates Atheniensium imperio adjecerunt. His malis fracti Lacedaemonii in annos XXX repigerunt pacem. Мы имѣемъ въ этой главѣ разсказъ о событіяхъ цѣлыхъ 18 лѣтъ (464—446), несомнѣнно крайне сжатый и крайне спутанный. Постараюсь анализировать его и объяснить его тенденцію.

Аѳиняне недовольны подозрѣніями Лакедемонянъ. Что же они дѣлаютъ? Начинаютъ враждебныя дѣйствія. Просто, понятно и логично. По Юстину они негодуютъ—и... переносятъ кассу съ Делоса въ Аѳины. Фукидидъ ничего этого не знаетъ, но, мало того,—въ такой связи фактъ не могъ бы у него быть. По его словамъ Аѳиняне прямо рвутъ союзъ. По Юстину Аѳиняне переносятъ кассу, боясь чтобы она не досталась *deficientibus a fide Lacedaemoniis*. Сразу мѣняется картина. Аѳиняне свято блюдутъ союзъ, но ждутъ нападенія Спартанцевъ. Тутъ нѣтъ новыхъ фактовъ. Тутъ прямо желаніе тенденціозно обвинить Спартанцевъ. Источникъ фактовъ, сообщаемыхъ Юстиномъ, сообщалъ то же, что и Фукидидъ, т. е. говорилъ о дѣйствіяхъ Аѳинянъ. Это видно изъ дальнѣйшаго. Но, продолжаетъ Юстинъ, и Лакедемоняне не спали и начали вражду. Это «но и»

жащій въ его основѣ смыслъ совершенно резоненъ. Спартанцы заключаютъ договоръ съ Фиванцами. Мы должны уйти въ Пелопонесъ, такъ ведите вы за насъ войну съ Аѳинянами. За то мы вернемъ вамъ власть надъ Беотіянами. Когда? Да, очевидно же, не теперь, а когда сможемъ, когда раздѣлаемся съ Мессенянами.

Теперь посчитаемъ. До союза съ Фиванцами Спартанцы должны были вести двѣ войны: 1) съ Аѳинянами, 2) съ Мессенянами. Послѣ союза имъ придется воевать только съ Мессенянами, съ Аѳинянами за нихъ будутъ драться Фиванцы. Съ Беотіянами война будетъ только потомъ. Если тогда Фиванцы побѣдятъ Аѳинянъ, то и потомъ будетъ всего одна война. Если нѣтъ, то будутъ двѣ, но съ союзниками, а теперь двѣ, но безъ нихъ. Значитъ Спартанцы выигрываютъ—и трехъ войнъ у нихъ не будетъ. Патетическое восклицаніе Юстина является совершенной безсмыслицей. Но Юстинъ эксцерпторъ; у него восклицаніе стоитъ близко къ коротко, въ сути изложеннымъ фактамъ. А попробуйте разбавить изложеніе водичей—и противорѣчіе потеряетъ свою остроту. Ср. Krüger Historisch-philologische Studien, 161.

въ данной связи бессмысленно. Въдъ Аѳиняне ничего не сдѣлали. Смыслъ имѣло бы только: И дѣйствительно Лакедемоняне.

Уже на основаніи этого факта можно сдѣлать основной выводъ, который будетъ подтверждаться всѣмъ дальнѣйшимъ анализомъ. У Трога или скорѣй его предшественника есть фактическій источникъ (вѣрнѣе, какъ мы увидимъ, два), свободный отъ всякой тенденціи. Разсказъ переработанъ въ явно Аѳинофильскомъ духѣ и съ сильной риторической окраской. Юстинъ оказывается *enfant terrible*, раскрывшимъ карты источника, его сжатость раскрыла тѣ противорѣчія, которыя въ источникѣ скрашивали риторическіе блески.

Продолжаю анализъ: Пораженіе Аѳинянъ у Фукидида (I, 105. 1 ср. Diod. XI. 78. 2) = поражению при Галіяхъ ¹⁶⁾. Аѳиняне побѣждаютъ въ свою очередь = у Фукидида битва при Керрафалей (*ibidem*). Но есть большая разница. Во-первыхъ у Фукидида прямо не сказано, кто начинаетъ войну, но ясно, что Аѳиняне; они нападаютъ. У Юстина начинаютъ безусловно не Аѳиняне, а Пелопонесцы, *immissi* Лакедемонянами. Но есть и еще болѣе характерное отличіе. Юстинъ объясняетъ поражение — очевидно ему нужно оправдать Аѳинянъ, — но объясненіе, будучи основано на фактахъ, сообщаемыхъ Фукидидомъ, все таки находится въ рѣшительномъ съ нимъ противорѣчіи. Аѳиняне потерпѣли поражение потому, что главная часть ихъ флота и войска была въ Эгиптѣ. Когда она вернулась, Аѳиняне *auxi et classe et militum robore* побѣдили. Дѣйствительно, значительныя Аѳинскія силы были въ Эгиптѣ, ихъ отсутствіе могло быть, конечно, замѣтно, и объясненіе поражения ихъ отсутствіемъ было бы и тенденціозно и невѣрно, но не бессмысленно. Но за то не можетъ быть и рѣчи о возвращеніи и, подавно, о значеніи, которое оно могло имѣть. Послѣ пораженія, которое понесли Аѳиняне въ Эгиптѣ. — *ὄλιγοι ἀπὸ πολλῶν πορευόμενοι διὰ τῆς Λιβύης ἐς Κυρήνην ἐσώθησαν, οἱ δὲ πλείστοι ἀπώλοντο* (Thuc. I, 110. 1). Но затѣмъ пришло въ Эгипетъ еще 50 кораблей. И ихъ не можетъ имѣть въ виду Юстинъ; они подверглись нападенію

¹⁶⁾ У Діодора не сказано, кто побѣдилъ, но ясно, что Аѳиняне. Значитъ, здѣсь источникъ Діодора и Юстина не одинъ. Пораженіе противно тенденціи Юстина. Противоположеніе пораженія и слѣдующей побѣды для разсказа абсолютно существенно.

Финикійцевъ, которые διέφυγον τὰς πολλὰς τῶν νεῶν, αἱ δὲ ἐλάσσους διέφυγον πάλιν (Thuc. I, 110. 4), но и эти немногіе вернулись домой значительно позже, уже послѣ смерти Кимона (Thuc. I, 112. 4).

Затѣмъ слѣдуетъ нападеніе Лакедемонянъ и битва съ нерѣшительнымъ исходомъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что рѣчь идетъ о битвѣ при Танагрѣ (Thuc. I, 108. 1. Diod. XI, 80). Отступленіе отъ Фукидида значительное. Фукидидъ сообщаетъ, что битва окончилась побѣдой Лакедемонянъ. Нельзя думать, чтобы Юстинъ сдѣлалъ это измѣненіе самъ. Мы уже видѣли, что онъ не сдѣлалъ этого тамъ, гдѣ могъ сдѣлать по другимъ источникамъ—въ битвѣ при Галіяхъ. Къ тому же здѣсь онъ могъ признать битву неудачной, потому что самъ Фукидидъ далъ ему въ руки средства извинить неудачу—измѣну Фессалійцевъ. Поэтому ясно, что извѣстіе о нерѣшительномъ исходѣ основано на новомъ источникѣ, который мы и имѣемъ у Діодора. Конечно, лучше не имѣть пораженія, чѣмъ объяснять его. Голыхъ фактовъ Юстинъ предпочитаетъ не измѣнять—другое дѣло обстановка, намѣренія дѣйствующихъ сторонъ. И по Фукидиду и по Діодору Лакедемоняне не нападаютъ на Аѳинянъ, наоборотъ вся вина на сторонѣ послѣднихъ. Лакедемоняне пошли въ среднюю Грецію по дѣламъ Дориды, сдѣлали свое дѣло и хотятъ вернуться. Аѳиняне на нихъ нападаютъ. Юстинъ говоритъ о томъ, что Лакедемоняне, *omissis Messeniis adversus Athenienses arma vertebant*. *Omissis Messeniis* опять таки нѣтъ ни у Діодора ни у Фукидида. Отчасти оно должно рисовать ожесточеніе Лакедемонянъ, отчасти поставлено для дальнѣйшаго—*revocati*.

Послѣ битвы при Танагрѣ Лакедемоняне возвращаются. У Фукидида не сказано, почему. Для него это совершенно ясно. Лакедемоняне не нападали на Аѳинянъ. Они хотятъ пойти домой; побѣда расчистила имъ дорогу—и они ею пользуются, предварительно пограбивъ Мегару.

У Діодора дѣло тоже понятно само собой. Битва остается нерѣшительной. Заключается перемиріе на 4 мѣсяца. Лакедемоняне могутъ спокойно уйти. Но нужно же подумать о томъ, что будетъ, когда перемиріе окончится. Тутъ Фиванцы дѣлаютъ имъ превосходное предложеніе. Подчините намъ маленькіе города Беотіи и идите домой, а мы за васъ будемъ драться. Спартанцы охотно соглашаются. ἔχοντας τότε περὶ Τάναγραν ἔτοιμον καὶ μέγα

στρατόπεδον τῆς μὲν τῶν Θηβαίων πόλεως μείζον τὸν περίβολον κατεσκεύασαν τὰς δ' ἐν Βοιωτίᾳ πόλεις ἠνάγκασαν ὑποτάττεσθαι τοῖς Θηβαίοις (Diod. XI, 81. 3). Очевидно, здѣсь не могло быть и рѣчи о необходимости сейчасъ же вернуться. Источникъ Діодора не только не знаетъ о грозной опасности дома, но и несомнѣнно предполагаетъ ея отсутствіе ¹⁷⁾).

Ничего болѣе удобнаго не могло представиться Лакедемонянамъ, ничего болѣе умнаго не могли они сдѣлать. Но при этихъ условіяхъ и нельзя ихъ изобразить въ черномъ свѣтѣ. Юстинъ мѣняетъ все одной чертой. У него инициатива союза принадлежитъ Спартанцамъ. Значить Спартанцы нуждались въ томъ, чтобы кто-нибудь за нихъ воевалъ, значить они не могли вести войны. Съ другой стороны, Юстинъ знаетъ, что Лакедемоняне ушли, потому что ихъ не было, когда Аѳиняне побили Фиванцевъ. Наконецъ, онъ изъ Фукидида и Діодора заключаетъ, что въ это время Мессенская война еще продолжалась—остальное понятно ¹⁸⁾). Мессенская война здѣсь не заимствована изъ источниковъ ¹⁹⁾, она вызвана произвольнымъ измѣненіемъ одного изъ извѣстій источника, объясняемымъ тенденціей разсказа. Основываться на немъ нельзя ²⁰⁾).

Наконецъ, еще одна и наиболѣе характерная черта лаконофобіи нашего автора. Онъ изображаетъ дѣло такъ, какъ будто бы постоянныя побѣды Аѳинянъ заставили въ концѣ концовъ Лакедемонянъ запросить міра. Фукидидъ не говоритъ, какая сторона его запросила, но его молчаніе говоритъ краснорѣчивѣе словъ. Ἀναχωρήσαντες δὲ ἀπὸ Εὐβοίας οὐ πολλῶ ὕστερον σπονδὰς

¹⁷⁾ Оттого то Юстинъ объ ней ничего и не сообщаетъ, кромѣ того, что она была. Какимъ образомъ Лакедемоняне не могли *omittere* Мессенянъ, почему они были *revocati*—объ этомъ ничего не сказано. Характерно, что о концѣ войны не сказано тоже ничего.

¹⁸⁾ Повторяю еще разъ. Я конечно не хочу говорить ни о Юстинѣ ни о Діодорѣ. Но я не желаю подставлять названіе источника, въ которомъ я не увѣренъ, и нахожу неудобнымъ каждый разъ говорить объ «источникѣ» того или другого, тѣмъ болѣе, что и при этомъ обозначеніи останется неяснымъ, какой именно источникъ я имѣю въ виду, первоисточникъ или непосредственный источникъ, или посредствующее звено.

¹⁹⁾ Нужно еще прибавить, что Мессенская война была кладъ въ реторическомъ отношеніи.

²⁰⁾ Какъ это дѣлаетъ Schäfer о. l., 19.

ἐποιήσαντο πρὸς Λακεδαιμονίους καὶ τοὺς ξυμμάχους τριακοντούβεις, ἀποδόντες Νίσαιαν καὶ Πηγὰς καὶ Τροίζηνα καὶ Ἀχαίαν. ταῦτα γὰρ εἶχον Ἀθηναῖοι Πελοποννησίων (Thuc. I, 115). А что отдали Спартанцы и союзники? Объ этомъ ни слова. Думается, что не слѣдуетъ тратить словъ на доказательство того, что Фукидидъ не изображаетъ Лакедемонянъ истощенными и побѣжденными, Афинянъ милостивыми побѣдителями. Тенденція разсказа ясна.

Происхожденіе его нѣсколько сложное. Въ основѣ два источника. 1) Фукидидъ, изъ котораго взяты главные факты и который вообще хорошо знакомъ автору. 2) Источникъ Діодора—вѣроятно Эфоръ, которымъ авторъ пользовался тогда, когда это ему было удобно. Оба разсказа обработаны съ цѣлями риторическими или политическими (?) въ антилаконскомъ духѣ.

Общій приговоръ, который мы должны вынести версіи Юстина, будетъ слѣдующій²¹⁾: Гдѣ она сходится съ Фукидидомъ и Діодоромъ, она не нужна, гдѣ она отъ нихъ разнится, тамъ она не достовѣрна.

Новая версія разсказа находится у Діодора (XI, 63)²²⁾. Ἐπ' ἄρχοντος Ἀθήνησι Φαίωνος . . . μεγάλη τις καὶ παράδοξος συμφορὰ ἐγένετο τοῖς Λακεδαιμονίοις. ἐν γὰρ Σπάρτῃ γενομένων σεισμῶν μεγάλων συνέβη πεσεῖν τὰς οἰκίας ἐκ θεμελίων καὶ τῶν Λακεδαιμονίων πλείους τῶν δυσμυρίων φθαρῆναι. ἐπὶ πολὺν δὲ χρόνον συνεχῶς τῆς πόλεως καταφερομένης καὶ τῶν οἰκιῶν πιπτουσῶν πολλὰ σώματα τοῖς πτώμασι τῶν τοίχων ἀπολαμβανόμενα διεφθάρη, οὐκ ὀλίγον δὲ τῶν κατὰ τὰς οἰκίας χρημάτων ὁ σεισμὸς ἐλυμήνατο.

²¹⁾ Ср. Wilamowitz Aristoteles u. Athen II, 292. Въ томъ же сочиненіи II, 293 пр. 7 и passim смотри объ аттической основѣ нѣкоторыхъ извѣстій Юстина.

²²⁾ Разсказъ нѣсколько страненъ. Сначала коротко и ясно: Было землетрясеніе, упали дома (всѣ? αἱ οἰκίαι) и болѣе 20000 человекъ погибло. Рѣзко и рѣшительно. Затѣмъ: долгое время колебалась почва, дома падали и погребали многихъ подъ своими развалинами и много вещей погибло въ домахъ. Оба разсказа содержать или одно и то же—если мы не будемъ понимать αἱ οἰκίαι какъ всѣ дома; (тогда я предположилъ бы, что нужно читать вѣсто δὲ—γὰρ), или они заключаютъ противорѣчіе: послѣ ужаснаго несчастія первой части сравнительно скромное описаніе второй. За второе пониманіе говорить διεφθάρη. Тогда мы имѣемъ слияніе двухъ версій—болѣе и менѣе рѣзкой. Одна описываетъ землетрясеніе въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ другая. Мы уже видѣли, что и Фукидидъ не придаетъ ему громадныхъ размѣровъ.

Постараемся выяснитъ себѣ значеніе землетрясенія.

Подъ словомъ *οἱ Λακεδαιμόνιοι* очевидно имѣются въ виду только Спартанцы; это ясно изъ того, что 1) Діодоръ говоритъ о землетрясеніи ἐν Σπάρτῃ и о потрясаемой πόλις. 2) говорится объ αἱ οἰκίαι — очевидно той же Спарты. 3) потерпѣвшіе отъ землетрясенія противопологаются Гелотамъ и Мессенянамъ. Вспомнимъ же, что во время Греко-персидскихъ войнъ Спартиаты могли поставить всего на всего 8000 воиновъ, и подумаемъ, могло ли землетрясеніе погубить 20000 Спартиатовъ.

Вопросъ собственно имѣетъ двѣ стороны. 1) Могли ли дѣйствительно пасть 20000 человекъ въ Спартѣ и 2) на кого должно было, главнымъ образомъ пасть несчастье.

На первый вопросъ очевидно приходится отвѣчать отрицательно. Что въ самомъ дѣлѣ могло придать катастрофѣ такіе размѣры? Съ вершинъ Тайгета срывались *χορυφαί τινας* (Plut. Simon. 16). Но ширина долины Еврота два часа пути, длина пять часовъ—такъ что же могли сдѣлать камни? Какимъ образомъ могло случиться такое несчастье именно въ Спартѣ. Athen gegenüber, пишетъ Курциусъ²³⁾, das auf hohen Felsstirnen unverwüstliche Gründungen hinterlassen hat und jedem empfänglichen Auge gleich in seiner geschichtlichen Würde entgegentritt macht Sparta als Stadtgebiet einen geringen Eindruck. Angesichts der überraschenden Grösse des Hochgebirges verschwinden die kleinen Hügelwellen am Eurotas. Zwischen den formlosen Trümmern gesunkener Zeiten erinnert uns nichts an die Gebieterin des Peloponnesischen Bundes, ja die ganze Landschaft in ihrer Fülle und Ueppigkeit, voll Wiese und Wald, erweckt durchaus nicht die Vorstellung einer bedeutenden städtischen Niederlassung. Und doch ist gerade hierin der historische Character von Sparta recht deutlich ausgeprägt. Mit jener Furcht unbekannt, welche die übrigen Hellenen veranlasste sich von ihren Aeckern zu trennen und hinter Ringmauern in dichten Häuserreihen zusammenzuziehen, blieben die Spartaner der ältesten Weise der Ansiedelung getreu und entsagten nie der Annehmlichkeit weitläufiger Wohnsitze. Innerhalb der hohen Mauern, welche die Natur um ihr ganzes Stadtgebiet aufge-

²³⁾ Peloponnesos, Gotha 1852. II, 224

thürmt hatte lebten sie zwanglos in stolzer Freiheit wie auf offenem Felde nebeneinander. Ihre Stadt war nur der Mittelpunkt volkreichster Gaue; die Kanäle, deren alte Gräben man quer durch das Stadgebiet ziehen sieht, bewässerten reichlich die Gärten und Pflanzungen, welche die ausgebreiteten Heiligtümer und Plätze, so wie die mit Höfen umgebenen Wohnungen von einander sonderten. Diese ländliche Freiheit und Wohlhabigkeit war die Schönheit Spartas; in diesem Sinne nennt Demaratus seine Vaterstadt die Königin hellenischer Städte und Terpandras preist die Gewaltigkeit, welche auf den breiten Strassen Spartas ihren Sitz hat.

Въ такомъ городѣ паденіе домовъ едва ли можетъ причинить большое несчастье. Не можетъ быть и спора о томъ, что здѣсь сильное преувеличеніе. Гибель эебевъ, о которой говорить Плутархъ указываетъ на то, что такое крупное несчастье было явленіе исключительное.

Цыфра 20.000 — во всякомъ случаѣ цыфра поразительная. Лиссабонское землетрясеніе едва ли имѣло столько жертвъ. Но тамъ были всѣ тѣ условія, которыхъ не было въ Спартѣ: горы въ тылу города, скученность домовъ, море. Но цыфра эта во всякомъ случаѣ на чемъ-нибудь же основана — она говоритъ о громадности количества жертвъ. Обыкновенно землетрясенія охватываетъ гораздо большій районъ, чѣмъ городъ Спарта. Очевидно, что такъ было и здѣсь. Столько же, сколько Спартіаты, даже пропорціонально больше, должны были пострадать гелоты, жившіе въ тѣхъ же условіяхъ, что ихъ господа, гораздо больше—періэки, жившіе въ горахъ и у моря, въ городахъ, проводившіе свою жизнь въ мастерской и въ магазинѣ, а не внѣ дома, какъ Спартіаты, только и дѣлавшіи, что упражнявшійся въ благородномъ искусствѣ войны.

А ведетъ это вотъ къ чему. Если гелоты и періэки пострадали столько же, сколько Спартіаты, если самые размѣры катастрофы преувеличены, то, понятно, не можетъ быть принятымъ то объясненіе возстанія гелотовъ, какое даетъ Діодоръ: гелоты возстали, потому что увидѣли, какъ ослабѣли ихъ господа (они не такъ ужъ очень ослабѣли) и рассчитывали, что те перъ они могутъ съ ними помѣряться.

Въ чемъ же тогда связь между землетрясеніемъ, такъ смѣло устанавливаемая Діодоромъ и глухо указываемая и Фукидидомъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ даетъ анализъ остальныхъ свидѣтельствъ, касающихся землетрясенія.

Плутархъ (Сим. 16) сообщаетъ: Ἀρχιδάμου τοῦ Ζευξιδάμου τέταρτον ἔτος ἐν Σπάρτῃ βασιλεύοντος ὑπὸ σεισμοῦ μεγίστου δὴ τῶν μνημονευομένων πρότερον ἢ τε χώρα τῶν Λακεδαιμονίων χάσμασιν ἐνώλισθε πολλοῖς καὶ τῶν Ταυγетῶν τιναχθέντων ἢ πόλις ὅλη συνεχύθη πλην οἰκιῶν πέντε, τὰς δ' ἄλλας ἤρριψεν ὁ σεισμός. Ἐν δὲ μέσῃ τῇ στοᾷ γυμναζομένων ὁμοῦ τῶν ἐφήβων καὶ τῶν νεανίσκων λέγεται μικρὸν πρὸ τοῦ σεισμοῦ λαγῶν παραφανῆναι, καὶ τοὺς μὲν νεανίσκους, ὡσπερ ἦσαν ἀγλιμμένοι, μετὰ παιδιᾶς ἐκδραμεῖν καὶ διώκειν, τοῖς δ' ἐφήβοις ὑπολειφθεῖσι ἐπιπεσεῖν τὸ γυμνάσιον καὶ πάντας ὁμοῦ τελευτῆσαι.

Мы видимъ картину, далеко не соответствующую той, которую далъ намъ Діодоръ (въ первой, по крайней мѣрѣ изъ различаемыхъ нами въ его разсказѣ версій). Не смотря на яркость и реальность указанныхъ писателемъ чертъ событія, можетъ быть, именно вслѣдствіе этой реальности, описаніе не производитъ того огорашивающаго впечатлѣнія, какъ описаніе Діодора. Мы видимъ несчастье, но не истребленіе. Самое упоминаніе гибели эфебовъ, какъ особаго несчастія, показываетъ, что вообще несчастье не такъ велико²⁴). Вѣдь о гибели другихъ Плутархъ и не говоритъ.

На основной источникъ Плутарха намъ указываетъ слѣдующія обстоятельства: 1) строгое соблюденіе мѣстныхъ чертъ. Дѣленіе молодежи на ἐφήβοι и νεανίσκοι имѣетъ смыслъ только тогда, когда оно передаетъ въ основныхъ чертахъ официальное дѣленіе Спартанскаго юношества на παῖδες, μελλίρανες, ἱρανες (какъ, это для насъ безразлично)²⁵) ибо только тогда понятно, почему νεανίσκοι были заняты совершенно другимъ. Точно также на

²⁴) Само собой понятно, что Плутархъ, или его источникъ, не могли имѣть въ виду всѣхъ эфебовъ; гдѣ ихъ да еще вмѣстѣ съ νεανίσκοι умѣстить въ одной гимназіи. Къ тому же гибель нѣсколькихъ воинскихъ призывовъ должна была бы слишкомъ рѣшительно отразиться на исторіи Спарты въ ближайшее время. Въ началѣ 90-хъ годовъ во Франціи съ тревогой спрашивали себя, не будетъ ли грозить опасностью странѣ то обстоятельство, что тогда призывались къ службѣ тѣ, которые родились въ роковыя 1870—1871 годы.

²⁵) Аттические писатели не имѣли специальныхъ словъ для перевода этихъ терминовъ. (Ср. Paus. III, 14, 6. Phot. s. v. συνέφηβος).

знакомство съ мѣстностью указываетъ упоминаніе могилы *σεσ-ματίας*—оно носитъ даже до известной степени экзегетическій характеръ. Всѣ черты описанія: строго и точно опредѣленное число сохранившихся домовъ, указаніе на разсѣлины въ почвѣ²⁶⁾, (сдѣланное вовсе не ужаса ради: что стоило бы заставить погибнуть въ этихъ разсѣлинахъ сотню другую людей), приведенный Плутархомъ анекдотъ о спасителѣ-зайцѣ—все это говоритъ о полной освѣдомленности источника, который знаетъ мѣстность и на мѣстныхъ источникахъ основываетъ свой рассказъ.

2) Связь съ царемъ Архидамомъ. Царь играетъ во всей исторіи землетрясенія особенно выдающуюся, особенно почетную роль. Это могло бы само по себѣ указывать только либо на историческую истину, либо на особое расположеніе источника къ нему, или къ его дому. Но особое значеніе пріобрѣтаетъ это обстоятельство въ соединеніи съ тѣмъ, что Плутархъ датируетъ по годамъ царствованія Архидама. Зачѣмъ это? Никогда въ Спартѣ не считали по годамъ царей—да и не могли считать: были бы двѣ параллельныхъ хронологіи. Плутархъ сообщаетъ интересующія насъ свѣдѣнія изъ біографіи Кимона и ему было всего естественнѣй приводить событія въ связь съ событіями его жизни или его дѣятельности, хотя бы съ осадой Тавроса. Очевидно дата относится къ первоисточнику. Значитъ, этотъ источникъ имѣлъ резонъ датировать по годамъ царя Архидама—датировка заимствована либо изъ какой-нибудь біографіи царя, либо вообще изъ анналь его дома²⁷⁾—во всякомъ случаѣ изъ источника Лаконскаго; изъ такого источника несомнѣнно — не

²⁶⁾ Явленіе, почти всегда производимое землетрясеніемъ въ рѣчныхъ долинахъ.

²⁷⁾ Мы слишкомъ мало знаемъ о хронологическомъ трудѣ Созибія, чтобы судить о его источникахъ и характерѣ. Мы знаемъ, что онъ составилъ хронологію царей и обозначилъ годы ихъ царствованія. Но рассказывалъ ли онъ событія по годамъ ихъ царствованія? Не рѣшаюсь строить гипотезъ, а приведу только одинъ его отрывокъ и ограничусь указаніемъ на то, что и Хариллъ и Никандръ оба изъ того же дома, изъ какого Архимедъ. (Clem. Alex. Strom. I. pag. 141). *Σωσίβιος δὲ ὁ Λάκων ἐν χρόνων ἀναγραφῇ κατὰ τὸ ἔγδοον ἔτος τῆς Χαρίλλου τοῦ Πολυδέκτου βασιλείας Ὅμηρον φέρει. Βασιλεύει μὲν οὖν Χάριλλος ἔτη ἕξ δ' μεθ' ὃν υἱὸς Νικάνδρος λδ'. τοῦτου κατὰ τὸ τριακοστὸν ἔτος τεθῆ-ναι φασὶ τὴν πρώτην Ὀλυμπιάδα κτλ.*

скажу въ какой инстанціи—вытекаетъ весь рассказъ. Этотъ источникъ мы отмѣтимъ третьимъ, рядомъ съ версіей Фукидида и популярной аѳинской версіей, передаваемой въ «Лисистратѣ» Аристофана. Важно то, что и эта лаконская версія связываетъ возстаніе гелотовъ и Мессенянъ съ землетрясеніемъ.

Такая же связь устанавливается и Павсаниемъ, но его рассказъ не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія. Павсаній описываетъ могилы, которыя онъ видѣлъ въ Аѳинахъ. Въ перечисленіи ихъ онъ доходитъ до могилъ павнскихъ нѣкогда въ союзѣ съ Аѳинянами Аргивянъ и по этому поводу рассказываетъ, какимъ образомъ былъ заключенъ этотъ союзъ, ссылаясь на какихъ то, которые такъ λέγουσι. Эти «какіе то» обыкновенно—проводники. Проводники ли здѣсь или самъ Павсаній, только несомнѣнно передается рассказъ Фукидида. Достаточно привести текстъ (Paus. I, 29. 4): Λακεδαιμονίους τὴν πόλιν τοῦ θεοῦ σεισάντος²⁸⁾ οἱ Ἑλλώτες ἐς Ἰθώμην ἀπέστησαν. ἀφρηστηκότων δὲ οἱ Λακεδαιμόνιοι βοηθοὺς καὶ ἄλλους καὶ παρὰ Ἀθηναίων μετεπέμποντο. οἱ δὲ σφισιν ἐπιλέκτους ἀνδρας ἀποστέλλουσι καὶ στρατηγὸν Κίμωνα τὸν Μιλτιάδου. τούτους ἀποπέμπουσιν οἱ Λακεδαιμόνιοι πρὸς ὑποψίαν. Ἀθηναίους δ' οὐκ ἀνεκτὰ ἐφαίνετο περιυβρίσθαι, καὶ ὡς ἐκομίζοντο ὀπίσω, συμμαχίαν ἐποιήσαντο Ἀργεῖους Λακεδαιμονίων ἐχθροῖς τὸν πάντα ὄσιν χρόνον.

Мы видѣли, что рассказъ о землетрясеніи въ лаконской версіи находится въ связи съ Архидамомъ. Значитъ намъ предстоитъ для опредѣленія значенія землетрясенія изучить роль Архидама, а это опять таки приводитъ насъ къ Діодору (XI, 63).

καὶ τοῦτο μὲν τὸ κακὸν (sc. τὸν σεισμόν) ὥσπερ δαιμονίου τινὸς νεμεσήσαντος αὐτοῖς ἔπαθον, ἄλλους δὲ κινδύνους ὑπ' ἀνθρώπων αὐτοῖς συνέβη γενέσθαι διὰ τοιαύτας αἰτίας²⁹⁾ Ἑλλώτες καὶ Μεσση-

²⁸⁾ Оборотъ—конечно въ связи съ такимъ же оборотомъ καὶ σφισιν ἐς ἔδαφος τὴν πόλιν πᾶσαν κατέβαλεν ὁ θεὸς (IV, 24. 2), и ἡ δὲ Μεσσηγὴ τότε ἄρῃν ἐπέκειτο χά θεὸς σειῶν ἅμα (Arist. I. I.). Традиція окрашена немного аѳинской версіей (и участіе Аргивянъ въ битвѣ при Танагрѣ (Paus. I, 29. 9) тоже не изъ Фукидида); въ другомъ мѣстѣ въ началѣ (IV. 24. 5. 6. 7), замѣтно влияніе аѳинско-мессенскихъ традицій, о которыхъ мы еще будемъ говорить. Начиная съ самаго землетрясенія, рассказъ точно по Фукидиду, точнѣй чѣмъ I. 29. 8. 9 (чего не замѣтилъ Krüger, Historisch-philologische Studien, 158).

²⁹⁾ Очевидно, что Діодоръ или его источникъ имѣли въ виду риторическое противопоставленіе причиннаго людемъ и посланнаго богами

νιοι πρὸς Λακεδαιμονίους ἀλλοτρίως ἔχοντες τὸ μὲν πρὸ τοῦ ³⁰⁾ ἡσυχίαν εἶχον, φοβούμενοι τὴν τῆς Σπάρτης ὑπεροχὴν τε καὶ δύναμιν. ἐπεὶ δὲ διὰ σεισμὸν ἐώρων τοὺς πλείους αὐτῶν ἀπολωλότας, κατεφρόνησαν τῶν ἀπολελειμμένων ὀλίγων ὄντων. διόπερ πρὸς ἀλλήλους κοινῇ τὸν πόλεμον ἐξήνεγκαν τὸν πρὸς τοὺς Λακεδαιμονίους. ὁ δὲ βασιλεὺς τῶν Λακεδαιμονίων Ἀρχίδαμος διὰ τῆς ἰδίας προνοίας καὶ κατὰ τὸν σεισμὸν ἔσωξε τοὺς πολίτας καὶ κατὰ τὸν πόλεμον γενναίως τοῖς ἐπιτιθεμένοις ἀντετάξατο. τῆς μὲν γὰρ πόλεως συνεχομένης ὑπὸ τῆς τοῦ σειμοῦ δεινότητος, πρῶτος Σπαρτιατῶν ἐκ τῆς μὲν γὰρ πόλεως ἀρπάσας τὴν πανοπλίαν ἐπὶ τὴν χώραν ἐξεπήδησε καὶ τοῖς ἄλλοις πολίταις τὸ αὐτὸ πράττειν παρήγγειλεν. ὑπακουσάντων δὲ τῶν Σπαρτιατῶν, τοῦτον τὸν τρόπον οἱ περιλειφθέντες ἐσώθησαν, οὓς συντάξας ὁ βασιλεὺς Ἀρχίδαμος παρεσκευάζετο πολεμεῖν τοῖς ἀφεστηκόσιν.

Мы уже видѣли, что Діодоръ соединяетъ двѣ версіи преданія о землетрясеніи. Одна представляетъ дѣло совершившимся однимъ сильнымъ ударомъ, другая говоритъ о продолжительномъ періодѣ землетрясенія. Фактически возможно, конечно, предположить, что ударовъ было нѣсколько, но періодъ землетрясенія могъ быть только самый короткій. Если мы не будемъ упускать изъ виду, что гелоты страдали несомнѣнно столько же, сколько Спартиаты, съ

несчастія; едва ли высказывается здѣсь взглядъ на землетрясеніе, какъ на божью кару за какое нибудь опредѣленное преступленіе, какъ это дѣлается въ другихъ версіяхъ. На это указываетъ болѣе — въ крайнемъ случаѣ авторъ догадывается, что богъ за что то гнѣвается.

³⁰⁾ Такъ пишетъ Bekker. Рукописи даютъ τὸ πρῶτον. Это чтеніе въ нашемъ текстѣ, какъ единомъ цѣломъ, дѣйствительно невозможно. Начало какого періода можетъ оно обозначать? Вѣдь не можетъ же Діодоръ дѣлить всю эпоху подчиненія Мессеніи на два періода, изъ которыхъ первый отъ покоренія Мессеніи до возстанія будетъ началомъ, а самое возстаніе — второй — концомъ. Это ясно, но мнѣ кажется, что, не настаивая на цѣлостности рассказа, мы можемъ его объяснить. τὸ πρῶτον — означаетъ начало періода землетрясенія. Въ началѣ его Мессеняне хоть и были враждебны Спартианцамъ — теперь это прибавленіе получаетъ особое значеніе, — однако все таки оставались спокойны, а затѣмъ, когда замѣтили и т. д. Версія, которой здѣсь слѣдовалъ Діодоръ устанавливала промежутокъ между началомъ землетрясенія и возстаніемъ. Мы увидимъ, что такъ именно должно было случиться событіе. Въ дальнѣйшемъ Діодоръ предполагаетъ непосредственное слѣдованіе возстанія за катастрофой — онъ перемѣнилъ источникъ. Мы уже видѣли раньше, что Діодоръ имѣлъ ихъ два и не умѣлъ ихъ вполне скомбинировать.

которыми жили въ одинаковаго характера мѣстности, то мы поймемъ, что во время періода самаго землетрясенія имъ не до того было, чтобы заговоры составлять. Землетрясеніе не такое несчастіе, котораго можно было бы ожидать, отдѣльные моменты котораго можно было бы предвидѣть. Оно застаётъ населеніе среди его обыденныхъ занятій, неподготовленнымъ. Оно разрушаетъ обычный порядокъ жизни—и не скоро приходятъ въ себя пораженные имъ. Могло ли вспыхнуть сейчасъ же обдуманное возстаніе? Легко могла появиться мѣстная вспышка, но даже издавна подготовленный и строго обдуманный заговоръ могъ бы быть приведеннымъ въ исполненіе только немного погодя. Здѣсь дѣло было еще сложнѣе: Мессеняне и гелоты въ союзѣ. Значитъ они должны были сговориться—а это требуетъ не мало времени. Выводъ тотъ же, къ которому, какъ я указалъ выше, насъ приводитъ и рукописное чтеніе нашего текста — между землетрясеніемъ и возстаніемъ лежитъ нѣкоторый промежутокъ времени.

Что сдѣлалъ по Діодору Архимамъ и когда онъ это сдѣлалъ? Произошло землетрясеніе. Архимамъ беретъ свою *παυτολία* и бѣжитъ за городъ, приказавъ и другимъ сдѣлать то же ³¹⁾.

Благодаря этому, они спаслись. Зачѣмъ царь это сдѣлалъ и какъ это могло повести къ спасенію гражданъ? Смыслъ это могло бы имѣть только тогда, если бы царь ждалъ повторенія удара. Онъ вывелъ гражданъ изъ города—и, когда ударъ произошелъ, они не погибли. Но во-первыхъ, какъ онъ могъ этого ожидать? Во-вторыхъ, при короткости періодовъ землетрясеній онъ вывелъ бы ихъ тогда, когда гелоты конечно и не могли бы думать о возстаніи. Такое «выскакиваніе» имѣетъ только смыслъ послѣ перваго удара—иначе можно и спокойно итти.—Очевидно Архимамъ не затѣмъ звалъ гражданъ, чтобы ихъ изъ домовъ вытащить, не новаго удара землетрясенія ждалъ онъ. Заслуга царя лежитъ вовсе не въ томъ, въ чемъ ее видитъ Діодоръ.

³¹⁾ Какъ могъ онъ приказать, выскочивши первый. Картина: бѣжитъ царь и кричитъ: «хватайте оружіе и бѣгите». Очевидно приказаніе отдано, какъ полагается ихъ отдавать, а тогда конечно царь не «выскачилъ». Самый текстъ показываетъ противорѣчіе. Если онъ выскочилъ первый, то зачѣмъ ему и приказаніе отдавать. Это украшенія Діодора, желавшаго дать пластичную картину.

Ταχὺ δὲ συνιδὼν ἀπὸ τοῦ παρόντος τὸν μέλλοντα κίνδυνον ὁ Ἀρχίδαμος, καὶ τοὺς πολίτας ὄρων ἐκ τῶν οἰκιῶν τὰ τιμιώτατα πεφοβημένους σώζειν, ἐκέλευσε τῇ σάλπιγγι σημαίνειν, ὡς πολεμίων ἐπιόντων, ὅπως ὅτι τάχιστα μετὰ τῶν ὅπλων ἀθροίζωνται πρὸς αὐτόν. Ὁ δὲ καὶ μόνον ἐν τῇ τότε καιρῷ τὴν Σπάρτην διέσωσεν. οἱ γὰρ εἰλωτες ἐκ τῶν ἀγρῶν συνέδραμον πανταχόθεν ὡς ἀναρπασόμενοι τοὺς σεσωσμένους τῶν Σπαρτιατῶν. Ὀπλισμένους δὲ καὶ συντεταγμένους εὐρόντες ἀνεχώρησαν ἐπὶ τὰς πόλεις καὶ φανερῶς ἐπολέμουν, τῶν τε περιόικων ἀναπείσαντες οὐκ ὀλίγους, καὶ Μεσσηνίων ἅμα τοῖς Σπαρτιάταις συνεπιθεμένων. (Plut. Cim. 1. 1.).

Разсказъ Плутарха во всѣхъ своихъ частяхъ гораздо трезвѣй и послѣдовательнѣй Діодоровскаго. Нѣтъ ни преувеличенія размѣровъ землетрясенія, ни того преувеличенно-важнаго значенія въ дѣлѣ возстанія, которое ему приписываетъ Діодоръ—самая связь между землетрясеніемъ и возстаніемъ объяснена иначе. Діодоръ увѣряетъ, что Мессеняне и гелоты, соединившіеся, напали на Спартанцевъ, потому что увидѣли, какъ мало ихъ осталось послѣ землетрясенія. Это конечно бессмысленно. Я уже говорилъ, что цифра 20.000 — рѣшительно баснословна. Я думаю, не можетъ быть и рѣчи вообще о гибели очень большаго числа Спартиатовъ. Θувидидъ знаетъ, что говоритъ, когда утверждаетъ, что только тогда, когда война затянулась, Спартанцы запросили помощи. Вся дальнѣйшая исторія Спарты говорить о томъ, что сила ея не сломлена, что для нея землетрясеніе — преходящее бѣдствіе, Мессенская война неудобное отвлеченіе ея силъ. Очень ужъ обманулись бы Мессеняне, если бы рассчитывали на немногочисленность Спартанцевъ; собравшееся войско ихъ побило. Но дѣло въ томъ, что здѣсь Діодоръ только объясняетъ фактъ въ угоду своему патетическому источнику, что тотъ источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ свѣдѣнія о дѣятельности Архидамъ, понималъ дѣло иначе. Гелоты, по Діодору же, рассчитывали не на то, что встрѣтятъ малое войско, а на то, что не встрѣтятъ никакого. Такимъ образомъ, очевидно, источникъ Діодора и въ этомъ вопросѣ сходенъ съ источникомъ Плутарха.

Роль Архидамъ у Плутарха такая же крупная, какъ и у Діодора, но заключается она въ чемъ то другомъ. Діодоръ очень красиво расчленяетъ: Архидамъ и въ бѣдствіяхъ землетрясенія и въ борьбѣ противъ возставшихъ показалъ себя доблестнымъ.

Но риторическія достоинства этого расчлененія не выкупают его полной безсодержательности. Чѣмъ царь оказался такимъ *γευγαῖος* въ войнѣ? Тѣмъ, что онъ собралъ Спартіатовъ и выстроилъ ихъ въ боевой порядокъ. А чѣмъ онъ спасъ ихъ отъ землетрясенія?—Опять таки тѣмъ, что собралъ Спартіатовъ. Очевидно фактъ извѣстенъ только одинъ: Архидамъ приказалъ Спартіатамъ выйти за городъ и организовалъ ихъ въ войско. Остальное—объясненіе. Чего желалъ этимъ добиться Архидамъ, не засвидѣтельствовано. Діодоръ и Плутархъ стараются это объяснить, каждый на свой ладъ, съ той только разницей, что Діодорово объясненіе не выдерживаетъ критики. И Діодоръ и Плутархъ связываютъ съ указаннымъ засвидѣтельствованнымъ фактомъ два другихъ, извѣстныхъ имъ: 1) Не всѣ Спартіаты погибли отъ землетрясенія — но этотъ фактъ не стоитъ, какъ, намъ показали наши разсужденія, ни въ какой связи съ поступкомъ Архидамы. 2) Нападеніе гелотовъ было отражено. Здѣсь связь такъ очевидна, что совершенно безразлично, скомбинирована ли она только, или засвидѣтельствована. Вѣроятнѣй, впрочемъ, послѣднее; иначе разсказъ не имѣлъ бы завершения. Но это не могло быть выставлено, какъ особая похвала царю. Онъ не могъ знать, что гелоты нападутъ, значитъ, разсуждаетъ обрабатывающій разсказъ историкъ, онъ имѣлъ въ виду другое.

Впрочемъ, и разсказъ Плутарха несовершенно ясенъ. Что же имѣлъ собственно въ виду Архидамъ, *συνιδὼν ἀπὸ τοῦ παρόντος τὸν μέλλοντα κίνδυνον*? Если мы будемъ «придираться» къ значенію слова *κίνδυνος*, то *ὁ παρὼν κίνδυνος* есть то, что теперь грозитъ, фактъ непосредственно предстоящій. Если это землетрясеніе, то *ὁ παρὼν κίνδυνος*—есть непосредственно ожидаемый новый его ударъ, а *ὁ μέλλον κίνδυνος* — будетъ, конечно, нѣчто другое. Но это именно и есть придирка. За то тотъ же выводъ будетъ слѣдовать изъ болѣе свободнаго, но болѣе отвѣчающаго смыслу текста толкованія; *ὁ παρὼν κίνδυνος*—нынѣшнѣе опасное, тревожное состояніе—далъ царю возможность предвидѣть опасность, угрожавшую городу въ непосредственномъ будущемъ, — и, конечно, нынѣшняя тревога могла предвѣщать именно новую *suī generis* опасность, а не то же землетрясеніе, — *καὶ τοὺς πολῖτας ὀρῶν ἐκ τῶν οἰκῶν τὰ τιμώτατα σώζειν* и указываетъ на одну изъ сторонъ печальной картины всеобщаго отчаянія

всеобщей паники. Плутархъ уже разсказалъ, что кромѣ пяти домовъ всѣ остальные разрушены—значитъ опасности пребываніе среди ихъ руинъ не могло представлять. Дѣло именно въ картинѣ отчаянія, въ изображеніи разбрѣдшихся по городу гражданъ. Вся задача, какъ это вполне ясно сказано, заключается только въ томъ, чтобы ихъ собрать. *σημαίνειν ὡς πολέμιων ἐπιόντων*—очевидно опредѣленный воинскій сигналъ—тревога, но, употребивъ это выраженіе, Плутархъ ясно показалъ, что, по его мнѣнію, Архидамъ не ожидалъ нападенія враговъ, а между тѣмъ—*μέλλων κίνδυνος* есть очевидно опасность не отъ землеколебателя Посейдона, а отъ людей.

Такъ, представляется намъ, понималъ дѣло Плутархъ. Если же все таки, какъ я этого и не думаю отрицать, текстъ Плутарха допускаетъ колебанія, допускаетъ возможность и другого объясненія, то вина этой неясности, кажется, падаетъ не на самого Плутарха, а на недоговоренность и неточность источника, который не указалъ ясно связи фактовъ. По крайней мѣрѣ совершенно иначе понялъ дѣло Полиэнъ, очевидно черпавшій изъ того же источника, что и Плутархъ.

Λακεδαιμονίων ἢ πόλις ἐσεισθη καὶ πέντε μόναι διεσώθησαν οἰκίαι. Ἀρχίδαμος ὄρων τοὺς ἀνθρώπους ἐπὶ τῷ σώξειν τὰ ἐν ταῖς οἰκίαις τραπομένους, δείσας μὴ πάντες ἀπολειφθέντες ἀπόλοιτο, τῇ σάλπιγγι πολέμιων ἔφοδον ἐσήμηνεν. πιστεύσαντες οἱ Λακεδαιμόνιοι πρὸς αὐτὸν συνέδραμον. αἱ μὲν οἰκίαι συνέπεσον, αὐτοὶ δὲ οὕτως ἐσώθησαν (Pol. Strat. I, 41. 3).

Сходство съ разсказомъ Плутарха такъ велико, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что источникъ общій. Общее 1) пять домовъ, оставшихся послѣ удара землетрясенія—NB *ἐσεισθη* — видъ совершенный. 2) Спартиаты разбрѣлись по домамъ, чтобы спасти свое имущество. 3) Дается сигналъ о приходѣ враговъ. Но есть и различія. 1) Мѣра Архидамъ спасла Спартиатовъ отъ гибели въ домахъ—тоже, что мы имѣемъ у Діодора и что можно бы видѣть въ неясномъ разсказѣ Плутарха³²⁾. 2) Сигналъ, данный Архидамомъ объясняется, какъ хитрость, имъ употребленная: *πιστεύσαντες δὲ οἱ Λακεδαιμόνιοι*.

³²⁾ Трудно повѣрить, что Полиэнъ имѣетъ въ виду именно тѣ пять домовъ, которые остались цѣлыми послѣ катастрофы, но я не умѣю иначе объяснить текста.

Мы видѣли, что у Плутарха объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Но эти отличія не говорятъ противъ общности источника, такъ какъ, выполнивъ соглашаясь въ фактахъ, оба извѣстія разнятся только въ объясненіи, а мы можемъ съ увѣренностью сказать, что въ источникѣ объясненія не было, ибо во-первыхъ, тогда Плутархъ его бы не выпустилъ, во-вторыхъ то объясненіе, которое дано у Полиэна, непосредственно вытекаетъ изъ характера его сочиненія, и рѣшительно для него необходимо. У Плутарха разсказъ находится въ извѣстной связи—то же, конечно, и въ источникѣ. Связь сама и должна служить объясненіемъ. У Полиэна это отдѣльный анекдотъ, который самъ себя объяснять не можетъ. Въ силу самой темы Полиэна для него Мессеняне не годятся, ибо ихъ, конечно, Архидамъ не могъ предвидѣть сейчасъ же. *Стратѣγγμια* требуетъ опредѣленной опасности. Онъ и пишетъ *δείσας* — испна цѣль — и *αἰ μὲν οἰκίαι . . . ἐσθδθησαν*: *στратѣγγμια* должно имѣть результатъ, и въ этомъ результатѣ все дѣло. Здѣсь особенно ясно, что мы имѣемъ дѣло съ объясненіемъ Полиэна. Не можетъ быть сомнѣнія, что и съ Діодоромъ у Полиэна общій источникъ—именно извѣстіе о томъ, что Архидамъ спасъ Спартанцевъ отъ опасностей землетрясенія общее въ обоихъ источникахъ. Но Діодоръ только и сообщаетъ результатъ, вовсе не говоря, что царь имѣлъ именно этотъ результатъ въ виду. Его описаніе показываетъ, что онъ не даетъ себѣ отчета въ намѣреніяхъ царя. Полиэну намѣреніе непременно нужно, и онъ результатъ прямо преднамѣреннымъ и дѣлаетъ: *δείσας μὴ κτλ.*

Таковъ же характеръ объясненія, даннаго сигналу. Въ *στратѣγγμια* есть хитрость, обманъ—и опять таки Мессеняне не годятся—хитрости при нихъ не будетъ, не будетъ и *στратѣγγμια*.

Если у Полиэна источникъ общій п съ Плутархомъ и съ Діодоромъ, то общность источника, изъ котораго черпали оба послѣдніе пріобрѣтаютъ вѣроятность, которая превратится въ увѣренность, если мы вспомнимъ, что ходъ нашего разсужденія привелъ насъ къ тому убѣжденію, что основные факты, сообщаемые обоими писателями, одни и тѣже, различія же происхожденія вторичнаго.

Итакъ все, что мы знаемъ о дѣятельности Архидама, вытекаетъ изъ одного общаго источника. Источникъ этотъ лакедонскаго происхожденія и отличается симпатіями къ Архидаму. Въ наиболѣе толковомъ, точномъ и, вѣроятно, непосредственномъ изложеніи мы имѣемъ его у Плутарха, Діодоръ слегка видо-

измѣняетъ его подъ вліяніемъ тѣхъ версій, которымъ слѣдуетъ въ другихъ частяхъ разсказа. Поліэнъ относится къ своему источнику наиболѣе произвольно; такъ какъ онъ никакихъ новыхъ сравнительно съ Діодоромъ и Плутархомъ фактовъ не сообщаетъ, то, очевидно, онъ не имѣетъ для насъ никакого историческаго значенія.

Нашъ лакедемонскій источникъ по самой своей сущности долженъ былъ разсказать о томъ, какъ отличился Архидамъ въ борьбѣ съ врагами. Съ кѣмъ же ему пришлось сразиться? Въ этомъ наиболѣе для насъ существенномъ вопросѣ наши свидѣтельства расходятся. Плутархъ ясно и точно говоритъ, что началось дѣло тѣмъ, что гелоты сбѣжались для того, чтобы пограбить Спарту, и что только впоследствии съ ними соединились Мессеняне и періэки. У Діодора говорится совсѣмъ другое: Мессеняне и гелоты давно уже ненавидятъ Спартацевъ, и, *καταφρονήσαντες αὐτῶν ὡς ἐλίγων ὄντων*—я уже говорилъ о несовѣстимости этого показанія съ Архидамовскою версіею—соединились и начали войну. Но это очевидно не можетъ означать перваго пункта войны, т. е. Діодоръ, не ясно представляя себѣ ходъ дѣла, неясно его излагаетъ, и переноситъ на начало войны то, что собственно произошло дальше. Соединяя различные источники, онъ не умѣлъ ихъ связать³³). Какъ бы то ни было, въ источникѣ было такъ, какъ сказано у Плутарха. Это явствуетъ изъ слѣдующаго важнаго отличія обоихъ интересующихъ насъ текстовъ.

Плутархъ пишетъ не исторію Мессенской войны, и не всеобщую исторію, часть которой составляли бы Мессенскія войны, какъ это мы имѣемъ у Діодора, а біографію Кимона. Съ точки зрѣнія этой его цѣли для него нисколько не важны подробности войны. Если онъ раздѣляетъ два момента войны—первое напа-

³³) Слѣдъ этого остался. Діодоръ уже раньше сказалъ, что Мессеняне и Гелоты *πρὸς ἀλλήλους συνθήμενοι κοινῇ τὸν πόλεμον ἐξήνεγκαν*. Конечно только они и могутъ быть тѣми *ἀφαστηχότες*—perfectum, повстанцами,—противъ которыхъ готовится вести войну Архидамъ. Зачѣмъ же тогда повторено въ началѣ главы 64 *οἱ δὲ Μεσσηνιοὶ μετὰ τῶν Ἐλαίων συνταχθέντες* κтл. Я представляю себѣ дѣло такъ. Въ «Архидамовскомъ» источникѣ, во-первыхъ, не было *οἱ ἀφαστηχότες*—они внесены въ угоду предыдущему; точно также въ угоду предыдущему прибавлены и Мессеняне, между тѣмъ какъ въ источникѣ говорилось только о гелотахъ—и именно это слово и было. Иначе Діодоръ ограничился бы простымъ *οἱ δέ*.

деніе гелотовъ и дальнѣйшія ихъ дѣйствія въ союзѣ съ Мессенянами, то не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы онъ это дѣленіе внесъ—ибо этого ему рѣшительно незахѣмъ было дѣлать. У Діодора вопросъ поставленъ иначе. Ему нужно разсказать массу вещей—чѣмъ больше тѣмъ лучше, а потому приходится сжать ихъ возможно больше. Вотъ онъ и сжимаетъ. Для него важенъ результатъ, и стадіи онъ путаетъ. Понятно, что онъ могъ стереть раздѣленіе своего источника.

Историческія соображенія говорятъ въ пользу изложенія Плутарха—стоитъ только разобраться въ обстоятельствахъ дѣла. По Діодору Архидамъ выводитъ въ моментъ землетрясенія Спартіатовъ за городъ и начинаетъ готовится встрѣтить враговъ. Откуда онъ объ нихъ знаетъ? Кто эти *ἀφεστηρίδες* ³⁴⁾? Сколько времени продолжается это? А Архидамъ сидитъ и ждетъ—и войско его сидитъ и ждетъ? Вѣдь отъ времени землетрясенія, когда выведены солдаты, до заключенія союза между Гелотами и Мессенянами времени пройдетъ не мало. Почему же Архидамъ даетъ соединиться обѣимъ возставшимъ странамъ? Все у Діодора заставляетъ предполагать, что бунтовщики уже есть, а первые бунтовщики, которыхъ можно сейчасъ же бояться—это, несомнѣнно, гелоты.

Итакъ, и въ этомъ вопросѣ мы могли уяснить себѣ положеніе нашего источника. Если онъ дѣйствительно лаконскій, то иначе вѣдь и быть не могло. Фукидидъ показалъ намъ, что Спартанцы вообще смотрѣли на войну, какъ на бунтъ гелотовъ. Источникъ отличалъ только гелотовъ грабителей отъ гелотовъ повстанцевъ.

Только еще одну сторону въ исторіи возникновенія возстанія и связи его съ землетрясеніемъ остается изучить намъ, чтобы исчерпать весь нашъ бѣдный матеріалъ. Это вопросъ о гнѣвѣ бога, какъ причинѣ землетрясенія.

Павсаній (IV. 24. 2 ср. I, 29. 8) разсказываетъ: *Μεσσηνίων τοὺς ἐγκαταληφθέντας ἐν τῇ γῆ συντελοῦντας κατὰ ἀνάγκην εἰς τοὺς Ἐλλώτας, ἐπέλαβεν ἀπὸ Λακεδαιμονίων ὕστερον ἀποστήναι κατὰ τὴν ἐνάτην Ὀλυμπιάδα καὶ ἑβδομηκοστὴν, Ἀρχιμήδους Ἀθήνησιν ἀρχοντος. ἀπέστησαν δὲ καιρὸν τοιοῦτον εὐρόντες. Λακεδαιμονίων ἄνδρες*

³⁴⁾ Смотри предыдущее примѣчаніе.

ἀποθανεῖν ἐπὶ ἐγκλήματι ὅτῳ δὴ καταγνωθέντες ἰκέται καταφεύγουσιν εἰς Ταίναρον. ἐντεῦθεν δὲ ἡ ἀρχὴ τῶν ἐφόρων ἀπὸ τοῦ βωμοῦ σφᾶς ἀποσπάσασα ἀπέκτεινε. Σπαρτιάταις δὲ ἐν οὐδενὶ λόγῳ θεμένοις τοὺς ἰκέτας ἀπήντησεν ἐκ Ποσειδῶνος μῆνιμα καὶ σφισιν ἐς ἔδαφος τὴν πόλιν πᾶσαν κατέβαλεν ὁ θεός. ἐπὶ δὲ τῇ συμφορᾷ ταύτῃ καὶ τῶν Εἰλωτῶν ὅσοι Μεσσήνιοι τὸ ἀρχαῖον ἦσαν ἐς τὸ ὄρος τὴν Ἰθώμην ἀπέστησαν.

Вездѣ, гдѣ мы встрѣчались съ извѣстіями Павсанія о Мессенянахъ, мы отмѣчали строго мессенофильскій ихъ характеръ, въ большинствѣ случаевъ и мессенское происхожденіе. Въ данномъ случаѣ мы уже указали на то, что продолженіе нашего отрывка почти дословно списано у Фукидида. Тѣмъ большее значеніе приобрѣтаютъ самыя незначительныя отступленія отъ текста Фукидида, становится яснымъ, что если они имѣютъ Мессенофильскій характеръ, то онъ принадлежитъ именно Мессенскимъ источникамъ Павсанія.

Уже съ самаго начала мы замѣчаемъ такое отличіе. Фукидидъ говоритъ о гелотахъ. Такъ говорятъ и Спартяны. Прямо полемикой звучатъ начальныя слова Павсанія: «да это не гелоты, а Мессеняне, только συντελοῦντες εἰς τοὺς Εἰλωτας, да и то не по доброй волѣ, а ἀνάγκῃ—злые Лакедемоняне ихъ заставили».

Впрочемъ сходство съ Фукидидомъ поражаетъ. Фукидидъ (I. I.) говоритъ, что «произошло землетрясеніе» ἐν ᾧ καὶ οἱ Εἰλωτες . . . ἀπέστησαν. Павсаній: ἐπὶ δὲ τῇ συμφορᾷ ταύτῃ καὶ τῶν Εἰλωτῶν ὅσοι Μεσσήνιοι . . . ἀπέστησαν. Мы слышимъ какъ будто эхо. Но сходство здѣсь вовсе не въ словахъ только, а въ чемъ то болѣе существенномъ: ни Фукидидъ, ни Павсаній не устанавливаютъ прямо причинной связи между землетрясеніемъ и возстаніемъ, хотя заставляютъ предполагать ее. Но чѣмъ болѣе велико сходство, тѣмъ большее значеніе приобрѣтаетъ одно незначительное на первый взглядъ отличіе. Фукидидъ говоритъ, что возстали гелоты, а, такъ какъ большая часть ихъ была Мессенянами, то и всѣхъ называли такъ. Павсаній говоритъ, что изъ гелотовъ возстали Мессеняне. Это сразу придаетъ всему дѣлу возстанія особый характеръ—это сразу иначе ставитъ вопросъ о Навпактянахъ. Въ Навпактѣ это было вопросомъ жгучимъ. «Мы потомки временно поработенныхъ, но искони свободныхъ Мессенянъ, которые ничѣмъ не хуже Спартянцевъ, а не всякихъ Спартянскихъ рабовъ, какъ это говорятъ объ насъ Фукидидъ и Спар-

танцы». Отъ союза, который въ свое время могъ быть очень выгоденъ, потомъ, конечно охотно открещивались.

Но кромѣ элементовъ непосредственно Фукидидовскихъ остается еще одинъ элементъ, ради котораго мы и остановились на показаніи Павсанія—это рассказъ объ ἄγος Ταυνάριον—и, главнымъ образомъ, связь его съ землетрясеніемъ, и чрезъ его посредство съ возстаніемъ, связь, которой Фукидидъ (I, 128. 1) не устанапливаетъ, хотя знаетъ, что эти событія связываются другими. Οἱ γὰρ Λακεδαιμόνιοι ἀναστήσαντες ποτε ἐκ τοῦ ἱεροῦ τοῦ Ποσειδῶνος ἀπὸ Ταυνάρου τῶν Εἰλωτῶν ἰκέτας ἀπαγαγόντες διέφθειραν. δι' ἃ δὲ καὶ σφίσιν αὐτοῖς³⁵⁾ νομίζουσι τὸν μέγαν σεισμόν γενέσθαι ἐν Σπάρτῃ.

Что ἄγος Ταυνάριον есть нѣкоторое пятно на Спартанцахъ, это признано было въ Афинахъ официально: Фукидидъ рассказываетъ объ немъ по поводу дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ Пелопонесской войнѣ. Лакедемоняне требовали отъ Афинянъ, чтобы тѣ смыли знаменитое ἄγος Κυλώνιου. На это отвѣтъ: «а вы смойте ἄγος Ταυνάριον»³⁶⁾.

Въ связь съ землетрясеніемъ ἄγος Ταυνάριον вѣроятно не приводили официально—къ чему бы это было—но въ народѣ это мнѣніе

³⁵⁾ Текстъ, кажется, не совершенно въ порядкѣ. Ἐν Σπάρτῃ? Несомнѣнно, что Фукидидъ понимаетъ подъ νομίζουσι — οἱ Λακεδαιμόνιοι νομίζουσι. Heerwerden пишетъ вмѣсто αὐτοῖς αὐτοί.

³⁶⁾ Посредственно или непосредственно, но и здѣсь источникомъ Павсанія служитъ Фукидидъ. Отступленія и здѣсь очевидно сознательныя и объясняются отчасти тенденціей, отчасти стилистическими приемами писателя. Фукидидъ не говоритъ, что за ἰκέται были преданы казни. Павсаній знаетъ, что были люди, осужденные ἐγκλήματι τιμῆς. Но это ровно ничего не означаетъ. Если были казнены, значитъ были осуждены и очевидно за что нибудь. Дѣйствительно самостоятельный источникъ зналъ бы, какое это ἐγκλήμα. Фукидидъ говоритъ, что эфоры «умолявшихъ» ἐκ τοῦ ἱεροῦ ἀνέστησαν, ἀπῆγαγον и διέφθειραν. Павсаній замѣняетъ это болѣе энергичнымъ ἀπὸ τοῦ βωμοῦ ἀποσπάσασα (sc. ἢ ἀρχὴ τῶν ἐφόρων) ἀπέκτειναν.

Есть одно отступленіе, дѣйствительно значительное и которому объясненія я не могу представить. Вся традиція (Ael. VI. 7. Suid s. v.) говоритъ объ Εἰλωτες, Павсаній объ Лакедемонянахъ. Не въ томъ же дѣлѣ, что убійство Лакедемонянъ представляется болѣе преступнымъ. Если традиція дѣйствительно носить Мессенофильскую окраску, то, можетъ быть, объясненіе будетъ въ томъ, что Мессеняне не желаютъ имѣть дѣла съ телотами.

было распространено. Не можетъ быть сомнѣнiя, что на него намекаетъ Дикеполисъ (Arist. Achar. 509 sqq): на это указываютъ Тенарскiй Посейдонъ.

Ἐγὼν δὲ μισῶ μὲν Λακεδαιμονίους σφόδρα
καὶ τοῖς ὁ Ποσειδῶν ὀπι Ταινάρῳ θεὸς
σεισας ἅπανιν ἐμβάλοι τὰς οἰκίας.

Во всякомъ случаѣ въ связь приведены событiя очень рано—это заставляетъ насъ думать, что объясненiе современно самымъ событiямъ. Какъ гнѣвъ боговъ землетрясенiе всегда понималось. За что именно гнѣвалаея богъ, нетрудно было придумать³⁷⁾.

Резюмирую въ двухъ, трехъ словахъ тѣ результаты, къ которымъ привело насъ изученiе вопроса о землетрясенiи и связи съ нимъ возстанiя.

Источники: Фукидидъ, лаконскiй источникъ, и мессенски-окрашенный рассказъ Павзанiя — первые два идутъ (посредственно) отъ современниковъ.

Они сообщаютъ фактъ, не давая объясненiя связи. То, что мы имѣемъ въ этомъ отношенiи, есть комбинацiя, которая для насъ не обязательна.

Факты: землетрясенiе значительно, но оно не подрываетъ силъ Спарты. Архидамъ спасъ Спарту, выстроивши за городомъ Спартанцевъ въ боевой порядокъ. Нападенiе производятъ сначала одни гелоты. Отраженные, они впоследствии соединяются съ Мессенинами.

Эти факты намъ предстоитъ объяснить; руководиться мы можемъ нашими свѣдѣнiями о положенiи Спарты и соображенiями объ естественномъ ходѣ вещей.

Дункеръ (I. I. VIII. 199) очень правдоподобно предполагаетъ, что гелоты, погибшiе въ храмѣ Посейдона Тенарскаго,

³⁷⁾ Элианъ черпаетъ отчасти изъ Фукидида (изъ посредствующаго источника заимствована прибавленная имъ черта несомнѣнно антилаконскаго характера: Лакедемоняне τὸς ἐν Ταινάρῳ ἕμετας παρασκευάσαντες ἀνέστησαν; Лакедемоняне, значить, поступили не насильственно— у Павсанiя ἀποσπᾶσαντες, — а прибѣгнули къ обману) отчасти изъ источника Плутарха. Было ли у Плутарха и Дiодора извѣстiе объ ἄγος? Вѣдь у нихъ мы имѣемъ мнѣнiе Спартанское. У Свидаы два отрывка; второй основанъ на какомъ-нибудь древнемъ изслѣдователѣ Аристофана (непосредственно схоiи, посредственно Дидимъ?).

были тѣми, съ помощью которыхъ надѣялся совершить свой переворотъ Павсаній. Во всякомъ случаѣ изъ исторіи Павсанія слѣдуетъ, что за два года до землетрясенія были среди гелотовъ броженія, были элементы, готовые при удобномъ случаѣ поднять возстаніе. Что Лакедемоняне должны были прибѣгнуть къ репресаліямъ, само собой понятно.

Но оставляя въ сторонѣ эти соображенія, постараемся представить себѣ положеніе дѣлъ въ Спартѣ. Если бы спросить любого Спартанца, что, по его мнѣнію, случилось бы, если бы на одинъ день пересталъ дѣйствовать страхъ, внушаемый Спартіатами гелотамъ, если бы Спартіаты на одинъ день потеряли способность драться, онъ не колебался отвѣтилъ бы, что гелоты немедленно перерѣзали бы своихъ господъ. Все Спартанское государство поставлено такъ, что самого незначительнаго толчка достаточно, чтобы вывести его изъ состоянія равновѣсія, что всякій моментъ можно ожидать вспышки; постоянно должны быть употребляемы извѣстные средства, чтобы устранить воз-
можность этой вспышки.

Но машина разъ пущена въ ходъ; всѣ части ея правильно дѣйствуютъ и правильно устраняютъ все, что можетъ машину засорить, остановить и т. п. При правильномъ теченіи дѣлъ машина изумительна, но что будетъ при его нарушеніи?

Спартанская дисциплина, какъ и всякая другая, имѣетъ свои блистательныя достоинства. Человѣкъ въ опредѣленномъ направленіи великолѣпно выдрессированъ и исполняетъ отправленія, къ которымъ предназначенъ, съ точностью и опредѣленностью часоваго механизма. У Спартанцевъ самая строгая и самая узкая дисциплина. Вся ихъ жизнь посвящена тому, чтобы выучиться драться въ фалангѣ, чувствуя локоть сосѣда—и, когда они дерутся такъ, ихъ фаланга непобѣдима.

Но что дѣлать тамъ, гдѣ не дѣйствуютъ массы, а нужна самостоятельная личная инициатива? Тамъ конечно дисциплина не спасаетъ, а убиваетъ. Дрессировка не даетъ способности самостоятельно дѣйствовать, дрессировка не можетъ предусмотрѣть всѣхъ случайностей, а думать свободно—дѣло вовсе не солдатское: «про то знаетъ начальство». Вотъ причина, почему Спарта не можетъ указать ни на одного истинно великаго человѣка. Грѣхъ Спартанцевъ во время Греко-персидскихъ войнъ заключался вовсе не въ отсутствіи панэллинскихъ чувствъ, а въ пол-

номъ неумѣній понять новыя обстоятельства и оцѣнить новыя задачи, которыя ставили имъ эти новыя обстоятельства; ничему подобному не могла выучить ихъ ихъ узкая солдатская дисциплина.

Разразилось страшное несчастье, такое, какового не можетъ предусмотрѣть самый подробный военный регламентъ. Земля тряслась и разверзлась подъ ногами изумленныхъ и уstraшенныхъ Спартіатовъ, вершины вѣковыхъ горъ скатывались въ долину, прародительскіе дома обрушивались до основанія. Что дѣлать? Тутъ каждый предоставленъ самому себѣ, тутъ нечего дѣлать фалангѣ. Появляется полная паника. Каждый копаются

Auf dem Grabe
Seiner Habe.

Скромный нѣмецкій бюргеръ, житель маленькаго полугородка, полудеревни, за котораго не спитъ не дремлющее око закона, можетъ и долженъ это дѣлать, но представимъ себѣ, что подобное несчастье случилось въ Лондонѣ съ его безконечной арміей всякаго рода мошенниковъ, съ его подозрительнымъ элементомъ портовыхъ пролетаріевъ, представимъ себѣ, что почему бы то ни было его образцовая армія полисменовъ, держащая въ уздѣ всѣ эти опасные элементы, поражена бездѣйствіемъ—и подумаемъ, чего должно ожидать.

Въ такомъ именно положеніи находится Спарта. Въ ней всегда глухо тлѣетъ внутренній огонь, грозящій въ удобный моментъ весь городъ обратить въ пепелъ. Гелоты всегда готовы перебить своихъ господъ. Теперь для этого удобный случай.

Какъ же долженъ разсуждать человѣкъ, который имѣлъ счастье среди всеобщей паники сохранить ясную голову, человѣкъ, котораго самыя его обязанности принуждали самостоятельно думать—царь и полководецъ Спарты Архидамъ?

Архидамъ знаетъ свое государство, онъ знаетъ, что моментъ паники для него можетъ быть гибеленъ. Его задача именно въ томъ и состоитъ, чтобы такъ или иначе возстановить порядокъ. Нужно удивляться не его энергіи и инициативѣ, а, наоборотъ, бѣдности его изобрѣтательной фантазіи; единственный способъ, который ему представляется удобнымъ—это тотъ, который предусмотрѣнъ искони на случай опасности. Извѣстныя формы приобращаютъ на душу неотразимое вліяніе, безъ всякаго отноше-

нія къ ихъ содержанію—«есть рѣчи—значеніе темно или ничтожно, но имъ безъ волненія внимать невозможно». На этомъ свойствѣ человѣческой души основано употребленіе боевого клича, воинскаго знамени и т. п.

Архидамъ велитъ трубить тревогу—сигналь, которымъ дается знать о приближеніи врага. Въ смущенной душѣ, въ затемненномъ умѣ Спартіата сразу является яркій просвѣтъ; является цѣлый рядъ ясныхъ и привычныхъ представлений о военныхъ порядкахъ. Весь онъ встрепонулся подъ вліяніемъ знакомаго звука. Въковая дисциплина сѣумѣла создать людей, которые даже въ состояніи крайняго упадка душевныхъ силъ не могутъ не откликнуться на военный сигналь. Спартіаты собираются. Царь сразу окружаетъ ихъ атмосферой войны, создаетъ вокругъ нихъ всю могучую обстановку военной жизни — въ фалангѣ для Спартіата нѣтъ ни колебаній, ни страховъ. Здѣсь кончается индивидуальная инициатива; солдатъ не думаетъ о томъ, что ему нужно дѣлать; за него думаютъ старшіе.

Но рядомъ съ этимъ психологическимъ вліяніемъ мѣра оказывается спасительной еще въ другомъ отношеніи—она спасаетъ отъ гелотовъ—опасность, которую Архидамъ въ общемъ могъ, конечно, предвидѣть.

Мы установили, что гелоты вообще готовы всегда подняться: въ данное время они особенно возбуждены; надежды внушенныя имъ Павсаніемъ, еще не забыты. Какое же впечатлѣніе должны были произвести на нихъ ужасы землетрясенія?

Землетрясеніе на столько же отразилось на гелотахъ, какъ и на Спартіатахъ. То же отчаяніе охватило всѣхъ. Послѣдствія были другія, потому что была разница въ положеніи. Землетрясеніе произведено Посейдономъ — это первая мысль, которая пришла въ голову каждому въ Спартѣ. Значитъ Посейдонъ гнѣвается? За что же? Присоедините какойнибудь поразительный фактъ несчастія—напримѣръ гибель Спартанскаго юношества, которую легко было представить себѣ всеобщей—и отвѣтъ станетъ ясенъ.

Посейдонъ гнѣвается на Спартіатовъ за самый свѣжій, самый крупный фактъ ихъ нечестія, за оскверненіе его храма—за Тенарское преступленіе. Значитъ, богъ отступилъ отъ Спартіатовъ, онъ караетъ ихъ за наши обиды, богъ за насъ. Съ другой стороны погибли и наши—значитъ мой сынъ заплатился

за грѣхи господина; у меня погибло все — чего же мнѣ теперь бояться? Словомъ, я не берусь, конечно, описать всѣхъ тѣхъ формъ, въ которыхъ отливаются отчаянье и злоба. Конечно, не обошлось и безъ участія темныхъ элементовъ, всегда выплывающихъ наружу въ случаяхъ общественнаго несчастья.

Все это должно было повести къ образованію отдѣльныхъ шайкъ съ цѣлью грабежа и разбоя — слѣды организаціи могли оставаться со временъ Павсанія. Пока они собирались, должно было пройти сравнительно немного времени—не можемъ же мы предположить слишкомъ продолжительнаго періода господства полной паники среди Спартиатовъ. Гелоты не могли организовать стройнаго заговора. Шайки совершенно для себя неожиданно встрѣчаютъ вооруженный Спартанскій строй—они разсѣиваются, но дѣло этимъ не кончается. Волненіе, разъ поднявшись, распространяется все далѣе и далѣе. Вернувшись изъ неудачнаго нападенія, гелоты находятъ недовольство и въ болѣе отдаленныхъ частяхъ Лаконскихъ владѣній—въ старой Мессеніи.

Спартиаты рады ужъ тому, что спаслись въ данную минуту. Они и не ждутъ новой опасности. Пока дисциплина залечитъ раны, должно пройти время. Они отразили напавшихъ, а дальше будетъ, что будетъ.

Въ это время не спячь враги Спарты, происходятъ переговоры, заключаются союзы—надвигается грозная сила соединенныхъ Мессенянъ, гелотовъ, періэковъ.

Мятежники знаютъ, что нападеніе можетъ не удался; они привыкли бояться Спартанской фаланги. Что же будетъ, если побѣда будетъ не на ихъ сторонѣ? Нужно имѣть укрѣпленный пунктъ, операціонную базу. Они выбираютъ Итому³⁸⁾ и оттуда дѣлаютъ свои нападенія.

Въ дальнѣйшемъ мы разберемъ параллельно рассказы Діодора и Плутарха.

Діодоръ (XI. 64): οἱ δὲ Σπαρτιάται καταφυγόντες ἐπὶ τὴν παρὰ τῶν Ἀθηναίων βοήθειαν προσελάβοντο παρ' αὐτῶν δύναμιν. οὐδὲν δ' ἦττον καὶ παρὰ τῶν ἄλλων συμμάχων ἀδροίσαντες δυνάμεις ἀξιωμαχοὶ τοῖς πολεμίοις ἐγενήθησαν. καὶ τὸ μὲν πρῶτον πολὺ προεῖχον

³⁸⁾ Можно быть увѣреннымъ, что упомянутое Діодоромъ I. I. τῆς Μεσσηνίας χωρίον ἄχρον и есть Итома. Въ этомъ насъ убѣждаетъ м. п. и членъ, употребленный при упоминаніи Итомы.

τῶν πολεμίων, ὕστερον δὲ ὑποφίας γενομένης ὡς τῶν Ἀθηναίων μελόντων ἀποκλίνειν πρὸς τοὺς Μεσσηνίους ἀπέλυσαν αὐτῶν τὴν συμμαχίαν, φήσαντες ἱκανοὺς ἔχειν πρὸς τὸν ἐφεστῶτα κίνδυνον τοὺς ἄλλους συμμάχους. οἱ δὲ Ἀθηναῖοι δόξαντες ἑαυτοὺς ἠτιμᾶσθαι, τότε μὲν ἀπηλλάγησαν³⁹⁾ μετὰ δὲ ταῦτα ἀλλοτρίως ἔχοντες τὰ πρὸς τοὺς Λακεδαιμονίους αἰεὶ μᾶλλον τὴν ἔχθραν ἐξεπύρσευον. διὸ καὶ ταύτην μὲν ἀρχὴν ἔλαβον τῆς ἀλλοτριότητος, ὕστερον δὲ αἱ πόλεις δεηνῆχθησαν, καὶ μεγάλους ἐπανελόμενοι πολέμους ἐπλησαν ἅπασαν τὴν Ἑλλάδα μεγάλων ἀτυχημάτων. ἀλλὰ γὰρ περὶ τούτων ἐν τοῖς οἰκείοις χρόνοις ἀναγράφομεν

τότε δὲ οἱ Λακεδαιμόνιοι στρατεύσαντες ἐπὶ τὴν Ἰθώμην μετὰ τῶν συμμάχων ἐπολιόρουν αὐτήν. οἱ δ' Ἐἰλωτες πανδημεὶ τῶν Λακεδαιμονίων ἀφεστῶτες συνεμάχουν τοῖς Μεσσηνίοις, καὶ ποτε μὲν ἐνίκων, ποτὲ δ' ἤττωντο. ἐπὶ δ' ἔτη δέκα τοῦ πολέμου μὴ δυναμένου διακριθῆναι διετέλου τοῦτον τὸν χρόνον ἀλλήλους κακοποιῶντες.

Прежде, чѣмъ установить общее значеніе приведеннаго свидѣтельства Діодора, я постараюсь отдать себѣ отчетъ относительно значенія послѣдняго его отрывка, начиная отъ словъ τότε δέ, которыми Діодоръ желаетъ вернуться къ прерванному отступленіемъ разсказу. Очевидно, что до тѣхъ поръ повстанцы нападали на Лакедемонянъ и операціонная ихъ база оставалась свободной. Такимъ образомъ, отпустивъ Аѳинянъ, Лакедемоняне начинаютъ осаждать Итому — это самый рѣшительный успѣхъ, котораго только и можно желать. Между тѣмъ раньше дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Раньше сказано: Сначала Лакедемоняне благодаря помощи союзниковъ имѣли перевѣсъ, но затѣмъ явилось подозрѣніе противъ Аѳинянъ; конечно это только эллиптическое выраженіе вмѣсто болѣе полнаго—потомъ ихъ дѣла испортились, такъ какъ и т. д.

³⁹⁾ τότε μὲν ἀπηλλάγησαν — можетъ только одно означать; тогда они разошлись, не проявивши ничѣмъ своихъ враждебныхъ чувствъ, а послѣ? послѣ очевидно о проявленіи чувствъ должно говорить. А между тѣмъ и дальше о самыхъ чувствахъ идетъ рѣчь—въ сущности отрывокъ ровно ничего существеннаго не говоритъ—«нитая вражду, они все болѣе ее разжигали». «Поэтому», продолжаетъ Діодоръ—(при чемъ тутъ поэтому?) они равно какъ и это (καὶ ταύτην μὲν) взяли началомъ вражды, такъ и послѣ поссорились и т. д. Что противоположеніе хромаетъ, видно съ перваго взгляда. Мы не можемъ сомнѣваться, что Діодоръ здѣсь сокращаетъ и обрываетъ—какъ слѣдствіе этого я и объясняю себѣ странности отрывка.

Другое обстоятельство, невольно останавливающее наше внимание,—это странное сообщеніе о возстаніи гелотовъ. Вѣдь гелоты давно отпали—раньше Мессенянъ, и должны были отпасть: вѣдь не тогда же имъ было подымать возстаніе, когда дѣла Мессенянъ пошатнулись. Но здѣсь употребленъ перфектъ, почему фраза можетъ имѣть и другое значеніе. Допустимъ, что она значитъ: Гелоты, находящіеся въ состояніи общаго возстанія—по русски этого и сказать нельзя—воевали и т. д. Но это допущеніе нисколько не разсѣветъ нашего недоумѣнія. Вѣдь это было уже давно сказано, зачѣмъ это повторять? И что тутъ удивительнаго, если возставшіе съ Мессенянами гелоты вмѣстѣ съ гелотами заняли Итому, а значитъ ихъ вмѣстѣ на Итомѣ и осаждали. Тогда извѣстіе о возстаніи гелотовъ окажется совершенно бессмысленнымъ (Лакедемоняне осадили Мессенянъ и гелотовъ—гелоты возстали). Значитъ нужно предположить, что гелоты не на Итомѣ. Но тогда нельзя будетъ объяснить себѣ, какъ могли Спартанцы рѣшиться на ея осаду, имѣя въ тылу страну въ полномъ возстаніи. Наконецъ въ той связи, которую мы имѣемъ въ нашемъ отрывкѣ, нельзя не принимать 10 лѣтъ войны за тотъ періодъ, который въ нашемъ отрывкѣ и описывается — а тогда вѣдь война окажется гораздо продолжительнѣй того срока, который намъ данъ у Фукидида.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, кажется, и кроется отгадка всѣхъ тѣхъ недоумѣній, которыя вызываются нашимъ отрывкомъ. Вѣдь они являются только въ томъ случаѣ, если ихъ связать съ предыдущимъ. Между тѣмъ замѣчаніе о десяти годахъ, судя по Фукидиду, относится ко всей войнѣ. Нельзя ли поэтому предположить, что и самый отрывокъ относится также ко всей войнѣ—и неправильно связанъ Діодоромъ съ его предыдущимъ изложеніемъ. Объяснить это можно двоякимъ образомъ:

1) Діодоръ могъ перемѣнить источникъ—или вѣрнѣе: источникъ Діодора неоднороднаго происхожденія. Подобно тому, какъ мы имѣли компиляцію двухъ версій въ свидѣтельствѣ о землетрясеніи, мы можемъ имѣть ее и здѣсь.

2) Вѣроятнѣйшій мнѣ, однако, кажется слѣдующее. Діодоръ нашелъ въ своемъ источникѣ вслѣдъ за объясненіемъ возникновенія вражды между Аѳинянами и Спартанцами длинный экскурсъ о проявленіяхъ этой вражды, подобный тому, который есть у Фукидида. За этимъ экскурсомъ слѣдовало окончаніе

войны съ краткой рекапитуляціей предыдущаго. Діодоръ экскурсъ выпустилъ⁴⁰⁾, охарактеризовавъ въ краткихъ словахъ его содержаніе и извинившись въ томъ, что сдѣлалъ это, а рекапитуляцію принялъ за продолженіе и прибавилъ сейчасъ же. Конечно, тутъ она приняла новый, несоответствующій истинѣ смыслъ.

Но какъ бы мы ни объясняли возникновеніе отрывка, ясно, что онъ для насъ лишень всякаго значенія.

Если же мы отбросимъ эту несущественную часть, то мы увидимъ, что все остальное во всѣхъ имѣющихъ какое-либо значеніе чертахъ сходно съ Фукидидомъ. Что сходство здѣсь не случайное, что оно происходитъ не отъ тождества сообщаемыхъ фактовъ, ясно показываетъ отступленіе о возникновеніи афинско-спартанской вражды и дальнѣйшихъ ея слѣдствіяхъ, отступленіе, которое имѣетъ смыслъ только у Фукидида и у него объясняется его специальными цѣлями, какъ я въ своемъ мѣстѣ показалъ. Тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя черты, отступающіе отъ Фукидида, и нуждающіеся въ объясненіи

Замѣчаніе о томъ, что въ Аѳинянахъ не нуждаются потому, что достаточно другихъ союзниковъ, едва ли есть нѣчто большее, чѣмъ неудачное объясненіе Фукидидовскаго текста. Но едва ли такъ же случайно и то, что у Фукидида сказано, что Спартанцы призвали союзниковъ на помощь тогда, *ἐπει ἀποτοῦ ἐμυθίζετο ὁ πόλεμος*, между тѣмъ какъ у Діодора этого не сказано, хотя не сказано ничего противорѣчащаго. Замѣчаніе Фукидида имѣетъ тенденціозное значеніе. Имѣетъ ли его и умолчаніе Діодора? Точно также не невинно и противоположеніе, которое дѣлаетъ Діодоръ: сначала дѣла шли хорошо, но потомъ услали Аѳинянь. Конечно, это пустая фраза, риторическое украшеніе, но то, что она выдвигаетъ на первый планъ Аѳинянь, не можетъ не быть безтенденціознымъ. Дѣло очевидно въ томъ, что авторъ, слѣдуя Фукидиду, подъ вліяніемъ афинофильскихъ версій, которымъ онъ слѣдовалъ прежде въ описаніи землетрясенія, видоизмѣняетъ совершенно для себя безсознательно свой источникъ. Что подобное соединеніе версій, какое мы видѣли у Діодора, не можетъ быть ему и приписано, не требуетъ доказа-

⁴⁰⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

тельство. Очевидно и здѣсь, между раскрытыми нами версиями и Діодоромъ есть посредникъ—хорошо, если одинъ.

Иного характера свидѣтельство Плутарха (1. 1.). Πέμπουσιν οὖν οἱ Λακεδαιμόνιοι Περικλείδαν εἰς Ἀθήνας δεόμενοι βοηθεῖν, ὃν φασὶ κωμωδῶν Ἀριστοφάνης καθεζόμενον ἐπὶ τοῖς βωμοῖς ὡχρὸν ἐν φοινικίδι στρατιᾶν ἐπαιτεῖν. Ἐφιάλτου δὲ κωλύοντος καὶ διαμαρτυρομένου μὴ βοηθεῖν μηδ' ἀνιστάναι πόλιν ἀντίπαλον ἐπὶ τὰς Ἀθήνας, ἀλλ' εἶαν κείσθαι καὶ πατηθῆναι τὸ φρόνημα τῆς Σπάρτης, Κίμωνά φησι Κριτίας τὴν τῆς πατρίδος αὔξῃσιν ἐν ὑστέρω θέμενον τοῦ Λακεδαιμονίων συμφέροντος ἀναπέισαντα τὸν δῆμον ἐξελεθεῖν βοηθοῦντα μετὰ πολλῶν ὀπλιτῶν. Ὁ δ' Ἴων ἀπομνημονεύει καὶ τὸν λόγον, ᾧ μάλιστα τοὺς Ἀθηναίους ἐκίνησε, παρακαλῶν μῆτε τὴν Ἑλλάδα χολὴν μῆτε τὴν πόλιν ἑτερόζυγα περιδεῖν γεγενημένην. Ἐπεὶ δὲ βοηθήσας τοῖς Λακεδαιμονίοις ἀπῆει διὰ Κορίνθου τὴν στρατιᾶν ἄγων, ἐνεκάλει Λάχαρτος αὐτῷ πρὶν ἐντυχεῖν τοῖς πολίταις εἰσαγαγόντι τὸ στράτευμα καὶ γὰρ θύραν κόψαντας ἀλλοτρῖαν οὐκ εἰσέναι πρότερον ἢ τὸν κύριον κελεῦσαι. Καὶ ὁ Κίμων «Ἄλλ' οὐχ ὑμεῖς» εἶπεν «ὦ Λάχαρτε, τὰς Κλεωναίων καὶ Μεγαρέων πύλας κόψαντες, ἀλλὰ κατασχίσαντες εἰσεβιάσασθε μετὰ τῶν ὄπλων ἀξιούντες ἀνεωγέναί πάντα τοῖς μεῖζον δυναμένοις...». οὕτω μὲν ἐθρασύνατο πρὸς τὸν Κορίνθιον ἐν δέοντι καὶ μετὰ τῆς στρατιᾶς διεξήλθεν. Οἱ δὲ Λακεδαιμόνιοι τοὺς Ἀθηναίους αὐθις ἐκάλουον ἐπὶ τοὺς ἐν Ἰθώμῃ Μεσσηνίους καὶ Εἰλωτας, ἐλθόντων δὲ τὴν τόλμαν καὶ τὴν λαμπρότητα δείσαντες ἀπεπέμφαντο μόνους τῶν συμμάχων ὡς νεωτεριστάς. Οἱ δὲ πρὸς ὄργην ἀπελθόντες ἤδη τοῖς Λακωνίζουσι φανερώς ἐχαλέπαινον, καὶ τὸν Κίμονα μικρᾶς ἐπιλαβόμενοι προφάσεως ἐξωστράκισαν εἰς ἔτη δέκα.

Какими источниками пользовался Плутархъ, сказать, конечно, трудно, но уже теперь мы можемъ сказать, что онъ не писалъ ни по Стезимброту, ни по Иону, ни по Критію, ибо выписки изъ ихъ сочиненій именно какъ вставки и характеризуются, да и трудно предположить непосредственное пользование столь многочисленными и древними источниками. (Я, само собой понятно, этимъ вовсе не думаю отрицать знакомства съ ними Плутарха). На характеръ непосредственнаго источника Плутарха, единство котораго въ данномъ отрывкѣ можно, кажется, утверждать, указываетъ пользование Діогеномъ Περιεgetомъ, писателемъ 4-го вѣка. Источникъ Плутарха—въ какомъ-нибудь позднѣйшемъ писателѣ, пользовавшемся всеми этими писателями. Источникъ носитъ специально ученый, учено-александрійскій ха-

рактерь, какъ на это указываетъ цитата изъ Аристофана, та самая цитата, вліяніе которой на ходъ нашей традиціи мы уже имѣли случай видѣть.

Но насъ болѣе, чѣмъ самъ Плутархъ и его непосредственные источники, интересуютъ первоисточники — и съ этой точки зрѣнія приобрѣтаютъ особое значеніе Стезимбротъ, Іонъ и Критій. Они показываютъ, что древне-аѳинская политическая литература отъ временъ Кимона и до конца пелопонесской войны вошла какъ образующій элементъ въ нашу традицію. Мы, значитъ имѣемъ объ политическихъ событіяхъ этого времени современные и близкіе, но тенденціозно окрашенные рассказы.

Стезимбротъ намъ извѣстенъ, какъ горячій противникъ Эфіальта и Перикла—и eo ipso сторонникъ Кимона и Лакедемонянъ. Іонъ былъ въ личныхъ связяхъ съ Кимономъ (Plut. Cim. IX), Критій—знаменитый лаконофилъ, орудіе Лакоянъ, поклонникъ Кимона, желавшій себѣ (Plut. Cim. X).

Πλοῦτον μὲν Σχοπαδῶν μεγαλοφροσύνην δὲ Κίμωνος
νίκας δ' Ἀρχεσίλα τοῦ Λακεδαιμονίου

Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ разсматривать ту оцѣнку, которую Критій даетъ дѣйствіямъ Кимона, поставившаго по его словамъ τὴν τῆς πατρίδος ἀξίησιν ниже τοῦ τῶν Λακεδαιμονίων συμφέροντος.

Слова эти производятъ такое впечатлѣніе, будто заключаютъ въ себѣ осужденіе дѣятельности Кимона. Что же это за гражданинъ, который жертвуетъ выгодами своего отечества для чужаго государства? Но мы а priori должны предположить, что здѣсь такого смысла быть не можетъ. Какъ могъ рѣшиться одинъ изъ 30-ти тирановъ, ревностный членъ антидемократическихъ гетерій позволить себѣ такую выходку?

Мы, конечно, не знаемъ, когда и гдѣ написалъ это Критій, но нельзя же думать, чтобы авторъ приведенныхъ выше стиховъ отзывался неодобрительно о Кимонѣ. Тутъ вѣроятно, наоборотъ, нужно видѣть похвалу. Лаконофилъ Критій долженъ былъ въ благѣ Спарты видѣть благо своей страны. Онъ дѣйствовалъ явно для всѣхъ въ пользу Лакедемонянъ и не могъ того же поставить въ вину другому. Представимъ себѣ, что его въ этомъ упрекали. Тогда онъ заявляетъ: самъ Кимонъ такъ поступалъ—очевидно это хорошо.

Такъ же понимаетъ это сужденіе Критія Dümmler⁴¹⁾: Jedenfalls ist es als Lob zu fassen, wenn er von Kimon berichtete er habe den Vortheil Spartas für wichtiger gehalten als die αἰξήσις seiner Vaterstadt, denn grade die αἰξήσις missbilligt ja Kritias und dem Kimon opponirte damals der verhasste Bekämpfer des Areopags Ephialtes. Höchstens als practischen Fehler hätte Kritias das damalige Vorgehen des Kimon tadeln können, dessen μεγαλοφροσύνη er ja auch in einer Elegie bewundert⁴²⁾.

Такъ ли это понималъ непосредственный источникъ нашей біографіи Кимона, это вопросъ другой, для насъ нисколько не важный. Онъ чуждъ всякихъ лаконофильскихъ, да и антилаконскихъ тенденцій. Онъ именно ученый, собирающій и комбинирующій извѣстія мозаично и механично. Этимъ ученымъ характеромъ и слѣдуетъ объяснить извѣстіе Плутарха о двухъ походахъ, по различнымъ основаніямъ отвергаемое всѣми изслѣдователями⁴³⁾. Я думаю, что, не повторяя ихъ доводовъ, могу доказать то же простымъ анализомъ Плутарха.

Кимонъ помогъ Спартанцамъ и идетъ домой чрезъ страну Коринѳянъ, которые, конечно, какъ лучшіе друзья и союзники Спартанцевъ, должны были встрѣтить спасителя своего гегемона съ распростертыми объятіями. Увѣренный въ этомъ, Кимонъ могъ и не спросить позволенія пройти, это была только формальность. Серьезно рѣчи о разрѣшеніи и неразрѣшеніи быть не могло. Какъ испрашивать позволенія? А если его не дадутъ? Какъ могутъ его не дать? Лахартъ поступаетъ не совсѣмъ любезно, но не безъ резона. Онъ заявляетъ: тебѣ бы слѣдовало хоть въ дверь постучаться (таковъ смыслъ мѣста, текстъ котораго мнѣ не совсѣмъ ясенъ) — т. е. онъ учитъ его вѣжливости. Кимонъ обиженъ: «А вы стучались, когда проходили чрезъ стра-

⁴¹⁾ Die Ἀθηναίων πολιτεία des Kritias, Hermes XXVII, 274.

⁴²⁾ Замѣчу, кстати, что не могу признать основательности остальныхъ остроумныхъ соображеній Dümmler'а. Для меня, какъ и для многихъ другихъ, очень сомнительно самое существованіе прозаической Ἀθηναίων πολιτεία Критія, какъ особаго сочиненія.

⁴³⁾ Кромѣ Ant. Göbel, Der sogenannte dritte Messenische Krieg, Zeitschrift für die oesterreichischen Gymnasien, X (1859) 445 sqq. Göbel забываетъ, что существованіе двухъ различныхъ версій не доказываетъ существованія двухъ различныхъ событій.

ну Клеонейцевъ и Мегарянъ? Нѣтъ, вы ворвались силой, полагая, что все должно открываться предъ болѣе сильными». Отвѣтъ, котораго рѣшительность уступаетъ только его нерезонности. Лахартъ могъ съ полнымъ правомъ отвѣтить: «Совершенная правда, но вы изволили забыть, что Клеонейцы и Мегаряне не были нашими друзьями и союзниками, какъ вы, господа. Между нами нѣтъ враждебныхъ отношеній, между нами не можетъ быть рѣчи о болѣе или менѣе сильномъ».

Какъ бы то ни было, Лахартъ не возражаетъ. Аѳиняне прошли—понятно прошли—не въ томъ вѣдѣ и дѣло было. *Ὁὐτὼ μὲν ἐδραστύνατο πρὸς τὸν Κορίνθιον ἐν τῇ δέσσει.* Этого только и не доставало. Допустимъ, что отвѣтъ Кимона и справедливъ—при данныхъ обстоятельствахъ я нахожу его безтактнымъ и дерзкимъ,—но гдѣ же въ немъ смѣлость? Что за подвигъ онъ совершилъ? *Ἐν τῇ δέσει* указываетъ на то, что будто бы Кимонъ иначе пройти не могъ—а, между тѣмъ, Лахартъ говоритъ только о проступкѣ противъ международной вѣжливости, въ данномъ случаѣ вполне обязательной.

Кимонъ пошелъ на помощь Спартанцамъ — и затѣмъ, подавши ее (*βοήθησας* — въ сущности значить только то, что онъ подалъ помощь, а вовсе не то, что онъ помогъ) вернулся домой. Что это въ сущности значить? Гдѣ содержаніе для похода. Если мы спросимъ себя, почему же для похода нѣтъ содержанія, то наиболѣе, пожалуй ясный отвѣтъ будетъ: потому что самого похода не было. Въ самомъ дѣлѣ: ни одинъ изъ нашихъ источниковъ не знаетъ о двухъ походахъ—одинъ Плутархъ говоритъ о томъ, что было два, и онъ ровно ничего не знаетъ о первомъ, о второмъ знаетъ только то, что сказано у другихъ гораздо яснѣе и лучше. Не естественно ли предположить, что о первомъ онъ и не могъ ничего знать.

Мы уже видѣли несообразность бесѣды между Лахартомъ и Кимономъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ она, по словамъ Плутарха, имѣла мѣсто. Но предположимъ, что она имѣла мѣсто послѣ втораго похода. Аѳиняне *ἐβοήθησαν* Лакедемонянамъ, но тѣ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, ихъ отослали. Очевидно есть недовольство съ обѣихъ сторонъ; я въ своемъ мѣстѣ старался объяснить его возникновеніе и обрисовывать его характеръ. Что Коринѳяне играли не послѣднюю роль въ возникновеніи натянутости, вполне вѣ-

роятно для всякаго, кто знаетъ характеръ аѳинско-коринѳскихъ и коринѳско-лаконскихъ отношеній, кто прочтетъ у Фукидида исторію греческихъ отношеній отъ интересующаго насъ времени до возникновенія пелопонесской войны.

Кимонъ уходитъ съ войскомъ и поступаетъ невѣжливо. До вѣжливости ли ему? Теперь замѣчаніе Лахарта имѣетъ другой характеръ: Оно вытекаетъ изъ раздраженія и тонъ его становится до нѣкоторой степени оскорбительнымъ и угрожающимъ. Это замѣчаніе съ своей стороны натывается на раздраженіе Аѳинянъ и въ особенности глубоко оскорбленнаго Кимона. Онъ даетъ урокъ Лахарту, въ данномъ случаѣ заслуженный, и, что главное, сразу полагающій предѣлъ всякимъ придиркамъ. «Я обращаюсь съ вами, какъ съ друзьями, но въ сущности вы враги. А если вы враги, то помните же, что я сильнѣй васъ и могу поступить съ вами, какъ хочу». Отвѣтъ—внушительнъ и производитъ свое дѣйствіе—войско прошло безъ всякихъ непріятностей. Теперь Коринѳяне, пожалуй, могли бы ихъ дѣлать—послѣ перваго похода это не могло бы имъ и въ мысль прійти.

Такимъ образомъ анекдотъ о Кимонѣ и Лахартѣ имѣетъ смыслъ только по отношенію ко второму походу. Дѣло въ ученой комбинаціи. Надлежало сблизить двѣ версіи. По одной, которую мы видимъ у Аристофана, Аѳиняне спасли Спартакцевъ. Ей слѣдуетъ источникъ Плутарха и онъ долженъ устроить такой походъ. По другой Аѳиняне не спасли Спартакцевъ. Это—версія Фукидидовская и ее тоже зналъ и ею тоже воспользовался нашъ ученый. Нужно было согласовать оба преданія. Такъ какъ ни одной изъ версій онъ заподозрить не могъ, то онъ и прибѣгнулъ къ коньектурѣ: было два похода, первый удачный, второй безрезультатный. Для перваго похода онъ не имѣлъ ничего. Неопредѣленность слова *βοηθήσας* помогла ему воспользоваться анекдотомъ о Лахартѣ, какъ матеріаломъ для первой войны — очень неудачно, какъ я старался показать. Связать этотъ первый походъ со вторымъ, объяснить, почему понадобился второй, нашъ авторъ не умѣлъ. Онъ ученый. Онъ создаетъ коньектуру, но не станеть придумывать фактовъ. Гдѣ ничего нѣтъ, тамъ онъ ничего и не создаетъ⁴⁴⁾.

⁴⁴⁾ Самый текстъ показываетъ нитки, которыми спиты версіи. Лахартъ поступаетъ также невѣжливо, какъ Кимонъ: онъ также появляется

Между версіей, которую мы находимъ у Аристофана и Плутархомъ я указалъ необходимость посредствующаго звена въ трудѣ какогонибудь ученаго изслѣдователя. Для того, чтобы выяснитъ себѣ значеніе Аристофановской версіи, чтобы выяснитъ себѣ характеръ этого посредствующаго звена, мы должны обратиться къ изученію схолій къ Аристофановской Лисистратѣ.

Οἱ μὲν γὰρ Ἀθηναῖοι καταπονουμένοις αὐτοῖς ὑπὸ Μεσσηνίων διέσωσαν, οἱ δὲ Λακεδαιμόνιοι καθεῖλον τὴν τῶν Πεισιστρατιδῶν τυραννίδα βοηθοῦντες Ἀθηναίους (ad. v. 1137).

ταῦτα καὶ οἱ συντεταχότες τὰς Ἀτθίδας ἱστοροῦσι περὶ τῶν Λακεδαιμονίων ⁴⁵). ὁ δὲ Φιλόχορος φησιν καὶ τὴν ἡγεμονίαν τοῖς Ἀθηναίους λαβεῖν διὰ τὰς κατασχούσας τὴν Λακεδαίμονα συμφορὰς—σημαίνει ὅτι πόλεμος ἦν αὐτοῖς πρὸς Μεσσηνίους (ad. v. 1138).

σειῶν μέγα ὁ Ποσειδῶν. σεισμοὶ γὰρ συχνοὶ ἐγένοντο, ὅτε ὁ πόλεμος συνειστήκει (ad. v. 1142).

Κίμων μετὰ τὴν ἐν Πλαταιαῖς μάχην ἰβ ἔτει ὕστερον. ταῦτα ἦν ἐπὶ Θεαγενίδου. καὶ γὰρ τοῦ Ταυγέτου τι παρερῥάγη καὶ τὸ φδοῖον καὶ ἕτερα καὶ οἰκίαι πλείστα, καὶ Μεσσήνιοι ἀπρόσταντες ἐπολέμουν καὶ οἱ Ἕλλητες ἀπέστησαν, ἕως Κίμων ἐλθὼν διὰ τὴν ἰκετηρίαν ἔσωσεν αὐτοῖς (ad. v. 1148).

вдругъ, не постучавшись, не доложивши о себѣ. Кто онъ? Конечно Коринѳянинъ. Но почему онъ имѣетъ право говорить отъ имени Коринѳянъ? Такъ, какъ онъ упомянуть, онъ могъ бы быть упомянуть только въ текстѣ, гдѣ о немъ была раньше рѣчь (конечно я говорю не о грамматической формѣ); здѣсь связь нарушена и Лахартъ и является на сцену и уходитъ съ нея въ интересной роли таинственнаго незнакомца.

Съ другой стороны странно звучатъ слова, вводящіе новый походъ. οἱ δὲ Λακεδαιμόνιοι τοῖς Ἀθηναίους αὐθις ἐκάλουν ἐπὶ τοῖς ἐν Ἰθώμῃ Μεσσηνίους καὶ Ἕλλητας. Изъ двухъ обозначеній Μεσσηνίους καὶ Ἕλλητας второе лишнее, потому что оно было уже раньше дано, первое не логично. Нигдѣ не было говорено объ Итомѣ—повстанцы ἀνεχώρησαν ἐπὶ τὰς πόλεις—οἱ ἐν Ἰθώμῃ рѣшительно не мыслимы. Второй походъ, какъ я уже говорилъ, по Фукидиду—оттуда и терминъ οἱ ἐν Ἰθώμῃ. Выписанные слова только для αὐθις и существуютъ. Рекапитуляція, понятно, тоже по Фукидиду, и потому не находится въ согласіи съ предыдущимъ текстомъ.

⁴⁵) Ant. Göbel l. l. ταῦτα καὶ scheint für mich gegen des Thucydides Schweigen über diesen ersten Zug gerichtet zu sein. Примѣръ неудачнаго толкованія текста. Схоліастъ тоже молчитъ о двухъ походахъ. О полемикѣ не догадался бы и самъ Фукидидъ.

Это схолия. Главная цѣль — объяснить текстъ, главный источникъ—текстъ. Что въ немъ есть—свято и неприкосновенно. Исторической критикѣ здѣсь мѣста очень мало. Приводить нужно именно тѣ факты, которые необходимы для того, чтобы понять текстъ. Иной разъ достаточно только перефразировать его. Такую очень сжатую перифразу и представляетъ собой схолія къ 1137, излагающая общее содержаніе даннаго отрывка Лисистраты 1137 sqq.

Основной фактъ, который слѣдуетъ объяснить — это фактъ спасенія Аѳинянами Лакедемонянъ, слѣдуетъ объяснить какъ

Κίμων ἔλην ἔσωσε τὴν Λακεδαίμονα.

Для подтвержденія ссылаются на аттидографовъ. Это весьма важно; значить аѳинская оффиціальная традиція — вѣроятно аѳинская хроника—говорила объ этомъ. Но что и какъ? Одно дѣло фактъ, другое его окраска. Хроника могла гласить: «Спартанцы прислали къ намъ Периклеяда, который просилъ насъ помочь его странѣ. Мы послали Кимона, который и помогъ». Всѣ тѣ яркія черты, которыя придаетъ событію Аристофанъ, которыя объясняются свойствами его комическаго таланта, ситуацией дѣйствующихъ лицъ, цѣлью поэта, едва ли могли быть въ сухой хроникѣ или въ трудѣ ученаго аттидографа—во всякомъ случаѣ они не должны были тамъ быть. Самый текстъ, строго говоря, указываетъ на посольство Периклеяда — не болѣе.

Есть и ссылка на Филохора, но съ этой ссылкой слѣдуетъ быть очень осторожнымъ. Текстъ можетъ означать только то, что аттидографы говорятъ то то, а Филохоръ—тоже аттидографъ—говорить еще и то, что Аѳиняне пріобрѣли (λαβεῖν) гегемонію *διὰ τὰς καταστροφὰς τὴν Λακεδαίμονα συμφορὰς*. Тутъ дѣло не ясно. Не можемъ же мы думать, будто Филохоръ утверждаетъ, что Аѳиняне послѣ возстанія гелотовъ и пріобрѣли гегемонію. Путаница очевидно принадлежитъ не Филохору. Единственное объясненіе, которое, какъ мнѣ кажется, разрѣшаетъ загадку, слѣдующее. Филохоръ, дойдя въ своемъ изложеніи до возстанія Мессенянъ, сдѣлалъ отступленіе, въ которомъ въ общихъ выраженіяхъ говорилъ о томъ значеніи, которое имѣли въ исторіи Спарты и Аѳинъ Мессеняне, указавъ, пожалуй, на прояски Павсанія, который, какъ извѣстно, бунтовалъ послѣд-

нихъ, развилъ ту мысль, что страхъ предъ Мессенянами связывалъ Спартакъ руки—и присоединилъ общее замѣчаніе, что эти затрудненія Спартакцевъ, да и вообще ихъ *συμφωραί* (аог. *κατασχοβας* объясняется тѣмъ пониманіемъ текста, изъ котораго исходилъ схолиастъ) и повели къ захвату гегемоніи Аѳинянами. Прямо на опредѣленную войну онъ не указывалъ. Самыя выраженія схолиаста—особенно слово *συμβαλει*—показываютъ, что мы имѣемъ дѣло либо съ его догадкой, либо съ его резюмѣ. Только при этомъ пониманіи мы остаемся въ согласіи съ извѣстными намъ фактами. Повятно, что мы тогда и не будемъ усматривать въ свидѣтельствѣ Филохора ничего исторически новаго и важнаго. Для насъ остается тотъ важный результатъ, что версія Аристофана есть обще-аѳинская традиція. Положимъ, это и безъ того было для насъ ясно, но всегда пріятно, если самая необходимая гипотеза находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ писателя, да еще такого авторитетнаго, какъ Филохоръ.

Не изъ Филохора непосредвенно попало свидѣтельство въ нашъ контекстъ. Филохоръ одинъ изъ источниковъ, откуда черпалъ авторъ, послужившій въ свою очередь источникомъ нашего схолиаста—ученый александріецъ. Этотъ же александріецъ имѣлъ и свидѣтельство о землетрясеніи (ад. 1144). Было бы излишней тратой времени доказывать, что онъ же послужилъ источникомъ Плутарха; въ описаніи землетрясенія нѣкоторыя черты чуть ли не дословно сходны у того и другого. Значитъ опять таки становится ясно, что источникъ Плутарха—ученый. Изъ него заимствовано свидѣтельство, основанное на Аристофанѣ, равно какъ и свидѣтельство о землетрясеніи. Что оба были соединены, видно изъ схолиаста.

Но въ свидѣтельствѣ схолиаста и способъ датировки и самая дата другія. Значитъ Плутархъ свою дату заимствовалъ не изъ этого источника, значитъ онъ имѣлъ еще другой—мы уже увидѣли, что такой источникъ есть и что онъ спартанскаго происхожденія. Что источникъ этотъ связанъ съ Созибіемъ, давно извѣстно.

Словомъ, замѣчанія схолиаста документально подтверждаютъ тѣ выводы о составѣ Плутархова текста, къ которымъ привелъ насъ его внимательный анализъ. Самостоятельно историческаго значенія они не имѣютъ ⁴⁶⁾.

⁴⁶⁾ Напрасно придаетъ имъ это значеніе Göbel l. l.

Я уже останавливался на разборѣ Плутархова свидѣтельства о двухъ походахъ Аѳинянъ и старался показать, что существовалъ только «второй». Постараюсь опредѣлить время и характеръ этого «второго» похода.

Помощь подается благодаря Кимону и подъ его предводительствомъ. Фукидидъ рассказываетъ такъ: Тазосъ отпалъ отъ Аѳинянъ. Лакедемоняне обѣщали помочь отпавшимъ, но произошло землетрясеніе и возстаніе гелотовъ, которые ушли на Итому; πρὸς μὲν τοὺς ἐν Ἰθάκῃ πόλεμος καθειστήκει τοῖς Λακεδαιμόνιοις. Затѣмъ слѣдуетъ паденіе Тазоса и призваніе Аѳинянъ для участія въ осадѣ Итомы. «Da Thukydidies zwischen den Abfall von Thasos und die Unterwerfung der Insel die übrigen hier erwähnten Ereignisse eingeschachtelt hat, sa kann es keinem Zweifel unterliegen, dasz sie der Zeit nach Zwischenfälle waren (Krüger o. l. 144)».

Дѣло совершенно ясно. Да ясно оно и съ другой точки зрѣнія. Когда люди начинаютъ возстаніе, они, конечно, не рассчитываютъ на то, чтобы запереться въ крѣпость. Это дѣло послѣднее. И, дѣйствительно, мы читаемъ, что повстанцы старались биться нападая. Въ концѣ концовъ ихъ побѣдили, но это должно было потребовать времени. Не можетъ быть поэтому и рѣчи о томъ, что Лакедемоняне сейчасъ же звали Аѳинянъ, если звали ихъ для осады, какъ это сообщаетъ Фукидидъ. По принципу Krüger'a ранше долженъ былъ пасть Тазосъ. Но тоже ясно, если и не слѣдовать Krüger'у: Тазосъ былъ осаждаемъ и взятъ Кимонемъ, который долженъ былъ ранше освободиться, чтобы принять участіе въ новомъ походѣ. Кимонъ вернулся изъ Тазосской войны въ Аѳины, гдѣ его ждала политическая борьба, требующая времени. По Фукидиду призывъ совершается ἐπει ἐμμήνυετο ὁ πόλεμος. Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ ясенъ: Послѣ начала войны до призыва Аѳинянъ должно было пройти довольно много времени. Сколько же осталось до конца войны?

Тутъ прежде всего нужно воспользоваться свидѣтельствомъ Аристофана, устранять которое очень удобно, но далеко не критично.

Аристофана вовсе нельзя заподозрѣвать въ особомъ желаніи возвеличить Аѳинянъ и уличить Лакедемонянъ. А между тѣмъ свидѣтельство его ясно показываетъ, что Аѳиняне произвели

крутую перемену въ ходѣ войны. Да я уже и раньше говорилъ, что нѣтъ никакой возможности объяснить себѣ поведеніе Лакедемонянъ и жгучесть чувства обиды Аѳинянъ, если бы положеніе первыхъ не улучшилось благодаря призыву союзниковъ и если бы въ этомъ не было значительной заслуги со стороны вторыхъ.

Къ болѣе точнымъ выводамъ придемъ мы, если пойдёмъ по пути, указанному Нёcker'омъ⁴⁷⁾ (къ сожалѣнію самъ Нёcker не дошелъ на этомъ пути до конца).

Кимонъ возвращается изъ похода. При проходѣ чрезъ Коринѣскую область произошло извѣстное намъ столкновеніе Кимона съ Лахартомъ. Кимонъ указалъ на обиду, которую нанесли Коринѳяне Мегарянамъ. Когда они ее понесли, мы знать не можемъ, потому что не правъ Нёcker когда пишетъ: *Megaraenses enim non tribus aut pluribus demum annis post Corinthiorum invasionem a Lacedaemoniis descivisse censeari possunt, sed statim, ut auxilium sibi pararent, Atheniensium societati se addixerunt et a Lacedaemoniis defecerunt*, неправъ потому, что Мегаряне отпадать отъ Лакедемонянъ, конечно, могли, когда имъ это было угодно, но именно къ Аѳинянамъ они не могли бы пристать, такъ какъ Аѳиняне были въ союзѣ съ Спартянцами и не рѣшились бы принять въ союзъ мятежныхъ союзниковъ Спарты.

Между вторженіемъ Коринѳянъ и союзомъ съ Аѳинянами могло пройти не мало времени. Но дѣло мѣняется съ того момента, какъ нарушены добрыя отношенія Спарты и Аѳинъ. Какъ только можно было соединиться съ Аѳинянами, Мегаряне должны были это сдѣлать. За разрывомъ съ Спартой непосредственно слѣдуетъ союзъ съ Мегарой, а такъ какъ союзъ съ Мегарой заключенъ послѣ паденія Итомы⁴⁸⁾, то, очевидно Итома пала сейчасъ же послѣ возвращенія Кимона. Порядокъ событій такой. Кимонъ возвращается. Его отвѣтъ Лахарту долженъ возбудить въ Мегарянахъ надежды.

⁴⁷⁾ Philologus V 461 sqq. A. Höckeri ad editorem epistola critica.

⁴⁸⁾ Thuc. I, 103. 3. 4. ἐξῆλθεν δὲ αὐτοὶ (sc. οἱ Μεσσηνιοὶ) . . . καὶ αὐτοὶ Ἀθηναῖοι κατ' ἔχθος ἤδη τὸ Λακεδαιμονίων εἰς Ναύπακτον κατόπισαν, προσεχώρησαν δὲ καὶ Μεγαρήϊς κ.τ.λ.; καὶ было бы невозможно, если бы событія не слѣдовали непосредственно.

Но союзъ съ Мегарой не слѣдуетъ непосредственно за возвращеніемъ Кимона, потому что въ такомъ случаѣ этотъ союзъ и былъ бы первымъ проявленіемъ Аѳинско-Спартанской вражды, гораздо болѣе рѣзкимъ, чѣмъ союзъ съ Аргосомъ. Спарта не была въ союзъ съ Аргосомъ, не была съ нимъ въ открытой враждѣ. Союзъ съ Аргосомъ не являлся прямымъ покушеніемъ на права Спартанской гегемоніи. Союзъ съ Аргосомъ предшествовалъ заключенію союза съ Мегарой, но предшествовалъ непосредственно.

Выводъ, къ сожалѣнію недостаточно точный, такой: Походъ Кимона произошелъ чрезъ довольно значительный промежутокъ времени послѣ начала войны, но война закончена очень скоро послѣ возвращенія Кимона. Во всякомъ случаѣ во время событий, описанныхъ у Фукидида (I, 105), Аѳиняне уже въ союзъ съ Мегарянами — значитъ война съ Мессеніей кончена — раньше битвы при Танагрѣ, дата которой можетъ быть точно опредѣлена по Діодору Ol. 80. 1=458 а. Ch. N. (XI, 81).

Но этотъ нашъ выводъ находится въ противорѣчій съ хронологіей нашей войны у древнихъ историковъ. Поэтому намъ предстоитъ уяснить себѣ даты, засвидѣтельствованные намъ древними, и рассмотреть, насколько онѣ соотвѣтствуютъ истинѣ.

Когда началась война?

Вполнѣ несомнѣнно, что она началась послѣ битвы при Эвримедонтѣ. Krüger относитъ послѣднюю къ Ol. 77. 3=469 а. Ch. N., Clinton къ Ol. 78. 3=465⁴⁹⁾. Schäfer доказалъ, что по извѣстіямъ всѣхъ хронологическихъ источниковъ правъ Clinton. Но что, если другія соображенія заставляютъ все таки передвинуть начало войны до начала этого періода? Krüger въ своихъ соображеніяхъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ дату битвы при Эвримедонтѣ, и вычисляетъ начало войны совершенно независимо.

Землетрясеніе и связанное съ нимъ начало войны произошло послѣ начала возстанія Тазоса. Для послѣдняго мы имѣемъ дату у Діодора (XI. 70) Ol. 79. 1=464. Но этой даты мы не можемъ принять на вѣру, хотя, какъ мы увидимъ, она ближе всего къ истинѣ. Діодоръ не остается ей вѣренъ. Землетрясеніе онъ отно-

⁴⁹⁾ Cp. Wilamowitz Arist. u. Athen. II. 292 Köhler Herm. 24, 90.

ситъ (XI. 63) къ Ol. 77. 4=469—т. е. въ времени раньше возстанія въ Тазосѣ. Наконецъ, онъ кончаетъ войну (XI. 84) Ol. 81. 1 456, т. е. начинается ея въ 466 году, такъ какъ, слѣдуя Фукидиду, считаетъ ея продолжающеюся 10 лѣтъ. Конечно, та или другая изъ этихъ датъ можетъ быть и вѣрна, но противорѣчія лишаютъ ихъ всѣ права на наше довѣріе. Приходится прибѣгать къ комбинаціямъ. Фукидидъ (I, 100. 2. 3): χρόνος δὲ ὕστερον ξυμβῆθη Θασίους αὐτῶν ἀποστῆναι διενεχθέντας περὶ τῶν ἐν τῇ ἀντιπέρας Θράκῃ ἐμπορίων καὶ τοῦ μετάλλου, ἃ ἐνέμοντο. καὶ ναυσὶ μὲν ἐπὶ Θάσον πλεύσαντες οἱ Ἀθηναῖοι ναυμαχίᾳ ἐκράτησαν καὶ ἐς τὴν γῆν ἀπέβησαν· ἐπὶ δὲ Στρυμόνα πέμφαντες μυρίους οἰκήτορας αὐτῶν καὶ τῶν συμμαχῶν ὑπὸ τοὺς αὐτοὺς χρόνους, ὡς οἰκοῦντες τὰς τότε καλουμένας Ἐννέα ὁδοὺς, νῦν δὲ Ἀμφίπολιν, τῶν μὲν Ἐννέα ὁδῶν αὐτοὶ ἐκράτησαν, ἃς εἶχον Ἠδωνοί, προσελθόντες δὲ τῆς Θράκῃς ἐς μεσόγειαν διεφθάρησαν ἐν Δραβήσκει τῇ Ἠδωνικῇ ὑπὸ τῶν Θρακῶν ξύμπαντες, οἷς πολέμιον ἦν τὸ χωρίον αἱ Ἐννέα ὁδοὶ κτιζόμενον.

Здѣсь даны слѣдующіе факты: 1) Возстаніе Θρακίіцевъ. Аѳиняне ихъ побѣдили на морѣ и высадились на островъ. 2) Аѳиняне высылаютъ колонію въ Ἐννέα ὁδοί. Этой мѣстностью они завладѣли, но при Драбескѣ были перебиты.

Всѣ эти факты Krüger считаетъ одновременными. Если, значить, ему удастся опредѣлить время одного изъ нихъ, будутъ опредѣлены всѣ. Krüger (o. l. 145) старается опредѣлить дату втораго ряда событій по одному мѣсту схолій къ Эсхину (De falsa legatione, pg. 755 Reiske): τὰ δ' ἀτυχήματά (о которыхъ упоминаетъ ораторъ) ἔστι ταῦτα: πρῶτον μὲν Λυσιστράτου καὶ Λυκούργου καὶ Κρατίνου στρατευσάντων ἐπ' Ἠϊόνα τὴν ἐπὶ τῷ Στρυμόνι. Διεφθάρησαν γὰρ ὑπὸ Θρακῶν εἰληφότες Ἠϊόνα ἐπὶ ἄρχοντος Ἀθήνησι Φαίδωνος, δεῦτερον οἱ μετὰ Λεωγόρου κληροῦχοι ἐπὶ Λυσικράτους κτλ.

О первомъ изъ этихъ несчастій Krüger и не говоритъ: по его мнѣнію то, о которомъ говоритъ Фукидидъ, равняется второму схоліаста. Лисикратъ былъ архонтомъ Ol. 81. 4=453; не можетъ быть и рѣчи объ этой датѣ. Приходится прибѣгать къ поправкѣ, но какъ на несчастіе въ 467 году архонтомъ былъ Лисистратъ, въ 466 Лисаній, въ 465 Лиситей. Конечно, коньектура, предлагаемая Krüger'омъ—Лисистратъ вмѣсто Лисикратъ, легка, но тамъ гдѣ приходится выбирать между Лисистратомъ Лисаніемъ и Лиситеемъ каждая изъ коньектуръ почти одинаково

легка, и ни одна изъ нихъ не рѣшитъ дѣла. Krüger и старается поддержать ее другими соображеніями. Но и самое приуроченіе Krüger'a подвергается сомнѣніямъ со стороны Göbel'я (I. 1.). Онъ исходитъ изъ правильнаго принципа. Будемъ держаться текста. Первое несчастіе относится къ 476 году, второе къ 453, объ остальныхъ не будемъ и говорить. Ни то, ни другое не можетъ быть идентично съ несчастіемъ при Драбескѣ. Можетъ ли быть это послѣднее выпущено? Значитъ, несчастіе при Драбескѣ скрыто въ одномъ изъ этихъ извѣстій. Второе не относится къ Драбеску. Леогоръ есть по мнѣнію Гебеля тотъ самый, котораго упоминаютъ подъ именемъ Леагра вмѣстѣ съ Сафономъ Геродотъ (IX. 75) и Павсаній (I. 29. 5), какъ павшихъ при Датѣ. Датъ вовсе не равняется Драбеску. Къ тому же Сафонъ упоминается въ 460 году—значитъ онъ не могъ пасть подъ Драбескомъ.

Итакъ, несчастіе при Драбескѣ есть первое изъ упоминаемыхъ схолиастомъ. Въ 476 году, когда былъ архонтомъ Федонъ такого несчастія быть не могло (Thuc. I. 98). Значитъ, здѣсь ошибка и слѣдуетъ исправить Φαίδω. Гебель предлагаетъ читать Ἀφφρίων. Ошибка объясняется тѣмъ, что у Діодора и подъ 469 годомъ намѣченъ Φαίων, по другимъ рукописямъ Φαίδω, между тѣмъ какъ Magmor Parium имѣетъ Ἀφφρίων.

Но чѣмъ одна конъектура лучше другой? Гебель совершенно произвольно отождествляетъ Леогора съ Леагромъ. И, наконецъ, онъ основывается уже раньше всего на томъ, что битва при Драбескѣ произошла въ 467 г., т. е. основывается на Krüger'ѣ же и его независимыхъ отъ схолиаста соображеніяхъ. Krüger исходитъ изъ Фукидида (IV. 102. 1. 2. 3). Βρασίδας ἔχων τοὺς ἐπὶ Θράκης ζυμμάχους ἐστράτευσεν ἐς Ἀμφίπολιν τὴν ἐπὶ Στρυμόνι ποταμῷ Ἀθηναίων ἀποικίαν. τὸ δὲ χωρίον τοῦτο ἐφ' οὗ νῦν ἡ πόλις ἐστὶν ἐπέειρασε μὲν πρότερον καὶ Ἀρισταγόρας ὁ Μιλήσιος, φεύγων βασιλέα Δαρείον, κατοικίσαι, ἀλλὰ ὑπὸ Ἠδώνων ἐξεκρούσθη, ἔπειτα δὲ καὶ οἱ Ἀθηναῖοι ἔτεσι δύο καὶ τριάκοντα ὕστερον, ἐποίκους μύρους σφῶν τε αὐτῶν καὶ τῶν ἄλλων τὸν βουλόμενον πέμψαντες, οἱ διεφθάρησαν ἐν Δραβήσκιῳ ὑπὸ Θρακῶν. καὶ αὐθις ἐνός δέοντι τριακοστῷ ἔτει ἐλθόντες οἱ Ἀθηναῖοι, ἄγνωτος τοῦ Νικίου οἰκιστοῦ ἐκπεμφθέντος, Ἠδῶνας ἐξελάσαντες ἔκτισαν τὸ χωρίον τοῦτο, ὅπερ πρότερον Ἐγγέα ὀδοὶ ἐκαλοῦντο.

Krüger утверждаетъ: Thukydides bezeichnet das Jahr wo die Ansiedler ausgesandt wurden (I. 1. 146). Едва ли Фукидидъ

думалъ о такомъ точномъ опредѣленіи, но текстъ его говорить противъ толкованія Krüger'a. Не можетъ быть сомнѣнія, что онъ вездѣ имѣетъ въ виду одно и тоже—либо высылку колонистовъ, либо основаніе города. Въ послѣднемъ изъ трехъ указанныхъ случаевъ прямо говорится ἔκτισεν, въ первомъ и рѣчи о высылкѣ колонистовъ быть не можетъ—очевидно, что объ основаніи города идетъ рѣчь и во второмъ. Сказано: въ первый разъ попытался Аристокоръ, во второй—попытались Афиняне съ такими то и такими то силами—πέμψαντες и т. д. Очевидно здѣсь моменты не отличаются⁵⁰⁾.

Итакъ, Агнонъ основалъ колонію въ 437/6 году. На двадцать девятомъ предшествующемъ году произошли событія, кончившіяся пораженіемъ при Драбескѣ. Постараемся опредѣлить

⁵⁰⁾ Да и весь этотъ вопросъ не имѣетъ того значенія, которое ему приписывалъ Krüger. Ему нужно было объяснить различіе показаній Діодора и Фукидида, но этого различія нѣтъ. Діодоръ (XII. 68) говоритъ: Βρασιδάς . . . ἐστράτευσεν ἐπὶ τὴν καλουμένην Ἀμφίπολιν. ταύτην δὲ τὴν πόλιν πρότερον μὲν ἐπεχείρησεν οἰκίζειν Ἀρισταγόρας ὁ Μιλήσιος, φεύγων Δαρείον τὸν βασιλέα τῶν Περσῶν· ἐκείνου δὲ τελευτήσαντος καὶ τῶν οἰκητόρων ἐκπεσόντων ὑπὸ Θρακῶν τῶν ὀνομαζομένων Ἠθῶνων, μετὰ ταῦτα ἔτσι διοὶ πρὸς τοὺς τριάκοντα Ἀθηναῖοι μυρίους οἰκητόρας εἰς αὐτὴν ἔπεμψαν. ὁμοίως δὲ καὶ τούτων ὑπὸ Θρακῶν διαφθαρέντων περὶ Δράβησκον, διαλιπόντες ἔτη δύο πάλιν ἀνεκτίθησαν τὴν πόλιν Ἀγνωνος ἡγουμένου. Если почти дословное сходство съ текстомъ Фукидида недостаточно убѣдительно доказываетъ, что Діодоръ—посредственно или непосредственно—черпаетъ изъ Фукидида, то едва ли кто нибудь допуститъ, что два писателя независимо одинъ отъ другого написали одинъ и тотъ-же хронологическій экскурсъ и по одному и тому-же случаю. Поэтому разницы въ смыслѣ между текстами Фукидида и Діодора быть не можетъ. Какъ ни остроумна догадка Krüger'a, который полагаетъ, что δύο есть неправильно раскрытое Δ, это же описка вмѣсто Δ, и читаетъ поэтому τριάκοντα,—эту догадку слѣдуетъ оставить и писать—какъ у Фукидида 29. Тогда, пожалуй, и не будетъ противорѣчія съ другими датами Діодора, у котораго пораженіе подъ Драбескомъ разсказано подъ Ol. 791=464 (XI. 70. тоже по Фукидиду), объ основаніи колоніи Агнономъ подъ Ol. 85. 4=437. (XI. 32). Между этими датами, считая, по способу древнихъ, перваго и послѣдняго, мы насчитаемъ 28 архонтовъ, которыхъ Діодоръ, не совершенно правильно, подсчиталъ за 28 полныхъ лѣтъ—ἐνὸς δέοντι τριακοστέφ. Схолія къ Эскину (I. 1.)—тоже, конечно, по Фукидиду. Τὰς ἑννέα ὀδοὺς Ἀγνων σοσικίσας Ἀμφίπολιν ἐκάλεσε ἐπ' ἄρχοντος Ἀθήνησι Εὐθυμένους=Thus. ὑπερ πρότερον ἑννέα ὀδοὶ ἐκαλοῦντο . . . ἦν Ἀμφίπολιν Ἀγνων ὀνόμασε. Такимъ образомъ, принявши за исходную дату Евтимена—464—собственно 465/4, мы будемъ слѣдовать одному Фукидиду.

самую раннюю дату. Положимъ, что 437/6 архонтскій годъ только что начался, что отъ искомыхъ событій прошло почти полныхъ 29 лѣтъ, допустимъ, что счетъ ведется отъ послѣдняго акта драмы,—пораженія при Драбескѣ—тогда мы будемъ имѣть для пораженія 466 годъ. Высылка колонистовъ, завоеваніе *Ἐυυέα ἐδοί* можетъ быть и въ 467 и раньше. Самая поздняя дата будетъ 464 годъ. Мы вѣдь не знаемъ, какъ считалъ въ данномъ случаѣ Фукидидъ — годами ли архонтовъ, или естественными годами, мы не знаемъ, сколько прошло въ 29-мъ году. Я даже сомнѣваюсь, можемъ ли мы настаивать на томъ, что здѣсь порядковое числительное. Что если оно употреблено въ цѣляхъ стилистическаго разнообразія?

Даты, которыя мы получили—466 годъ, выведенный Krüger'омъ и 464⁵¹⁾, дата Schäfer'a—это предѣлы, между которыми мы находимся при опредѣленіи времени битвы при Драбескѣ. Выбрать между ними, по моему крайнему разумѣнію, невозможно

Но цифру можно вывести и другимъ путемъ, пользуясь вторымъ указаніемъ Фукидида. Попытка, кончившаяся пораженіемъ при Драбескѣ имѣла мѣсто 32 года послѣ попытки Аристокора, окончившейся гибелью послѣдняго (Herod. V. 126). Но когда погибъ Аристокоръ? По Krüger'у къ концу Ol. 70. 2=499 или началу Ol. 70. 3=498. По Клинтону Ol. 70³/₄=487. Я не смогу лучше показать, на сколько шатки всѣ наши соображенія тамъ, гдѣ нужно опредѣлить столь тонкую разницу, чѣмъ сдѣлавши довольно значительную выписку изъ Krüger'a (l. l. 147), выписку, изъ которой одинаково ясны будутъ и громадное остроуміе изслѣдователя и безрезультатность изслѣдованія.

Aus Herodotos geht unzweifelhaft hervor, dass Aristagoras kurz nach der Zerstörung von Sardes nach Thracien entfloh. Denn nachdem die Feldherrn des Dareios die Hellenen, welche nach Sardes gezogen waren, geschlagen und sie auf die Schiffe zu flüchten genöthigt hatten, theilten sie sich und eroberten die Städte (Herod. V. 116.) „Als aber die Städte eingenommen wurden, sann Aristagoras, als er dies sah, auf Entweichung“ (Herod. V. 124) Und dass er wirklich sehr bald, dass heisst in demselben Jahre (?), diesen Vorsatz ausgeführt

⁵¹⁾ Cp. Wilamowitz. l. l.

habe, erhellt daraus, dass er schon gefallen war, als Histiäos zu Sardes ankam (?) (Herod. VI. 1). Unbegreiflich ist es, wie Clinton Histiäos Heimkehr in Ol. 70.4=496 setzen konnte. Denn Dareios hatte nicht sobald den Abfall der Joner und Sardes Zerstörung erfahren, als er den Histiäos nach Niederasien entliess (Herod. V. 106). Wie ist es aber denkbar, dass zwischen diesen Begebenheiten und Histiäos Ankunft zu Sardes ein Zeitraum von drei Jahren verflossen sein sollte?

Nur wenig gewinnt Clintons Berechnung durch die bedenkliche Annahme, dass Herodotos die Erzählung von Aristagoras letzten Schicksalen vorweggenommen habe. Denn immer muss man doch zugeben, dass derselbe bei Histiäos Auftreten in Jonien bereits entwichen war, da nirgends eine Spur gemeinschaftlicher Pläne und Handlungen zu entdecken ist, und als Histiäos kurz nach seiner Ankunft bei Miletos erschien, die Milesier, wie Herodotos bestimmt erwähnt (VI. 5), den Aristogaras bereits los waren.

Wie viel Zeit aber zwischen dem Abfall der Joner und der Ankunft des Histiäos verflossen sei, bezeichnet Herodotos deutlich genug. „Während die Nachricht über Sardes,“ sagt er (V. 108) „zum Könige gelangte, und Histiäos vom Könige entlassen nach der Küste reiste, unter der ganzen Zeit ereignete sich folgendes.“ Dann erzählt er den Abfall der Kyprier, die nachdem sie ein Jahr frei gewesen, wieder unterjocht wurden (V. 116). Hieran schliesst er die Darstellung der von den Persern gegen Karien Aeolis und Jonien gerichteten Unternehmungen, dass diese aber mit dem Kriege in Kyprus gleichzeitig stattfanden, bezeichnet er durch die Angabe, dass sie unmittelbar nach der Schlacht bei Ephesus erfolgten (l. l.)—und dass sie nicht lange Zeit ausfüllten, geht aus der ganzen Erzählung hervor. Hiernach also muss Histiäos gegen das Ende des zweiten oder im Anfange des dritten Jahres der Ol. 70 nach Sardes gekommen sein, als Aristagoras bereits nach Thracien entwichen, und, wie es scheint (?), schon getödtet war. Da mithin seine Ansiedelung am Strymon in Ol. 70,2 (?) fällt, so ergibt sich, dass die 32 Jahre später erfolgte Absendung (?) der Athenischen Ansiedler nach jener Gegend in das Jahr des Lystratos Ol. 78.2=467 zu setzen sei.

Сами древніе едва ли могли рѣшить между годомъ, двумя — можемъ ли на это надѣяться мы?

Въ концѣ концовъ, не смѣтря на все усилія, мы получили дату не точную и неопредѣленную. Какой именно моментъ описываемыхъ Фукидидомъ событій имѣется въ виду? Декретъ объ высылкѣ колоніи во Фракію? Самое отправленіе колонистовъ? Завоеваніе *Ἐυνέα ἔδοι*? Пораженіе при Драбескѣ? А вѣдь все это должно было занять далеко не мало времени. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. За рѣшеніемъ не сейчасъ же слѣдуетъ исполненіе, за выѣздомъ прибытіе, за прибытіемъ завоеваніе. Занявши *Ἐυνέα ἔδοι*, колонисты должны были тамъ основаться—затѣмъ ихъ и послали туда, чтобы они тамъ поселились, — укрѣпиться, постараться обезпечить за собой этотъ важный пунктъ, и только затѣмъ они могли думать о походѣ въ глубь страны. Было бы совершенно ненаучно, да и излишне пытаться угадать, сколько времени это должно было занять, но ясно, что все эти обстоятельства еще болѣе усиливаютъ неопредѣленность найденныхъ нами датъ.

И что мы выигрываемъ отъ этихъ датъ? *ὅτῳ τούτῳ αὐτῶς χρῶνους* указываетъ только на приблизительную одновременность событій, которыхъ Фукидидъ не ставитъ ни въ какую причинную связь. Если эти событія онъ ставитъ рядомъ, то гораздо большее въ этомъ отношеніи значеніе имѣеть съ одной стороны то, что они происходятъ въ однихъ и тѣхъ же приблизительно мѣстахъ, съ другой то, что оба находятся въ связи съ вопросомъ о Фракійскихъ рудникахъ, имѣющихъ для Фукидида спеціально-личный интересъ. (Фукидидъ особенно тщательно относится ко всему, что въ связи съ Амфиполемъ—понятно, почему); *ἕκτα δὲ τούτοις πρᾶττομένους* Діодора (XI. 70), если бы оно и было точнѣе, не имѣло бы никакого значенія, потому что несомнѣнно списано у Фукидида.

Если мы такимъ образомъ на основаніи словъ Фукидида не можемъ утверждать дѣйствительной одновременности возстанія Тазоса и ряда событій, кончившихся пораженіемъ при Драбескѣ, то историческая связь фактовъ заставляетъ насъ прямо отрицать эту одновременность.

Въ Аѣинахъ рѣшили отправить во Фракію 10000 человѣкъ. Могутъ ли въ такой моментъ Тазосцы думать о возстаніи. Аѣиняне владѣютъ всеми своими обычными средствами,—но кромѣ

того большая часть ихъ гражданъ поставлена на военную ногу, аѳинскій флотъ готовъ во всякій моментъ сняться съ якоря; въ ихъ распоряженіи союзные волонтеры, стекающіеся въ Аѳины, чтобы принять участіе въ колонизаціи; для послѣднихъ очень важно, чтобы предпріятіе было исполнено.

Колонисты выѣхали и основались въ Ἐυυέα ὄδοι. Понятно, что Тазосцы и шевельнуться не посмѣютъ. Колонисты не стануть сидѣть сложа руки. Въ самое короткое время они могутъ быть на Тазосѣ—и если ихъ недостаточно для того, чтобы подавить возстаніе, то для того, чтобы не дать ему сдѣлаться опаснымъ, ихъ вполне довольно.

Допустимъ, съ другой стороны, что Тазосъ возсталъ до декрета. Могли ли бы въ такое время Аѳиняне думать о высылкѣ колоніи вообще, о лишеніи себя массы людей въ пору, когда рѣчь шла о существованіи союза — каждое возстаніе ему грозило—могли ли они думать объ основаніи колоніи въ странѣ, гдѣ въ тылу у нихъ были враги; если бы колонисты были уже въ Ἐυυέα ὄδοι, то само собой они не оставили бы этого города не защищеннымъ, не рѣшились бы углубиться въ враждебную страну, имѣя враговъ еще и за собой. Ясно, что ни высылка колонистовъ, ни пораженіе при Драбескѣ не могли имѣть мѣста послѣ возстанія Тазоса, ясно, что возстаніе не могло быть ни послѣ декрета, ни раньше пораженія при Драбескѣ. Единственный моментъ, когда могло вспыхнуть возстаніе—это послѣ этого пораженія. Тогда Тазосцамъ нечего было бояться. Дунверъ въ одной изъ превосходнѣйшихъ страницъ своей исторіи⁵²⁾ съ полной ясностью показалъ, что именно пораженіе и послужило сигналомъ возстанію.

Мы опредѣлили для событій во Фракіи предѣлы между 467—464 годами (напомню, что болѣе вѣроятности за болѣе ранній срокъ). Послѣ находящейся между этими предѣлами даты слѣдуетъ помѣстить возстаніе Тазоса и слѣдующее за нимъ землетрясеніе и возстаніе Мессенянъ.

Съ этимъ выводомъ согласны и тѣ данныя, которыя мы имѣемъ у Плутарха и Павсанія.

⁵²⁾ VIII. 23. 1. 2. Съ соображеніями Wilamowitz'a l. l. я не могу согласиться.

По Плутарху землетрясение случилось на 4-мъ году царствованія царя Архидама; мы уже видѣли, насколько авторитетны въ этомъ случаѣ источники Плутарха.

Представимъ слово Krüger'у (о. l. 15) Nach Thukydidēs (III, 1) befahlte Archidamos das Heer, welches im vierten Jahre des Peloponesischen Krieges, im Frühling Ol. 87,4. (=429 a. Ch. N.) gegen Attika ausgesandt wurde. Um indes unsere Berechnungen noch besser zu begründen, müssen wir die Todeszeit dieses Königs möglichst genau nachzuweisen versuchen.

Archidamos Sohn Agis wird zuerst im Frühling Ol. 88.2 (=427 a. Ch. N.) als König erwähnt (Thuc. III, 89.) Bei dem Einfall, der im vorigen Jahre erfolgte, befahlte die Peloponesier statt des noch unmündigen Königs Pausanias dessen Oheim Kleomenes (Thuc. VIII. 26.) Aus dieser Angabe darf man schliessen, dass Agis damals noch nicht König war. Denn sonst würde unstreitig er, der längst das männliche Alter erreicht hatte, (Xen. Hell III. 3.1), nicht der Vormund des unmündigen Königs, den Oberbefehl erhalten haben. Man darf also mit hoher Wahrscheinlichkeit vermuthen, dass Archidamos im Frühling Ol. 88.1 (=428 a. Ch. N.) noch lebte, aber durch Siechthum die Führung des Heeres zu übernehmen verhindert wurde. Sein Tod wird hienach in die erste Hälfte von Ol. 88,2 zu setzen sein. (=427 a. Ch. N.) Wenn wir diese Bestimmung als feststehend betrachten und zugleich die von Diodoros an zwei Stellen (XI 46. XII 35) überlieferte Angabe, dass Archidamos 42 Jahre regiert habe, als beglaubigt annehmen, so ergibt sich, dass der Regierungsantritt dieses Königs in Ol. 77,4 (=469 a. Ch. N.) zu setzen ist ⁵³).

Если мы примемъ во вниманіе, что Krüger приписываетъ своему вычисленію только eine hohe Wahrscheinlichkeit, если примемъ во вниманіе, что не знаемъ, какая часть 427 года (года смерти Архидама) протекла, что 42 года не могутъ быть

⁵³) Діодоръ (XI. 48) относитъ вступленіе Архидама на престолъ къ Ol. 76. 1 (=476), находясь при этомъ въ противорѣчій съ самимъ собой (XII. 52). Krüger объясняетъ ошибку смѣшеніемъ архонта 469 года Φαίδωνъ съ Φαίωνъ 476 — смѣшеніемъ, на которое мы уже имѣли случай указывать. Напомнимъ, что въ 469 году по Marmor Parium архонтъ Ἀφφίωνъ.

полными, если мы словомъ оговоримся, что ошибка въ предѣлахъ *minimum* одного года вполне возможна, то мы можемъ принять дату Krüger'a. Schäfer ее и принимаетъ (l. l. 8).

Такъ какъ Архидамъ вступилъ на престолъ въ 469 году и такъ какъ землетрясеніе случилось на 4-мъ году его царствованія, то . . . интересно видѣть, какъ оба ученыхъ, исходя изъ совершенно одинаковыхъ основаній, приходятъ къ различнымъ выводамъ—каждый къ тому, который ему нуженъ: Ol. 78. 3 (=466) Krüger, Ol. 79. 1 (=464) Schäfer. Мы не знаемъ, какая часть Ol. 74. 4 прошла, когда вступилъ на престолъ Архидамъ, мы не знаемъ сколько времени длился уже четвертый годъ его царствованія, когда случилась катастрофа—т. е. мы опять наталкиваемся на тѣ затрудненія, которыя дѣлали столь затруднительными наши вычисленія раньше. Schäfer желаетъ воспользоваться тѣмъ, что официальный Спартанскій годъ начинался во время осенняго равноденствія. Но вѣдь царь вступалъ на престолъ, когда приходилось, и годы царствованія Архидамъ считаетъ Плутархъ, а не гражданскіе годы Спарты. Нужно замѣтить, что, если Krüger дѣйствуетъ произвольно въ законныхъ предѣлахъ, то Schäfer въ своемъ консерватизмѣ за нихъ выходитъ.

Но выводы Schäfer'a находятъ подтвержденіе въ словахъ Павсанія—лучше сказать они насильственно подогнаны къ этимъ словамъ. Павсаній (IV. 24. 5) прямо заявляетъ, что Мессеняне отпали въ 1-ый годъ 79 олимпіады, въ архонство Архимеда—что несомнѣнно нужно измѣнить въ Архимеда.

Если бы только мы могли знать, откуда взято это показаніе, если бы оно только не было результатомъ комбинаціи, подобной тѣмъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ трудахъ новѣйшихъ ученыхъ. Рядомъ съ колебаніями, которыя вытекли изъ соображенія всѣхъ имѣющихся у насъ фактовъ, мы не можемъ твердо опереться на Павсанія, какъ бы удобна ни была для насъ его дата.

И къ тому же есть еще одна пух и сгук, которая окончательно сбиваетъ насъ съ толку. Это свидѣтельство схолій къ Аристофану, покоящихся на такихъ авторитетныхъ источникахъ, какъ аттидографы. Тамъ сказано (ad. Arist. Lysistr. 1144), что

интересующія насъ событія случились *μετὰ τὴν ἐν Πλαταιαῖς μάχην ἔτει ιβ' ὕστερον*⁵⁴⁾. ταῦτα ἦν ἐπὶ ἀρχόντος Θεοφενίδου⁵⁵⁾.

Дата дана точно и ясно. Противорѣчіе ея съ датой Плутарха не устранимо. Исправлять Плутарха нельзя⁵⁶⁾, такъ какъ тогда все таки останется Павсаній, который не изъ Плутарха же черпалъ. Приходится согласиться съ тѣмъ, что изъ древности засвидѣтельствованъ для землетрясенія 468 годъ. Гебель и настаиваетъ на этомъ годѣ, причемъ доказываетъ, что возстаніе Инара случилось сейчасъ же послѣ конца войны.

Разъ мы допустили—а мы это должны были допустить, что Итома пала очень скоро послѣ похода, что значитъ Фукидидъ не нарушаетъ историческаго порядка событій, мы должны согласиться съ Гебелемъ, которому съ достаточной вѣроятностью и точностью, какая вообще возможна въ подобныхъ вопросахъ, удалось показать, что возстаніе Инара относится къ 459 года. Такъ какъ, продолжаетъ онъ свое разсужденіе, война продолжалась 10 лѣтъ, то она должна была начаться въ 469/8 году—т. е. именно томъ, который намъ засвидѣтельствовано схоліастомъ.

Разсужденіе слѣдовало бы перевернуть: Такъ какъ война не могла начаться въ 468 году, то она не могла продолжаться 10 лѣтъ. Она началась бы до битвы при Драрескѣ, до битвы при Эвримедонтѣ—этого во всякомъ случаѣ быть не можетъ.

Мы должны помириться на томъ, что война началась въ 466—464 году. Напрасно Белохъ (G. G. I. 461. пр.) считаетъ наши даты такими опредѣленными.

⁵⁴⁾ При порядковомъ ιβ' ὕστερον лишнее; читай вмѣсто ἔτει ἔτεσι.

⁵⁵⁾ Глосса? обращаю вниманіе на неловкость присоединенія и излишность его.

⁵⁶⁾ Гебель (I. I.) старается это сдѣлать. У Плутарха вмѣсто Δ, нужно, по его мнѣнію, читать Α. Плутархъ будто бы указываетъ, что у же на первомъ году царствованія Архидама случилось несчастіе. Это де «omīnös». Но у Плутарха именно того словечка нѣтъ, которое одно дѣлало бы изъ несчастія, случившаго въ первый годъ царствованія Архидама, *malum omen*, нѣтъ словечка «уже». Развѣ царствованіе Архидама такъ особенно несчастно? Развѣ тонъ разсказа допускаетъ подобную скрытую (очень ужъ скрытую) мысль. Мы видѣли, на оборотъ, что Архидамъ представляется героемъ и спасителемъ.

Я уже указывалъ на то, что согласно разсужденіямъ Гебеля, война должна была закончиться до 459 года—года возстанія Инара. Съ другой стороны она была закончена послѣ назначенія Кимона, послѣ союза съ Аргосомъ, который, понятно, не могъ состояться, пока Кимонъ стоялъ у власти. Необходимо опредѣлить годъ изгнанія Кимона. И опять, исходя изъ однихъ и тѣхъ же данныхъ, Krüger (о. l. 155) и Schäfer (о. l. 18) расходятся въ результатахъ.

Вскорѣ послѣ битвы при Танагрѣ Кимонъ былъ возвращенъ изъ изгнанія (Plut. Cim. 17. Pericl. 10), чрезъ неполныхъ пять лѣтъ послѣ того, какъ былъ изгнанъ острокизмомъ (Theophr. ap. Sch. Arist. Dind. 528. Corn. Nep. 3, 3). Такъ какъ битва при Танагрѣ была въ 457 году, то значить . . . онъ былъ изгнанъ въ 460, говоритъ Schäfer, 462 говоритъ Krüger. И тотъ и другой могутъ поддержать свое мнѣніе, хотя и тутъ послѣдовательнѣе и осторожнѣе Krüger. Противъ одного мы не можемъ спорить: позже 460 года не могъ быть изгнанъ Кимонъ, значить война самое позднее могла кончиться въ концѣ 460, началѣ 459 года—и эта самая поздняя дата стоитъ въ противорѣчій съ показаніемъ Фукидида о десятилѣтней продолжительности войны. Мы должны отказаться отъ числа, даннаго Фукидидомъ, но не можемъ и послѣдовать за Krüger'омъ, смѣло мнѣняющихъ δεκάτην на τετάρτην, такъ какъ мы не сумѣли прійти къ опредѣленнымъ датамъ для начала и конца войны. Что то же число 10 сообщаетъ Діодоръ, не значить ровню ничего: онъ списывалъ Фукидида ⁵⁷⁾ и нашелъ у него уже эту ошибку.

Но затруднительнѣе другое обстоятельство. По Діодору Толмидъ завоевалъ Навпактъ въ 456/5 году (Krüger и Kägi высказываются за 456, Schäfer за 455 годъ) и въ то же время пала Итома. Что эти обстоятельства приходятся приблизительно на 10-ый годъ войны, немного бы доказывало. Діодоръ столько путалъ въ этомъ вопросѣ, что потерялъ право на наше довѣріе. Но онъ соединяетъ паденіе Итомы съ опредѣленнымъ фактомъ—и этотъ фактъ могъ бы быть приблизительно такъ же датированъ и безъ его помощи.

⁵⁷⁾ На это я уже не разъ указывалъ, и стою на этомъ, не смотря на Kägi, Kritische Geschichte d. Spartanischen Staates u. s. w. Leipzig, 1873 pg. 495. (Впрочемъ, вѣроятно, Kägi только неясно—слишкомъ общо—выражается).

Но въ рѣзкомъ противорѣчїи съ свидѣтельствомъ Діодора стоитъ Фукидидъ, который не связываетъ похода Толмида съ завоеваніемъ Навпакта, между тѣмъ какъ внимательно перечисляетъ всѣ его дѣла. *Suo loco* (I. 103. Kāgi, l. l.) онъ только говоритъ о завоеванїи Навпакта, а вовсе не о томъ, что его завоевалъ Толмидъ. Здѣсь можно аргументировать *ex silentio*. Dunker⁵⁸⁾ замѣчаетъ. Die Eroberung von Kythera hätte Thukydides schwerlich unerwähnt gelassen, wenn solche wirklich er folgt wäre.—То же разсужденіе должно, и съ большимъ правомъ, примѣнить и къ Навпакту.

Павсаній въ мѣстѣ (I, 27. 5), гдѣ онъ не слѣдуетъ Фукидиду, гдѣ онъ имѣетъ гораздо болѣе свѣдѣній, гдѣ онъ педантично перечисляетъ всѣ пункты, которыми завладѣлъ Толмидъ, не упоминаетъ Навпакта.

На этомъ основанїи мы должны отрицать связь похода Толмида съ завоеваніемъ Навпакта. Но именно въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно Толмидъ завоевалъ Навпактъ, пала бы связь между походомъ Толмида и паденіемъ Итомы. Фукидидъ прямо заявляетъ, что, когда Мессеняне были переселены въ Навпактъ, онъ уже находился нѣкоторое время во власти Аонянъ. Kāgi (l. l.) и соглашается съ этимъ. Ein Fehler des flüchtigen Excerptors Diodor ist es jedenfalls, wenn er die Eroberung und die Ansiedelung gegen Thukydides sich unmittelbar folgen lässt, aber dergleichen ist man ja bei ihm gewohnt. Онъ полагаетъ раздѣлить оба факта извѣстнымъ промежуткомъ. А если устанавливать промежутокъ, то, понятно, мы вправѣ предполагать его какимъ угодно и качественно и количественно.

Въ данную эпоху паденіе Итомы, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ оно послѣдовало, могло бы имѣть мѣсто развѣ только во время похода Толмида—послѣ него оно абсурдъ. Объ этомъ я еще скажу. Для консерватора Kāgi самое раздѣленіе фактовъ — полный критическій произволъ. Мы не можемъ не признать, что очень тяжело для насъ быть поставленными въ необходимость разойтись съ традиціей, но разъ историческія соображенія ставятъ насъ въ эту необходимость, мы открыто рвемъ съ ней.

⁵⁸⁾ G. d. A. III, 34. p. 2.

Допустить окончание войны послѣ битвы при Танагрѣ — мы, вслѣдъ за большинствомъ ученыхъ и Krüger'омъ въ ихъ главѣ не можемъ — (и это, даже помимо нашего соображенія о времени Мегарскаго союза, рѣшаетъ дѣло). Не можемъ мы допустить, что, имѣя въ тылу возставшихъ Мессенянъ, Спартянцы рѣшились выслать изъ страны очень значительное войско для защиты Дориды, для войны, вызванной вовсе не политически-важными причинами, забывъ при этомъ, что отношенія ихъ и ихъ союзниковъ къ Аѳинянамъ радикально испорчены. А что, если бы Аѳиняне, вмѣсто того, чтобы поджидать ихъ въ Беотіи, постарались бы освободить осажденныхъ на Итомѣ и поднять страну.

Объясненіе Діодоровскаго приуроченія я вижу въ довольно остроумной комбинаціи его источника, пользовавшагося Фукидидомъ. Если война кончилась чрезъ 10 лѣтъ послѣ начала, то она кончилась приблизительно ко времени похода Толмида (Діодоръ здѣсь слѣдуетъ не тому источнику, по которому онъ опредѣлилъ начало войны, — если только въ его датировкѣ нѣтъ его случайной ошибки). А тогда мысль связать эти событія очень легка. Мессеняне переведены въ Навпактъ около времени похода Толмида, Толмидъ проплылъ вокругъ Пелопонеса — естественно ему и приписать его завоеваніе. Походъ Толмида былъ очень знаменитъ, но вовсе не хорошо извѣстенъ, онъ представлялъ удобное поле для всякихъ комбинацій. Эсхинъ совѣтуетъ *ζηλοῦν . . . τὴν ἐν Πλαταιαῖς πρὸς τοὺς Πέρσας πεζομαχίαν καὶ τοὺς ἀγῶνας τοὺς περὶ Σαλαμίνα καὶ τὴν ἐν Μαραθῶν μάχην καὶ τὴν ἐν Ἀρτεμισίῳ ναυμαχίαν καὶ τὴν Ταλμίδου στρατηγίαν, ὅς χιλίους ἐπιλέκτους ἔχων Ἀθηναίων διὰ μέσης Πελοποννήσου πολεμίας οὐσης ἀδεῶς διεξήε.* (Περὶ παραπρεσβείας, 75). Кромѣ изумительнаго по наивной гиперболичности сравненія похода Толмида съ битвами при Марафонѣ и Саламинѣ, нельзя не отмѣтить, какъ же мало знали объ этомъ походѣ, если Эсхинъ рѣшался публично говорить, что Толмидъ съ 1000 своихъ отборныхъ солдатъ прошелъ чрезъ середину Пелопонеса, забывши даже, что имѣетъ дѣло съ морскимъ походомъ. Даже при общей «безпечности въ историческомъ отношеніи» аѳинскихъ ораторовъ это представляется немного слишкомъ рѣшительнымъ. Трудно ли было на почвѣ этого столь малоизвѣстнаго похода создать коньектуру?

Итакъ мы рѣшаемся оставить въ сторонѣ свидѣтельство Діодора. Полагая, что война кончилась до битвы при Танагрѣ

мы получаемъ стройную историческую картину, каждая черта которой ясна ⁵⁹⁾).

Аѳиняне подали помощь и такъ или иначе ушли. Чрезъ нѣкоторое время послѣ этого сдается Итома на сравнительно выгодныхъ условіяхъ.

Почему сдаются Мессеняне? Очевидно оттого, что они должны сдаться, оттого, что положеніе ихъ стало сквернымъ. Сначала война шла неудачно для Спартанцевъ. Очевидно, дѣло было поставлено ими не такъ, какъ слѣдуетъ. Либо Мессеняне не были совсѣмъ окружены, либо были окружены, да плохо, иначе они бы съ голоду давно перемерли. Теперь дѣло перемѣнилось. Аѳиняне очевидно помогли—Аристофанъ не совсѣмъ же неправду говорить. Преувеличеніе должно быть на чемъ нибудь основано.

Но съ другой стороны, если Спартанцы пошли на уступки, то конечно не побуждаемые *diuturnae obsidionis taedio* (Höcker I. I.). Должна была быть болѣе основательная причина, чѣмъ это *taedium*, чтобы заставить Спартанцевъ отказаться отъ сладкой мести—и нѣтъ никакого труда указать эту причину: она ярко бросается въ глаза. Это—бонечно открытіе враждебныхъ дѣйствій со стороны Аѳинянъ. Лакедемоняне были поставлены въ необходимость развязать себѣ руки. Союзъ съ Аргосомъ, а затѣмъ рядъ дѣйствій, направленныхъ на защиту мятежныхъ Мегаръ, ясно показывалъ, что имѣютъ въ виду Аѳиняне; Спартанцы поняли, что имъ грозитъ опасность—а если бы они этого не поняли, то имъ бы объяснили никогда не дремавшіе Коринѳяне, противъ которыхъ непосредственно направлены были дѣйствія Аѳинянъ. Не до жалкихъ остатковъ Мессенянъ было.

Какъ ни жалки они были, но они *in pace* заключали крупную опасность. Допустимъ, что врагъ вторгнулся въ Пелопоннесъ—и непотухшее пламя возстанія всегда готово разгорѣться.

⁵⁹⁾ Во всемъ моемъ хронологическомъ экскурсѣ я вынужденъ былъ оставить въ сторонѣ построеніе Wilamowitz'a, Arist. u. Athen. II, 289 sqq., такъ какъ оно слишкомъ противорѣчитъ преданію. Въ 469 г. вступаетъ на престолъ Архидамъ, слѣдовательно въ 468 г. не могло быть землетрясенія. Вилламовицъ самъ признаетъ свидѣтельство Плутарха о томъ, что землетрясеніе случилось на четвертый годъ царствованія Архидама и даже пользуется имъ. Съ другой стороны, я никакъ не могу считать вмѣстѣ съ Вилламовицемъ возстаніе гелотовъ предшествующимъ отпаденію Тазоса.

На Спартѣ лежатъ извѣстныя обязанности гегемона. Положимъ, что нужно отправить войска за предѣлы Пелопонеса — какъ же уйти, оставивъ врага въ странѣ. Наконецъ, продолжать осаду становилось невозможно. До какихъ же поръ можно держать союзниковъ подъ оружіемъ, а тутъ еще волей неволей должны уйти вѣрнѣйшіе союзники Эгинеты (Thuc. IV. 52. 2); у Коринѣянъ дома хлопотъ полноъ ротъ. Нужно избавиться отъ этой давней язвы. Очевидно вопросъ былъ трудный. Помогъ, какъ часто «ein frommer Betrug». Власти пришли къ убѣжденію въ необходимости помилованія Мессенянъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что измученные долговременной осадой Спартіаты съ большимъ удовольствіемъ перерѣзали бы своихъ возмущившихся холоновъ, но предъ доводами религіи умолкала пенависть: были старинныя предсказанія, приказывавшіе τὸν Ἰκέτην τοῦ Διὸς Ἰθωράτα ἀφιέναι (Paus. III, 11, 8). Они и отпустили ихъ, думая, что освобожденные Мессеняне для нихъ представляютъ меньше опасности, чѣмъ осажденные.

Каковы были размѣры возстанія? Фукидидъ имѣетъ безусловно точныя свѣдѣнія. По его словамъ отпали гелоты и нѣкоторые изъ періэковъ. Нельзя однако забывать, что, по характеру своихъ источниковъ, онъ склоненъ нѣсколько уменьшать размѣры возстанія. Геродотъ (IX. 64) полагаетъ, что война велась со всѣми Мессенянами⁶⁰).

⁶⁰) Такъ обыкновенно понимаютъ мѣсто Геродота. Миѣ кажется, что пониманіе это не совершенно правильно. Геродотъ пишетъ: ἀποθνήσκει δὲ Μαρδόνιος βλὸς Ἀρμυρήστου ἀνδρὸς ἐν Σπάρτῃ λογίμου, ὃς χρόνῳ ὑστερον μετὰ τὰ Μηδικὰ ἔχων ἀνδρας τριηκοσίους συνέβαλε ἐν Στενωκλήρῳ πολέμου ἐόντος Μессηνίοις πᾶσι καὶ αὐτὸς τε ἀπέθανε καὶ οἱ τριηκοῖοι. Кἀγὶ (о. I. 481. пр. 2) конструируетъ πόλεμον ἐόντος Μессηνίοις πᾶσι. Но 1) для чего здѣсь понадобилось бы Геродоту отмѣчать, что война велась со всѣми Мессенянами? 2) къ чему вовсе не значить «сразиться». Это ясно изъ тѣхъ случаевъ, когда это противоположеніе, удареніе, которое положено на τριηκοσίους, усиливается еще повтореніемъ этого слова, имѣетъ смыслъ только тогда, если мы будемъ конструировать συνέβαλεν Μессηνίοις πᾶσι. Συνβάλλειν само по себѣ вовсе не значитъ «сразиться». Это ясно изъ тѣхъ случаевъ, когда при немъ повторяется μάχεσθαι (Plat. Menex. 242 a) или μάχεσθαι (Hom. II. XVI. 565) или когда смыслъ ясенъ изъ связи, на примѣръ въ описаніяхъ битвъ (Herod. I. 81, 82); συνέβαλεν πόλεμου ἐόντος вмѣстѣ и будетъ давать требуемый смыслъ. Вся суть заключается въ томъ, что 300 Спартанцевъ столкнулись со всѣмъ Мессенскимъ войскомъ, и, такъ какъ была война, то, понятно, были имъ истреблены. Аналогія съ Леопидомъ и его тремя стами конечно играетъ извѣстную роль.

Диодоръ говоритъ о совмѣстномъ дѣйствіи τῶν Μεσσηνῶν καὶ τῶν Ἐλλάδων—вѣроятно имѣется въ виду полное возстаніе страны.

Такъ ли это?

Начало возстанія—дѣло несомнѣнно кучки людей. Они разсчитываютъ не столько на свой перевѣсъ, сколько на отсутствіе порядка и дисциплины среди Спартанцевъ. Ихъ возстаніе гораздо болѣе дѣло отчаянія, чѣмъ обдуманнаго рѣшенія. Отчаяніе одинаково можетъ и совершенно парализовать дѣятельность челоуѣка и довести ее до высшей степени напряженія. Землетрясеніе одинаковымъ образомъ выбило изъ колеи гелотовъ и Спартіатовъ; отчаяніе побудило ихъ очертя голову кинуться въ борьбу.

Остальные жители болѣе отдаленныхъ частей Мессеніи, можетъ быть, и не были въ такомъ положеніи, но у нихъ не было времени организовать. Возстаніе и у нихъ произошло спорадически, такъ сказать самопроизвольно. Только такъ можно объяснить, что они не напали сейчасъ же на Спарту, едва охраняемую Архидамомъ, а, засѣвъ въ Итомѣ, дѣйствовали оттуда; только такъ можно объяснить, что Спарта могла рѣшиться бороться съ ними собственными силами, не прибѣгая продолжительное время къ помощи союзниковъ. Несмотря на только что перенесенное несчастіе, Спарта считала себя достаточно сильной, чтобы безъ посторонней помощи справиться съ повстанцами.

Представимъ себѣ, что страна дѣйствительно въ полномъ возстаніи. Тогда вѣдь положеніе дѣла было бы обратное тому, которое мы знаемъ. Въ осадѣ были бы, въ сущности, не Мессеняне, а Спартіаты, которые жили тѣмъ, что добывали для нихъ гелоты. Представимъ себѣ, что въ теченіе года гелоты не вносятъ оброка,—что станется съ ихъ благородными господами. Предположить, что такое положеніе можетъ господствовать въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго срока, рѣшительно невозможно. Періэки не могли бы содержать Спартіатовъ самымъ необходимымъ хлѣбомъ: гдѣ бы имъ добыть столько. И тѣ, которые занимались хлѣбопашествомъ, только съ трудомъ могли бы доставить продукты своихъ полей — дороги не могли быть безопасны. Съ другой стороны нужно же не забывать, что на Итомѣ не могло собраться все порабощенное населеніе страны. Когда Итома была осаждена, на ней дол-

жно было оставаться только самое незначительное число защитниковъ.

Нужно отличать періоды войны: до и послѣ осады Итомы. До нея Итома служить операціонной базой, центромъ театра военныхъ дѣйствій, послѣ нея послѣднимъ убѣжищемъ. Переходъ отъ перваго періода ко второму долженъ былъ ознаменоваться покореніемъ или истребленіемъ значительнаго большинства возставшихъ.

Въ началѣ война должна была имѣть очень широкіе размѣры, хотя, по приведеннымъ соображеніямъ, нельзя говорить о всеобщемъ возстаніи. Съ вершинъ Итомы Мессеняне производятъ дерзкіе набѣги въ глубь страны: ретроспективное отраженіе этихъ набѣговъ мы видимъ въ походахъ второй Мессенской войны. Происходятъ сраженія въ открытомъ полѣ. Въ случаѣ неудачи Мессеняне отступаютъ и спасаются на неприступной Итомѣ. Во время одного изъ такихъ набѣговъ и были перебиты 300 спартанцевъ, которыми командовалъ Аримнестъ (Herod. I. 1.).

Ходъ войны долженъ былъ заключаться въ постепенномъ суженіи театра военныхъ дѣйствій. Все болѣе и болѣе должны были Мессеняне ограничиваться Итомой, все большую и большую площадь отвоевывали Спартанцы, все тѣснѣй и тѣснѣй становилось кольцо, которымъ они окружали оплотъ враговъ. Каждый шагъ впередъ, каждая пядь земли, отвоеванная у мятежниковъ, увеличивала силы Спартанцевъ, такъ какъ востановляла ихъ экономически ⁶¹).

Наконецъ послѣдній періодъ войны это тотъ, когда начнется осада.

⁶¹) Къ этому періоду войны, непосредственно передъ тѣмъ, какъ Итома была заключена въ кольцо осадныхъ работъ, должна относиться упомянутая Геродотомъ (IX. 53) и Павсаніемъ (Ш. II. 8) побѣда Спартанцевъ подъ Итомой. Аналогія съ другими случаями, приведенными Геродотомъ, убѣждаетъ насъ, что мы имѣемъ дѣло съ рѣшительной побѣдой, поворотнымъ пунктомъ въ исторіи войны. Но нельзя понимать здѣсь и взятія Итомы. Итома не была вообще взята — *οἱ ἐν Ἰθάμῃ ξυμβήσαντες πρὸς τοὺς Ἀχαιδαίωνους* (Thuc. I. 103. 1). Павсаній пользуется Геродотомъ (непосредственно?), но имѣетъ и другіе источники. Кажется, онъ имѣетъ въ виду полное покореніе Итомы—очевидно онъ такъ понималъ Геродота. Но текстъ Павсанія очень неопредѣленъ: *τέταρτον δὲ ἤγωνίσαντο πρὸς τοὺς ἔξ Ἰθάμῃ (? σείροισι Krüger o. I. 160 пр. 1 и цитуемый имъ Kühn)*. Если бы мы знали, что Геродотъ говоритъ о паденіи Итомы, вопросъ о

Если предыдущія разсужденія вѣрны, то осада приняла рѣшительный характеръ благодаря Аѳинянамъ и вообще призыву союзниковъ. Это было началомъ конца. Мессеняне заперты—непосредственная опасность для Спартанцевъ миновала. Горсть отчаянно защищавшихся мятежниковъ не могла быть для нихъ страшна. Окончательное подавленіе возстанія—было вопросомъ времени. Вотъ почему Спартанцы могли рискнуть отпустить домой своихъ неприятныхъ союзниковъ Аѳинянъ. Но они ошиблись, они упустили изъ виду, что Мессеняне могутъ опять стать опасными въ случаѣ, котораго они тогда, когда прощались съ Аѳинянами не предвидѣли,—въ случаѣ вѣншей войны.

Такая война стала для нихъ весьма реальной опасностью, когда Аѳиняне стали демонстративно дѣйствовать противъ нихъ. Нужно было развязать себѣ руки. Они и отпустили осажденныхъ съ условіемъ не селиться въ Пелопонесѣ.

Спартанцы опять таки обочились. Словно на смѣхъ имъ, Мессенянъ поселили — въ силу договора—не на Пелопонесѣ, но прямо противъ него, въ мѣстѣ, съ котораго они меньше, чѣмъ въ часъ, могли высадиться на Пелопонесскій берегъ. Будущее показало Спартанцамъ, что на этотъ разъ ихъ великодушіе было вредно. Навпактыя жестоко мстили за свою поруганную родину. Они были носителями Мессенскаго имени, они въ сердцѣ своемъ носили идею возвращенія въ родную землю. У Спарты былъ страшный врагъ, сильнѣй аѳинскаго флота и ѳиванской фаланги—эта неумиравшая въ сердцахъ разсѣянныхъ Мессенянъ надежда на возвращеніе въ дорогую родину, вѣра въ лучшее будущее поращенной страны. Очагомъ этой вѣры былъ Навпактъ.

времени паденія былъ бы рѣшенъ. Перечисляя подвиги Тизамена Геродотъ говоритъ объ *ὁ Μεσσηνίων ὁ πρὸς Ἰθάκη (ἀγών)* и затѣмъ *ἕστατος ὁ ἐν Ταναῶνῃ πρὸς Ἀθηναίους τε καὶ Ἀργείους γενόμενος, οὗτος δὲ ἕστατος κἀτερῆσθη τῶν πέυτε ἀγῶνων.*

Итакъ ходъ войны заключался въ слѣдующемъ: Мессеняне возстали. Сначала они дѣйствуютъ цѣлымъ рядомъ мелкихъ нападений; операціонной базой служить Итома. Спартанцамъ удастся все болѣе локализовать войну. Наконецъ повстанцы заключены на Итомѣ. Начинается правильная осада, которая ведетъ къ паденію Итомы—т. е. ходъ войны тотъ же, который мы видѣли въ обѣихъ предыдущихъ войнахъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что авторъ (или авторы) рассказовъ о первой и второй Мессенской войнѣ фактическую схему своего изложенія заимствовали изъ исторически извѣстной такъ называемой третьей Мессенской войны.

Экскурсъ о числѣ Мессенскихъ войнъ.

Страбонъ (VIII, pg. 362) перечисляетъ, сколько разъ приходилось воевать Спартанцамъ съ Мессенянами. Первая война была за два поколѣнія до Тиртея. Тогда была завоевана Мессенія. Вторая была во время Тиртея — отступление о Тиртеѣ, *τρίτον δὲ καὶ τέταρτον συστήναί φασιν ἐν ᾧ κατελύθησαν οἱ Μессήνιοι.*

Итакъ, оказываются четыре войны. Уже а priori, кажется, нужно было предполагать, что было ихъ не то что четыре, а, пожалуй, десятки. Не можетъ быть, чтобы Мессенскіе гелоты за все время отъ Тиртея до землетрясенія такъ и не шевельнулись. Если мы говоримъ о третьей Мессенской войнѣ, то это только условный терминъ, употребляемый въ наукѣ для удобства обозначенія, даже не унаслѣдованный отъ древности, терминъ, которымъ мы не должны были бы ничего говорить о числѣ войнъ, которыя вели Спартанцы съ Мессенянами.

Другой вопросъ, что имѣетъ въ виду Страбонъ, говоря о третьей войнѣ. Конечно, на этотъ вопросъ отвѣтить съ только что изложенной точки зрѣнія совершенно невозможно. Если войнъ было много, и Страбонъ ничѣмъ не характеризуетъ своей войны, то какъ же мы ее узнаемъ? За то намъ можетъ быть удастся указать слѣдъ другихъ возстаній. Нёcker (l. l.) думаетъ, что ему удалось указать такое возстаніе.

Я уже приводилъ извѣстіе Фукидида объ гелотахъ, которые были убиты Спаргіатами—о такъ называемомъ *ἄγος Ταυά-*

ριον (Thuc. IV. 128). Höcker желаетъ видѣть въ этихъ Τιμέται —жертвы возстанія. Но само собой, очевидно, что для этого предположенія нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній; Höcker'у не удалось привести ни одного довода противъ гипотезы Грота о томъ, что гелоты убиты на Тенарѣ—тайные сообщники Павсанія ⁶²⁾.

Другое приуроченіе сдѣлалъ Clinton въ своихъ Fasti Hellenici.

Платонъ (De legibus 692. D.), говоритъ, что во время греко-персидскихъ войнъ изъ трехъ государствъ Пелопоннеса δύο κακῶς οὕτως εἶναι διεφθαρμένα ὥστε ἡ μὲν καὶ Λακεδαίμονα διεκώλυεν ἐπαμύνειν πολεμοῦσα αὐτῇ κατὰ κράτος. Свидѣтельство это стоитъ совершенно одиноко: мало того, оно противорѣчитъ всему, что мы знаемъ объ участіи Спарты въ первой греко-персидской войнѣ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ неудачной комбинаціей Платона, какъ это непосредственно ясно изъ другого его мѣста (ibid. 698 E.): Спартанцы ὑπὸ τε τοῦ πρὸς Μεσσήνην ὄντος τότε πολέμου καὶ εἰ δέ τι διεκώλυεν ἄλλο αὐτοῦς, οὐ γὰρ ἴσμεν λεγόμενον, ὑστερον κτλ.

⁶²⁾ Höcker'у для того, чтобы провести свой взглядъ приходится отвергать извѣстіе Павсанія (IV. 24. 5). Negligentius in his rebus narrandis versatum videmus Pausaniam. Dicit enim Lacedaemonios trucidatos esse non helotas et haec ita conjungit, ut Helotarum caedem terrae motus subsecutus videri possit. Sed mihi Helotae vix debellati et ad internecionem caesi non statim rebellasse neque rebellare potuisse videntur, quibus ad reparandas vires et hominum numerum, aliquo saltem temporis spatio, triginta ad minimum annis opus fuit.

Въ сущности разница заключается только въ томъ, что Павсаній говоритъ объ Λακεδαιμόνιοι, когда Фукидидъ объ гелотахъ. Объ этомъ я уже говорилъ. Строго говоря это и не противорѣчіе. Въ противоположность Σπαρτιάται, о которыхъ сейчасъ же говоритъ Павсаній, Λακεδαιμόνιοι можетъ означать и гелотовъ. Что же касается того, что у Павсанія будто бы землетрясеніе непосредственно слѣдуетъ за гибелью гелотовъ, то и это не противорѣчитъ Фукидиду. Фукидидъ не говоритъ, что гелоты были казнены за возстаніе—Павсаній прямо говоритъ, что они были казнены не за него. Казнены Λακεδαιμονίων ἄνδρες ἐπὶ ἐγκλήματι ἔφθ δη καταγνοσθέντες. Во всякомъ случаѣ онъ не знаетъ, за что они казнены. Откуда же это знаетъ Höcker? Но у него есть и еще аргументъ противъ Павсанія—вовсе не въ пользу его теоріи. Фукидидъ говоритъ, что событія случились ποτέ, но въ 431 году, чрезъ 30 лѣтъ, это слово могло быть также понято, какъ и черезъ 60. Я становлюсь при этомъ на точку зрѣнія Аониняцъ, ведшихъ переговоры. Съ точки зрѣнія того времени, когда писалъ Фукидидъ, это еще справедливѣе.

Hoffmann⁶³⁾ поступает совершенно обратно—третья война по его мнѣнію и есть та, которую мы такъ называемъ. Четвертая же есть та, которую велъ Набисъ тираннъ Спартанскій, ибо только тогда можно было сказать о Мессенянахъ, что они *κατελύθησαν*, что будто бы означаетъ eine Vernichtung des Selbstständigkeit des Messenischen Staates. Но это уже не входитъ въ рамки моей работы. Во всякомъ случаѣ *κατελύθησαν* относится и къ *τρίτου*, а тамъ оно не можетъ имѣть того значенія, котораго требуетъ Hoffmann.

Вопросъ такимъ образомъ остается открытымъ⁶⁴⁾.

⁶³⁾ Griechenland und die Griechen. I. 1011.

⁶⁴⁾ Можетъ быть и вопроса не существуетъ. Что текстъ не вѣренъ, ясно само собой. Чтобы ни значило *κατελύθησαν*, оно можетъ относиться или къ 3-ей, или къ 4-ой войнѣ, не къ обоимъ вмѣстѣ. Страбонъ очевидно имѣлъ передъ собой не счетъ войнъ—иначе онъ началъ бы не *πλεονάκις* а *τετράκις*. Онъ имѣлъ рассказъ о войнахъ, и тогда долженъ сказать что нибудь о всѣхъ—и дѣйствительно онъ говоритъ о первой, о второй, о послѣдней, о третьей же онъ ничего не говоритъ. Если бы дѣло было въ счетѣ, то онъ конечно поставилъ бы на первомъ мѣстѣ не *τρίτου*, а *συστήναι*.

Что если мы имѣемъ ошибку или коньектуру переписчика?

Что если сюда попало изъ предыдущей строчки *Τυρταῖος*, и оно было замѣнено нечаянно или сознательно (критикъ зналъ, что здѣсь не мѣсто Тиртею). Или можетъ быть еще раньше находящееся *Τυρταῖος φησι* было перенесено сюда и дальше возстановлено—испорчено по комбинаціи. Послѣ определенныхъ авторитетовъ, приводимыхъ раньше, общее *φασί* кажется слишкомъ неопредѣленнымъ.

Впрочемъ это только предположеніе. Самый вопросъ не имѣетъ историческаго значенія.

ГЛАВА VI.

Возстановленіе Мессенскаго государства.

Послѣ царскаго мира власть Спарты достигла наивысшаго развитія. Союзъ безусловно подчинился волѣ своего гегемона — кто рѣшался ослушаться его, горько платился: Мантиней и Фліунтъ очень внушительными аргументами были убѣждены въ томъ, что въ Пелопонесѣ одинъ хозяинъ — Спарта и что этотъ хозяинъ въ своемъ домѣ желаетъ быть господиномъ.

Но и въ чужомъ домѣ хотѣла хозяйничать Спарта. Повсюду сидѣли Спартанскіе гармосты, направляя дѣла въ пользу мѣстной аристократіи и въ угоду роднаго города. Отъ мыса Тенара до далекаго Аганѳа непрерывной цѣпью шли города, находившіеся въ сферѣ вліянія главы Пелопонесскаго союза. Въ 377 году, когда Фиванцамъ удалось прогнать Спартанскій гарнизонъ, въ союзномъ войскѣ, вторгнувшемся подъ предводительствомъ Спартанцевъ въ Беотию, было 10 главныхъ частей — такъ раздѣлилъ его главнокомандующій. 1) Лакедемоняне, 2) и 3) Аркадяне, 4) Элейцы, 5) Ахейцы, 6) Коринѳяне и Мегаряне, 7) Сикіонцы, Фліунтійцы и жители Акты, 8) Акарнаняне, 9) Фокейцы и Локры, 10) Олинояне и жители Фракіи (Diod. XV. 31. 2).

Возстаніе Фивъ само по себѣ не было фактомъ особой важности—такія возстанія бывали не разъ. Фивы были значительнѣй Фліунта—но это значить только то, что труднѣй было бы побѣдить и наказать возставшихъ. Спартанцы обидѣли Аѳинянь —это затрудняло дѣло,—но опять таки только затрудняло его, да и помириться съ ними не было бы особенно мудрено,—если бы не необдуманная выходка Сфодрія и кумушкина политика Агесилая. Самое владѣніе Фивами не было для Спарты политической необходимостью—важно было только не имѣть Фивъ

на сторонѣ враговъ: свободные Эивы не разъ помогали Спартѣ, попытка порабощенія ихъ погубила Спарту.

Дѣло было не въ простомъ политическомъ инцидентѣ — бѣда была въ томъ, что Эиванцы не были прежними Эиванцами — въ Спартѣ также измѣнилось слишкомъ многое — слишкомъ многое и не измѣнилось не смотря на измѣнившіяся обстоятельства. Битва при Левктрахъ была очень сомнительнымъ поражениемъ Спарты, поражениемъ, которое очень легко могло бы быть заглажено новой, весьма возможной побѣдой: на помощь Клеомброту шло большое войско Архидама ¹⁾—но фактическимъ результатомъ ея оказалось то, что Спарта отказалась отъ владѣнія Эивами—для другихъ подданныхъ ея это было очень заманчивымъ прецедентомъ.

За этимъ стратегическимъ поражениемъ слѣдомъ идетъ и дипломатическое: При заключеніи «царскаго мира» Спарта клянется и за своихъ союзниковъ—Аѳиняне сейчасъ же велѣдъ за битвой при Левктрахъ созываютъ конгрессъ, на которомъ отдѣльныя Пелопонесскія общины подаютъ голосъ каждая за себя. Спарта однимъ ударомъ была сравнена со всѣми другими государствами Греціи; она потеряла протасію царскаго мира, уступивъ ее Аѳинянамъ ²⁾. Главное было однако то, что Спарты перестали бояться.

Во всѣхъ уголкахъ Пелопонеса начинаетъ подымать голову антиспартанская партія.

Аркадянамъ надоѣло идти въ хвостъ Спарты — они и до того не разъ порывались отвоевать себѣ самостоятельность—теперь они рѣшили прибѣгнуть къ новому средству, до тѣхъ поръ неиспытанному. Мантинейцевъ, Тегейцевъ, десять другихъ разрозненныхъ городковъ Спарта била — пусть попытается побѣдить Аркадянъ. Отдѣльныя общины соединяются самымъ тѣснымъ, самымъ безповоротнымъ образомъ. Отдѣльно они перестаютъ политически существовать—по крайней мѣрѣ вовнѣ. Для иностранцевъ должна существовать только одна новая крупная сила — Мегалополь. Какъ устроились Аркадяне, для насъ въ нашемъ

¹⁾ Holm. G. G. III. 114.

²⁾ Xenoph. Hell. VI. 5. 12. Ср. у. Stern. Geschichte der Spartanischen und Thebanischen Hegemonie von dem Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea. Dorpat 1884, стр. 151.

вопросъ не важно, насколько прочно было соединеніе, сколько шансовъ оно имѣло на долговѣчность—эти вопросы могли очень тревожить знавшаго Аркадянъ современника, для задачъ непосредственно предстоявшихъ союзъ былъ достаточно крѣпокъ, для Спарты достаточно грозенъ.

Спартанцы не теряютъ времени; они нападаютъ на Мантинею—правда дѣло до битвы не дошло, но плохо было уже то, что Элида и Аргосъ рѣшаются помочь Аркадянамъ, еще хуже было то, что возставшіе обратились за помощью къ Фивамъ—Эпаминондъ нападаетъ на Спартанцевъ у нихъ же, въ ихъ собственномъ, до того неоспоримомъ владѣніи, Пелопонесѣ.

Отпаденіе Аркадіи лишало Спарту цѣлыхъ двухъ частей ($\frac{2}{10}$) ея войска, лишало ее наиболѣе могущественнаго въ военномъ отношеніи союзника—это бы еще полъ бѣды: Аркадія, благодаря своему центральному географическому положенію служила Лакедемонянамъ путемъ на сѣверъ, могла служить и путемъ на сѣверо-западъ. Теперь Спарта была замкнута съ одной стороны Арголоидой, съ другой Аркадіей. Уже одного этого было достаточно, чтобы лишить Спарту вліянія и на сѣверъ полуострова и на континентъ, и въ Элидѣ—Элида это сейчасъ же и поняла.

Мы видѣли, кто былъ на сторонѣ Спарты въ 377 году. Теперь, когда на картѣ стояло собственное ея существованіе, обстоятельства перемѣнились. Въ 369 году на сторонѣ враждебныхъ Спартѣ Фиванцевъ стоятъ: (Хенорф. *Hell.* VI. 5. 23. Ages. II. 24. *Diod.* XV. 62. 4) Фокида, города Евбеи, Локры (всѣ), Акарнанцы, Гераклеоты, Малійцы, часть Фессалійцевъ, Беотійцы (т. е. и другіе города Беотіи, кромѣ Фивъ, сѣумѣвшихъ завладѣть своей страной), Элейцы, Аркадяне, Аргосъ—изъ десяти частей войска 377 года несомнѣнно противъ Спарты было пять (Аркадяне 2, Элейцы 1, Акарнанцы 1, Фокейцы и Локры 1), но и тѣ, которые не были противъ Спарты, не были еще потому за нее—во всякомъ случаѣ не помогали ей. Когда Эпаминондъ стоялъ подъ столицей страны и союза, на помощь пришли: Фліунтъ, Коринѣъ, Эпидавръ, Пеллена и нѣкоторые другіе (Хенорф. *Hell.* VII. 2. 2. Ср. VI. 5. 24)—то есть изъ 5-го отдѣла (Ахеи) одинъ городъ, изъ 6-го одинъ (Коринѣъ) и большая часть 7-го—города Акты—Сикіонъ и Фліунтъ, тѣ, для

которыхъ союзъ съ Спартой былъ дѣломъ политической необходимости. Коринѣи и Сикіонѣи неизмѣнно держались Спарты, обезпечивавшей имъ аристократическое правленіе и возможность мирно развивать свою торговлю; городамъ Акты предстояло выбирать одно изъ двухъ золъ: либо подчиниться слабѣющей Спартѣ, либо быть уничтоженными Аргосомъ, усилившимся благодаря союзу съ вновь возникшей сѣверно-греческой державой и положенію въ новомъ центрально-пелопонесскомъ союзѣ. Спарта потеряла свой престижъ; союзъ не распался, но союзники либо измѣнили, либо просто не исполняли своихъ обязанностей—и прежде, когда Спарта была сильна, они не особенно охотно посылали ей своихъ солдатъ—теперь же было и опасно не слушаться гегемона.

Еще—если это возможно—хуже обстояло дѣло внутри страны. Hannibal ante portam—воротъ то на бѣду и не было, — а внутри все разползается по вѣтвямъ швамъ. Періэки только и ждутъ случая отпасть отъ своихъ давнихъ господъ, они сами призываютъ врага въ страну, обѣщая помощь возставшимъ. (Xenoph. Hell. VI. 5. 25). Въ самомъ городѣ находятся элементы, надѣющіеся въ личныхъ выгодахъ воспользоваться опаснымъ его положеніемъ—даже среди спартіатовъ есть они; открывается заговоръ среди полноправныхъ гражданъ; Агесилай вынужденъ въ полной мѣрѣ воспользоваться безконтрольной властью, данной ему положеніемъ вещей — интересно бы знать, существовало ли въ Спартѣ нѣчто подобное нашему осадному положенію—онъ совершаетъ неслыханное дѣло: казнить виновныхъ безъ суда (Plut. Ages. 32). Для спасенія города вынуждены обратиться къ помощи гелотовъ, обѣщая свободу тѣмъ изъ нихъ, которые встанутъ съ оружіемъ въ рукахъ въ ряды защитниковъ города; по словамъ Ксенофонта (Hell. VI. 5. 28. 29) такихъ гелотскихъ воиновъ собралось до 6000 чел., — но и гелоты и періэки, стоявшіе подъ оружіемъ слишкомъ охотно перебѣгали къ врагу (Plut. Ages. 32. 1. 1.). Ксенофонтъ (Hell. VI. 2. 2. Ages. II. 24) прибавляетъ еще болѣе сильную черту — всѣ гелоты возстали: ἀποστάντων μὲν πολλῶν περιόικων, ἀποστάντων δὲ πάντων τῶν Εἰλωτῶν, что, очевидно преувеличено, да и едва ли согласимо съ другими показаніями Ксенофонта: къ отпавшимъ гелотамъ Спартяне не рѣшались бы обращаться за помощью; для гелотовъ-повстанцевъ обѣщаніе свободы не имѣло

бы цѣны, 6000 человекъ было набрано изъ числа оставшихся вѣрными³⁾.

Сила Спарты казалась окончательно надломленной, но Спарта не пала. Эпаминондъ ушелъ, но тутъ то онъ и нанесъ Спартѣ рѣшительный ударъ—возстановилъ Мессену.

Съ возстановленіемъ Мессены Спартѣ отрѣзывался послѣдней выходъ изъ ея страны, отрѣзывалась для союзниковъ Спарты послѣдняя дорога въ Лаконику, если, конечно, не считать пути морскаго, сыгравшаго такую большую роль въ эпоху эпигоновъ, но въ данную эпоху не имѣвшаго значенія для союзниковъ, почти невозможнаго для Спарты. Если Аргосъ, Аркадія, Мессена между собой согласны, Элида и Ахея для Спарты потеряны. Коринѣ, конечно, можетъ помочь Спартѣ, но, при всемъ своемъ значеніи, онъ при борьбѣ въ Пелопонесѣ не можетъ итти въ расчетъ—здѣсь важны сухопутныя силы.

Но есть и другая сторона—гораздо болѣе важная.

По вычисленіямъ Beloch'a⁴⁾ Лаконія занимаетъ 5190 квадратныхъ километровъ, Мессенія 2860 (рѣчь идетъ о Мессеніи и Лаконіи Павсаніевыхъ временъ). Я болѣе полагаюсь на измѣренія Rouillon-Voblaye, такъ какъ они болѣе непосредственны—для Лаконіи (безъ Кинуріи) они даютъ 4800 квадратныхъ километровъ⁵⁾, для Мессеніи 2700 (о. л. 104). Какъ бы то ни было, въ общемъ составѣ государства Мессенія составляла нѣсколько болѣе $\frac{1}{3}$. Но это соображеніе, основанное на однихъ голыхъ цифрахъ, говоритъ еще не все. Въ Лаконіи годная для земледѣлія почва составляетъ $\frac{1}{4}$ всей площади, въ Мессеніи $\frac{13}{27}$ (Beloch. l. l.), т. е. процентъ вдвое болѣе. Удобной земли въ Лаконіи окажется 1200 квадратныхъ километровъ, въ Мессеніи 1300 квадрат. километровъ. Далѣе, мы въ Лаконіи знаемъ громадное число городовъ, которые, конечно, имѣли каждый хоть сколь-

³⁾ Мѣсто Ages. II. 24 почти дословно воспроизводитъ Hell. VII 2. 2; оба раза вполне ясно риторическая цѣль — яркое противоположеніе съ одной стороны несчастнаго положенія Спарты, съ другой въ первомъ случаѣ вѣрности Флаунта, во второмъ заслуги Агесилая. Краски сгущены въ обоихъ направленіяхъ.

⁴⁾ Die Bevölkerung der griechisch—römischen Welt. 112.

⁵⁾ Recherches géographiques sur les ruines de la Morée. Paris, 1835 pg. 71.

ко-нибудь годной къ земледѣлію земли—въ Мессеніи такихъ городовъ было очень мало: почти исключительно у берега моря. Принимая все это во вниманіе, придется признать, что Мессенія составляла по меньшей мѣрѣ половину—вѣроятно значительно больше — всѣхъ производительныхъ земельныхъ владѣній Спартанскаго государства ⁶⁾.

Для Спарты ея земельныя угодія и ея рабы имѣли большее значеніе, чѣмъ для любого другого государства. Спарта въ исторіи развитія всѣхъ извѣстныхъ намъ общественно-государственныхъ группъ (о некультурныхъ *Natur-völker* я не говорю) есть *unicum*; государство состоитъ изъ дворянъ; дворянинъ — и помѣщикъ и воинъ. «Средняго сословія» нѣтъ, о «свободномъ трудѣ» говорить нечего—рабская культура всегда и вездѣ экстензивна. Но и о рабской культурѣ рѣчи быть не можетъ. Во-первыхъ, Спарта не ввозила, или почти не ввозила рабовъ. Рабское населеніе должно было пополняться путемъ естественнаго прироста. Рабовъ нельзя было содержать казарменнымъ способомъ, какъ это дѣлали римскіе магнаты, нельзя было и пользоваться только сильнымъ взрослымъ рабомъ — нужна была рабская семья, нужно было кормить цѣлую массу ртовъ, ничего не производившихъ: дѣтей до извѣстнаго возраста, беременныхъ женщинъ, стариковъ. Нужно было содержать хозяйство раба—не кормить же семью по командѣ, какъ солдатъ, да и нельзя было этого дѣлать. Необходимъ былъ рабъ, работавшій до извѣстной степени самостоятельно — ибо помѣщикъ постоянно жилъ подъ ружьемъ въ лагерѣ, ему нѣкогда было ни хозяйничать, ни надзирать за рабочимъ. При такихъ условіяхъ единственная возможная система хозяйства—тяглый крестьянинъ, сидящій на оброкѣ—не на барщинѣ, потому что за барщиннымъ рабочимъ нуженъ «глазъ да глазъ», а это дѣлаетъ хозяйство еще болѣе экстензивнымъ. Нужно много земли, много и рабочихъ силъ.

⁶⁾ То, что говоритъ Белохъ стр 174. пр. 2, указываетъ именно на уничтоженіе городовъ. Слова Курціуса *Peloponnes*, II, 127 совершенно справедливы. Мессенія была дѣйствительно *menschenleer*, но это опять таки находится въ зависимости отъ отсутствія городовъ. Страна была заселена хуторами гелотовъ, пахавшихъ землю и слѣдовавшихъ за господскими стадами *ἵπλων τε καὶ ὄσ' ἄλλα βοσκήματα κατὰ Μεσσηνίαν νέμεται* (*Plato Alcib. I. 122. d.*).

И вдругъ, однимъ ударомъ отнимается около половины всей плодородной площади, около половины рабочихъ рукъ (Veloch o. l. 148 принимаетъ для всей массы гелотскаго населенія цифру 175000 человекъ, которая съ потерей Мессеніи свелась на 90 — 100000. Конечно, эти цифры только очень приближительныя). Это было полнымъ банкротствомъ, размѣры котораго мы не въ состояніи ни вообразить себѣ, ни точнѣй опредѣлить и квалифицировать, такъ какъ не знаемъ, какъ распределена была земельная собственность между отдѣльными помѣщиками. Около половины Спартиатовъ должны были оказаться нищими. Банкротство политическое, банкротство экономическое, банкротство и социальное. Не могли же Спартиаты разсчитывать на тѣхъ гелотовъ, которые остались въ странѣ, когда ихъ товарищи по ту сторону Педона освободились, когда 6000 гелотовъ получили оружіе и свободу. Придушить ихъ, какъ въ бывшее время, теперь не рѣшились бы: бывшее было и бльемъ поросло.

Могла ли Спарта держаться?

Мы видимъ—могла и держалась и даже играла нѣкоторую роль, могла привлекать къ себѣ сильныхъ союзниковъ, была и въ своемъ паденіи сильнѣй и Аргоса, и Мегалополя, и Мессены, и не могла бороться только съ ихъ союзамъ, да и то еще въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ помогали болѣе сильные, могла не безъ удачи бороться со всѣмъ Пелопонесомъ. Все это возможно только въ томъ случаѣ, если вмѣсто банкротства была ликвидація, если Спартиаты могли постепенно переходить къ новой системѣ хозяйства, болѣе интензивной съ одной, болѣе денежной съ другой стороны, если число гелотовъ понижалось постепенно, а не пало сразу ?).

Но была ли въ самомъ дѣлѣ такъ таки сразу потеряна для Лакедемона вся Мессенія, со всѣми гелотами, со всѣми земельными угодіями. Не находятъ ли вся дальнѣйшая исторія Спар-

?) О числѣ Спартиатовъ см. Veloch. l. l. Въ битвѣ при Левктрахъ пало 300 человекъ, но съ ними не исчезло 300 κλέροι. Слова Xenoph. Ages. II. 24. αὐτῶν Σπαρτιατῶν οὐ μένων ἀπολωλότων ἐν τῇ ἐν Λεϊκτροῖς μάχῃ ἢ λειπομένων—очевидное преувеличеніе съ той же реторической окраской, которая уже указана.

ты своего объясненія въ постепенности наступательнаго хода Мессеніи?

Въ этомъ смыслѣ понималъ историческій процессъ Нибуръ⁸⁾

Es ist ein grosser Irrthum anzunehmen, dass die Messenier bei der Herstellung ihres Volkes im Pelopones sogleich die ganze Landschaft, welche Strabo und Pausanias beschreiben, eingenommen haben Makedonischer Schutz, vor allem aber die unglückliche Niederlage des Agis bei Megalopolis, rettete nicht nur das oft zweifelhafte Dasein der Messenier, sondern gab ihnen jetzt die relative Macht den ganz gebrochenen Spartanern ein weitläufiges Gebiet zu entreissen, in dessen Besitz wir sie allerdings bei dem Ausbruche des griechischen Bundesgenossenkrieges finden. Aber vor jener Schlacht bei Megalopolis besaßen sie gewiss nicht mehr, sondern gerade das Gebiet, welches Skylax ihnen beilegt, der (pg. 16. M. 451) die Messenier als Volk aufführt, also nach Ol. 102. 4 geschrieben haben muss., in welchem Jahre Messene erbaut ward, und in dem Zeitraum, als sie noch ein sehr enges Land hatten.

Въ частности Нибуръ несомнѣнно ошибся, посмотримъ, насколько въ общемъ оправдывается его взглядъ исторіей возникновенія и развитія свободной Мессеніи.

Когда задумалъ Эпаминондъ возстановленіе Мессеніи, объ этомъ мы въ сущности ничего не знаемъ⁹⁾ — во всякомъ случаѣ не правъ Павсаній (IV. 26. 5), увѣряющій, что Эпаминондъ сейчасъ же послѣ битвы при Левтрахъ сталъ со всѣхъ сторонъ греческаго свѣта созывать Мессенянъ. Имѣлъ ли онъ планъ возстановленія Мессены уже тогда, мы не знаемъ — а priori я не считаю этого невѣроятнымъ, — но на столько политикомъ онъ несомнѣнно былъ, что не дѣлилъ шкуры медвѣдя, еще и не убивъ его.

Послѣ нападенія на Лаконику планъ созрѣлъ. Наши свѣдѣнія очень неполны, но мы все же можемъ отмѣтить нѣкоторыя черты, разъясняющія намъ идеи основателя. Новый городъ

⁸⁾ Kl. Schr. I. 119. Ueber das Alter des Küstenbeschreibers Skylax von Karyanda.

⁹⁾ v. Stern. o. l. 176.

не строится на мѣстѣ, освященномъ воспоминаніями объ историческомъ прошломъ, освященномъ преданіемъ и культомъ—тамъ, гдѣ онъ основанъ, никогда въ старину города не было. Основная мысль—чисто практическія соображенія. Желаютъ *ἄξιόμαχον πόλιν ἐποικίσαι Λακεδαιμονίοις* (Paus. V. 26. 6). Но съ другой стороны стараются выдвинуть національный и религіозный элементъ; основаніе города окружено цѣлымъ рядомъ торжественныхъ и таинственныхъ обрядовъ. Всѣми правдами и неправдами стараются найти связь съ до-спартанской Мессеной, —объ этомъ, впрочемъ, нужное было сказано въ своемъ мѣстѣ, — стараются сосредоточить всю сумму древнихъ культовыхъ и историческихъ преданій вокругъ новаго поселенія. Городъ ставятъ подъ водительство національнаго героя Аристомена, подъ защиту исконнаго бога Зевса Итомскаго и Діоскуровъ, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ стараются сдѣлать національными богами.

Далѣе городъ демонстративно ставятъ въ тѣснѣйшую связь съ тѣми изъ государствъ, которыя въ то время ополчились противъ Спарты.

Аркадяне доставили жертвенныхъ животныхъ, вмѣстѣ съ Мессенянами посвятельную жертву богамъ приносятъ Оиванцы и Аргивяне. Экистами города становятся Оиванецъ Эпаминондъ и Аргивянинъ Эпитель. Эпаминондъ ясно указываетъ новому городу основы его будущей политики — тѣсный союзъ съ Мегалополемъ и Аргосомъ—въ этомъ его политическое завѣщаніе, въ этомъ видѣла его древность (Polyb. IV. 31. 2).

Националистическая тенденція основателя видна и въ способѣ заселенія страны. Мессенская традиція говоритъ о томъ, что Эпаминондъ призываетъ отовсюду Мессенянъ; Мессеняне и приходятъ. Мессенская традиція съ гордостью утверждаетъ, что Мессеняне сохранили въ полной чистотѣ свои обычаи, сохранили чище всѣхъ другихъ древній дорическій языкъ. Если Павсаній, служащій выразителемъ этой традиціи, увѣряетъ, что они и до его времени лучше всѣхъ другихъ сохранили неприкосновенной чистоту древняго дорического діалекта, то это либо его мнѣніе—въ авторитетности котораго въ подобныхъ вопросахъ очень позволительно сомнѣваться,—либо мнѣніе Мессенянъ—явленіе, съ которымъ приходится нерѣдко встрѣчаться: въ странѣ съ массой діалектовъ, гдѣ литературный языкъ не образовался непосредственно изъ одного, гдѣ этотъ литератур-

ный языкъ не вошелъ безусловно въ домашній обиходъ, постоянно спорять о томъ, гдѣ и кто говоритъ чище. Сколько въ Германіи провинцій, въ которыхъ говорятъ на чистѣйшемъ hochdeutsch!

Но и самъ по себѣ вопросъ поставленъ невѣрно. «Дорійскаго» діалекта нѣтъ—если онъ и былъ, то никто его не зналъ—во всякомъ случаѣ никто не зналъ древнѣйшаго Мессенскаго діалекта.

Традиція, которой слѣдовалъ Діодоръ (XV. 66. 7), болѣе откровенна. Эпаминондъ призывалъ Мессенянъ—и другихъ, кто захочетъ. Если форма прокламаціи и не вѣрно передана, то въ сущности дѣло должно было происходить именно такъ ¹⁰⁾.

Большинство Мессенянъ выселилось изъ своей страны въ незапамятныя времена. Большинство ихъ и съ самаго начала не было «эмигрантами» въ точномъ смыслѣ слова, а пристроивалось въ различныхъ вновь основываемыхъ или переустраиваемыхъ городахъ въ качествѣ полноправныхъ гражданъ. За три столѣтія они сжились съ новымъ отечествомъ; тамъ были ихъ дорогія могилы, тамъ было ихъ не менѣе дорогое имущество. Кто рѣшался бросать насиженное мѣсто для того, чтобы основывать новую жизнь во вновь основанномъ городѣ, въ странѣ только что отвоеванной, далеко еще не обезпеченной? Великія сердца—патріоты . . . и авантюристы, для которыхъ *ubi bene, ibi patria* и которымъ на старомъ мѣстѣ не было *bene*. Невольно напрашивается аналогія. Трудно найти болѣе пламенныхъ патріотовъ, чѣмъ новые греки—самые пламенные изъ нихъ, пожалуй, тѣ, которые живутъ внѣ королевства. По всему Леванту и далеко за предѣлами его разбѣяна масса греческихъ милліонеровъ, никогда не прерывающихъ связи съ родиной; почти всѣ лучшія зданія и учрежденія въ Аѣинахъ основаны на ихъ великодушныя пожертвованія—но всѣ эти *Ζεῖπτες* и Авеларовы продолжаютъ жить въ Бухарестѣ и Александріи и развѣ только умирать отправляются на священную почву Эллады.

Но и тѣ изъ Мессенянъ, которые только за полъвѣка до основанія Мессены были выселены изъ Навпакта, были разбѣяны по всему свѣту вплоть до самой Ливіи. Скоро ли, да и охотно ли собрались они, много ли ихъ было?

¹⁰⁾ Ср.: Luc. in Leocr. 62. cfr. v. Stern. o. l. pg. 177.

Контроль былъ, пожалуй, и возможенъ. Старые Мессеняне и на новыхъ мѣстахъ сохраняли между собой, по всѣмъ вѣроятіямъ, известную связь—главнымъ образомъ религиозную,—соединялись въ религиозные клубы, но былъ ли этотъ контроль достаточно, былъ ли онъ возможенъ въ каждомъ частномъ случаѣ, слишкомъ ли объ немъ заботились? Въ новомъ городѣ несомнѣнно основались очень многіе, не имѣвшіе съ Мессеніей ничего общаго. Кто не былъ расположенъ къ новому государству, могъ безъ особой натяжки называть его гражданъ «всякимъ сбродомъ».

Но какую же роль играли тѣ, которые несомнѣнно стояли въ связи съ древней Мессеніей—Мессенскіе гелоты?

Какъ это ни странно, но объ нихъ то мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній¹¹⁾. Призвали старыхъ Мессенянъ и поселили ихъ на Итомѣ—такъ говорятъ и Павсаній (IV. 26) и Плутархъ (Pelop. 24. Ages. 34). У Діодора (l. l.) сказано даже больше: *Ἐπαμινωνδῆ ἀνέστησε τοὺς ἀπολελειμμένους τῶν Μεσσηνίων καὶ τῶν ἄλλων τοὺς βουλομένους καταλέξας εἰς τὴν πολιτείαν ἔκτισε τὴν Μεσσηνίην πολλοὺς ποιήσας αὐτῆς οἰκήτορας—τούτοις δὲ κατακληροχρήσας καὶ τὴν χώραν . . . κτλ.* Выходить такъ, будто потомки древнихъ Мессенянъ, вернувшись въ свою страну, и землю между собой подѣлили—а съ гелотами то что было? Но выводы отсюда дѣлать нельзя. Діодоръ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что собственно означаетъ слово «Мессеняне», — да и самое свѣдѣніе не должно быть историческимъ фактомъ: городъ основываютъ, значить и землю гражданамъ даютъ. Нельзя поэтому настаивать и на томъ, что по его представленію все дѣло сводится къ основанію города, и страна къ самостоятельной жизни не призывается—позднему греку не до ясности картины было.

Но у него есть и факты: 85 дней продолжалась вся акція. Эпаминондъ ушелъ, оставивъ гарнизонъ въ Мессенѣ.

85 дней—что же за это время можно было сдѣлать? Мессенія не готовилась къ полной политической организаціи; до битвы при Левктрахъ самый пылкій политическій мечтатель не

¹¹⁾ У Isocr. Arhid. 236 высказывается точка зрѣнія Лакедемонянъ, старавшихся унижить Мессенянъ. Dio Chrys. XV, 455—не источникъ.

могъ бы думать о свободной Мессеніи. Надлежало все начинать съ самаго начала, создавать нѣчто изъ «ничто»,—но какъ?

Что съ гелотами нужно было что нибудь сдѣлать, это ясно; что они не были оставлены въ рабствѣ, ясно тоже—и безъ прямыхъ свидѣтельствъ. Что этихъ свидѣтельствъ нѣтъ, объясняется характеромъ нашего преданія. Мессеняне не желаютъ слыть за гелотовъ—объ этой тенденціи я говорилъ уже по поводу обстоятельствъ третьей Мессенской войны; какъ Мессеняне, а не какъ гелоты вступаютъ граждане новаго государства въ новую эпоху своего историческаго существованія Но какъ это сдѣлано?

Задача была далеко не легкая. Что дѣлать съ этой толпой пахарей? Согнать ихъ въ городъ рѣшительно невозможно—что они тамъ дѣлать будутъ? Въ Аркадіи все таки были города, да и то иныхъ приходилось силой сгонять въ Мегалополь (Paus. VIII. 27. 5). Оставить ихъ на поляхъ, въ ихъ старыхъ хуторахъ—но какъ ихъ тогда защищать?

На всѣ эти вопросы мы не имѣемъ отвѣта, какъ и не знаемъ, какимъ образомъ Спартанцы держали въ уздѣ своихъ гелотовъ.

Древняя исторія знаетъ почти исключительно либо городъ—государство, либо союзъ городовъ подъ водительствомъ одного изъ членовъ союза. Страна-государство встрѣчается всего только одинъ разъ—я говорю объ Атигѣ. Мессенія не была провинціей для столицы—она была *ager publicus—mutandis mutatis*—для Спартанской военной общины. Теперь, когда надо было организовать ее, предстояло два пути—либо подчинить страну городу, либо создать союзъ городовъ.

Гомеръ знаетъ цѣлую массу Мессенскихъ городовъ, не малое количество ихъ относитъ Павсаній ко времени до Мессенскихъ войнъ—ко времени возстановленія Мессеніи большая часть ихъ лежитъ въ развалинахъ. Изчезла Эхалія, подлѣ новаго святилища и посада Анданіи высятся развалины древняго города (Paus. IV. 26. 6. Liv. XXXVI. 31. 7). О древней Амфѣ Павсаній говоритъ ¹²⁾, какъ объ изчезнувшемъ городѣ; существо-

¹²⁾ Paus. IV. 5. 9. St. Byz. s. v. ссылается на Павсанія же; другихъ свѣдѣній нѣтъ.

ваніе ея засвидѣтельствовано развалинами¹³⁾. Исчезъ Пилось (Thuc. IV. 3), исчезъ Доріонъ (Paus. IV. 33. 7) — спорятъ о томъ, гдѣ онъ былъ (Strabo. VIII. 350). Спартанцы обнажали страну, сколько могли—имъ не выгодны были города внутри страны: на нихъ могли бы въ случаѣ возстанія опереться гелоты. Только по окраинамъ терпѣли они городскія поселенія (Paus. III. 3. 4)—не всегда, конечно, и не вездѣ. Единственное намъ извѣстное исключеніе—Турія, лежащая довольно глубоко внутри страны; Спартанцы и заплатились за это въ третью Мессенскую войну: Турія была на сторонѣ возставшихъ. Невольно возникаетъ вопросъ о томъ, не разрушили ли они ее послѣ побѣды, что она существовала позже, ничего не доказываетъ: города иной разъ живучи, какъ сорная трава.

Надлежало, значитъ, создать новыя городскія поселенія—понятно, это не было дѣломъ 85-ти дней — даже 85-ти недѣль. Павсаній (IV. 23. 4) говоритъ объ основаніи нѣсколькихъ городовъ, но ихъ не называетъ¹⁴⁾, а назвать ихъ было бы такъ легко—вѣдь каждый долженъ былъ имѣть экистовъ изъ числа дѣятелей эпохи освобожденія. Называетъ Павсаній только Асину, Мотону, Корону.

Асина пользовалась самостоятельностью уже издавна—трудно сказать на какихъ основаніяхъ. Лакедемоняне поселили изгнанниковъ изъ Арголиды на Мессенскомъ берегу (Paus. IV. 34. 9)—мѣра весьма благоразумная, но, конечно, въ томъ случаѣ, если они могли на нихъ разсчитывать, т. е. если они не были періэками. Теопомпъ (ар. Strab. VIII. 373. Müller. F. H. G. I. 141), распространяетъ эту мѣру на всѣхъ вообще бѣглецовъ, приходившихъ къ Лакедемонянамъ.

Этотъ свободный городъ оставляется въ покоѣ Мессенянами (Paus. IV. 27. 8) и очевидно продолжаетъ свое свободное существованіе. Въ какое отношеніе поставленъ онъ къ Мессенѣ, мы не знаемъ, но объ его дальнѣйшей самостоятельности мы имѣемъ свѣдѣнія—самостоятельности политической, національной, культовой. На своемъ Дріопскомъ происхожденіи Асинейцы на-

¹³⁾ Bursian, Griechische Geographie II. 169. Vischer, Erinnerungen und Eindrücke aus Griechenland 419. Curtius, Peloponnes II. 135 и указанная имъ литература. Lolling. Iv. Müller. Handbuch, 187.

¹⁴⁾ Cp. Kuhn, Die Entstehung d. Städte im Altertum, 244.

стаиваютъ еще очень поздно—сознаніе это живетъ съ древнѣйшихъ поръ (Herod. VIII. 73)—они поддерживаютъ особыя сношенія съ другими городами дріонской національности. Герміона по ихъ просьбѣ ἀναγεοῦται τὰν συγγένειαν καὶ φιλίαν τὰν ὑπάρχουσαν τῇ πόλει πῶττὰν πόλιν τῶν Ἀσιναιῶν (С. I. G. 1193) (время трудно опредѣлить за полнымъ отсутствіемъ эпиграфическихъ критеріевъ. Камня не существуетъ; надпись издана по старому списку Горія).

Въ Ахейскомъ союзѣ Асинейцы чеканятъ свою самостоятельную монету съ легендой Ἀχαιῶν Ἀσιναιῶν¹⁵⁾.

О Мотонѣ Павсаній говоритъ тоже, что и о Асинѣ: вмѣстѣ съ Асиной она сохранила свою самостоятельность. Впослѣдствіи она чеканила автономную монету¹⁶⁾.

Только одинъ городъ, основанный въ интересующую насъ эпоху называетъ Павсаній (IV. 34. 5)—это Корона. Граждане его точно такъ же, какъ и граждане Мессены были связаны непосредственно съ Эвирами именемъ экиста-беотяннина Эпименида,—что, конечно, говоритъ за его самостоятельность. Самостоятельнымъ онъ является также въ дальнѣйшей исторіи страны. Мы имѣемъ отъ него автономныя монеты¹⁷⁾, имѣемъ и особыя монеты въ ахейскомъ союзѣ¹⁸⁾.

Къ тому же выводу, что и данныя нумизматики, приводитъ и мѣсто Ливія (XXXIX, 49). Мессенія отпала отъ Ахейскаго союза—Филопемень спѣшить захватить Корону, для того, чтобы не успѣли этого раньше сдѣлать враги—очевидно Корона не въ зависимости отъ Мессены¹⁹⁾. Къ тому же результату приводитъ и найденная въ Троядѣ надпись²⁰⁾, относящаяся къ пер-

¹⁵⁾ Head, Hist. Numm. pg. 352.

¹⁶⁾ Ibidem 363. Imhoof, Monnais Grecques 17. Imhoof—Hardener, Numism. Comen. on Paus. tab. IX.

¹⁷⁾ Head, l. l. Imhoof. N. C. 68.

¹⁸⁾ Head, 352. Weil, Num. Zeitschrift VII. 267.

¹⁹⁾ Плутархъ Philop. 18 упоминаетъ вмѣсто Короны Колониды — я, не задумываясь, отдаю предпочтеніе показанію Полибія, котораго мы въ данномъ случаѣ имѣемъ у Ливія.

²⁰⁾ Lebas-Foucart 1730a; напротивъ ничего не доказываетъ списокъ эфебовъ Ἀθήναιον IV. 103 L. F. 305. Самъ по себѣ институтъ эфебіи говоритъ за извѣстную самостоятельность города, но во-первыхъ надпись относится къ 131 году р. С. Н., а во-вторыхъ можетъ подвергаться сомнѣніямъ и самая ея принадлежность Коронѣ—ср. Beloch, Die Bevölkerung u. s. w. 144 съ пр. 3.

вой половинѣ второго до Р. Х. вѣка: перечисляются награды, полученные Кассандромъ, сыномъ Менестея и въ числѣ раздававшихся эти награды городовъ упоминаются: ἡ πόλις ἢ Μεσσηνίων χρυσῶ στεφάνῳ, ἢ πόλις ἢ Κορωνιαίων τῶν ἐν Ἀχαίᾳ χρυσῶ στεφάνῳ—очевидно Корона имѣетъ автономію, что, однако, вовсе не исключаетъ связи ея съ Мессеной. Важно и то, что термина Мессенія не знаютъ; для того, чтобы отличить Корону Мессенскую отъ Короны беотійской употребляютъ не терминъ Μεσσηνία, а гораздо болѣе неопредѣленное обозначеніе Ἀχαία, между тѣмъ, какъ Корону беотійскую означаютъ терминомъ ἐν Βοιωτία, хотя Беотія, какъ цѣлаго, въ то время нѣтъ; есть Мессена—значитъ Мессеняне прежде всего жители города Мессены, какъ οἱ Τεγεᾶται жители города Тегей²¹⁾.

Непосредственныхъ свѣдѣній о другихъ городахъ мы не имѣемъ. Кое что можно еще вывести относительно Туріи. Мы знаемъ, что въ спартанскую эпоху она была городомъ съ поселеніемъ періэковъ, участвовавшимъ въ возстаніи гелотовъ въ пятомъ вѣкѣ. Къ концу четвертаго вѣка она въ тѣснѣйшей связи съ Мессеной. Турійцы считаются Мессенянами—Μεσσηνίῳ ἐκ Θοορίας читаемъ мы на Мессенской базѣ²²⁾. Что касается дальнѣйшей ея судьбы, то мы имѣемъ ея автономныя монеты²³⁾. Къ тому же времени — рубежу 3-го и 2-го вѣка до Р. Х. относится и списокъ эвбебовъ Туріи²⁴⁾, показывающій, что въ концѣ третьяго вѣка Турія пользовалась самостоятельностью. Этимъ и объясняется возможность ея выдѣленія изъ Мессенскаго союза послѣ подавленія возстанія Динократа. До него она не была членомъ Мессенскаго союза, а за нее голосовала Мессена — значитъ въ теченіи опредѣленнаго времени Турія передавала часть своихъ политическихъ правъ Мессенѣ. Теперь она вступаетъ въ союзъ, какъ самостоятельный его членъ.

²¹⁾ Возможно относить показаніе къ городу Κορώνεια, находящемуся въ собственной Ахей (St. Byz. s. v.) исключается формой этника — отъ Κορώνεια можетъ быть только Κορωνιαῖος, а не Κορωνιαῖος.

²²⁾ В. С. Н. VI. pg. 222 n. 55. Pomptow, Die dreiseitige Basis. Jahrb. f. Philol. 1896 p. 617.

²³⁾ Head, 363. Imhoof, N. C. 65. M. Collignon, Quid de collegiis ephorum apud graecos excepta Attica commentari liceat, Lutetiae 1877 pg. 13.

²⁴⁾ L. F. 301. Cauer, Delectus 46.

Это возможно, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятно только въ томъ случаѣ, если городъ и до того представлялъ политическую единицу, если не нужно было создавать новаго политическаго организма. По отношенію къ Туріи мы, какъ видѣли, это знаемъ—едва ли будетъ слишкомъ смѣло предположить тоже относительно раздѣлившихъ участь Туріи городовъ Абій и Феръ. Оба послѣднихъ города извѣстны изъ до-Лакедемонской эпохи. Феры упоминаются Гомеромъ (II. V. 541), какъ столица княжескаго дома Феоклидовъ. Pagnise'у²⁵) удалось локализовать городъ въ Мессеніи и открыть слѣды стѣнъ Микенскаго періода—дальше мы объ немъ ничего не знаемъ, какъ не знаемъ рѣшительно ничего объ Абіяхъ.

Пилосъ, какъ мы видѣли, былъ покинутъ къ тому времени, когда тамъ высадили Демосеенъ; построивъ крѣпость, онъ оставилъ въ ней гарнизонъ изъ Мессеніянъ, жившихъ въ Навпактѣ; начальство было, конечно, передано Афинявину (С. I. А. I. 144). Въ 409 году (Diod. XIII, 64) Спартанцы силой овладѣли укрѣпленіемъ—гарнизонъ сдался на капитуляцію и ушелъ. Можно предполагать, что Спартанцы не преминули воспользо-ваться выстроенымъ на ихъ берегахъ укрѣпленіемъ, которое могло быть имъ такъ опаснымъ; во всякомъ случаѣ городъ и тогда долженъ былъ остаться только укрѣпленнымъ фортомъ, ἐπὶ θαλάσσει κείμενον φρούριον, какииъ его засталъ Страбонъ (VIII. 348). Понятно, вокругъ такого форта должно было вырасти поселеніе. Мы не имѣемъ основательной причины полагать, что Пилосъ былъ вновь основанъ Мессенянами, хотя и имѣемъ свѣдѣнія относительно того, что одно время онъ имъ принадлежалъ—по крайней мѣрѣ въ 208 году Этоляне ставятъ условіемъ мира возвращеніе Ахейцами Пилоса Мессеніи. (Liv. XXVII. 30. 13). Потерянъ онъ былъ для Мессеніи раньше 222 года, когда Ахейцы считали его членомъ своего союза (Pol. IV. 25. 4). Но былъ ли городъ завоеванъ союзомъ, или принадлежалъ ему свободно, мы не знаемъ. Въ 196 году Пилосъ все еще во власти Ахейянъ и Мессеніянъ все таки стоятъ за его возвращеніе (Pol. XVIII. 42), что, конечно, не говоритъ противъ самостоятельности Пилоса—одновременно съ Пилосомъ шла борьба и за

²⁵) Jahrb. d. arch. Inst. 1894, 357.

Асины. Прямо въ пользу этой самостоятельности говорить существованіе автономныхъ монетъ ²⁶⁾.

Относительно Кипариссіи часто предполагають, что она основана новой Мессеной, выводя это изъ того, что она была гаванью вновь основаннаго города ²⁷⁾. Едва ли, однако, подобную аргументацію можно считать основательной—Мессена могла воспользоваться издавна существовавшей гаванью. Существованіе города на этомъ мѣстѣ уже въ древнѣйшую эпоху дѣлаетъ вѣроятнымъ упоминаніе города *Κίπρισσῆς* въ «каталогѣ» Илиады (II, 549); за то же говорятъ и сохранившіеся остатки старинныхъ стѣнъ. Къ сожалѣнію описанія ихъ недостаточно подробны для того, чтобы попытаться точнѣе опредѣлить ихъ эпоху. Существованіе остатковъ болѣе новыхъ стѣнъ говоритъ только о новомъ расцвѣтѣ города, вполне естественномъ въ виду подъема значенія страны. Остатки древняго мола доказываютъ, что здѣсь была гавань, но что она была гаванью Мессены свидѣтельствами не доказано—единственное, что намъ объ этомъ передано, мѣсто Скилакса (45. Ср. Müller, *Geographi minores* a. l.), несомнѣнно искажено. Монеты принадлежатъ къ позднему императорскому періоду и ничего не доказываютъ. Что городъ рано долженъ былъ освободиться отъ вліянія Лакедемона и подчиниться вліянію Мессены, явствуетъ изъ его географическаго положенія. Скилаксъ въ своемъ описаніи Мессеніи упоминаетъ только городъ Итому и Кипариссію—но, такъ какъ города на Итомѣ до возстановленія Мессены не было, то ясно, что именно Мессену онъ имѣетъ въ виду (съ слѣдами официального употребленія этого обозначенія мы встрѣчаемся неоднократно ²⁸⁾). Только эти города онъ считаетъ входящими въ составъ Мессенской страны. Нибуръ на этомъ мѣстѣ Скилакса и основалъ свое построеніе. Но со Скилаксомъ нужно обходиться очень осторожно. Трудно сомнѣваться въ томъ, что въ немъ накопилась цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ элементовъ и между ними нельзя отрицать и присутствія очень древнихъ; къ такимъ древнимъ элементамъ можно отнести и упоминаніе Асины и Метаны подъ рубрикой: Лакедемонъ; если

²⁶⁾ Head, 363.

²⁷⁾ Curtius, Pelop. II. 185.

²⁸⁾ *Μεσσαῖνον ἐξ Ἰθώμας* Bull. d. C. H. VI. pg. 221 n. 52. Pomtow. Die dreiseitige Basis. Jahrb. f. Philol. 1896. pg. 644. n. 1.

даже затѣмъ авторъ описанія и вычиталъ въ богѣ новомъ источникѣ упоминаніе этихъ городовъ подъ рубрикой: Мессенія, то онъ волей не волей долженъ былъ ихъ выпустить — не упоминать же ихъ два раза. Въ литературѣ перипловъ подобные случаи не рѣдки ²⁹⁾.

Нѣсколько болѣе извѣстно намъ о Левктрѣ. Страбонъ относитъ ее къ Мессеніи (VIII. 359), Павсаній (III. 21. 7) къ Лаконіи, что объясняется реформой Августа; слѣды этого перехода замѣтны въ изложеніи Страбона. Перечисляя Левктру въ числѣ Мессенскихъ городовъ, онъ, очевидно, подъ вліяніемъ установившагося въ его время официального обозначенія говорить нѣсколькими строками позже о Λεβκτρον τὸ Λακωνικόν. Воспоминаніе о κρίσις Φιλίππου, вѣроятно, основывается на свѣдѣніяхъ, заимствованныхъ изъ возникшаго по поводу реформы дѣлопроизводства. До времени Павсанія Мессеняне заявляли свои притязанія на этотъ городъ (Paus. III. 26. 6). О времени присоединенія его къ Мессеніи будетъ сказано въ свое время.

Таламы у Павсанія (III. 21. 6) также перечисляются въ числѣ основанныхъ Августомъ городовъ элевтералаконовъ; у Страбона (VIII. 359) ихъ слѣдуетъ, кажется, отнести къ Мессеніи (мѣсто можетъ быть истолковано и иначе). Θεοπομπή (ар. St. Byz. s. v. F. H. G. I. 311. pg. 192) относитъ ихъ къ Мессеніи. Но такъ какъ связь, въ которой онъ упоминалъ Таламы, не извѣстна, то нельзя исключать возможности экскурса, говорящаго о временахъ, предшествовавшихъ покоренію страны.

Вотъ и все, что мы можемъ вывести относительно городовъ Мессеніи изъ скудныхъ свѣдѣній нашихъ источниковъ. Мессена была основана, какъ городъ, рядомъ съ которымъ существовали и другіе города, пользовавшіеся автономіей. Что они находились между собой въ какомъ-нибудь союзѣ, само по себѣ несомнѣнно, но прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ не сохранилось, если не считать уже приведенной дельфійской подписи о

²⁹⁾ До реставраціи Мессенія была «географическимъ понятіемъ» — да и имъ то она не была. Вся область, по праву собственности принадлежавшая Лаконіи, называлась Λακωνική. Фукидидъ говоритъ о Πόλις τῆς Λακωνικῆς (IV. 12) Μοθώνη τῆς Λακωνικῆς (II. 25. ср. Diod. XI. 84. Діодоръ здѣсь слѣдуетъ непосредственно Фукидиду). Лепреонъ лежитъ, по словамъ Фукидида (V. 34) ἐπὶ τῆς Λακωνικῆς καὶ τῆς Ἠλείας.

Мессенинѣ изъ Туріи, доказывающей, несомнѣнно, тѣсную политическую зависимость Туріи отъ Мессены, но ничего не говорящей о характерѣ этой зависимости — всякія догадки до появленія новаго надписнаго матеріала будутъ лишены основанія.

Относительно заселенія мѣстности мы ясно видимъ одно: югъ сильно заселенъ—въ немъ цѣлая масса городовъ, но одни изъ нихъ существовали и до реставраціи—Асина, Мотона, Абіи, Фары, Турія, другія продолжали принадлежать Спартѣ, какъ это вѣроятно относительно Кардамылы и Таламъ, какъ это почти несомнѣнно относительно Левктръ—и только одинъ изъ извѣстныхъ намъ основанъ вновь (Корона). На востокѣ существуетъ нѣсколько городовъ—Пилосъ, Кипариссія. Мѣстность эта несомнѣнно свободна отъ вліянія Спарты; Кипариссія показываетъ признаки расцвѣта. На сѣверѣ постепенно вырастаютъ изъ развалинъ остатки древнихъ городовъ—но нигдѣ и никогда не достигаютъ большаго значенія. На западной границѣ съ Лакедемономъ—той части собственно центральной Мессеніи, которая была наиболѣе заселена гелотами, городовъ совершенно нѣтъ. Единственный намъ извѣстный—*Δενδάλιοι*—есть пограничный фортъ (Alcm. ap. Athen. I. 31. ср. St. Byz. s. v.). Здѣсь Мессенианамъ прежде всего приходилось встрѣчать лицомъ къ лицу натискъ Лакедемонянъ; что часть этой области только сравнительно поздно перешла въ ихъ руки, покажетъ дальнѣйшая исторія страны, къ которой мы теперь и обратимся.

Состояніе Спарты, какъ мы видѣли, должно было быть отчаянно. Вотъ какъ характеризуетъ его Исократъ въ своей значительно позже написанной рѣчи *Φίλιππος* (346 г.): *πολεμοῦνται μὲν ὑπὸ τῶν τῆν χώραν αὐτῶν περιιοκούντων* (что, конечно означаетъ сосѣдей, а не періэковъ) *ἀπιστοῦνται δὲ ὑπὸ πάντων τῶν Πελοποννησίων, μισοῦνται δ' ὑπὸ τοῦ πλήθους τῶν Ἑλλήνων, ἄγονται δὲ καὶ φέρονται καὶ τῆς νυκτὸς καὶ τῆς ἡμέρας ὑπὸ τῶν οἰκετῶν τῶν σφετέρων αὐτῶν οὐδένα δὲ χρόνον διαλείπουσι ἢ στρατεύοντες ἐπὶ τινας ἢ μαχόμενοι πρὸς τινας ἢ βοηθοῦντες τοῖς ἀπολλυμένοις αὐτῶν* (49, pg. 92 Reiske. Ср. Panath. 58. pg. 244).

Краски, конечно, сгущены — проходилъ, несомнѣнно, не одинъ день, когда Спартянцевъ не ἦγον и не ἔφερον, — но сущность то должна была быть вѣрна; не мало заботъ было у Спартянцевъ съ ихъ рабами. Если можно было еще справляться съ тѣми, что были поближе, то что было дѣлать въ тѣхъ по-

мѣстяхъ, гдѣ близка была Мессенская граница, гдѣ рабу ничего не стоило уйти подъ защиту крѣпкихъ стѣнъ Мессены?

Въ Мессенѣ положеніе было иное. Какъ бы то ни было, хуже, чѣмъ во времена Лакедемонскаго владычества быть не могло. Какъ слабы ни были Мессеняне, они были свободны. Эпаминондъ не могъ создать великаго народа, но онъ уничтожилъ рабство,—и народъ, обязанный ему своимъ существованіемъ, не смотря на всѣ бѣдствія своей тревожной исторіи, сохранилъ къ нему глубокую благодарность; въ область гимновъ и молебній ушелъ для нихъ этотъ творецъ ихъ родины: герой въ своемъ качествѣ экиста, онъ оставался героемъ, идеаломъ и образцомъ во всѣ времена существованія города. Какъ для женщины не было высшей похвалы, какъ быть названной *νέα Πηλεόπεια*, такъ народъ не могъ людей оказавшихъ ему услуги почитать болѣе славнымъ эпитетомъ, чѣмъ *νέος Ἐπαμεινώνδας*. Еще во времена Адриана Т. *Claudius Custianus* *ἄριστα πολιτεοῦμενος*—получаетъ это почетное названіе (Lebas-Foucart. 442).

Опасность со стороны Лакедемонянъ, конечно, была,—они скоро показали, что еще живы, но на первое время она не была особенно настоятельна и страшна. У Спарты не было союзниковъ—Мессена могла опереться на Фивы, Аркадію, Элиду, Аргосъ, и эти союзники были для нея совершенно обезпечены. Мессена была въ борьбѣ со Спартой необходимымъ условіемъ успѣха; уже тогда должны были видѣть значеніе этого рога, за который можно было держать Пелопонесъ (Strabo. VIII. 301). Недоступная крѣпость Итомы была защищена образцовыми фортификаціонными сооруженіями. Доминируя надъ центромъ Пелопонесса, она повсюду становилась поперекъ дороги Спартанцамъ. Въ борьбѣ съ Аркадіей и Элидой она была камнемъ, черезъ который приходилось перепрыгнуть, если не хотѣли сражаться, имѣя ее въ тылу; Спартанцамъ скоро пришлось ознакомиться съ пріятностями и выгодами такого веденія войны. Въ центральной Греціи дѣло Спарты было безвозвратно потеряно—нельзя было оставить Лаконику безъ сильной защиты: того и гляди, Мессеняне нагрянутъ, какъ снѣгъ на голову.

Тѣмъ не менѣе ея значеніе было только пассивное—активно она не была страшна для Спарты, которая въ одиночку была сильнѣй ея. Мессена была городомъ—городомъ крѣпостью, а городъ только и силенъ, что въ стѣнахъ, если не имѣетъ денегъ,

чтобы нанимать солдатъ, какъ Карѳагенъ. Въ Мессены Мессеняне были не страшнѣй Мегалополитовъ—менѣе страшны, чѣмъ Аргосъ. Понятно, поэтому, что роль Мессены непосредственно влѣдъ за ея основаніемъ не выяснилось; новый городъ въ Пелопонесѣ—вотъ и все. Только этимъ я могу объяснить себѣ молчаніе Ксенофонта объ основаніи Мессены. Какъ бы низко ни ставить Ксенофонта, а его вовсе нѣтъ основанія ставить низко, какъ бы высоко ни оцѣнивать его историческое пристрастіе, а оно вовсе не такъ значительно—и то и другое показано ф. Штерномъ—всему есть свои предѣлы. Такого историка, который не замѣтилъ бы появленіе на поприще международной борьбы новой великой державы—а возстановленная Мессенія была бы такой,—нѣтъ и быть не можетъ. Представьте себѣ историка 19-го вѣка, который не упомянулъ бы о созданіи единой Италіи,—а право же, политически, эта новая держава не многимъ болѣе успѣла, чѣмъ древняя Мессенія.

Несчастіе Спарты не помѣшало ей вновь найти союзниковъ. Если для Діонисія Сиракузскаго могли имѣть значеніе дѣйствительныя симпатіи къ Спартѣ, то въ Аѳинахъ боялись возвышенія Фивъ; помогли и Діонисій и Аѳиняне—Аѳиняне очень не охотно и недѣйствительно; солдаты Діонисія приходили, били или были побиваемы—больше первое—и уходили, ничего рѣшительнаго не сдѣлавъ; какъ бы то ни было, Спарты не хранили.

Въ Пелопонесѣ начинали ссориться. Начался тотъ періодъ, который такъ мѣтко охарактеризовалъ Демосѳенъ *ἡ Πελοπόννησος πάσα διειστήκει, καὶ οὐθ' οἱ μισοῦντες Λακεδαιμονίους οὕτω ἰσχυροῦν, ὥστε ἀνελεῖν αὐτοῦς, αὐτὲ οἱ πρότερον δι' ἐκείνων ἀρχόντες κύριοι τῶν πόλεων ἦσαν, ἀλλὰ τις ἦν ἀκρίτος καὶ παρὰ τοῦτοις καὶ παρὰ τοῖς ἄλλοις ἄπασιν ἕρις καὶ ταραχή* (de cor. 18, pg. 231.).

Начали Аркадяне; они не слушались Фиванцевъ, обидѣли Элеянь—прекрасный сонъ единства скоро кончился.

Фиванцы не забывали своихъ протезе. Въ 368 году въ Дельфахъ собрался конгрессъ для заключенія общаго мира. Предсѣдательствовалъ тиранъ Абидоса Филискъ, посланный Ариобарданомъ. Всѣ усилія миротворцевъ разбились о мессенскій вопросъ—Фиванцы не соглашались на подчиненіе Мессены Спартанцамъ, ставятъ ея свободу основнымъ требованіемъ мира. Конгрессъ расходится (Xenoph. Hell. VII. 27). Это первое ди-

пломатическое дѣйствіе въ нашемъ вопросѣ; Спарта не хочетъ признать новаго государства. Тутъ дѣло не въ простомъ дипломатическомъ признаніи совершившагося факта вродѣ признанія подписавшими берлинскій трактатъ державами избранія болгарскаго князя; отъ Спарты требуютъ, чтобы она отказалась разъ навсегда отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на Мессенію. Когда говорится о мирѣ, имѣется въ виду царскій миръ, по которому всѣ города политически равны. Спартанцы, признавая Мессену, eo ipso включаютъ ее въ этотъ миръ, лишаются права вести съ нею войну—понятно, только права, не возможности, но, что бы не говорили о призрачности международнаго права, всенкій предпочитаетъ имѣть его на своей сторонѣ. Вопросъ шель о предметѣ несомнѣнной реальной важности; неправъ Плутархъ, осуждающій Агесилая за то, что онъ, *μη βουλόμενος τῷ λόγῳ προσῆσαι τοῖς ἔργοις κρατοῦσι τὴν χώραν, ἐκείνην μὲν οὐκ ἀπέλαβε κτλ.* (Ag. 34). Одно несомнѣнно выиграли своимъ упорствомъ Спартанцы—расположеніе персидскаго царя, который собиралъ для нихъ большое наемное войско.

Военныя дѣйствія продолжаются; Мессеняне получаютъ боевое крещеніе—очень неудачное. Лакедемоняне дѣлаютъ нападеніе на Аркадію. Взявъ Карію, они переходятъ на востокъ страны—въ Парразію; тамъ встрѣчу имъ выходятъ Аркадяне и Аргивяне, очевидно съ запада. Царь не рѣшается принять битву и отступаетъ въ холмистую мѣстность Мидеи. Гдѣ эта Мидея, сказать мы не умѣемъ; мы знаемъ только двѣ Мидеи, въ Беотіи и Арголидѣ, но и та и другая здѣсь невозможна (хотя о второй и думали—взгляда на карту достаточно, чтобы убѣдиться въ невозможности этого). Можно, конечно дѣлать коньектуры, но они не могутъ дать увѣренности³⁰⁾. Къ востоку или югу отъ Парразіи слѣдуетъ искать этого города. Спартанцы отступаютъ, а пойти на западъ значило бы натолкнуться на враговъ. Кассидъ, полководецъ вспомогательнаго войска, посланнаго Діонисіемъ, собирался уходить: вѣроятно срокъ, назначенный ему при посылкѣ, истекъ—я вполне согласенъ съ фонъ-Штерномъ (о. I. 199).

Кассидъ, вѣроятно, сообразовался съ своими инструкціями—но первая и основная инструкція заключалась несомнѣнно не

³⁰⁾ Ср. С. О. Müller, Dorier II, 448. Curtius, Pelop., I 336.

въ томъ, чтобы вернуться къ опредѣленному сроку, а въ томъ, чтобы вернуться съ войскомъ. Если Кассидъ со своимъ незначительнымъ отрядомъ рѣшается уйти по дорогѣ въ Спарту, то, очевидно, по его предположеніямъ, эта дорога была открыта.

По какой дорогѣ шелъ онъ? Мы уже видѣли, что враги были на западѣ. Естественнѣй всего, значить, было идти не на западъ, по узкой пограничной линіи, отдѣляющей Мессенію отъ Аркадіи, совершая длинный путь по вражеской странѣ, чтобы, наконецъ дойти до Лакедемонской границѣ, а на югъ, чрезъ Мессенію,—если чрезъ Мессенію идти было можно.

Кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что именно этотъ путь былъ имъ избранъ; только тогда становятся понятны дальнѣйшія движенія; Кассиду загораживаютъ дорогу Мессеняне, занявши какое то ущелье; онъ зоветъ на помощь Архидама—*ἀρχαίου μέντοι ἐβοήθησε. ὡς δ' ἐγένοντο ἐν τῇ ἐπ' Εὐτρησίους ἐκτροπῇ*—т. е. тамъ, гдѣ идущій отъ Мидея поворачивалъ къ Евтресіямъ—*οἱ Ἀρχάδες καὶ Ἀργεῖοι προσέβαινον εἰς τὴν Λάκαιναυ, καὶ οὗτοι ὡς ἀποκλείσαντες αὐτὸν τῆς ἐπ' οἶκον ὁδοῦ*. Битва произошла *ἐν ταῖς συμβολαῖς τῆς ἐπ' Εὐτρησίων καὶ τῆς ἐπὶ Μηδέας ὁδοῦ* (Xenoph. Hell. VII. 1, 29). Мѣсто, очевидно, близко къ Мидеѣ—ибо иначе не стали бы опредѣлять его по дорогѣ къ ней: во всякомъ случаѣ она пунктъ незначительный,—тамъ, гдѣ дорога поворачивала на сѣверъ. Произошла битва не далеко отъ мѣста, гдѣ кампировали Аргивяне и Аркадяне—иначе они не могли бы ни замѣтить движенія Архидама, ни успѣть загородить ему дорогу—все это вещи, которыя становятся ясными при взглядѣ на карту: царь вернулся не той дорогой, по которой пришелъ въ Аркадію—тогда онъ долженъ былъ по дорогѣ заморить Кирію,—а, направившись непосредственно къ югу, перешелъ границы позднѣйшей Мессеніи.

Такъ какъ въ битвѣ участвовали и солдаты Кассида—кельты, о которыхъ раньше говорилъ Ксенофонтъ (*ibid.* 32, *sgr.* 20), то ясно, что и Кассидъ пошелъ по той же дорогѣ ³¹⁾.

Если всѣ эти разсужденія правильны, то изъ нихъ слѣдуютъ два вывода—во-первыхъ сѣверная часть Мессеніи не на-

³¹⁾ Конечно, все это не имѣетъ значенія, если мы вмѣстѣ съ Миллеромъ и Курціусомъ I. I. предположимъ отступление къ Малей, на востокъ—но это движеніе кажется мнѣ при данныхъ обстоятельствахъ немислимымъ. Я предположилъ бы вмѣсто *Μήδεα* читать *Μέλπεια*.

ходила еще фактически въ рукахъ Мессенянъ, во-вторыхъ Ксенофонтъ считалъ ее частью Лаконіи. Спартанцы считали своимъ все, чего у нихъ не отняли; если могла быть сомнительной та часть страны, которая служила связующимъ звеномъ между двумя близкими союзниками, то объ организаціи страны нечего и думать. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, косвенное подтвержденіе нашей основной мысли о возстановленіи не Мессеніи, а городского поселенія Мессены.

Въ первый разъ на сколько мы знаемъ, Мессенія дѣйствуетъ активно. Спартанцы показали, что не разучились еще побѣждать: первый опытъ Мессенянъ кончился для нихъ весьма печально.

Мы видѣли, что Ариобарданъ собирался помочь Спартѣ—о результатѣ этихъ приготовленій мы не знаемъ ничего—но скоро обстоятельства переѣнились. Спартанцы давно уже привыкли рассчитывать на властное слово персидскаго царя; и въ нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ они послали въ Сузы своего дипломатическаго агента; ихъ примѣру послѣдовали другіе—и скоро въ Сузахъ собрались представители всѣхъ значительныхъ греческихъ державъ, старавшіеся склонить царя каждый на свою сторону; образовался цѣлый маленькій мірокъ политическихъ интригъ. Удача была на сторонѣ того, кто, пожалуй, меньше всѣхъ былъ способенъ къ интригамъ,—Пелопида. Можетъ быть оно и понятно. Всякому хотѣлось получить что нибудь отъ царя, но всѣ его презирали и ненавидѣли, всѣ такъ или иначе въ свое время успѣли повредить ему—кромѣ Фиванцевъ.

Если это имъ особой чести не дѣлаетъ, то большую честь дѣлаетъ имъ ихъ постоянство. Они заварили кашу въ Мессеніи и не отказываются расхлѣбать ее: прежде всего они требуютъ признанія самостоятельности Мессены — и здѣсь, какъ на конгрессѣ Филиска. Царь находитъ для себя выгоднымъ склониться на сторону Фиванцевъ; постановлено: *Μεσσηνῶν αὐτονομία εἶναι* ³²⁾.

Основой политической жизни Эллады въ то время былъ царскій миръ, одинаково признаваемый всѣми и никому не навязываемый царемъ. На основаніи именно этого мира царь могъ признать автономію Мессены, но не могъ признать ея влады-

³²⁾ Xenoph. Hell. VIII, 1, 36. Ages. 24. Plut. Pelop. 30. Diod. XV, 81, 3.

чества надъ другими городами. Не Мессенскій союзъ, не владычество Мессены надъ страной—исключительно городская автономія Мессена могла заключаться въ волѣ царя.

Не стану рассказывать, какъ потерпѣли крушеніе мирные договоры, основанные на повелѣніи царя — въ концѣ концовъ царь не могъ вѣдь никому приказывать: война продолжалась.

Дѣла Спартанцевъ были плохи, несмотря на сомнительную дружбу Аѳинянъ, несмотря на то, что Аркадяне отпали отъ союза съ Оиванцами³³). Спартанцы теряли союзниковъ; даже отъ вѣрнѣйшаго изъ нихъ, Коринѳа, они должны были отказаться, такъ какъ онъ вступилъ въ союзъ съ Оиванцами. Сами Спартанцы должны были дать на это согласіе, хотя сами на миръ не пошли: иной разъ пріятнѣе быть зарѣзаннымъ, чѣмъ самому себя зарѣзать—*ἔφασαν πολέμοιους πράξειν ὅτι ἂν τῷ θεῷ φίλον ἦ, ὑφ' ἡσέσθαι δὲ οὐδέποτε ἢν παρὰ τῶν πατέρων παρέλαβον Μεσσήνην, ταύτης στερηθῆναι* (Xenoph. Hell. VII. 4. 9). Объ этомъ эпизодѣ я уже имѣлъ случай говорить.

Наконецъ приближался рѣшительный моментъ. Всѣ готовились къ нему. Въ первый разъ Мессенія выступаетъ въ качествѣ самостоятельной политической единицы. Аѳиняне стараются пріобрѣсти для своего союза возможно больше членовъ — ихъ ораторъ Калликратъ вздигъ для этого по Пелопонесу и былъ между прочимъ и въ Мессенѣ (Arist. Rhet. III. 17. 14, 18b). Рѣчь его пользовалась вполнѣдствіи большой извѣстностью, но результатовъ она не имѣла и имѣть не могла; Мессеняне не могли бороться противъ Оиванцевъ: поражение Оивъ было бы для нихъ гибелью. Спартанцы не согласились войти съ ними въ равноправныя отношенія — да если бы они и общались, то трудно было бы имъ повѣрить. Да и самое посольство Калликрата не можетъ не внушать сомнѣній³⁴).

³³) Союзъ Аркадіи съ Аѳинами могъ быть только выгоденъ для Спарты; онъ формально не лишалъ ея дружбы Аѳинъ, фактически лишалъ Оиванцевъ важнаго союзника въ Пелопонесѣ.

³⁴) Трудно предполагать самую возможность попытки Каллистрата, если онъ не имѣлъ въ запасѣ какихъ-нибудь общацій Спартанцевъ. Такъ какъ, однако мы объ нихъ ничего не знаемъ и такъ какъ возможность ихъ находится въ прямомъ противорѣчій со всею политикой Спарты и общимъ положеніемъ дѣлъ, то можетъ явиться сомнѣніе въ правильности

Какъ бы то ни было, краснорѣчивый ораторъ не провелъ своего предложенія—въ 362 году въ битвѣ при Мантинѣ Мессеняне сражаются на сторонѣ своихъ освободителей (Xenoph. Hell. VII, 5, 6. 7. Diod. XV, 85, 2).

Битва при Мантинѣ не имѣла прямыхъ результатовъ, но Эиванцы потеряли своего вождя и вмѣстѣ съ нимъ ту духовную силу, которая дѣлала ихъ сильными: они устали вѣчно воевать, имъ хотѣлось хоть «худаго» мира—миръ и былъ заключенъ—одна только Спарта осталась внѣ его. Эиванцы по прежнему стояли за находившихся подъ ихъ покровительствомъ Мессенянь, Спарта точно также не хотѣла уступить. Союзники понимали, что свобода Мессеніи единственная гарантія ихъ безопасности. Протесты Спарты не повели ни къ чему; самые союзники Спарты признали Мессену; если Спартанцы не хотятъ заключить миръ на этомъ основаніи, то пусть и не заключаютъ его—ὄστε Μεσσηνίους μὲν ὑπὸ τῶν συμμάχων προσδεχθῆναι καὶ μετασχεῖν τῶν ὄρκων καὶ διαλύσεων, Λακεδαιμονίους δὲ μόνους ἐκσπόνδους γενέσθαι τῶν Ἑλλήνων³⁵).

Мессена юридически была теперь полноправнымъ членомъ той организаціи, которая была создана царскимъ миромъ—фактически ей предстояло отстоять эту полноправность отъ притязаній Спарты—бояться ей было чего. Разбитая, лишенная своихъ ресурсовъ, Спарта, въ теченіи 10 лѣтъ со дня битвы при Левктрахъ все время находилось въ непрерывной борьбѣ съ врагами, постоянно теряла союзниковъ—и все таки она имѣла еще достаточно обаянія, чтобы добывать себѣ новыхъ, чтобы собрать силу, равную силѣ Эпаминонда. Свою отчаянную борьбу она вела съ честью — и теперь, совершенно изолированная въ Пелопонесѣ, она не отказывалась отъ тѣхъ своихъ правъ, которые считала существенными практически, священными нравственно.

Характеристику положенія и политики Мессеніи даетъ Полибій—мы увидимъ, насколько оправдываетъ ее исторія; если

принятаго толкованія словъ Аристотеля (Schäfer Demosthenes u. seine Zeit I. 126. Beloch. Attische Politik. 158); не слѣдуетъ ли, поэтому, вернуться къ старому толкованію Sievers'a и Sauppe (Orat. Att. II. 218. пр. 1)—не есть ли ἡ Μεσσηνιακὴ ἐκκλησία—собраніе, посвященное Мессенскому вопросу.

³⁵) Pol, IV, 33, 8 sqq. Ср. Diod. XV, 85, 2 Plut. Ages. 34.

нѣкоторыя черты этой характеристики несомнѣнно относятся къ прошлому страны, то и они связаны съ тѣмъ взглядомъ, который имѣеть Полибій на особенности положенія Мессеніи—и самый этотъ взглядъ абстрагированъ изъ фактовъ исторіи свободной Мессеніи.

Δυσὶ γὰρ γεινιῶντες ἔθνεσι τοῖς μεγίστοις τῶν κατὰ Πελοπόννησον, μᾶλλον δὲ σχεδὸν καὶ τῶν Ἑλληνικῶν, λέγω δὲ τῷ τε τῶν Ἀρκάδων καὶ τῷ τῶν Λακόνων καὶ τοῦ μὲν ἐχθρῶς καὶ ἀκαταλλάκτως αἰεὶ ποτε πρὸς αὐτοὺς ἔχοντος, ἐξ οὗ καὶ κατέσχον τὴν χώραν, τοῦ δὲ φιλικῶς καὶ κηδεμονικῶς, οὔτε τὴν πρὸς Λακεδαιμονίους ἐχθρὰν εὐγενῶς ἀνελάμβανον οὔτε τὴν πρὸς Ἀρκάδας φιλίαν. λοιπὸν, ὅταν οὔτοι πρὸς ἀλλήλους ἢ πρὸς ἐτέρους πολεμοῦντες ἐν περισπασμοῖς ἦσαν, ἐγίνετο τὸ δέον αὐτοῖς. ἦγον γὰρ τὴν εἰρήνην αἰεὶ παρευδιαζόμενοι διὰ τὴν τοῦ τόπου παράπτωσιν. ὅταν δὲ εὐσχολοὶ καὶ ἀπερίσπαστοι Λακεδαιμόνιοι γενηθέντες ἐτράπησαν πρὸς τὸ βλάπτειν αὐτοὺς οὐτ' αὐτοὶ δι' αὐτῶν ἀντοφθαλμῆϊν ἐδύναντο πρὸς τὸ βάρος τὸ Λακεδαιμονίων οὔτε προκατεσκευασμένοι φίλους τοὺς ἀληθινῶς αὐτοῖς πάντα συνυποστησάμενους, ἢ δουλεύειν ἠναγκάζοντο τούτοις ἀχθοφοροῦντες ἢ φεύγοντας τὴν δουλείαν ἀναστάτους γίνεσθαι λείποντας τὴν χώραν μετὰ τέκνων καὶ γυναικῶν, ὅπερ ἤδη πλεονάκις αὐτοῖς συνέβη παθεῖν οὐ πᾶν πολλοῖς χρόνοις (Pol. V. 32).

Насколько активно дѣйствовала Спарта, вопросъ далеко не ясный—во всякомъ случаѣ въ данное время Мессеняне умѣли, правда, безъ большой славы, но и безъ большихъ потерь проводить свою утлую ладью среди очень и очень бушевавшего моря политической жизни Эллады. Мессенія, имѣвшая одну изъ лучшихъ странъ въ Греціи, обладавшая лучшей крѣпостью въ Пелопонесѣ, не сыграла никакой политической роли; но этого ей въ вину ставить нельзя. На поприще исторической дѣятельности являются новыя силы, съ которыми не подѣ стать было бороться маленькимъ греческимъ общинамъ. Оставалось либо покоряться силѣ и ладить съ ней, либо оставаться въ полной тѣни, жить въ полномъ застоѣ, протестовать противъ новыхъ владыкъ молчаливо гордымъ, но за то и мертвымъ бездѣйствіемъ, либо, наконецъ, соединиться въ союзы, какъ Ахейцы, и Этоляне—да многого ли и они достигли?

Первой изъ этихъ вновь появившихся силъ былъ Филиппъ Македонскій. Мессеняне, робко прижавшись подѣ его крыло, съ него начали свою политику подчиненія.

Спартанцевъ они продолжали бояться, искали защиты и опоры, гдѣ могли. Къ этому времени относится союзный договоръ Мессенянъ съ Аѳинянами (Paus. IV. 28. 12), на основаніи котораго Аѳиняне обязались помогать Мессеніи въ случаѣ нападенія Лакедемонянъ. Очевидно нападенія еще не было—ожидалось ли оно дѣйствительно, мы судить не будемъ. Изъ словъ Павсанія можно бы, пожалуй, вывести, что, наоборотъ, Мессеняне собираются напасть на Лаконику: οἱ μὲν (sc. οἱ Ἀθηναῖοι) εἰς μὲν τὴν Λακωνικὴν ὀπίσθε μετ' ἐκείνων ἐσβαλεῖν ἔφασαν. Насколько правильно устанавливаетъ Павсаній связь съ священной войной, позволительно сомнѣваться.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что то, что говоритъ Павсаній о выводѣ Фиванцевъ изъ Пелопонеса, нельзя понимать дословно—Фиванцы никогда въ немъ не осѣдали прочно. О гарнизонѣ, оставленномъ въ Мессенѣ Эпаминондомъ, болѣе нигдѣ не упоминается—очевидно его убрали оттуда, какъ только Мессена была окончательно устроена. Мессеняне постарались заручиться помощью Аѳинянъ загодя, вѣроятно тогда, когда Фиванцы должны были усиленно заняться приготовлениями къ священной войнѣ.

Когда въ 353 году Мегалополиты послали въ Аѳины пословъ съ просьбой о союзѣ, Лакедемоняне начинаютъ уже поднимать голову, рѣшаются выступить съ опредѣленными требованіями: всѣ несправедливости прошлыхъ лѣтъ должны быть исправлены. Въ чемъ собственно заключались эти указанные ими несправедливости, насколько требованія Спарты были направлены противъ Мегалополитовъ, неясно — вѣроятно имѣется въ виду возвращеніе нѣкоторыхъ изъ насильно переселенныхъ въ Мегалополь Аркадянъ ³⁶⁾—подобныя стремленія были сильны между самими Мегалополитами — еще недавно Фиванцамъ пришлось подавить ихъ вооруженной силой (Diod. XV. 94).

Непосредственной связи между посольствами Мессенянъ и Мегалополитовъ не было: союзъ съ первыми былъ уже заключенъ, когда просили о союзѣ послы вторыхъ, но за то была связь болѣе глубокая. Всякая опасность, грозящая Мегалополю, отразится на Мессенѣ. Въ данную минуту—во время произнесенія рѣчи за Ме-

³⁶⁾ Schäfer, Demosthenes u. seine Zeit I. 2. 511.

галополитовъ—опасности этой нѣтъ. Лакедемоняне не нападали не только на Мессену, но даже и на Мегалополь, нападенія только ждутъ. Даже прямого намѣренія овладѣть Мессеніей не выразили Спартанцы: ораторъ долженъ доказать своимъ слушателямъ, что они такое намѣреніе могутъ имѣть.

Итакъ до 353 года Спартанцы не беспокоили Мессенянъ, хотя тѣ предчувствовали опасность и старались заблаговременно оградить себя союзомъ. Schäfer (l. l. n. 1) съ полнымъ, кажется, основаніемъ, относитъ заключеніе этого союза къ 355 г. (Ср. Isocr. Paneg. 10 pg. 141).

Аѳиняне заключили союзъ съ Мегалополитами; Спартанцы не ограничились одними намѣреніями; они напали на Мегалополь, но противъ нихъ двинулась та коалиція, которая въ былыя времена собиралась подъ знаменами Эпаминонда: Фиванцы, Аргивяне, Сикіонцы, Мессеняне помогаютъ *καὸς ἀλλήλους κατὰ κράτος*. Рѣшительно не побѣдилъ никто, но все осталось по прежнему (Diod. XVI. 39)³⁷⁾.

Событіе мнѣ представляется несовершенно яснымъ. Демосеенъ указываетъ на овладѣніе Мессеніей, какъ на истинную цѣль Спартанцевъ—но вѣрно ли это? Демосеенъ, конечно, лучше нашего зналъ политическое положеніе Пелопонеса, но для него было необходимо въ виду его специальныхъ цѣлей именно такъ толковать политику Спарты — довѣрять ему безусловно мы не вправѣ. Несомнѣнно одно: Спартанцы, если и имѣли такую цѣль, ее благоразумно скрывали. Что они имѣли виды на Мессену, что ихъ заботы о возстановленіи поправной справедливости не были совершенно безкорыстны, это ясно и безъ свидѣтельствъ, —но собирались ли они именно теперь напасть на Мессену, неясно несмотря на слова Демосеена.

Положеніе критика въ данномъ случаѣ очень затруднительно—*audiatur et altera pars*, а мы имѣемъ только то, что въ политическихъ дебатахъ въ Аѳинахъ было высказано одной стороной, враждебной Спартанцамъ, между тѣмъ, какъ очень многіе были за нихъ. На чемъ они основывали свою защиту

³⁷⁾ Діодоръ рассказываетъ подъ 353 г и о нападеніи на Арогиду, но это ничто иное, какъ дублетъ—Орнея оказывается два раза взятой въ теченіи двухъ послѣдующихъ лѣтъ.

Лакедемонянъ. Начали Лакедемоняне свои враждебныя дѣйствія? — дѣйствій, насколько мы можемъ судить, никакихъ и не было; Мегалополиты забѣгаютъ впередъ, Спартанцы дѣйствуютъ вполне корректно, посылая къ союзникамъ пословъ — не были ли Мегалополиты нѣсколько повинны въ началѣ вражды?

Политика Спарты была бы ужъ слишкомъ дальновидна: допустимъ, что Мегалополь взятъ—Мессена остается подъ защитой Аѳинъ, да и не побоялись же Спартанцы напасть на Мегалополь, хотя Аѳиняне и съ ними заключили союзъ. Съ Мессеной войны и начинать не нужно было, она никогда не прекращалась теоретически.

Къ вновь восходившему свѣтилу—Филиппу Македонскому—Спартанцы сразу стали во враждебныя отношенія; ихъ естественнымъ образомъ вели къ тому дружба съ Аѳинянами и Фокидой, вражда съ Эивами. Естественно также было, поѣтому, что противники Лакедемона въ Пелопонесѣ склонялись на сторону Македонца.

Уже въ 347 году вліяніе Филиппа было сильно и въ Пелопонесѣ.

Когда Аѳиняне послѣ паденія Олинеа (348) отравили пословъ въ Пелопонесъ съ тѣмъ, чтобы призвать его къ вооруженной борьбѣ противъ Филиппа (Aesch II. 79, 34. 157, 49 Reiske. Dem. *Пері Паратресеβείας* 10 рг. 344), посольства были разосланы по всему полуострову—мы знаемъ о дѣятельности Эхина въ Мегалополѣ, гдѣ существовала сильная македонофильская партія. Аркадяне, понятно, предпочли реальную защиту Филиппа сомнительнымъ выгодамъ сомнительнаго панѣллинскаго союза. Было ли посольство въ Мессенѣ, не знаю, но, несмотря на давнишнія связи Аѳинянъ съ Мессенянами, посольство и оттуда ушло бы безъ всякаго результата. Именно Аѳиняне тутъ могли сдѣлать меньше всякаго другого. Ни для Мегалополитовъ, ни для Мессенянъ, ни для Аргоса тутъ не было выбора: либо Спарта, либо мы. Аѳиняне были въ союзѣ и дружбѣ со Спартой—всѣ противники Спарты eo ipso были противъ Аѳинъ и за Филиппа.

Въ Аѳинахъ объ этомъ настроеніи хорошо знали (Dem. de расе. 18 рг. 61). Союзъ Пелопонесскихъ государствъ съ Филиппомъ былъ заключенъ еще до окончанія фокидской войны: царь прямо обѣщаль вмѣшаться въ дѣла Пелопонеса, какъ

только раздѣляется съ Фокидой. Вся Эллада это знала—одни надѣялись, другіе боялись, но больше было такихъ, которые готовы были идти съ нимъ—*ὑπάρχουσι . . . Ἀργεῖοι καὶ Μεσσήνιοι καὶ Μεγαλοπολίται καὶ τῶν ἄλλων πολλοὶ συμπολεμεῖν καὶ ποιεῖν ἀναστάτους τοὺς Λακεδαιμονίους* (sc. ἑτοῖμοι) (Isocr. Phil. 74. pg. 96). Въ Пелопонесѣ, очевидно, не стѣснялись; враги Спарты крѣпко держали руку другъ друга — заключали союзы, явно и громко высказывали свою цѣль. Нужно быть справедливымъ: рядомъ съ этимъ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ дѣятельности Спарты; посылка нѣсколькихъ солдатъ на помощь Фокидѣ — вотъ и все; царь Спартанцевъ спокойно рѣшается удалиться изъ Спарты въ Италію—какъ согласить это съ наступательными дѣйствіями противъ Пелопонеса? До того ли было Спартѣ?

Въ 347 году Филиппъ возвращается въ Пеллу. Чуть ли не вся Греція высылаетъ къ нему пословъ (Aesch. II. 112, pg. 42). Къ удивленію нашему мы застаемъ здѣсь и Лакедемонянъ. Съ одной стороны Филиппъ въ явномъ союзѣ съ врагами Спарты въ Пелопонесѣ, съ другой Лакедемонъ явнымъ образомъ на сторонѣ враждебной Филиппу Фокиды, посылаетъ ей вспомога- тельный отрядъ, занимаетъ Фермопилы—и въ то же самое время Спарта надѣется сойтись съ Филиппомъ, надѣется возбудить его противъ Фиванцевъ (Aesch. II. 136, pg. 46. Just. VIII, 4). Филиппъ сумѣлъ убѣдить Лакедемонянъ въ томъ, что сдѣлаетъ для нихъ возможное (Dem. περὶ παραπροσβείας 76. pg. 365).

Объясненіе лежитъ очевидно только въ томъ, что въ Пеллѣ положеніе не вполне еще выяснилось. Филиппъ заигрывалъ со всѣми—и съ Спартой, и съ ея Пелопонесскими врагами. Когда писалъ Исократъ, все было уже рѣшено.

Фокида пала, миръ былъ заключенъ, но всякій зналъ, какъ непроченъ этотъ миръ. Аѳиняне не могли спокойно смотрѣть на развитіе силъ Филиппа. Какъ только онъ попытался активно вмѣшаться въ дѣла на Пелопонесѣ, Демосоевъ настоялъ на необходимости послать туда посольство. Въ какомъ положеніи были дѣла тамъ, мы не знаемъ. Если историки говорятъ о нападеніи Спарты, то это либо фраза, либо недоразумѣніе. Мы опять таки только то и знаемъ, что враги Спарты готовятся на нее напасть—о дѣйствіяхъ самой Спарты намъ не засвидѣтельствовано ничего. Филиппъ требуетъ отъ Спартанцевъ *ἀφένειν Μεσσήνῳ*—это то же требованіе, которое имъ ставилось столько разъ;

изъ него вовсе не слѣдуетъ, чтобы Спартанцы ее заняли — не въ ихъ силахъ было теперь это. Филиппъ посылаетъ Мессенянамъ и Аргивианамъ денегъ и наемниковъ и самъ готовится прійти, чтобы вмѣстѣ съ ними напасть на Спарту (Dem. Phil., II. 13, 15. pg. 69).

Демосоенъ отправляется въ Мессену и старается убѣдить гражданъ ея отказаться отъ союза съ Филиппомъ (ibid. 19 sqq, pg. 70). Если бы Мессенянамъ дѣйствительно угрожала опасность со стороны Спарты, слѣдовало бы прежде всего убѣждать не Мессенянъ, а Спартанцевъ—что бы дѣлать Мессенянамъ, если бы Спартанцы дѣйствительно на нихъ напали? самая рѣчь произнесена въ Мессенѣ, которая, явнымъ образомъ, была тогда свободна. Мессеняне въ вѣчномъ страхѣ предъ Спартой, они предпочитаютъ не ждать, пока той заблагоразсудится начать дѣйствія, а забѣжать впередъ—благо хорошій союзникъ есть.

Демосоенъ увѣряетъ, что Мессеняне признали его правоту, *δορυβοῦντες ὡς ὀρθῶς λέγεται . . .*, но все таки его не послушались. Конечно, самоувѣніе оратора могло преувеличить успѣхъ, но въ существенномъ онъ, несомнѣнно, говоритъ правду. Уже не говоря о томъ, что Мессеняне были греки, а греки не могли не отнестись съ величайшимъ вниманіемъ къ художественной рѣчи такого оратора, какимъ былъ Демосоенъ³⁸⁾, и Мессена успѣла уже разбиться на партіи. Вездѣ въ Пелопонесѣ во главѣ управленія стояли *οἱ μακεδονίζοντες*, противъ которыхъ боролась другая партія, стремившаяся къ союзу съ государствами чисто эллинскими. Демосоенъ, перечисляя главъ македонской партіи въ отдѣльныхъ городахъ Пелопонеса, не забываетъ и Мессены, гдѣ онъ называетъ Неона и Трасилла, сыновей проклятаго—*τοῦ θεοῦ ἐχθροῦ*—Филиада³⁹⁾. Впослѣдствіи они были тираннами въ Мессенѣ, выгнанными народомъ и насильно возвращенными Александромъ (Dem. περὶ τῶν πρὸς Ἀλέξανδρον συνδράκων 4 sqq. pg. 212).

Вотъ эти то противники Македонской партіи охотно готовы были пофрондировать, хотя ихъ платоническіе протесты ничему

³⁸⁾ Ср. Beloch. Att. Pol. 206.

³⁹⁾ De cor. 245 pg. 324 ср. Theop. ap. Harpocrat. s. v Νέων, Müller, F. H. G. I. frg. 245 pg. 45.

не могли помочь; на большее антимакедонцы пока не были способны — впоследствии они могли рѣшиться и на большее.

Отвѣтомъ на посольство Демосеена было посольство Мессенянъ, къ которому присоединился и Филиппъ,—тоже чрезъ пословъ. Съ его стороны протестъ былъ вполне естествененъ: вѣдь онъ-же, въ концѣ концовъ, въ доброй дружбѣ съ Аѳинянами. Послы приходятъ *αἰτιώμενοι τὸν δῆμον, ὅτι Λακεδαιμονίους καταδουλοῦμένους τὴν Πελοπόννησον* (эта точка зрѣнія вполне естественна и для дѣйствительныхъ рѣчей пословъ и для поздняго пересказчика, что, однако, вовсе не дѣлаетъ ея обязательной для насъ) *εὖνους τέ ἐστι καὶ συγκροταί, αὐτοῖς δὲ περὶ ἐλευθερίας πολεμοῦσι ἐναντιοῦται* (Lib., Hypoth. ad Phil. II) не основано на самой рѣчи, но взято *ἐκ τῶν Φιλιππικῶν ἱστοριῶν*, того же источника, которымъ пользовался — такъ или иначе — Діонисій (ad Ammon 16).

Сомнѣваться въ самомъ фактѣ посольства нельзя—совершенно другой вопросъ, въ какомъ отношеніи къ нему находится вторая филиппика Демосеена. Произнесена она въ присутствіи какихъ то пословъ, для нихъ приготовленъ какой то отвѣтъ, но ни о томъ, кто были эти послы, ни о томъ, каковъ былъ этотъ отвѣтъ, судить мы не можемъ.

Въ двухъ—трехъ словахъ содержаніе рѣчи таково: Время теперь не говорить, а дѣйствовать. Дѣйствовать н у ж н о, ибо Филиппъ намъ вреденъ и опасенъ — его силы съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе растутъ. Со времени заключенія мира онъ дѣйствуетъ не въ нашу пользу, а въ интересахъ Фивъ — ясно, почему: въ Фиванцахъ онъ будетъ имѣть вѣрныхъ союзниковъ, въ насъ нѣтъ; точно также теперь онъ довѣряетъ Мессенянамъ и Аргивянамъ — *ἡγεῖτ' οὖν, εἰ μὲν ὑμᾶς ἔλοιτο, φίλους ἐπὶ τοῖς δικαίοις αἰρήσεσθαι, εἰ δ' ἐκείνοις προσθεῖτο, συνεργούς ἔξειν τῆς αὐτοῦ πλεονεξίας. Διὰ ταῦτα ἐκείνους ἀνθ' ὁμῶν καὶ τότε* (Фиванцы) *καὶ νῦν* (Мессена и Аргосъ) *αἰρεῖται* (12, pg. 68).

Итакъ Филиппъ дѣйствуетъ по побужденіямъ *πλεονεξία* — она одна заставляетъ его дѣйствовать въ пользу Фиванцевъ. Возраженіе 1) Филиппъ могъ руководиться не *πλεονεξία*, а чистой справедливостью. Отвѣтъ. Неправда, быть этого не можетъ; если бы Филиппъ дѣйствительно считалъ справедливымъ присоединеніе беотійскихъ городовъ къ Фивамъ, онъ не могъ бы,

не впадая въ противорѣчiе съ самимъ собой, требовать отъ Спарты освобожденiя Мессенянъ.

Возраженiе 2) Филиппъ не выбиралъ образа дѣйствiй, а былъ къ нему вынужденъ. Отвѣтъ. Допустимъ—но теперь онъ не вынужденъ нападать на Лакедемонъ и все таки это дѣлаетъ.

Итакъ возраженiя неправильны—дружба съ Фиванцами и Мессенянами имѣетъ со стороны Филиппа исключительно эгоистическiя цѣли—въ концѣ концовъ потеряютъ, конечно, они сами—я говорилъ объ этомъ самомъ Мессенянамъ и Аргивянамъ—*βέλτιον δ' ἴσως καὶ πρὸς ὑμᾶς ἐστὶν εἰρησῆσαι* (19, pg. 70). Почему *βέλτιον*?—имѣются въ виду, конечно, одни Афиняне. Ясно, почему. Рѣчь направлена противъ тѣхъ изъ Афинянъ, которые боятся Филиппа, которые желаютъ съ нимъ дружбы, противъ тѣхъ, которые увѣряютъ, что Филиппъ вовсе не въ дружбѣ съ Фиванцами, которые переходятъ отъ гражданина къ гражданину, разсказывая (*λογολοιοῦσι περιβύτες*), что Филиппъ собирается спасти Фокиду — такъ извольте же видѣть, какъ отзывается и должна отзываться на друзьяхъ Филиппа его дружба; я это не для этого случая придумалъ, а раньше, да и не для васъ, а для Мессенянъ⁴⁰). Мессеняне мнѣ не повѣрили—это вполне естественно, но стыдно будетъ, если то же сдѣлаете вы. А посламъ мы отвѣтимъ вотъ что (самый отвѣтъ не дошелъ до насъ). Заканчивается рѣчь остроумной вылазкой противъ македонифилловъ.

Блассъ⁴¹) безусловно правъ въ своей характеристикѣ рѣчи —она цѣликомъ направлена противъ Македонской партii въ Афинахъ. Дѣла Пелопонеса служатъ только доказательствомъ того же положенiя, ради котораго говорится о Фиванцахъ; если о нихъ ораторъ говоритъ особенно настоятельно, то, конечно, потому, что это явленiе текущей политической жизни, жгучiй вопросъ дня. Рѣчь учить только тому, какъ относиться къ Филиппу; какъ связать съ этимъ отвѣтъ на упреки Мессенянъ — а ихъ содержанiе мы вѣдь знаемъ—для меня представляется совершенно непонятнымъ. Мессеняне говорятъ: не помогайте Ла-

⁴⁰) Cp. Weil. Les Harangues de Demosthènes a. 1.

⁴¹) Att. Beredsamkeit. III², 346.

кедемонянамъ. Демосфеенъ говоритъ Аѳинянамъ: Филиппъ насъ обманываетъ, а потому отвѣтите то-то и то-то... Мессенянамъ? Тутъ связи нѣтъ. Отвѣтъ долженъ быть данъ самому Филиппу — т. е. его посламъ. Отношенія къ намъ Филиппа таковы-то — поэтому на его требованія нужно дать такой то отвѣтъ, а какъ намъ вести себя, объ этомъ поговоримъ въ другой разъ

О чемъ говорили послы Филиппа, угадать, конечно, нельзя, но, въ общемъ, однако ясно, что въ основаніи ихъ заявленій, лежали увѣренія Филиппа въ дружбѣ къ Аѳинянамъ. Демосфеенъ на эти увѣренія и отвѣчаетъ своимъ: ἐν τι κοινὸν ἢ φύσις τῶν εὐφρονούντων ἐν αὐτῇ κέκτηται φυλακτήριον. ὁ πᾶσι μὲν ἐστὶ ἀγαθὸν καὶ σωτήριον, μάλιστα δὲ τοῖς πλήθεσι πρὸς τοὺς τυράννους. Τί οὖν ἐστὶ τοῦτο; Ἀπιστία. Ταύτην φυλάττετε, ταύτης ἀντέχεσθε. ἂν ταύτην σώζητε, οὐδὲν μὴ δεινὸν πάθετε (24, pg. 71) (сводъ различныхъ объясненій можно найти у Blass'a (l. l. пр. 1). Wieniewsky ⁴²), и по его примѣру Vömel ⁴³) и Beloch ⁴⁴) считаютъ посольство, которое предполагается присутствующимъ во время произнесенія второй филиппики, тѣмъ посольствомъ Византійца Питона, управляемаго въ Аѳины Филиппомъ, о которомъ мы дважды находимъ упоминанія въ сочиненіяхъ оратора (De corona 136, pg. 272, De Halon. 21. pg. 82). Это мнѣ кажется очень правдоподобнымъ.

Въ филиппикѣ можно видѣть отвѣтъ на упрекъ Питона — отвѣтъ, обращенный, конечно, не къ послу, а къ народу — ὑμῖν ἐμέμφετο, ὅτι ὄρμηκός τις αὐτοῦ (sc. Φιλίππου) εὐ ποιεῖν ὑμᾶς καὶ προηρημένον μάλιστα τῶν Ἑλλήνων φίλους κεκτῆσθαι αὐτοὶ κωλύετε ἀποδεχόμενοι τοὺς λόγους τῶν συκοφαντούντων καὶ χρήματα ἐκείνων αἰτούντων καὶ διαβυλλόντων. Опроверженіемъ можетъ служить рѣчь. Требованія Питона заключались въ томъ, чтобы мира не нарушали, а либо держались его, либо предложили желательныя измѣненія — этихъ требованій могъ касаться утеранный отвѣтъ.

Характеръ рѣчи правда не вполне отвѣчаетъ той характеристикѣ положенія, которую даетъ рѣчь о вѣнкѣ ⁴⁵), но отъ второй фи-

⁴²) Commentarii historici et chronologici in Demosth. orat. de corona, Monasterii 1828. 140. мнѣ не доступно.

⁴³) Prolegg. ad. Dem. Phil. II. 20 sq.

⁴⁴) Att. Pol. 206. пр. 3.

⁴⁵) Brückner, König Philippos 218. Schäfer o. l. II° 377.

липпики до рѣчи о вѣнкѣ прошло не мало времени—рѣчь о Галоннесѣ написана не Демосееномъ—мудрено ли, что окраска нѣсколько измѣнилась; судить объ отвѣтѣ Демосеена мы не можемъ, такъ какъ его не знаемъ. Ничто не заставляетъ насъ предполагать, что форма отвѣта, предложенная Демосееномъ, была принята и принята безъ всякихъ измѣненій.

Если правъ Wienewsky и его послѣдователи, то мы знаемъ, какой отвѣтъ дали Аѳиняне Филиппу—онъ же служилъ и отвѣтомъ для Пелопонессцевъ. Аѳиняне согласились на предложеніе объ измѣненіи мира; намъ интересенъ только одинъ изъ пунктовъ, предложенныхъ ими измѣненій. На основаніи Филократова мирнаго договора въ миръ включались и союзники обоихъ сторонъ — подъ этимъ понимаются, конечно, какъ вполнѣ правильно замѣчаетъ Veloch (о. l. 143), только тѣ государства, которые государственно-правовымъ образомъ были связаны съ Аѳинами — т. е. члены морского союза; онъ не включалъ ни Эракіи, ни Фокиды, ни, конечно, Лакедемона, съ которыми Аѳины непосредственной государственно-правовой связи не имѣли. Аѳиняне не имѣли юридическаго права требовать отъ Филиппа, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ Лакедемонъ, но это право получили бы они, если бы былъ принятъ новый пунктъ договора: τοὺς ἄλλους Ἑλληνας, ὅσοι μὴ κοινωνοῦσι τῆς εἰρήνης, ἐλευθέρους καὶ αὐτονόμους εἶναι, καὶ ἐάν τις ἐπ' αὐτοὺς στρατεύῃ βοηθεῖν τοὺς κοινωνοῦντας τῆς εἰρήνης (De Halon. 30, pg. 84). Нельзя не признать, что это требованіе есть не что иное, какъ продолженіе тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовали Аѳиняне своими посольствами: Филиппъ лишился возможности вмѣшиваться въ дѣла Пелопонеса по своему произволу, въ Пелопонесѣ водворялся миръ, о которомъ хлопотали Аѳиняне въ Аргосѣ и Мессенѣ, Лакедемонянамъ связывались, правда, руки въ томъ случаѣ, если бы они хотѣли напасть на своихъ противниковъ, но за то миръ защищалъ ихъ отъ возможности нападенія на нихъ—въ данную минуту имъ ничего больше не нужно было. Филиппъ признавалъ справедливость этого требованія (ibid. 32), но новыхъ условій не принималъ, а потому его платоническое согласіе не имѣло значенія.

Крупныя затрудненія представляетъ вопросъ о слѣдующемъ посольствѣ Аѳинянъ.

Въ третьей филиппикѣ, сказанной въ маѣ 341 года, Демосеенъ говоритъ, что въ запрошломъ году было послано посоль-

ство въ Пелопонесѣ, и что нѣкоторые толкъ отъ того былъ. Кажется, самая форма выраженія говоритъ за то, что посольства съ тѣхъ поръ не было—*τοὺς ἄλλους ἤδη παρακαλῶμεν. . . . καὶ ἐκπέμπωμεν πρέσβεις. . . . ἔν' ἐὰν μὲν πείσῃτε κοινωνοὺς ἔχητε καὶ τῶν κινδύνων καὶ τῶν ἀναλωμάτων, ἂν τι δέη, εἰ δὲ μὴ, χρόνους γ' ἐμπούητε τοῖς πράγμασιν. . . . οὐ δὲ τοῦτ' ἄχρηστον, οὐδ' αἱ πέρουσι πρεσβεῖαι αἱ περὶ τὴν Πελοπόννησον* (Phil. III 71, 2. pg. 129), тѣмъ болѣе, что ораторъ нерѣдко жалуется на отсутствіе сношеній между греками, какъ ни необходимы они: *οὐ πέμπομεν πρέσβεις περὶ τούτων πρὸς ἀλλήλους* (28, pg. 18).

Между тѣмъ мы имѣемъ и другія свѣдѣнія о посольствѣ Аѳинянъ въ Пелопонесѣ. Вотъ что рассказываетъ Эхинъ (In Ctes. 95 sqq. pg. 67). Въ Аѳины пришелъ Каллій и сообщаетъ: «пришелъ я только что изъ Пелопонеса, гдѣ составилъ союзъ противъ Филиппа—участвуютъ Ахейцы, Мегаряне и Эвбейцы, а кромѣ того завязаны мною и тайныя сношенія, о которыхъ знаютъ нѣкоторые Аѳиняне—вотъ Демосѳенъ знаетъ». Демосѳенъ дѣйствительно знаетъ—*πάντας μὲν Πελοποννησίους ὑπάρχειν, πάντας δ' Ἀχαρναῶνας συντεταγμένους ἐπὶ Φίλιππον ὑφ' ἑαυτοῦ*. Послы придутъ въ такое то время, официальное заключеніе договора состоится въ такой то день; таковъ результатъ его посольства въ Пелопонесѣ и въ Акарνανію—и все это было ложью: и союзы и сроки.

Приходится вѣрить Эхину: если бы союзы были дѣйствительно заключены, онъ не позволилъ бы себѣ утверждать — именно утверждать, а не доказывать,—что Демосѳенъ солгалъ. Всему есть свои предѣлы—даже развязности аттического оратора. Демосѳенъ могъ и не солгать, но факты, имъ предсказанные, не могли совершиться въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ предсказалъ.

Посольство, однако, было послано, но когда?

Въ третьей филиппикѣ Демосѳенъ совѣтуетъ выслать посольство въ Пелопонесѣ. Если оно было выслано, то весьма вѣроятно, что оно именно тѣмъ и было, о которомъ говоритъ Эхинъ ⁴⁶⁾, но послано ли было оно? Этого то мы и не знаемъ. Съ другой стороны нельзя не признать справедливости слѣдую-

⁴⁶⁾ Schäfer o. l. II² 486.

шаго замѣчанія Veloch'a ⁴⁷⁾. Въ псефизмѣ, которую предлагаетъ Демосѳенъ, есть и пунктъ относительно посольства къ Ориентамъ съ приглашеніемъ примкнуть къ антимакедонской лигѣ; Въ 341 году Ореосъ былъ взятъ соединенными усиліями Аѳинянъ, Мегарянъ, Халкидянъ, выгнавшихъ тирана Ореоса, ставленника Филиппа. Послѣ этого Ореосъ находится въ прочномъ союзѣ съ Аѳинами и заключать съ нимъ союзъ нѣтъ нужды.

Можно ли эти посольства идентифицировать? Schäfer думаетъ, что нельзя, ибо результаты ихъ различны. Посольство 343 года повело къ нѣкоторымъ послѣдствіямъ, но не основало новаго союза Пелопонесцевъ — посольство, о которомъ теперь идетъ рѣчь, къ нему привело. Schäfer всегда и вездѣ вѣритъ Демосѳену, никогда не вѣритъ Эсхину: не будемъ никому изъ нихъ вѣрить на слово—но вѣдь изъ всего изложенія Эсхина несомнѣнно ясно, что союза, такого союза, который соотвѣтствовалъ бы словамъ Демосѳена, никогда не было, а былъ союзъ частный, союзъ нѣкоторыхъ государствъ, мы и знаемъ какихъ: изъ Пелопонеса одна только Ахея, да Коринѳъ—далеко не весь Пелопонесъ. Что посольство 343 года было безплодно, тоже только догадка. Демосѳенъ и послѣ присоединенія Коринѳа и Ахеи былъ въ правѣ жаловаться на разнь въ Элладѣ, какъ жаловался на нее послѣ присоединенія Мегары и Эвбеи. По Эсхину посольство было отправлено въ Пелопонесъ и въ Акарнанію — и въ 343 году Акарнанія была включена въ сферу дѣйствій Аѳинскихъ дипломатовъ—да и не однихъ дипломатовъ: въ Амвракію даже солдаты были посланы.

Причины отличать оба посольства нѣтъ, но есть еще пара свидѣтельствъ, которыя мы должны упомянуть

Имѣется во-первыхъ въ приложеніи къ псевдо-Плутарховымъ біографіямъ десяти ораторовъ копія съ предложенія ἀδελφίδου Демосѳена объ оказаніи ему особыхъ почестей. Подлинность его не можетъ быть, по мнѣнію такого знатока, какъ Hartel ⁴⁸⁾, заподозрѣна—позволю себѣ только указать на то, что, по нашимъ, по крайней мѣрѣ, рукописямъ, покойному уже Демосѳену дается *στήσις ἐν τῷ πρυτανείῳ* и *προεδρία* во всѣхъ агонахъ.

⁴⁷⁾ Att. Pol. 369.

⁴⁸⁾ Stud. z. att. Volksrecht u. Urkundenwesen 239 sqq.

Въ этомъ то постановленіи имѣется пунктъ, по которому въ числѣ союзниковъ, приобрѣтенныхъ Аѳинянами благодаря Демосѳену, были и Мессеняне. Однако относить этотъ союзъ ко времени, предшествующему Херонейской битвѣ мы не имѣемъ основанія. Мы знаемъ, что во время этой битвы Мессеняне не были союзниками Аѳинянъ, а если признать нейтральность Мессены равносильной такому союзу, то съ такимъ же правомъ можно бы говорить объ союзѣ съ Аркадянами и Аргивянами, которыхъ официальный документъ не могъ бы опустить.

Дѣло объясняется характеромъ документа. Демохаресъ предлагаетъ наградить Демосѳена тѣмъ то и тѣмъ то. Въ цѣляхъ мотивировки своего предложенія онъ перечисляетъ всѣ заслуги Демосѳена, нисколько не заботясь о лишней для него хронологической послѣдовательности. Говоря о союзахъ, онъ и упоминаетъ всѣ, сколько можетъ ихъ привести: Мессеняне и были въ союзѣ съ Аѳинянами, только и раньше и много позже даннаго времени—въ Ламійскую войну.

Другое свидѣтельство заключается въ схоліяхъ cod. Laur. къ Эскину (in Stes., 83). Ἀθηναῖοι ἐπὶ Πυθοδότου ἀρχοντος τῷ β' ἔτει τῆς ρθ' Ὀλυμπιάδος Φιλίππου βασιλεύοντος ἔτος ιη' ὑποπτευομένης λυθῆσεσθαι τῆς πρὸς Φίλιππον εἰρήνης ἔπαμψαν πολλαχοῦ τῆς Ἑλλάδος πρεσβείας περὶ συμμαχίας καὶ εἰς Θεσσαλίαν τοὺς περὶ Ἀριστόδημον, ἀποστήσαν αὐτοὺς βουλόμενοι Φιλίππου. ἐγένοντο μὲν οὖν αὐτοῖς τότε σύμμαχοι Ἀχαιοί, Μεσσηνιοί, Ἀρκαῖδες οἱ μετὰ Μαντινέων, Ἀργεῖοι, Μεγαλοπολίται.

Свидѣтельство ясное, точное, носящее на себѣ всѣ слѣды хорошаго источника. Здѣсь союзъ съ Пелопонесомъ относится къ 343 году—очевидно имѣется въ виду то посольство, о которомъ мы говоримъ. Правда, что положеніе вытекающее изъ союза далеко не соотвѣтствуетъ тому настроенію, которымъ проникнута рѣчь противъ Филиппа, но она и написана раньше. Не довѣрять достовѣрности схолія, носящаго слѣды документальнаго источника, мы не имѣемъ права. Во всякомъ случаѣ къ тому времени, котораго желаетъ Schäfer, свидѣтельство относится не можетъ—тогда должны были бы быть упомянуты Эвбейцы.

Вопросъ только въ томъ, не были ли всѣ эти союзы только предполагаемые. Что Демосѳенъ увѣрялъ Аѳинянъ, будто союзы заключены со всѣмъ Пелопонесомъ—это мы знаемъ. За-

явленія эти должны были такъ или иначе отлиться въ форму официальныхъ документовъ—не изъ нихъ ли идетъ и извѣстіе схолиаста? Фактическаго существованія союза эти документы бы не показывали—существуй такой союзъ, вся аргументація Эсхина теряла бы всякій смыслъ. Этого мы должны крѣпко держаться—тѣмъ болѣе, что вся дальнѣйшая дѣятельность Филиппа показываетъ, что ни Мессеняне, ни Аргивяне, ни Мегалополиты не были въ союзѣ съ Аѳинянами. Не разъ встрѣчаемся мы съ письмами Филиппа къ Пелопонесскимъ союзникамъ—всякій разъ, когда онъ терпитъ неудачу. Когда составляется новый эллинскій союзъ съ участіемъ Фивъ, Филиппъ пишетъ πρὸς τοὺς ἐν Πελοποννήσῳ συμμαχοῦς (Dem. de cor. 156, 279) Когда Филиппъ въ схваткѣ съ соединенными союзниками потерпѣлъ неудачу, онъ опять разсылаетъ свои письма по Пелопонесу (ibid. 218, 301).

Перечисляя союзниковъ, которыхъ онъ доставилъ Аѳинянамъ въ послѣдней борьбѣ съ Филиппомъ, Демосѳенъ Мессенянъ, Аргивянъ, Аркадянъ не называетъ (ibidem. 237, 306), что, впрочемъ, полнымъ доказательствомъ служить не можетъ—онъ называетъ только тѣхъ, которые фактически приняли участіе въ войнѣ.

Итакъ я полагаю, Эсхинъ правъ, но не совсѣмъ неправду говорилъ и Демосѳенъ—онъ и не говорилъ объ явномъ союзѣ, а только о тайныхъ обѣщаніяхъ, которыя вполнѣ вѣроятны. Пелопонесцы ничѣмъ не связывали себя и въ то же время пріобрѣтали друзей въ Аѳинахъ; да вездѣ и были партіи, дѣйствительно склонявшіяся на сторону грековъ. Въ Элидѣ борьба между македонскою и антимакедонскою партіями дошла до кровавыхъ распрей (Diod. XVI, 61. 3 Dem. d. f. l. 294, 435, 260, 424)—глухая борьба шла и въ остальныхъ государствахъ Пелопонеса. Во главѣ стояли вездѣ македонофилы, готовые всегда и всѣмъ служить Филиппу—и все таки, несмотря на всѣ жалобы и письма Филиппа, эти друзья его, пользовавшіеся его авторитетомъ, его деньгами, его солдатами, не пришли къ нему на помощь тогда, когда онъ въ нихъ нуждался: въ битвѣ при Херонеѣ не было ни Аркадянъ, ни Аргивянъ, ни Элеянъ, ни Мессенянъ—не помогли они, впрочемъ, и грекамъ: они предпочитали выждать (Paus. VIII, 6. 2. V, 4. 9. IV, 28. 2. Dem. de cor. 64. 241).

Цѣль Филиппа заключалась въ приобрѣтеніи гегемоніи въ Греціи—теперь въ его рукахъ была сѣверная и средняя Греція. Пелопонесъ былъ съ нимъ въ союзѣ. Оставалась однако Спарта и ея подчиненіе было необходимо, если не политически, то морально.

Греки привыкли видѣть во главѣ эллинскаго мира Аѣины и Спарту; Филиппу приходилось считаться съ этими взглядами грековъ; его походъ противъ Спарты былъ необходимымъ заключеніемъ всей его дѣятельности; Филиппъ предпринялъ его не ради своихъ пелопонесскихъ союзниковъ, которыми имѣлъ полное право быть недовольнымъ, а ради своихъ собственныхъ цѣлей. Спарта не подчинялась его требованіямъ; онъ напалъ на нее, разграбилъ землю, но города не взялъ. Источники наши очень не полны; мы знаемъ, что въ войскѣ Филиппа были и Элейцы (Paus. V, 4, 9)—о другихъ мы свѣдѣній не имѣемъ, хотя результаты показываютъ, что въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, Мессеняне, Аркадяне, Аргивяне были вѣрны своему союзнику.

Что помѣшало Филиппу взять или, по крайней мѣрѣ, подчинить себѣ Спарту, мы не знаемъ — древніе утверждали, что Асклепій лично помогъ своимъ вѣрнымъ Лакедемонянамъ⁴⁹); Спартанцы въ память этого учредили особый праздникъ богу. Но какъ не исторично это объясненіе факта, такъ не могу я придавать никакого историческаго значенія и тому объясненію цѣлей Филиппа, которое находится у Изилла — оно показываетъ только, какъ отразились значительно позже (надпись около 280 года) политическія обстоятельства въ умѣ далеко не выдающагося поэта захолустнаго аргивскаго городка.

Само по себѣ не лишено вѣроятія, что Филиппъ не прочь бы былъ поставить во главѣ правленія Спарты македонски настроеннаго тирана, но не въ его правилахъ было насильственно измѣнять форму правленія въ завоеванныхъ городахъ. Въ этомъ, пожалуй, лежала причина его неудачи. Государственное устройство Спарты было слишкомъ неподвижно, чтобы можно

⁴⁹) Eph. Arch. 1885 pg. 76, стр. 59. sqq. ср. Wilamowitz, Isyllos von Epidaurus pg. 30 sqq. Объясненіе Blass'a, Der Paian des Isyllos, Jahrb. f. Philol. 151 pg. 821 sqq. не соотвѣтствуетъ ни эпохѣ, которую точнѣй опредѣлил Вилламовицъ, ни положенію Спарты.

было рассчитывать составить себѣ въ ней партію. Надлежало либо уничтожить городъ, но Филиппу это стоило бы потери популярности во всей Греціи—идеальный элементъ въ политикѣ вовсе не нуль, и не нужно быть донъ-Кихотомъ, чтобы считаться съ нимъ,—или, если нельзя было ее окончательно подчинить себѣ, сдѣлать ее по возможности слабой и безвредной. Этимъ вторымъ путемъ и пошелъ Филиппъ. Спарты онъ не уничтожилъ, какъ ни точили на нее зубы его союзники, онъ только отнял у нея все, чѣмъ владѣла она внѣ собственной Лаконики или того, что ему угодно было собственной Лаконикой считать; сдѣлалъ онъ это съ соблюденіемъ всевозможнаго декорума: самъ онъ себя судьей надъ судьбой Спарты не ставитъ—цустъ судять эллины (Pol. IX. 33). Эллины—т. е. фактически Филиппъ, стоявшій во главѣ судилища—*ἀποταρβόμενος τὰς πόλεις καὶ τὴν χώραν* (sc. τὴν Λακωνικὴν)... *προσέειπε τὴν μὲν Ἀργεῖοις τὴν δὲ Τεγεάταις καὶ Μεγαλοπολίταις, τὴν δὲ Μεσσηνίοις* — какъ говорить у Поливія (IX. 28) посолъ этолянъ *Χλαυνέας* и подтверждаетъ самъ Поливій (XVII, 14 Paus. II, 20, 1. VII, 1. 2).

Возвращенію подлежало все, что когда бы то ни было было отнято Спартянами у сосѣдей — они *συνεκλείσθησαν εἰς τοὺς τῆς Λακωνικῆς ὄρους* (Pol. XXXIII. 1).

Свидѣтельство ясно: нѣкоторая часть Лаконики была отнята у Лаковянъ и отдана Мессенянамъ. Мы знаемъ, какая это была часть—знаменитый *ager Dentheliates*, о которомъ и въ позднѣйшія времена древности было много споровъ между Лакедемономъ и Мессеной (Tac. Ann. IV. 45). Положеніе этой области извѣстно; изъ факта ея приобрѣтенія явствуетъ, что къ этому времени Мессенія была освобождена «отъ моря и до моря» — до той лакедемонско-мессенской границы, которую знаетъ Павсаний; *ager Dentheliates* на этой границѣ и лежитъ. Такимъ образомъ оказывается, что гипотеза Нибура неправильна — не ко времени битвы при Мегалополѣ относится консолидація страны. Съ 337 года Спартіатамъ и терять то больше нечего было.

Относится ли къ тому времени и переходъ восточнаго прибрежья тенарскаго полуострова въ руки Мессенянъ, свидѣтельства въ общемъ не отмѣчаютъ; приходится опять прибѣгать къ исторіи отдѣльныхъ городовъ. Относительно Кардамылы мы знаемъ, что императоръ Августъ отнялъ ее у Мессенянъ и передалъ Лакедемонянамъ (Paus. III, 26. 7). Таламы относятся

къ Мессеніи Θεοπομπῶν (ар. Steph. Byz. s. v. Müller F. H. G. I. 311. pg. 192)—впослѣдствіи они раздѣлили судьбу Кардамилы (Paus. III, 21. 6). Оба эти города находятся очень близко другъ отъ друга и отъ Левктръ, относительно которыхъ предъ судомъ Филиппа шелъ споръ между Мессеной и Спартой (Strab VIII. 361) (если только περὶ οὗ не относится къ Παιμόως, что для нашей цѣли было бы еще важнѣй); не можетъ быть сомнѣнія относительно того, къ какому результату привело вмѣшательство Филиппа. Какъ бы мы ни смотрѣли на поставленное Филиппомъ судилище—судилищемъ оно было, и, какъ таковое, не могло оно ограничиться одними Левктрами: не одинъ же городъ принадлежалъ Мессеніи. Если же мы теперь примемъ во вниманіе, что во времена Θεοπομπα Таламы принадлежали Мессеніи —(и у Страбона, пользовавшагося ранними источниками, они принадлежать ей. Что Страбонъ даетъ здѣсь не современное ему положеніе, ясно изъ того, что онъ Кардамилу относитъ къ Мессеніи, хотя въ его время она принадлежала уже опять Лаконіи) —и вспомнимъ, что они лежатъ нѣсколько вдали отъ моря, то самъ собою напрашивается выводъ, что Лакедемоняне во время Филиппа именно и потеряли все побережье Мессенскаго залива, какъ въ рукахъ Мессенянъ находится оно во время источника Страбона—потеряли по рѣшенію уже извѣстнаго намъ судилища.

Къ этому же суду должны относиться преданія, имѣвшія цѣлью доказать принадлежность различныхъ пунктовъ побережья Мессеніи: Πεφνῶσα, Левктръ (Paus. III, 20. 2. 3. 4).

Такимъ образомъ въ эпоху Филиппа приобрѣтена Мессенянами была восточно-лаконская граница; о сѣверной мы свѣдѣній не имѣемъ, но само собою понятно, что Лакедемоняне не могли удержать ея подъ трехстороннимъ перекрестнымъ огнемъ Аркадіи, Арголіды, Мессеніи.

Періодъ времени отъ 361 до 337 года, есть тотъ, втеченіи котораго этотъ переходъ могъ произойти. Что выпало на долю Филиппа, что отвоевали Пелопонесцы сами, въ какой мѣрѣ были въ этомъ замѣшаны гелоты, трудно сказать.

Мессенская политика представляетъ собой не очень веселую картину. Демосѳенъ, посылая свое проклятiе предателямъ, погубившимъ Грецію, въ своемъ перечнѣ не забываетъ и Мессеніи. Иначе смотритъ на дѣло менѣе патріотичный, но болѣе

спокойный Поливій—онъ прямо ставить Демосѳену на видъ его несправедливость (XVII. 14) къ людямъ достойнымъ всякаго уваженія, людямъ, честно послужившимъ родинѣ; въ особенности негодуетъ онъ на обвиненія, направленные противъ представителей Аркадіи и Мессеніи. Эти люди призвавши Филиппа, 1) ἐποίησαν ἀναπνεῦσαι καὶ λαβεῖν ἐλευθερίας ἔννοιαν πάντας τοὺς τὴν Πελοπόννησον κατοικοῦντας 2) τὴν χώραν ἀνακομισάμενοι καὶ τὰς πόλεις ἄς παρήρηγτο Λακεδαιμόνιοι κατὰ τὴν εὐκαιρίαν Μεσσηνίων Μεγαλοπολιτῶν Τεγεατῶν Ἀργείων ἠὺξήσαντας ἑαυτῶν πατρίδας ὁμολογουμένως. Понятно, что въ благодарность за это они должны были содѣйствовать Филиппу, чѣмъ могли. Виноваты были бы эти люди въ томъ только случаѣ, если бы привели въ родные города гарнизоны Филиппа, если бы подавили свободу родныхъ городовъ—они этого не сдѣлали; εἰ δὲ τηροῦντες τὰ πρὸς τὰς πατρίδας δίκαια κρίσει πραγμάτων διεφέροντο, νομίζοντες οὐ ταῦτο συμφέρον Ἀθηναίοις εἶναι καὶ ταῖς ἑαυτῶν πόλεσιν, οὐ δῆπου διὰ τοῦτο καλεῖσθαι προδότας ἐχρῆν αὐτοὺς ὑπὸ Δημοσθένους. Демосѳенъ смотритъ на дѣло исключительно съ аѳинской точки зрѣнія, требуетъ того же отъ другихъ, и называетъ тѣхъ, кто смотритъ на вещи иначе, измѣнниками — обстоятельства оправдали этихъ «измѣнниковъ». Аѳиняне заплатились за свою борьбу противъ Филиппа херонейскимъ несчастіемъ и только великодушіе царя спасло ихъ отъ болѣе тяжелыхъ послѣдствій политики Демосѳена, между тѣмъ какъ благодаря политикѣ людей, стоявшихъ во главѣ Мессеніи и Аркадіи κοινῇ μὲν Ἀρκάσι καὶ Μεσσηνίοις ἀπὸ Λακεδαιμονίων ἀσφάλεια καὶ ῥαστώνη παρεσκευάσθη, κατ' ἴδιαν δὲ ταῖς αὐτῶν πατρίσι πολλὰ καὶ λυσιτελῆ συνεξηκολούθησεν. Таково мнѣніе Поливія.

Для насъ существуютъ греки—народъ; какъ бы ни разнились наши историческіе взгляды, мы едва ли можемъ относиться къ нимъ безъ извѣстной идеализаціи. Наука требуетъ отъ насъ отрѣшенія отъ нея, требуетъ отъ насъ не забывать, что мы имѣемъ дѣло не съ греками, а съ цѣлой массой крупныхъ и мелкихъ государствъ; для маленькихъ государствъ внѣшній гегемонъ былъ неизбѣженъ. Для нихъ въ сущности существовалъ не вопросъ: свобода или рабство, а болѣе непосредственный и практическій вопросъ: больше свободы или меньше рабства. Для нихъ и именно для Аркадянъ и Мессенянъ Филиппъ былъ лучше Лакедемонянъ, во всякомъ случаѣ не хуже Аѳинянъ: эти народы

явились на историческое поприще благодаря Фиванцам—Аеиняне съ этими послѣдними были во враждѣ. Поливій правъ, что шла борьба аеинскихъ интересовъ съ македонскими — не эллинскихъ. Если Аеиняне соединились съ Фиванцами, то только потому, что имъ ничего другаго не оставалось. Аеиняне были въ восторгѣ, когда обманывавшіе ихъ ораторы увѣрили ихъ, что Филиппъ въ сущности враждебенъ Фиванцамъ и готовъ нанести имъ ущербъ; Аеиняне дорожили Оропомъ,—почему Аргосу не было дорожить Кануріей, почему Мессенянамъ не было дорожить, не говоря уже о политической, своей личной свободой. Вся Греція добровольно преклонялась передъ царемъ персидскимъ, Аеиняне со страхомъ и надеждой ждали его вмѣшательства въ ихъ борьбу съ Филиппомъ—почему Мессенянамъ не было принять съ радостью вмѣшательство Филиппа въ ихъ борьбу съ Лакедемонянами. Объ обще-эллинскомъ дѣлѣ думали тогда въ Греціи нѣсколько мечтателей и идеалистовъ — и не одинъ Исократъ видѣлъ единственную возможность осуществленія этихъ обще-эллинскихъ стремленій въ подчиненіи Филиппу.

Все это оправдываетъ «проклятыхъ сыновей Филіада...», но картина все таки невеселая. Македонофилы были умны—очень умны, но во всей ихъ дѣятельности нѣтъ «духа живого». Знай исторія ихъ времени только ихъ, съ тоской и отвращеніемъ думалъ бы объ ней историкъ, ни одного сердца не заставляла бы она трепетать. Всѣ эти умные люди хорошо устроили свои дѣла,—какія маленькія дѣла,—«округлили» земли своихъ городовъ, все это было да былшемъ поросло. Прошло 2000 лѣтъ—и у холоднаго историка, по мѣрѣ силъ старающагося безпристрастно опредѣлить значеніе этихъ дѣлъ давно минувшихъ дней, горячо бьется сердце только тогда, когда онъ вспоминаетъ объ Аеинянахъ, которые, какъ бы ни судить ихъ, все таки бились за свою свободу, вспоминаетъ о Лакедемонянахъ, которые спокойно ждали грядущей бѣды, всецѣло живя своими великими традиціями: *τί ποιήσομεν ἄλλο ἢ ἀνδρείως ἀποθανοῦμεθα. μόνοι γάρ ἡμεῖς Ἑλλήνων ἐλεύθεροι εἶναι καὶ μὴ ὑπακούειν ἐμάθομεν* (Plut. Aropt. Lac. pg. 235a).

Это вѣчная исторія: Донъ-Кихоты никогда не выигрываютъ, но не любить и не уважать Донъ-Кихотовъ можетъ только тотъ, у кого нѣтъ сердца — и я право же не знаю, почему у историка его быть не должно.

Миръ, заключенный подъ верховенствомъ Филиппа, гарантировалъ всемъ городамъ автономію, ихъ государственное устройство и неизмѣнность его. Но каково было это государственное устройство? Въ Мессенѣ, какъ мы видѣли, стояли во главѣ македонофильской партіи Неонъ и Трасилъ, сыновья Филиада, «предатели отечества». Были они просто вліятельными гражданами, или обладали какой нибудь особой властью — были они тираннами? Поливій увѣряетъ, что они не были ими, что они не нарушали законовъ своего города не ἀφηροῦντο τὴν ἐλευθερίαν καὶ παρῥησίαν τῶν πολιτῶν χάριν τῆς ἰδίας πλεονεξίας ἢ δυναστείας (I. 1.).

Это вполне соотвѣтствуетъ общей примирительной политикѣ Филиппа, соотвѣтствуетъ той характеристикѣ отношенія Филиппа къ предателямъ, которую даетъ намъ Демосѳенъ—Филиппъ пользовался предателями только до тѣхъ поръ, пока въ нихъ нуждался (Dem. d. с. 49, 242).

Но у насъ есть и другое показаніе, очень трудно объяснимое. Въ рѣчи приписываемой Демосѳену, но уже по мнѣнію древнихъ ему не принадлежащей — рѣчи περὶ τῶν πρὸς Ἀλέξανδρον συνθηκῶν—упоминается о томъ, что Александръ Неона и Трасила *κατήγαγεν εἰς Μεσσήνην*.

Значитъ, были они изгнаны, и были они тираннами и были таковыми до составленія *συνθηκῶν*. Александръ заставилъ Мессенянъ принять ихъ обратно именно на основаніи мирнаго договора: чѣмъ они были до него, тѣмъ и должны были оставаться.

Александръ стоитъ на вполне законной почвѣ; возраженія оратора совершенно неосновательны ⁵⁰). Къ сожалѣнію трудно пользоваться этимъ свидѣтельствомъ, такъ какъ мы не въ состояніи точно датировать рѣчи: упоминаемыя въ ней событія только изъ нея намъ извѣстны. Въ данномъ случаѣ мы, кажется, должны подчиниться мнѣнію древнихъ ученыхъ, которые могли имѣть въ своемъ распоряженіи болѣе матеріала, чѣмъ мы, и отнести рѣчь ко времени, предшествующему отправленію Александра въ Азію ⁵¹), тѣмъ болѣе, что этому не противорѣ-

⁵⁰) § 7 pg. 213, ср. H. Weil., Les Harangues de Demosthenes a. l. и pg. 462.

⁵¹) Ср. Niese, Geschichte d. Griech. und makedon. Staaten seit d. Schlacht von Chäronea. I, 51.

читать ничто въ нашемъ текстѣ—наоборотъ непосредственное толкованіе текста именно къ такому же результату и приводитъ. Schäfer⁵²⁾ говоритъ о «морскомъ владычествѣ» Македонянъ—на самомъ дѣлѣ въ рѣчи о немъ говорится только то, что Македоняне не пропускаютъ кораблей изъ Понта; для этого особеннаго могущества не нужно: сотни Аѳинскихъ кораблей достаточно для того, чтобы не самой ихъ высылкой, а угрозой ея заставить Македонянъ прекратить свои насилія⁵³⁾. Самая рѣчь явно выставляетъ Аѳинянъ первенствующими на морѣ — *μόνοι ἀναμφισβητήτως κύριοι τῶν κατὰ θάλασσαν* (25 pg. 218).

Такимъ образомъ мнѣ кажется несомнѣннымъ, несмотря на возраженіи Schäfer'a, что время до ухода Александра въ Азію есть наиболѣе подходящая дата нашей рѣчи—точнѣе, время до разрушенія Фивъ⁵⁴⁾; ибо иначе ораторъ не преминулъ бы о немъ упомянуть. Сейчасъ же послѣ смерти Филиппа антимакедонская партія подняла повсюду голову, рассчитывая на неопытность и молодость Александра. Были волненія и въ Пелопонесѣ—не правильное возстаніе—ибо Александръ, еще находясь въ Беотіи, могъ спокойно приглашать Аѳинянъ на собраніе въ Коринѣъ,—а рядъ законныхъ политическихъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью возвращеніе полной автономіи, и прежде всего изгнаніе τῶν τυραννιστῶν. Засвидѣтельствованы намъ подобныя движенія въ Аркадіи, Элидѣ, Аргосѣ (Diod. XVII, 3). Существованіе подобныхъ же теченій въ Мессенѣ вполнѣ вѣроятно (намъ оно нигдѣ не засвидѣтельствовано, но вытекаетъ оно изъ факта возвращенія Неона и его присныхъ). Подчиненіе Александру должно было выразиться въ обратномъ призваніи изгнанныхъ—призваніи, основанномъ на параграфѣ *κοινὰ συνθήκαι*, запрещавшемъ изгнанія.

Если все это вѣрно, намъ придется предположить, что до перваго Коринѣскаго конгресса, созданнаго Александромъ, Неонъ и Трасиллъ были тираннами въ Мессенѣ, значить, были поставлены Филиппомъ — противорѣчіе съ Поливіемъ будетъ несомнѣнное.

⁵²⁾ Schäfer o. l. I. 256. pp. 2.

⁵³⁾ Weil. o. l. pg. 264.

⁵⁴⁾ Böhnecke, Forschungen, 629.

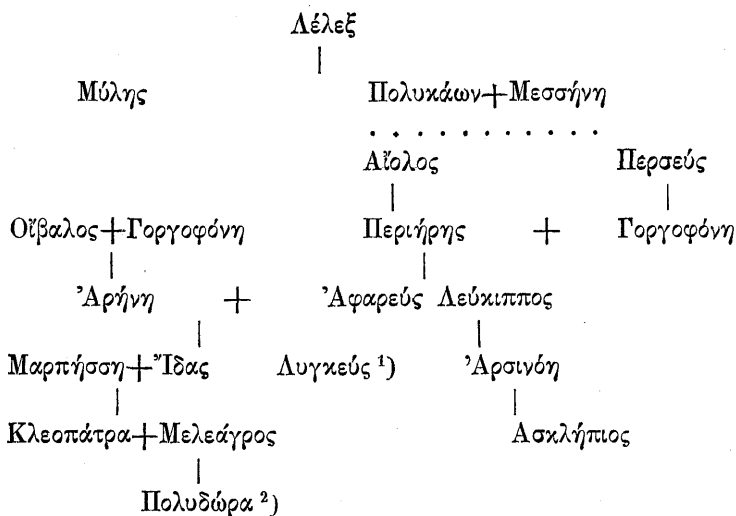
Но слѣдуетъ ли понимать дословно слова оратора, въ цѣляхъ котораго было наложить краски возможно гуще. Сыновья Филиада только фактически имѣютъ власть, какъ главы торжествующей партіи; они могутъ дѣйствовать, какъ тиранны, не будучи ими въ дѣйствительности—для оратора это безразлично. Понятно, Филиппъ позаботился о томъ, чтобы находящіеся подъ его «покровительствомъ» города оставались ему покорными, постарался обезпечить себѣ въ нихъ политическій перевѣсъ, — но при этомъ и сохранилъ все, чего требовалъ политическій декорумъ и самолюбіе подчиненныхъ ⁵⁵⁾.

⁵⁵⁾ Дальнѣйшая судьба Мессеніи въ послѣднее время обработана Seeliger'омъ. Я могу поэтому не касаться ея—пункты моего разногласія съ Seeliger'омъ будутъ изложены въ другомъ мѣстѣ.

ἘΚΣΚΥΡСЪ.

Γενεαλογία Μессенскихъ царей до Γερακλιδовъ.

1) Γενεαλογία Πάυσανια (Paus. IV, 1—3, 2. 3).

¹⁾ Линкей не введенъ точно въ генеалогическую схему. Его поколѣнiе не обозначено и прямо отмѣчено, что дѣти его неизвѣстны. Приведенъ онъ ради брата и вошелъ въ схему изъ Пиндара, съ цитатой изъ котораго (Nem. X. 60. sqq.) онъ приведенъ и у Пausанiа, если мы тамъ не имѣемъ глоссы.

²⁾ Πολυδώρα—не дочь Мелеагра и Клеопатры, а, по тексту Пausанiа, только Мелеагра. Если она приведена, то только для интереснаго замѣчанiя (IV. 2. 7)—αἱ γυναῖκες αὐται τρεῖς οὔσαι τὸν ἀριθμὸν, ἀπὸ Μαρπήσσης ἀρξάμενοι (Μαρπήσση Κλεοπάτρα Πολυδώρα), προαποθανούσι πάσαι τοῖς ἀνδράσι ἐαυτὰς ἐπικατέσφαξαν.

Αἴολος
|
Κρηθεύς
|
Νηλεὺς
|
Νέστωρ³⁾

Γενεαλογία Απολλοδώρα (III. 10, 3).

Δέλεξ+Κλεοχάρεια
 |
 Εὐρώτας
 |
 Σπάρτη +
 |
 Διομήδη+Ἀμύκλας
 |
 Κυνόρτης Ὑάκινθος
 |
 Περειήρης+Γοργοφόνη
 |
 Τυνδάρεως Ἰκάριος Ἀφαρεύς + Ἀρήνη Λεύκιππος
 |
 Λυγχεύς⁴⁾ Ἴδας Πείσος

³⁾ По счету поколений Несторъ соответствует Ἀρσινόη. Дети Асклеπία участвуют въ Троянской войнѣ, какъ и Несторъ. Поколение Арсиной — 1, Асклепία 2, дѣтей его 3 — ср. Ном. Π. I. 250 τῷ δ' (sc. Νέστορι) ἤδη δύο μὲν γενεαὶ μερόπων ἀνθρώπων ἐφθιάθ' οἱ οἱ πρόσθεν ἀμὰ τράπον ἤδη γέγοντο ἐν Πύλῳ ἡγαθέη, μετὰ δὲ τριτάτοισι ἀνασσειν.

⁴⁾ Κατὰ πολλοὺς δὲ Ἴδας ἐκ Ποσειδῶνος λέγεται. Лигкей и Идасъ двойники Діоскуровъ, въ борьбѣ съ которыми они и изображаются въ 10-ой

Спартанская генеалогія Павсанія (Paus. III, 1).

Немейской одѣ Пиндара, изъ которой почерпалъ свой разсказъ Павсаній. Оба, конечно, Мессениане. Въ ряду Мессенинхъ героевъ изображаетъ ихъ Аполлоній Родосскій (I, 151), къ Мессенѣ ихъ относитъ Аполлодоръ (I, 8, 4). (Я очень сомнѣваюсь въ идентичности этого Идаса съ Идасомъ, мужемъ Марпессы). Но, подобно тому какъ Мессениане заявляютъ притязанія на то, что Діоскуры принадлежали къ ихъ народу, такъ Спартанцы присваивали себѣ Линкея и Идаса, гробницу которыхъ Павсаній видѣлъ въ Спартѣ (III, 13, 1). И въ нашей генеалогіи они спартанизованы.

И у Аполлодора очевидно Линкей изъ Пиндара, хотя и не изъ него одного, Горгофона изъ Стезихора. Очевидно ученое происхождение генеалогіи. Александринецъ собиралъ отдѣльные камешки на основаніи изученія древней литературы.

⁵⁾ Paus. III. 20. 2 Ἄλεσις ὀνομάζουσι χωρίον, Μόλῆτα τὸν Ἀλέγος πρῶτον ἀνθρώπων μόλῆν τε εἶρεῖν λέγοντες καὶ ἐν ταῖς Ἄλεσιαις ταύταις ἀλέσαι. Милесъ эпонимъ мѣстечка Ἄλέσαι.

⁶⁾ Ἴπποκόων—братъ Тиндарея, какъ это ясно изъ словъ Павсанія. Τυνδάρεων ἢ περὶ τῆς βασιλείας Ἴπποκόων ἡμικισθῆται καὶ κατὰ πρῶσβείαν ἔχειν ἡξίου τὴν ἀρχήν, а также изъ Аполлодора (III, 10. 4. Ср. Diod. IV. 33, 5), относительно Икарія тоже слѣдуетъ изъ одного Аполлодора. (Аполлодоръ пишетъ Ἰκαρίων). Не могу не отмѣтить странности. Фраза, которой конецъ я привелъ, начинается у Павсанія Οἴβαλος παῖδα εἶχε Τυνδάρεων, что заставляетъ предполагать, будто другихъ дѣтей нѣтъ. Дальше ясно, что есть и другіе. Ἰκάριος вводится безъ кваліфикаціи. Говорится о

Эти три генеалогіи становятся понятны только въ связи. Начну съ генеалогіи Аполлодора, Лелегъ—автохтонъ земли Лаконской (Paus. III. 1. 1), но Лелегъ одно изъ удобнѣйшихъ именъ. Лелеги есть въ Малой Азіи, въ Локридѣ, Акарнаніи, Мегарѣ. Лелегъ автохтонъ въ Мегарѣ⁷⁾. Генеалогія начинается съ него, чтобы къ нему присоединить остальныхъ. Родъ царей происходитъ такимъ образомъ съ одной стороны отъ Зевса, съ другой отъ автохтона—«мы чистѣйшей крови, отъ Бога и изъ земли»⁸⁾. Лелегъ ничего общаго съ Лаконикой не имѣетъ, но Ταυρέτη, Εὐρώτας, Λακεδαίμων, Ἀρόκλας (Ἀρόκλας δὲ ὁ Λακεδαίμωνος, βουλευόμενος ὑπολιπέσθαι τι καὶ αὐτὸς εἰς μνήμην πόλισμα ἔκτισεν ἐν τῇ Λακωνικῇ). Paus. III. 1. 3)—эпонимы—очень сомнительнаго происхожденія, едва ли имѣвшие когда либо какое нибудь самостоятельное значеніе⁸⁾. Гиакинтъ—извѣстный въ Лаконіи культовой герой. Это несомнѣнно придуманные имена, самымъ тѣснымъ образомъ привязывающія генеалогію къ Лаконикѣ. Очевидно, такъ же тѣсно къ ней должны быть привязаны и остальные; цѣлью генеалога должно быть, по крайней мѣрѣ это. У Кинорта оказываются дѣти: во первыхъ Тиндарей и Икарій—кровные Спартанцы,—во вторыхъ Афарей, Періеръ, его сынъ и жена его Арена—царь и царица Мессеніи (она эпонимъ Мессенскаго поселенія), и ихъ дѣти Линкея и Идасъ.

Мы уже видѣли, что послѣдніе—Мессеняне, мы уже видѣли, какъ въ Спартѣ старались ихъ себѣ присвоить. Генеалогія и вводитъ ихъ въ чисто Лаконскую систему. Не очевидно ли, что той же тенденціей руководится авторъ генеалогіи, вводя Періера и Афарей? Это предположеніе станетъ несомнѣннымъ, если

какихъ то οἱ στασιῶται, о которыхъ рѣчи не было. Объясненіе я видѣлъ бы либо въ лакунѣ, либо въ смѣшеніи двухъ версій. У Аполлодора всѣ трое дѣти Багеи, здѣсь Тиндарей сынъ Горгофоны. О другихъ не извѣстно. Значитъ, есть двѣ версіи. Одна версія Павсанія не считала ихъ братьями, другая считала. Версія о борьбѣ Гиппокоонта съ Тиндареемъ раньше объясняла ихъ отношенія, а Павсаній предыдущее рассказывалъ по другой версії.

⁷⁾ Paus. I. 39, 6. IV. 36. 1. о Лелегахъ см. Strabo VII. 321 и Ed. Meyer, Geschichte des Altherthums II, 60 прим.

⁸⁾ Strabo 322. изъ Гезіода ἢ τοὶ γὰρ Λοκρὸς Λελέγων ἠγήσατο λαῶν, τοὺς δὲ ποτὲ Κρονίδης Ζεὺς ἄφθιτα μῆθεα εἰδῶς λεκτοὺς ἐκ γαίης λάουσι πόρε Λευκαίωνι.

⁹⁾ Лакедемонъ, впрочемъ, имѣлъ свое ἡρώων (Paus. III. 20, 2).

удастся показать, что Періеръ и его потомство первоначально чужды Лаконской генеалогіи. Во первыхъ, Аполлodorъ знаетъ Періера въ совершенно другой связи. Онъ называетъ его (I. 9, 5) въ поколѣніи Эола—πολλοὶ δὲ τὸν Περιήρην λέγουσι οὐκ Διόλου παῖδα ἀλλὰ Κυνόρτα τοῦ Ἀμύκλα διότι τὰ περὶ Περιήρου ἐκγότων ἐν τῷ Ἀτλαντικῷ γένει δηλώσομεν. Не можетъ быть сомнѣнія, что Аполлodorъ не имѣетъ въ виду самого Эола подставить въ поколѣніи Атлантидовъ. Для Періора онъ признаетъ существованіе двухъ самостоятельныхъ генеалогій.

Во вторыхъ мы имѣемъ такую совершенно самостоятельную генеалогію у Павсанія.

Во главѣ ея стоитъ Лелегъ, сынъ его Милетъ и братъ послѣдняго Поликаонъ. Мы видѣли, что Лелегъ—обще-миѳическій герой. Милетъ взятъ изъ Спартанской генеалогіи. Въ ней же есть Поликаонъ, но въ ней онъ не развитъ. Здѣсь имъ пользуются: Ἀποθανόντος Ἀλέγρος ὃς ἐβασίλευεν ἐν τῇ νῦν Λακωνικῇ . . . Μύλης μὲν πρεσβύτερος ὢν τῶν παίδων ἔσχεν τὴν ἀρχήν, Πολυκᾶων δὲ νεώτερός τε ἦν ἡλικίᾳ καὶ δι' αὐτὸ ἰδιώτης εἰς ὃ Μεσσήνην τὴν Τριόπα τοῦ Φόρβαντος ἔλαβε γυναῖκα ἐξ Ἀργούς. φρονούσα δὲ ἡ Μεσσήνη διὰ τὸν πατέρα ἀξιώματι καὶ δυνάμει τῶν τότε προέχοντα τῶν Ἑλλήνων οὐκ ἤξιου τὸν ἄνδρα ἰδιωτεύειν. ἀθροίσαντες δὲ ἔκ τε Ἀργούς δύναμιν καὶ ἐκ Λακεδαιμόνος ἐφίκοντο ἐς αὐτὴν τὴν χώραν, καὶ συμπᾶση μὲν ἐτέθη τῇ γῆ Μεσσήνη τὸ ὄνομα ἀπὸ τῆς Πολυκᾶωνος γυναικός. Мы видѣли уже, что Лелегъ взятъ изъ Спартанской генеалогіи; отсюда же и Поликаонъ. Но Поликаонъ играетъ ничтожную роль. Все дѣло покоится на плечахъ Мессены—эпонимной героини страны—и эта героиня идетъ не изъ Спарты, и изъ Аргоса. Тенденція здѣсь очевидно антиспартанская, сознательно анти-спартанская, ибо она беретъ факты изъ Спартанской генеалогіи. Но рассказъ совсѣмъ не генеалогическаго характера. Поликаонъ не служитъ родоначальникомъ никакого поколѣнія. Павсаній прочелъ, πυθέσθαι σπουδῇ πάνυ ἐθελήσας οἱ τινες παῖδες Πολυκᾶωνι ἐγένοντο ἐκ Μεσσήνης (IV, 3, 1), Эои, Ναυπάκτια ἔπη, генеалогическія сочиненія Кинета и Асія—и не нашелъ ничего. Очевидно былъ рассказъ о Поликаонѣ, экистѣ Мессеніи, но онъ не былъ введенъ ни въ какую генеалогическую систему. Павсаній и въ затрудненіи, какъ связать эту Спартанскую генеалогію—ибо какъ элементъ Спартанской она вошла въ генеалогическую схему—съ Мессенской. Очевидно изъ этого, что Мессенская су-

ществовала самостоятельно. Въ этомъ затрудненіи онъ откровенно признается—*χρόνῳ δὲ ὕστερον ὡς ἦν Πολυκάωνος οὐδεὶς ἔτι ἀπογόνων, ἐς γενεὰς πάντε ἐμοὶ δοκεῖν προελθόντων καὶ οὐ πλείονας Περύρην τὸν Διόλου βασιλέα ἐπάγονται.* Такъ какъ счетъ ведется до Періэра, а не до Эола, то ясно 1) что Павсаній не желаетъ установить генеалогической связи между Поликаономъ и Наріэромъ; онъ говоритъ, что тогда то оказывается царемъ Періеръ. При генеалогической схемѣ онъ долженъ былъ бы считать до перваго извѣстнаго звена—Эола. 2) что счетъ онъ производилъ на основаніи такой схемы, гдѣ былъ Періеръ. Значитъ если пользовался одной изъ извѣстныхъ намъ генеалогіей: своей спартанской или аполлодороской, то, несомнѣнно второй, зная однако первую. И что это несомнѣнно такъ и было, въ этомъ насъ убѣждаетъ самый простой расчетъ. Зная, что у Милета, брата Поликаона былъ сынъ Евротъ, онъ вставляетъ его въ генеалогію Аполлодора—а вставить его онъ долженъ, такъ какъ высчитываетъ *maximum* числа поколѣній—и затѣмъ считаетъ 1) до Еврота, 2) до Спарты, жены Лакедемона, 3) до Амикла, 4) до отца Періэра—у Аполлодора Кинорта, 5) до Періэра—т. е. ровно пять поколѣній.

Наконецъ самостоятельность Мессенской генеалогіи непосредственно ясна изъ того, что она совершенно отсутствуетъ въ третьей изъ приведенныхъ нами генеалогій—«Спартанской» генеалогіи Павсанія. Тамъ совсѣмъ нѣтъ Періэра. Гиппокоонтъ, Тиндарей, Икарій—являются дѣтьми не его, а Эбала, который вмѣсто Періэра же является сыномъ Кинорта. Такимъ образомъ у Періэра сомнительны и отецъ и дѣти. Не ясно ли, что онъ не на мѣстѣ въ генеалогіи. Мѣсто Періэра объясняется легко изъ разсказа о бѣгствѣ Тиндарей и связи Періэра съ Горгофоной. Существуетъ преданіе о томъ, что Тиндарей и Азарей братья по матери (Paus. III. 1, 4)—они дѣти Горгофоны, бывшей замужемъ и за Періэромъ и за Эбаломъ.

Отсюда ясно, что послѣдніе—современники и мѣсто имъ въ одномъ мѣстѣ схемы ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ Любопытный обращеніе «генеалогической» полемики представляеть и исторія царя Тиндарей, тѣсно примыкающая къ генеалогіи и составляющая pendant къ исторіи возвращенія Кресфонтидовъ, рассмотрѣніе которой составляетъ предметъ I-ой главы моего труда. Гиппокоонтъ и Ика-

Поводомъ связать объ генеалогіи могла служить связь, въ которой они стоятъ съ Аргосомъ. Связь эта очень древняя. Съ одной стороны связь, въ которой они стоятъ у Аполлодора, восходитъ къ Стезихору, съ другой связываетъ Лаконскихъ царей съ Арговскими Ферекидъ (Frg. 26. Müller F. H. G. I. 65. frg 93 F. H. G. I 94). У него же мы находимъ и Икарія (frg. 90. F. H. G. I 93), какъ сына Эбала. Гелланикъ (frg. 56. F. H. G. I. 52), связываетъ Зевса съ Тайгетой и отъ нихъ выводитъ Лакедемона.

Эти данные даютъ намъ право отнести возникновеніе генеалогіи въ довольно далекое время, не касаясь вопроса объ источникѣ.

Остается еще установить толкованіе двухъ мѣстъ Аполлодора, которые, на первый взглядъ противорѣчатъ нашему изложенію.

Перечисляя поколѣніе Эола, Аполлодоръ доходитъ и до Періэра (I. 9, 5) *Περὶήρης δὲ Μεσσήνην κατασχὼν Γοργοφόνην τὴν Περσέως ἔγημεν, ἐξ ἧς Ἀφαρεὺς αὐτῷ καὶ Λεύκιππος καὶ Τυνδάρεως ἔτι τε Ἰκάριος παῖδες ἐγένοντο. πολλοὶ δὲ τὸν Περὶήρην λέγουσιν οὐκ Αἰόλου παῖδα, ἀλλὰ Κυνόρτα τοῦ Ἀμύκλα. διόπερ τὰ περὶ τῶν Περὶήρου ἐκχόνων ἐν τῷ Ἀτλαντικῷ γένει δηλώσομεν. Затѣмъ, перечисливъ ἐν τῷ Ἀτλαντικῷ γένει весь родъ Періэра—уже разобранная нами генеалогія—онъ продолжаетъ (III. 10, 5), *εἰσὶ δὲ οἱ λέγοντες Ἀφάρεα μὲν καὶ Λεύκιππον ἐκ Περὶήρου γενέσθαι τοῦ Αἰόλου, Κυνόρτου δὲ Περὶήρην, τοῦ δὲ Οἰβάλου, Οἰβάλου δὲ καὶ Νηίδος νόμφης Βατείας Τυνδάρεων Ἰπποκίωντα Ἰκαρίωνα.**

Въ первомъ изъ данныхъ мѣстъ признается Эолово происхожденіе Періэра. Противорѣчатъ ему *οἱ πολλοί*, которымъ и слѣдуетъ Аполлодоръ ἐν τῷ Ἀτλαντικῷ γένει. Тогда, очевидно, второе изъ приведенныхъ мѣстъ исходитъ изъ противорѣчающаго

рій выгнали Тиндарея. Онъ убѣждалъ — Лакедемоняне говорятъ въ Пеллау. Мессеняне этимъ недовольны. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ убѣждалъ къ своему единоутробному брату Афарею. Тотъ его ласково принялъ—и затѣмъ вернулъ на родину. Спартанцы не признаютъ связи возвращенія Тиндарея съ Мессенянами, Мессеняне на ней настаиваютъ. Кто виноватъ, кто правъ, судить не намъ, но очевидно либо Лакедемоняне тенденціозно отрицаютъ извѣстный мифическій фактъ, либо (что вѣроятнѣе) Мессеняне тенденціозно же его придумываютъ. Въ чемъ тенденція, объ этомъ не стоитъ распространяться: она станетъ ясна изъ сравненія съ преданіемъ о возвращеніи Кресфонтидовъ.

τοῖς πολλοῖς мѣнiя, т. е. того, которому слѣдуетъ Аполлдоръ въ первомъ. Оба мѣста сообщаютъ одно и тоже.

А между тѣмъ между ними есть значительное противорѣчiе: въ первомъ дѣти Перiэра и Мессеняне и Спартанцы, во второмъ только Мессеняне.

Но что значить второе мѣсто? Афарей и Левкиппъ дѣти Перiэра, сына Эола—кажется, совершенно ясно—и сейчасъ же говорится: а Кинорта Перiэръ—оказывается, что онъ одновременно сынъ и Кинорта и Эола. Очевидно мѣсто должно быть исправлено. Исходнымъ пунктомъ для насъ должно служить то, что наше мѣсто представляетъ собой мнѣнiе тѣхъ, которые утверждаютъ, что Перiэръ сынъ не Кинорта. Противопоставляется Афарей и Левкиппъ Тиндарею и братьямъ съ одной стороны, Эолъ Кинорту съ другой. Наше мѣсто и должно возражать генеалогiи, нами разобранной, въ двухъ вопросахъ: 1) Перiэръ сынъ не Кинорта, а Эола. 2) Тиндарей и его братья дѣти не Перiэра, а Эбала. Этотъ именно смыслъ получается при самой легкой коньектурѣ. Мы будемъ читать: Ἀφαρέα μὲν καὶ Λευκιππον ἐκ Περιήρου γενέσθαι τοῦ Αἰόλου, Κυνόρτου δὲ (Περιήρην, τοῦ δὲ) Οἰβαλον, Οἰβάλου δὲ и т. д. Генеалогiя оказывается та же, которую мы имѣли въ «Спартанской» генеалогiи Павсанiя. Ошибка въ текстѣ могла возникнуть изъ диттографiи Κυνόρτου δὲ τοῦ δὲ—Κυνόρτου δὲ τοῦ δὲ; переписчикъ и вставилъ Περιήρην по воспоминанiямъ изъ предыдущаго мѣста.

Такъ какъ I, 9, 5 исходитъ изъ того же источника, то это мѣсто и должно имѣть тотъ же смыслъ. Противорѣчiе произошло изъ желанiя униформировать текстъ I. 9. 5 и III. 10. 3. 3. Но едва ли въ этомъ желанiи виновать древнiй авторъ. Слова καὶ Ἰκάριος ἐτι δὲ Τυνδάρεως—есть, вѣроятно, позднѣйшая вставка. Очень ужъ подозрительно обилiе союзовъ при крайней сжатости текста вообще. Сравни, на примѣръ (I. 9. 4) παῖδες δὲ Αἰνετὸς Ἀχτορ Φύλακος и (I. 9. 9), ἀρρενες δὲ Ταῦρος Ἀστέριος Πυλάων Δημάχος Εὐρύβιος Ἐπίδαος Ῥάδιος Εὐρομένης Εὐαγόρας Ἀλάστωρ Νέστωρ Περικλύμενος (I. 9. 10) θυγατέρας Πεισιδίκην Πελοπείαν Ἴπποθόην Ἀλκηστιν.

Такимъ образомъ существовали двѣ независимые генеалогiи: 1) Лаконская генеалогiя съ мифическимъ концомъ (Тиндарей) и генеалогически-тенденциознымъ началомъ (Лелегъ), 2) Мес-

сенская, выводившая царя Періара отъ Эола--также самостоятельная. Изъ Спарты исходитъ тенденціозное привлеченіе второй въ первую. Мессенскіе цари оказываются кровными Спартанцами--составляется третья генеалогія, явившаяся соединеніемъ первыхъ двухъ. Первая и есть «Спартанская» генеалогія Павсанія, вторая—его же «Мессенская», третья та, которую ἐν Ἀτλαυτικῷ γένει сообщаетъ Аполлодоръ.
